

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

«Друг — зеркало
для друга...»

**Российско-итальянские
общественные
и культурные связи,
X–XX вв.**

МОСКВА 2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Д 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российско-итальянского
«Форума-диалога по линии гражданских обществ»

Редакционная коллегия:
М.И. Бълхова, И.В. Поткина (отв. ред.),
И.А. Хормач (ред. науч. переводов)

Перевод с итальянского *М.Е. Кабицкий*

Рецензенты:

д-р ист. наук А.Е. Иванов, д-р ист. наук О.В. Новохатко

Д 76 «Друг — зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X—XX вв. / отв. ред. И.В. Поткина; Российская академия наук, Институт российской истории. — М., 2013. — 352 с., 16 л. цв. ил.

ISBN 978-5-8055-0251-5

В сборнике публикуются статьи участников международной конференции «Российско-итальянские общественные и культурные связи, XV—XX вв.», организованной в 2011 г. Институтом российской истории РАН.

В книге представлены результаты новейших исследований видных российских и итальянских историков, искусствоведов, культурологов и правоведов. Авторы проанализировали малоизученные в современной литературе вопросы, связанные с восприятием русской культурой и общественной мыслью итальянского философского, политического, культурного и религиозного наследия, проследили динамику общественно-политических контактов и культурных обменов между двумя странами на протяжении десяти столетий.

Сборник рассчитан на историков, культурологов, искусствоведов, а также тех, кто интересуется историей российско-итальянских отношений.

ISBN 978-5-8055-0251-5

© Коллектив авторов, 2013

© Институт российской истории РАН, 2013

Содержание

Предисловие 5

Общественно-политические связи и общественная мысль

- П. Каталано.* Римская идея империи и Третий Рим.
Священный город Москва 11
- М.Б. Плюханова.* Роль греко-итальянских униатов
в становлении религиозных и политических идей на Руси
конца XV — начала XVI в. 19
- А.В. Семенова.* «Мы дышим новостями европейскими...»:
Италия декабристов 46
- S. Bertolissi.* La Russia allo specchio: la guerra di Crimea
1853—1856. 55
- C. Бертолисси.* Россия в зеркале: Крымская война
1853—1856 гг. 71
- P. Siniscalco.* La diffusione del pensiero religioso russo in Italia . . . 81
- П. Синискалько.* Распространение русской религиозной
мысли в Италии 87
- A. Agosti.* Togliatti fra URSS e Italia: un uomo di frontiera? 95
- А. Агости.* Тольятти между Италией и СССР: пограничный
человек? 101

Внешнеполитические связи

- В.Б. Перхавко.* Начало русско-итальянских контактов
(X—XIII вв.) 109
- G.V. Maniscalco Basile.* La Moscovia di Antonio
Possevino S.J. Il resoconto di una missione impossibile 137
- Дж.Б. Манискалько Базиле.* «Московия» Антонио Поссевино:
Отчет о невыполнимой миссии 147
- О.Г. Агеева.* Дипломатический церемониал приема послов
Святого Престола в России во второй половине XVIII в. 158
- И.А. Хормач.* Восстановление дипломатических отношений
между СССР и Италией в 1944 г. 165

Культурные связи

<i>Т.А. Пархоменко.</i> Италия в жизни русской творческой элиты (от Московской Руси к Советской России)	177
<i>С.М. Шамин.</i> Италия в курантах второй половины XVII столетия	196
<i>Н.Н. Аурова.</i> Произведения итальянских писателей в книжных собраниях русского дворянства второй половины XVIII — первой четверти XIX в.	217
<i>Л.А. Маркина.</i> Сюжеты из русской истории в творчестве «российского итальянца» М.И. Скотти	231
<i>С.А. Козлов.</i> «Родной дом нашей души»: восприятие Италии русскими людьми в XIX — начале XX в.	244
<i>И.В. Поткина.</i> Неосуществленный проект копий римских катакомб в Музее изящных искусств имени Александра III	276
<i>Е.Н. Савинова.</i> Князь С.С. Абамелек-Лазарев и его вилла в Риме	286
<i>Т.Ю. Юденкова.</i> Итальянский период жизни М.П. и А.С. Боткиных	295
<i>А.В. Голубев.</i> Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода	304
<i>В.А. Невежин.</i> Взаимоотношения с Италией в контексте советской культурной дипломатии (вторая половина 1930-х годов)	323
Сведения об авторах	351

Предисловие

В 2011 г. в рамках «перекрестного» года культуры и языка Россия — Италия в Институте российской истории РАН была проведена международная научная конференция. Она прошла под названием «Российско-итальянские общественные и культурные связи, XV—XX вв.». Этот знаменательный форум собрал видных историков, искусствоведов, культурологов и правоведов, которые представляли старейшие и признанные академическим сообществом научные, образовательные и просветительские учреждения двух стран. В работе конференции участвовали долгие партнеры Института российской истории — Римский университет «Ла Сапиенца», Университет «Рома Тре», Неаполитанский университет «Л’Ориентале», а также Туринский университет и университеты г. Перуджи и г. Салерно. Российскими гостями организаторов мероприятия стали ученые из Российского института культурологии, Государственной Третьяковской галереи и Государственного исторического Музея-заповедника «Горки Ленинские».

Примечательным в этой конференции стал факт поддержки ИРИ РАН со стороны Российско-итальянского «Форума-диалога по линии гражданских обществ», который включил ее в программу своих мероприятий на 2011 г. Об основных принципах работы и главных направлениях деятельности этой общественной организации рассказал в своем вступительном слове директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров.

Россию и Италию при всей несхожести путей исторического развития, как это не парадоксально, объединяет очень многое. Связи двух стран уходят своими корнями в далекое прошлое, и, что важно, они сразу же приобретают разносторонний характер. В конечном счете двусторонние взаимоотношения превратились в уникальный культурно-исторический феномен, получивший пристальное внимание со стороны российских и итальянских исследователей. Более того, эта громадная тема стала одной из самых увлекательных, и все потому, как показывает история России и Италии, что она оказалась настолько многогранной, разнообразной и неоднозначной, что сделалась поистине неисчерпаемой. В распоряжении специалистов — массив произведений различных жанров и

направлений. И тем не менее, каждый историк, правовед, искусствовед, культуролог, музыковед, кто только приступает к углубленному изучению российско-итальянских связей, всегда находит что-то новое и неизведанное. В этом плане не стала исключением конференция, прошедшая в Институте российской истории. Как показывают публикуемые материалы, авторы, не повторяя своих весьма заслуженных предшественников, нашли собственную нишу в изучении общественных, религиозных, политических и культурных взаимоотношений России и Италии на протяжении нескольких столетий.

Доклады, вынесенные на обсуждение и публикуемые в сборнике, носят сравнительно-исторический и междисциплинарный характер. Пространные хронологические границы книги вобрали в себя различные эпохи с принципиально отличающимися общественными, экономическими условиями и культурной средой. Статьи распределились по трем логически связанным между собой разделам, каждый из которых объединил широкий диапазон сюжетных линий. Тематически все они группируются вокруг больших проблемных блоков, а именно: политические, религиозные и дипломатические отношения, общественные и культурные связи между двумя странами. В силу этого предлагаемая читателям книга не потеряла своего внутреннего единства и смыслового стержня.

Сборник, хронологические грани которого определены в названии, построен таким образом, что в статьях ученых представлены все исторические периоды более или менее интенсивного взаимодействия двух народов. Нижняя граница, X—XIII вв., устанавливается работой В.Б. Перхавко. Ряд авторов — П. Каталано, Дж.Б. Манискалько Базиле, М.Б. Плюханова — сконцентрировались на изучении периода средневековья, а события Нового времени представлены статьей С.М. Шамина. Большая часть работ посвящена истории взаимоотношений в XVIII—XIX вв. — О.Г. Агеева, Н.Н. Аурова, С. Бертолисси, С.А. Козлов, Л.А. Маркина, Т.А. Пархоменко, А.В. Семенова, П. Синискалько. Серебряный век и первая половина XX в. нашли отражение в исследованиях А. Агости, А.В. Голубева, В.А. Неvejeина, И.В. Поткиной, Е.Н. Савиновой, И.А. Хормач, Т.В. Юденковой.

Авторы сборника «Российско-итальянские общественные и культурные связи, X—XX вв.» проанализировали малоизученные в современной литературе вопросы, связанные с восприятием русской культурой и общественной мыслью итальянского философского, политического, культурного и религиозного наследия, проследили динамику общественно-политических контактов и

культурных обменов между двумя странами на протяжении нескольких столетий. Особенностью работ итальянских историков стало не столько освещение важнейших направлений развития российско-итальянских связей, сколько повышенное внимание к малоизвестным аспектам истории отношений двух государств. Российские специалисты взяли за основу еще не введенные в научный оборот архивные документы и редко используемые письменные и изобразительные источники. Они затронули проблемы, связанные с политической историей России, а также разные аспекты напряженного взаимодействия двух столь разных и духовно богатых цивилизаций в течение десяти веков. В итоге в сборнике дана красочная палитра разнообразных связей, или, пользуясь образным выражением российского философа К.Н. Леонтьева, представлена «цветущая сложность» исторического взаимовлияния Италии и России в X—XX вв.

Достойным завершением предисловия будет строка газели персидского поэта XII в. Али Аухадеддина Анвари. Его мудрое изречение раскрывает философский контекст продолжительного и сильного притяжения столь ярких противоположностей:

«Друг — зеркало для друга, нет зеркала светлей!».

И.В. Поткина

Институт российской истории РАН выражает благодарность:

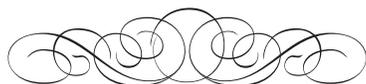
за содействие в проведении конференции

академику РАН Б.Ф. Мясоедову,
Л.Е. Щербаковой;

за предоставленные средства на организацию конференции, подготовку и публикацию сборника

- Президиуму РАН,
- Отделению историко-филологических наук РАН,
- Российско-итальянскому «Форуму-диалогу по линии гражданских обществ»,
- Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»,
- Благотворительному фонду «Милосердие»,
- Региональной общественной организации «Русское богатство»,
- Некоммерческому партнерству содействия развитию истории предпринимательства и бизнес-архивов «Дело»,
- Музейно-выставочному центру «История отечественного предпринимательства».

Общественно-политические связи и общественная мысль

Римская идея империи и Третий Рим. Священный город Москва *

1. «Рим весь мир»

Прежде всего, следует обратить внимание на русский перевод выражения «Рим весь мир» из толкований апостола Павла в письме псковского старца Филофея¹. Русское слово *мир* имеет три значения: «вселенная», «согласие, отсутствие войны», «сельская община»². Русское выражение «Рим весь мир» в этом случае синтезирует римский и русский универсализм.

Следует прежде всего объяснить четкое различие, существующее между юридическим понятием «Государства», элементами которого являются суверенитет, население, территория, и юридическим (римским) понятием «Империи», связанным с Богом, народом (*populus*), миром (*orbis*), или ойкуменой, и городом (*urbs*). Римская империя — *sine fine*, т.е. без границ в пространстве и времени³.

2. «Ромейское царство неразруσιμο»

Идея «империи (царства)» на Востоке непрерывно развивается и частично реализуется посредством прогрессивной автократической концентрации императорской (царской) власти, а также нового территориального централизма, как в Константинополе, «Новом Риме» (названным так Вселенским Собором 381 г.), так и в Новое время в Москве, «Третьем Риме» (согласно концепции псковского старца Филофея, включенной в *Грамоту уложенную об учреждении Московского патриархата* в 1589 г.).

С «материальной» (а также с геополитической, демографической и экономической) точки зрения, решающее значение имело включение русских в состав римско-христианской ойкумены; можно сказать, что это включение стало «формальным» в течение последнего века первого тысячелетия, благодаря договорам, заключенным русскими и Восточной Римской Империей.

* Перевод Л. Градецкой и К. Трочини.

В 1453 г. «романо-константинопольская» преемственность внешне прерывается, но после захвата турками османами Города на семи холмах — Константинополя — она получает новую силу в «Российском царстве»: Москва также будет «Городом на семи холмах».

С формальной точки зрения, главным событием после «падения» *полиса* Константинополя является признание Константинопольским Патриархатом в 1561 г. (согласно решению Собора) великого князя московского Ивана IV «царем всех православных христиан ойкумены»⁴. Так, самоутверждение, имеющее юридический и религиозный характер, питает восточно-римское сознание, поддерживая его легендами и политическими актами. На семинарах «От Рима к Третьему Риму»⁵ мы рассматривали русские тексты, связанные с римской христианской и дохристианской духовностью (см. п. 3).

История российского царства начинается с императора Августа. «Летописи» Михаила Медоварцева являются, как отметила Н. Сеницына, наиболее древним текстом, в котором используется легенда об императоре Августе. Автор летописей, хотя, возможно, и иносказательно, хотел подтвердить провиденциальный характер происхождения империи Августа; этот провиденциальный характер с различных точек зрения вновь утверждается и псковским старцем Филофеем, и Иваном Грозным.

Пророчество псковского старца Филофея (Волоколамский фрагмент (II четверть XVI в.) Послание монаха псковского Филофея дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину (около 1523 г.)) является основополагающим: «Ромейское царство неразруσιμο, яко Господь в Римскую власть написася» (См.: Лк., 2, 1)⁶. Это утверждение Филофея связано с христианским восприятием исторических событий, особенно с христианской концепцией эпохи Августа, отраженной в *Истории против язычников*, Павла Орозия (VI, 22).

Следует вспомнить письмо Ивана IV к предводителю польских войск (9 июля 1577 г.): «слово Божие [...] божественным своим рождением Августа кесаря прославив в его же кесарство родитися благоизволи [...] и сице воздвиже благочестия корень — великого во благочестии сияюща Константина Флавия, царя правде христианска, священство и царство во едино»⁷. Царь Иван IV Грозный в инструкции русскому послу к польскому королю (май 1556 г.) писал: «государь//ство наше Русское от начала особне съдержитися нами, извечными государи русскими, почен от Августа, кесаря римского, и до Рюрика»⁸. Итак, эпоха императора Августа (уже тогда признанная древними: *saeculum Augustum*) является в юридическом и

религиозном плане для «Третьего Рима» начальной и основополагающей. Легенды повествуют о Рюрике — «суща от рода римскаго царя Августа»⁹.

Относительно современности и некоторых характерных особенностей нашего времени следует напомнить также об историческо-правовой идее Джорджо Ла Пире, который связывал эпоху Августа с так им называемой «римской стратегией» Иисуса Христа и Апостолов¹⁰.

3. Основание Москвы

В XVII в. в рассказе об основании города Москвы (*Повесть о зачатии Москвы*) повествуется о толковании этрусского гарусника «знамения» во время строительства Капитолия (об этом пишет Тит Ливий (1, 55)). В *Повести* отмечается, что «то же самое знамение» сопровождало основание Константинополя и Москвы — «Третьего Рима».

В начале основания Храма Юпитера на Капитолии к *augurium* добавляется *prodigium* и отсюда вытекает убеждение о вечности *imperium populi Romani* (Римской империи; империи Римского народа): «Рассказывают, что при начале строительных работ божество обнаружило свою волю, возвестив будущую силу великой державы. А именно: хотя птицы дозволили снять освященье со всех жертвенников, для храма Термина они такого разрешения не дали. Предзнаменованье истолковали так: то, что Термин, единственный из богов, остался не вызванным из посвященных ему рубежей и сохранил прежнее местопребывание, предвещает, что все будет и прочно, и устойчиво. За этим предзнаменованьем незыблемости государства последовало другое чудо, предрекавшее величие державы: при закладке храма, как рассказывают, землекопы нашли человеческую голову с невредимым лицом. Открывшееся зрелище ясно предвещало, что быть этому месту оплотом державы и главой мира — так объявили все прорицатели, и римские, и призванные из Этрурии, чтобы посоветоваться об этом деле»¹¹.

Prodigium о Капитолии упоминается по отношению к Третьему Риму в повествовании об основании города Москвы (*Повесть о зачатии Москвы*): «Вся убо христианская царства в конец приидоша и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Российское царство: два убо Рима падоша, третий же стоит, а четвертому не быти. Поистине же сей град именуется третий Рим, понеже и над сим бысть в зачале то же знамение, яко же над первым

и вторым, аще и различно суть, но едино кровопролитие. Первому бо Риму зиждему от Рома и Ромила. И егда начаша Капетелион здати и ров копающе, обретоша главу внове закланна человека, нову и теплу кровь точашу и лице являюще к живым прилично. Ея же увидив ентинарий искусный знаменем смотритель и рече, яко сей град глава будет многим, но по времени, и по заклании, и по пролитии кровей многих. Также и второму Риму, сииречь Константинополю зданию зачало бысть не без крове же, но по заклании и по пролитии кровей многих. Сиче же и нашему сему третьему Риму, Московскому государству, зачало бысть не без крове же, но по пролитии и по заклании кровей многих. Аще бо и нецьи от окрестных стран враждующе поносят ему, сиче глаголюще: “Кто убо чая или слыша когда, яко Москве-граду царством слыти и многими царствы и странами обладати?”. И сии убо немощию человеческою обложении суть, не разумеюще силы Божии, ни пророческих писаний, яко всемогущен Бог и от несущаго в сущее привести, яко же искони и вселенную»¹².

Следует провести параллель между вышеуказанным отрывком *Повести*, который ссылается на толкование этрусского гарусника, и речью Цицерона *de haruspicum responsis* (*Речь об ответах гарусников*, 9,19), в которой оратор говорит о превосходстве римлян, заключающемся в их религиозности: «но благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы»¹³.

Таким образом, возвращаясь во времени от Москвы к Древнему Риму, мы восходим к истокам связи между религией и империей, «священством» (*sacerdotium*) и «царством» (*imperium*).

4. Московский патриархат

Юридическо-духовный путь от Капитолия до Кремля, важнейшим этапом которого является определение Константинополя как «Нового Рима» Вселенским Собором 381 г., находит развитие и совершенствование в *Грамоте уложенной об учреждении Московского патриархата* (1589 г.)¹⁴.

Следует обратить внимание на новый титул, использованный Патриархом Иовом в письме к грузинскому царю Александру (апрель 1589 г.): согласно *Грамоте уложенной* он величал себя титулом «патриарха царствующаго града Москвы и всеа Русии “новаго Рима”»¹⁵.

В своей совокупности христиане образовали «царство» (*imperium, basileia*), не территориальное по своей сути. Возможные пространственные и этнические коннотации не сводят его к опре-

деленной конкретной территории или «народу», а подчеркивают его вселенский характер; так, в *Грамоте уложенной* упоминается «Российское и Греческое царствия».

5. Ромейское царство и *translatio imperii*

Понятие *translatio imperii* трактуется совершенно по-разному на различных языках: на латинском, греческом, на германских, славянских языках.

В XVI в. восточно-римское сознание еще раз выражается в словах русского старца Филофея и в инструкции царя Ивана IV русскому послу к польскому королю (май 1556 г.), цитированной выше (п. 2).

В 1589 г. в *Грамоте уложенной* об учреждении Московского патриархата Священным Синодом всего «великого Российского и Греческого царствия», содержатся слова архиепископа Константинополя, «Нового Рима», и вселенского патриарха: «о благочестивый царю, великое Российское царствие, третьей Рим, благочестием всех превзыде [“ветхий” Рим и “второй” Рим], и вся благочестивая царствие в твое в едино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуешися в всей вселенней, во всех христианах»¹⁶.

Относительно употребления понятия «Нового Рима» следует отметить (см. выше п. 4) мысль об этом первого московского патриарха Иова (канонизированного Русской Православной Церковью в 1989 г., когда праздновалось 400-летие учреждения Патриархата).

6. Империя и святость. Москва — «Священный город», по Джорджо Ла Пира¹⁷

На Западе также получают известность понятия «Святорусская империя» и «Святая Русь», отражающие образ Москвы. В 1922 г. молодой Джорджо Ла Пира так писал о «Священном городе» Москве в неопубликованном сочинении *Mosca e Roma (Москва и Рим)*¹⁸ от 17 ноября: «Слишком [сильная] мощь опыта, слишком [большой] плод страдания и созревания, слишком долгий путь жертвенности и свершения собрался в Москве с разных дорог и через разных мучеников; каждый священный город Востока отрекся ради стольного города: вся мысль, рассредоточенная по святым местам, все слова пророков, откровения художников, священная дрожь толп, все слилось в единое великое откровение и пророчество: о котором из Московского Кремля возвестил другую часть мира колокол

священного города. Восток уже обрел свое сердце: все духовное содержание Азии выражается именем этого города, который так нам чужд: Москва — это гранит, на котором политически запечатлена тысячелетняя и мятежная мысль восточных народов»¹⁹.

XXIX Семинар «От Рима к Третьему Риму» отметил в Риме и Москве пятидесятую годовщину паломничества Джорджо Ла Пира в Москву 15 августа 1959 г. в день праздника Успения Пресвятой Девы Марии Богородицы (против «холодной войны»)»²⁰.

¹ См.: L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo / a cura di P. Catalano, V.T. Rašuto = Идея Рима в Москве, XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли / отв. редакторы П. Каталано, В.Т. Пашуто. — Roma: Herder, 1993. — P. 147. — (Da Roma alla Terza Roma. Documenti; I). — Итал. пер.: p. 357.

² К вопросу о семантике русского слова *мир* см. доклад Р. Факкани на VIII Семинаре «От Рима к Третьему Риму»: *Faccani, R.* Note in margine a una semantica della parola russa mir («pace», «mondo», «comunità di villaggio») // Concezioni della pace / a cura di P. Catalano, P. Siniscalco. — Roma, [2006]. — P. 211—213. — (Da Roma alla Terza Roma. Studi; VI). Относительно общих терминологических вопросов см.: *Giraud, G., Maniscalco Basile, G.* Lessico giuridico, politico ed ecclesiastico della Russia del XVI secolo. — Roma: Herder, 1994. — (Da Roma alla Terza Roma. Lessici; I).

³ См.: *Catalano P.* Fin de l'Empire Romain? Un problème juridico-religieux // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques, [3—8 sept. 1979]. — Budapest, 1984. — T. II. — P. 23 ff. (См. также: Roma, Costantinopoli, Mosca. — Napoli: ESI, 1983. — P. 543 e seg. — (Da Roma alla Terza Roma. Studi; I)); *Idem.* Alcuni aspetti del concetto giuridico di *imperium populi romani* // Studi Ssassaresi. III serie. — Milano: Giuffrè, 1980—1981. — VIII. (См. также: Popoli e spazio romano: tra diritto e profezia. — Napoli: ESI, 1986. — P. 649 e seg. — (Da Roma alla Terza Roma. Studi; III)); *Idem.* Giustiniano // Enciclopedia Virgiliana. — Roma, 1985. — II. — P. 759 e seg.; *Idem.* Le concept juridique d'Empire avant et au-delà des États // Méditerranées: Revue de l'Association Méditerranéennes. — 1995. — 4: Empires et passés méditerranéens. — P. 29 e seg.; *Idem.* Impero: un concetto dimenticato del diritto pubblico // Cristianità ed Europa: Miscellanea di studi in onore di Luigi Prosdocimi. — Roma, 2000. — II. — P. 29 e seg.; *Cacciari, M.* Digressioni su Impero e tre Rome // MicroMega: Almanacco di filosofia. — 2001. — 5. — P. 43 e seg.; *Catalano, P., Siniscalco, P.* Aevum sempiternum. Da Roma a Costantinopoli a Mosca. Documento introduttivo // Index: Quaderni camerti di studi romanistici. — Napoli: Jovene Editore, 2002. — 30. — P. 134 e seg.; *Cacciari, M.* Ancora sull'idea di Impero // MicroMega: Almanacco di filosofia. — 2002. — 4. — P. 185 e seg.

⁴ См. тексты синодального письма (1560 г.) и трех личных писем Константинопольского Патриарха Ивану IV: *Regel, W.* Analecta Byzantino-Russica. — Petropoli, 1891. — P. 72—85; см. также толкования (с. LI—XCVIII, CV—CVII) и ссылки на русские переводы синодального письма (с. LII s.). Ср.: *Чаев, Н.С.*

- Москва — третий Рим в политической практике московского правительства XVI века // Исторические записки. — 1945. — [Т.] 17. — С. 18 и сл.; *Catalano, P.* Fin de l'Empire Romain? Un problème juridico-religieux. — P. 131; *Siniżyna, N.V.* Commenti ai testi // L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo = Идея Рима в Москве, XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. — Roma, 1993. — С. XLIX.
- ⁵ См. особенно «Вступительный документ» XX Семинара (Index. — 2002. — 30. — P. 134—138) и материалы заседаний этого семинара, прошедших в Москве и Санкт-Петербурге (6—7 и 11 сентября 2000 г.) по теме «Святые и святость в истории и праве». Данные материалы опубликованы Российской Академией наук в сборнике: Проблема святых и святости в истории России: материалы XX Междунар. семинара ист. исследований «От Рима к Третьему Риму» = [Il problema dei santi e della santità nella storia russa: Atti del XX Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla Terza Roma»]. — Москва, 2006.
- ⁶ См.: L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo = Идея Рима в Москве, XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. — С. 150, 151. — Итал. пер.: с. 359, 360.
- ⁷ См.: Ibid. — P. 63, 64. — Итал. пер.: с. 269—271.
- ⁸ См.: Ibid. — P. 51—53. — Итал. пер.: с. 255—258.
- ⁹ См.: Ibid. — P. 25. — Итал. пер.: с. 229.
- ¹⁰ См.: *Catalano, P.* Da Roma a Betlemme: A proposito della «strategia romana» di Cristo e degli Apostoli secondo Giorgio La Pira // Studium. An. 97. — Roma, 2001. — 2. Mar. — Apr. — P. 215—228.
- ¹¹ «Inter principia condendi huius operis mouisse numen ad indicandam tanti imperii molem traditur deos: nam, cum omnium sacellorum exaugurationes admirerent aves, in Termini fano non addixere; idque omen augurisque ita acceptum est non motam Termini sedem unumque eum deorum non evocatum sacratis sibi finibus firma stabiliaque cuncta portare. Hoc perpetuitatis auspicio accepto, secutum aliud magnitudinem imperii portendens prodigium est: caput humanum integra facie aperientibus fundamenta templi dicitur apparuisse. Quae uisa species haud per ambages arcem eam imperii caputque rerum fore portendebat; idque ita cecinere uates quique in urbe erant quosque ad eam rem consultandam ex Etruria acciuerant» (*Тит Ливий*. История Рима от основания города. Кн. I, 55, 3—6. Текст русского перевода приводится по изданию: *Тит Ливий*. История Рима от основания города. — М.: Наука, 1989. — Т. 1 / пер. В.М. Смирнина. См.: URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/livi/kn01.htm>)
- ¹² См.: L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo = Идея Рима в Москве, XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли — P. 194. — Итал. пер.: с. 411. К вопросу об ентинарии см.: *Салмина, М.А.* «Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы» // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1958. — Т. XV. — С. 362.
- ¹³ «Sed pietate ac religione atque hac una sapientia, quod deorum numine omnia regi gubernarique persreximus, omnis gentis nationesque superavimus». Текст русского перевода приводится по изданию: *Цицерон, Марк Туллий*. Речь: в 2 т. / изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабаль-Пассек. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. — Т. 2: Годы 62—43 до н.э. См.: URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/cicero/oratio/harusp.htm>

- ¹⁴ Дата, которую Организационный комитет Семинаров «От Рима к Третьему Риму» отметил в 1989 г. Семинаром, прошедшем на Капитолии и в Москве (см.: Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика = *L'eredità romano-costantinopolitana nella Russia medioevale: idea del potere e pratica politica.* — М., 1995. — (От Рима к Третьему Риму = *Da Roma alla Terza Roma*), а также публикацией сборника «L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo = Идея Рима в Москве, XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли» и книги «IV Centenario dell'istituzione del Patriarcato in Russia = 400-летие учреждения Патриаршества в России» (Roma, 1991. (Da Roma alla Terza Roma)).
- ¹⁵ См.: *L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo = Идея Рима в Москве, XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли.* — С. 186. — Итал. пер.: с. 403.
- ¹⁶ См.: Там же. — С. 187. — Итал. пер.: с. 404.
- ¹⁷ Джорджо Ла Пира (Позцалло, Сицилия 1904 г. — Флоренция 1977 г.) был профессором Римского права, членом Учредительного Собрания Итальянской Республики, депутатом, членом правительства и долгое время Мэром Флоренции. Сейчас идет процесс его беатификации (причисления к лику блаженных Католической Церкви).
- ¹⁸ Сейчас опубликовано в книге: *Miligi, G. Gli anni messinesi e le «parole di vita» di Giorgio La Pira.* — Messina: Intilla, 1995. — P. 227—231.
- ¹⁹ «Troppa possanza di esperienza, troppo frutto di dolore e di maturazione, troppo lunga via di sacrificio e di compimento s'è raccolto a Mosca da diverse strade e per diversi martiri; ogni città sacra dell'Oriente ha abdicato per la città capitale: tutto il pensiero sparso pei santuari, tutte le parole dei profeti, le rivelazioni degli artisti, i fremiti sacri delle folle, si sono fusi in una sola grande rivelazione e profezia: quella che dal Kremlin di Mosca, la campana della città santa ha annunziato all'altra parte del mondo. L'Oriente ha ormai trovato il suo cuore: tutto il contenuto spirituale dell'Asia si esprime col nome di questa città che ci è tanto straniera: Mosca è il granito su cui s'è politicamente espresso il pensiero millenario e inquieto dei popoli orientali».
- ²⁰ См.: Index. — 2010. — 38. — P. 475 e seg.; 483—487. Ср.: *La Pira, G. Tre lettere a Papa Giovanni XXIII, 1959* / транскрипция П.Д. Джованнони; Consiglio Nazionale delle Ricerche, ITTIG-Istituto di Teoria e Tecniche dell'Informazione Giuridica. Sezione di Roma «Giorgio La Pira» (предварительное издание). См. также: *Giovannoni, P. Russia sovietica e 'santa Russia': La nascita del progetto del primo viaggio di Giorgio La Pira in URSS (1951—1959) // Giorgio La Pira e la Russia / a cura di M. Garzaniti, L. Tonini.* — Firenze: Giunti, 2005. — P. 80 e seg. Ср.: *La Pira, G. Lettere a Giovanni XXIII. Il sogno di un tempo nuovo / a cura di A. Riccardi, A. D'Angelo.* — San Paolo: Cinisello Balsamo, 2009. — P. 118 e seg.

Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV — начала XVI в.

В исторической науке много сделано для исследования русско-итальянских связей в последней четверти XV — первой четверти XVI в. В этой области работали такие замечательные специалисты, как П. Пирлинг, Е.Ф. Шмурло, А.Д. Седельников, Е.Ч. Скржинская, Н.А. Казакова, А.Л. Хорошкевич, Н.В. Сеницына и другие¹. Довольно хорошо исследованы дипломатические контакты между Москвой и папским престолом. При всем этом богатстве вопрос культурного, идейного экспорта из итальянских земель в обозначенный период в значительной степени остается открытым в связи с недостатком источников, носящих на себе сколько-нибудь явные следы влияния итальянской земли.

Довольно подробно и успешно исследуется деятельность итальянских архитекторов, но уже усилия художников-ремесленников освещаются гораздо меньше, поскольку их участие в русских работах не документировано и остается предположительным. Многократные пожары уничтожили внутреннее убранство кремлевских зданий, построенных итальянцами, и невозможно понять, проникало ли в них вообще влияние материальной культуры итальянского Возрождения. В 2004 г. в Музеях Московского Кремля была проведена выставка «Италия и Московский Двор», сопровождавшаяся международной конференцией на эту же тему. В связи с этими событиями интенсифицировались поиски материальных свидетельств итальянского влияния. Для интересующего нас здесь периода их оказалось ничтожно мало (не считая архитектуры). Даже для такой положительной и несомненной области импорта, как итальянские ткани за период XV — начала XVI в. почти не находится свидетельств. Участие итальянских мастеров в росписи и отделке Благовещенского собора в начале XVI в. — семейной церкви московских правителей — скорее предполагается, чем доказывается, собор выгорел в 1547 г. Говорится, что северные и западные порталы храма имеют формы и декор итальянского Возрождения, предполагается, что это было сделано, когда Василий III, заняв великокняжеский престол, обустроивал храм².

В Кремлевских музеях стараются выявить в коллекциях вещи и иконы, которые могли бы по времени и по стилю принадлежать Софии Палеолог, но результаты довольно гипотетические. Связь иконы или энколпиона с греческо-итальянским кругом Софьи определяется по какому-нибудь элементу декора и всегда остается под вопросом. Исследователи писали о появлении в конце XV — начале XVI в. развитого растительного орнамента с цветами, который они называли возрожденческим, в основе его крупный цветок, окруженный стеблем. Такой орнамент в басме, указывает Николаева, представлен в частности на иконе конца XV в., изображающей мученицу Софию и дочерей ее Веру, Надежду и Любовь. Это икону гипотетически можно связать со вкусами и интересами великой княгини Софьи³. В новом каталоге святынь Благовещенского собора весьма осторожно и предположительно выделяется группа предметов (икона-мошевик, ковчеги), которые, быть может, были исполнены по заказу великой княгини Софьи, можно думать, что в некоторых особенностях их отразились какие-то итальянские воспоминания⁴.

В результате такого недостатка материалов София Палеолог оказывается фигурой, вдохновляющей больше беллетристов, чем исследователей, а вопрос греко-итальянского влияния на Руси последней четверти XV в. остается довольно абстрактным.

Оставляя здесь в стороне обсуждение фигуры Софьи-Зои и ее роли в русской истории, попытаемся очертить вероятный круг интересов греко-римской группы на Руси и соответственно выделить некоторые тексты, в которых эти интересы могли найти свое признание⁵.

В 1472 г. вместе с Зоей-Софьей приехала значительная группа греков, византийцев, оказавшихся в Италии в связи с гибелью Восточно-христианской империи, и в меньшем числе — итальянцев. Ее отъезд в Москву был продуман и организован Виссарионом, отправлял же ее в путь папа Сикст IV. Учитывая значительность и высокую просвещенность лиц, организовывавших миссию, нельзя предполагать, что на Русь были отправлены люди случайные и ничтожные. Но на поверхности русской истории почти не видно результатов этого значительного перемещения культурной и религиозной энергии и книжной учености.

Неочевидность культурного присутствия этой группы на Руси обусловлена в значительной степени ее конфессиональной неопределенностью. Палеологи в Риме находились на иждивении папского престола и, по некоторым мнениям, считались католиками⁶. Софья-Зоя была воспитана на папские деньги, отправлял ее на

Русь папа, и будучи паписткой, она, однако, на Руси сразу начинает проявлять все признаки самого пламенного православия, и это нельзя относить всецело за счет лицемерия. Прибывшие из Рима в свите 1472 г. Траханиоты считаются проводниками так называемого католического влияния в Новгороде, поскольку они влияли на новгородского архиепископа Геннадия в том, что касается католических форм борьбы против еретиков, но, вместе с тем, они же разжигали в нем ярость борьбы за чистоту православия⁷. То есть эта группа могла проводить идеи самые православные, с каким-нибудь католическим элементом или без него.

У истоков итало-греческой миссии на Русь была Ферраро-Флорентийская уния, понимаемая в духе греческой стороны, то есть как идея, довольно умозрительная, православно-католического воссоединения со вполне конкретной, однако, целью спасения восточного православного мира от мусульманских завоевателей.

Как приездом Палеологов в Рим, так и отправкой палеологовской миссии на Русь занимался в основном Виссарион, патриарх Никейский и римский кардинал, крупный ученый гуманист и известный деятель Ферраро-Флорентийского собора, подписавший унию и до последних дней своей жизни сохранявший надежду на спасительную роль римского папского престола и католических властителей Европы в деле освобождения Константинополя.

Источники молчат о том, какие идеи и надежды были заложены Виссарионом в московскую миссию. Зато сохранилось описание того праздника, символического действия, которое он организовал в связи с приездом семьи Фомы Палеолога в Рим. Это описание позволяет понять конкретные задачи Виссариона в связи с Палеологами, выявить категории, в которых он оценивал историческое положение Европы, и приобщиться к тому уровню символического смыслообразования, на котором вообще развивались религиозно-политические идеи Виссариона, и который, следовательно, должен быть принят во внимания при реконструкции его русского плана.

События эти подробно описаны в «Комментариях» папы Пия II Пикколомини (т. 2, кн. 8), которые являются важнейшим источником по истории церковного Рима середины XV в. и богато документируют всю историю перемещения Фомы Палеолога в Рим, воспроизводя в подробностях речи Виссариона и весь сценарий, им разработанный⁸.

Попытки оказать помощь Морее, византийской провинции, ненадолго пережившей Константинополь, оказались тщетны, как и прочие подобные. По инициативе Виссариона папа Пий и герцогиня миланская Бьянка снарядили небольшое войско для отправки

на Пелопоннес. Солдаты поначалу проявили некоторую доблесть, однако вскоре из-за внутренних ссор, соперничества, борьбы честолюбий отряд потерял боеспособность и рассеялся⁹. Виссарион взял на себя заботы о Фоме Палеологе, морейском деспоте и брате погибшего императора Константина Палеолога. Фома прибыл в Анкону 16 ноября 1460 г. Приезд его в Рим был организован как большой праздник в честь не столько несчастного Фомы, сколько в честь привезенной им в Италию великой реликвии, представляющей христианский Восток, — главы апостола Андрея.

Встреча главы апостола Андрея по торжественности не имела себе равных в истории Рима XV столетия¹⁰.

В «Комментариях» сообщено, что многие властители как из Италии, так и из заальпийских стран слали к Фоме послов, суля золото в обмен на священную реликвию. И папа, узнав об этом, поспешил призвать Фому вместе с главой в Рим, ибо понял что нет для апостольской главы прибежища более достойного, чем в Риме, вблизи костей апостола Петра¹¹. Известие риторико-символического порядка, которое должно быть рассмотрено в одном ряду с известием о горячем желании государей Запада жениться на Зое Палеолог, отразившемся в русских летописях: «А присылалися к ней король Франчужский и князь великий Мелеянский, но она не хочет в латынство»¹².

Общий символический смысл торжества, разработанного во многих деталях несомненно Виссарионом, состоял во встрече, братском соединении Рима, римских соборов, наконец, апостола Петра с апостолом Востока — Андреем. Тело апостола Андрея, как отмечают «Комментарии»¹³, уже давно хранилось и почиталось в Амальфи, глава же его находилась и почиталась до 1460 г. в Патрах, где апостол принял мученическую смерть¹⁴. Однако Рим не предполагал соединять тело с головой. Глава должна была войти в Рим и остаться там как символ христианского апостольского Востока. Папа намеревался нести с собой за город навстречу главе Андрея главы Петра и Павла, но это оказалось невозможно из-за тяжести того серебра, в которое они обе были заключены¹⁵.

Было 11 апреля 1462 г., воскресенье Входа Господня в Иерусалим, когда глава была принесена к Риму. Папа отслужил праздничную мессу и затем отправился в церковь Santa Maria del Popolo, чтобы провести там ночь, и утром двинулся навстречу главе. Дождь, в те дни беспрестанно ливший, чудесным образом прекратился, так что папа ступал только по сухому. У моста на Тибре совершилась первая часть торжества с церковными песнопениями и речами. Кардинал Виссарион, в слезах от волнения, вынул релик-

вию из ковчега и поднес ее плачущему папе. Папа произнес речь, приветствие, обращенное сначала к главе, а потом к самому апостолу Андрею: тыходишь в Рим, соединяешься с твоим братом апостолом Петром. Граждане Рима, дети Петра, становятся твоими племянниками. Мы помним о беде, изгнавшей тебя из Твоей земли, но мы счастливы, потому что произошла эта встреча и это соединение. Здесь ты найдешь себе приют и помощь. А мы найдем в тебе заступника на небесах. И пусть Божье милосердие обратится на нас, а гнев Божий падет на турок и на варварские народы, которые оскорбляют Христа.

После речи исполнялся гимн, в котором говорилось о сборе папой войск для похода против турок.

Когда процессия, несущая реликвию, достигла города, глава была внесена в церковь Santa Maria del Popolo и возложена папой на алтарь перед иконой Богородицы, «которая была написана, как говорят, блаженным Лукой евангелистом»¹⁶. Там глава оставалась на ночь.

Праздник в городе был организован как церковная процессия, движущаяся от Santa Maria del Popolo к собору святого Петра. Священники всех церквей города несли перед собой мощи святых¹⁷. Остальные держали свечи. Все красивейшее было вынесено на улицы для приветствия святыни.

Достигнув собора, папа поднялся на ступени и благословил главой апостола Андрея бесчисленную толпу, собравшуюся на площади. Кардинал Виссарион начинает свою речь. Он говорит от имени апостола Андрея, обращаясь к апостолу Петру. Тема этой пламенной речи — одна, призыв подняться против магометан. Андрей устами Виссариона называет Магомета Антихристом и сыном демона. Он говорит Петру: бежав к тебе, я с твоей помощью и поддержкой возвращу к изначальной свободе своих сынов, которых я зачал для себя, вернее для тебя, и еще лучше — для Господа нашего Иисуса Христа¹⁸. Не может быть, чтобы ты остался неподвижен перед лицом варваров, терзающих тело Христа. Римляне прежде, даже еще не будучи христианами, несли помощь и деньги своим союзникам. Насколько же пламеннее теперь ты двинешься на помощь своему брату! Воспламени свое рвение, заостри меч Павла, твоей поддержкой и твоей помощью, силами мощнейших властителей Запада защити веру, которую проповедовал¹⁹. Папа отвечал на эту речь, заверяя, что нет ничего более дорогого его сердцу, чем защита христианской религии и истинной веры от турок. И выражал надежду, не очень однако уверенную, что христианские владетели и народы услышат его голос. Папа Пикколомини как бы

остужает риторическую горячность Виссариона, напоминая, что апостолы Петр и Андрей — не земные силы, а заступники на небесах.

Во всем торжестве, в речи папы и особенно в речи Виссариона символика встречи Андрея и Петра имеет чрезвычайно серьезный церковно-политический и исторический смысл. Как демонстрирует в своем исследовании Ф. Дворник, понимание Андрея как апостола Византии, основателя византийской Церкви, который равен или даже, будучи первозванным, превосходит по значению Петра, апостола Рима, было на протяжении столетий раскола одним из болезненных пунктов, восточным оружием в полемиках между греческим Востоком и латинским Западом²⁰. Со времен Фотия в Византии придерживались идеи, что первый византийский епископ был поставлен Андреем и тем самым боролись против латинского убеждения в приоритете римской кафедры, как апостольской, созданной Петром. На празднике страстной недели 1462 г. было принято понимание встречи Андрея и Петра как братского соединения двух равных, что явилось событием в истории отношений Востока и Запада. Разумеется, такой подход был облегчен поражением и политической гибелью христианского Востока, но и требовал, вместе с тем, следования идеям унии. В речи кардинала Виссариона апостол Андрей выступает как олицетворение восточно-христианского мира, Церкви и земли, значение, которое папа потом старается слегка приглушить в ответной речи. Все тонкие языковые оттенки, выражающие разные нюансы в понимании соотношения апостолов Петра и Андрея, несомненно, присутствовавшие в речах, мы оценить не в состоянии, однако и для нас вполне уловима общая роль здесь темы апостольства как фундаментальной и необходимой для символика отношений между восточной и западной церквями. Итак, переезд Фомы Палеолога в Италию был организован как высокоторжественный символический акт принятия западной апостольской Церковью святыни, символизирующей византийское христианство, утратившей свою страну, бежавшей и обретшей прибежище в Риме. Западный христианский мир открывает свои братские объятия восточной святыне и обещает свою помощь и поддержку в борьбе за восстановление христианской веры на Востоке, за возвращение святыни на ее место. Но ни римляне, ни властители Италии не стремились спасти христианский Восток. Папа Пикколomini остался до конца особенно предан культу апостола Андрея, во имя которого он создал капеллу в базилике св. Петра, где и завещал себя похоронить²¹. Это было сделано, но в дальнейшем, уже в XVI в., тело папы Пия II, вопреки традиции,

требовавшей оставлять мощи пап в соборе Петра, перенесли в церковь св. Андрея и положили там даже не в гробницу, а в стену, вероятно, в знак нелюбви к памяти этого папы и неприятия обетов, которые он пытался навязать католическому миру.

Не добившись актом перемещения главы никакого практического успеха, папа Пий и Виссарион не оставляли усилий по организации крестового похода для освобождения христианского Востока. В крестовый поход папа, поддерживаемый Виссарионом, пустился сам в 1464 г., и это, по-видимому, была акция по соотношению символического и практического значения, подобная привозу главы, только теперь практического смысла было совсем мало, а к символическому значению примешивалось больше отчаяния: папа был близок к смерти и скорее всего знал об этом. Он добрался до Анконы, до побережья Адриатики, и умер там. При известии о его смерти венецианский флот, призванный Виссарионом для участия в крестовом походе и уже подошедший к Анконе, повернул обратно. Символическое содержание этой акции уже не могло быть выражено в «Комментариях», но папа Пий и Виссарион успели, как нам представляется, и в этом случае дать ему ход, обеспечить некоторое будущее. В сценарий этого похода было введено паломничество в Лорето. Пий, на пороге смерти, посетил Лоретскую церковь, которая только начинала входить в славу. Местные источники указывают, что в Лорето кардинал Пьетро Барбо, будущий папа Павел II, делал приготовления для приема также и венецианского дожа, который, однако, не прибыл в связи с отменой похода²². Ученые, исследующие историю лоретского культа, не уделяют никакого внимания факту посещения папой Пием Лорето. У нас же есть основания видеть в этом событии попытку создать новую священную топографию для новых крестовых походов. Крестоносцы предшествующих времен перед отплытием в святую землю совершали паломничество на гору св. Михаила Архангела в Гаргано в Апулии, где, по преданию, архангел явился пастухам с огненным крестом в руках. Теперь для походов было предложено новое направление — Балканы и Константинополь — и новое святилище для паломничества крестоносцев. По-видимому, новые крестоносцы должны были поднимать не только крест, но и икону Одигитрии. Перед походом Виссарион велел поставить в своей титульной церкви — базилике двенадцати Апостолов в Риме мраморную эдикулу с помещенной на ней иконой Одигитрии, которая, как полагают, была увеличенной копией небольшой греческой иконы.

Кульг Лорето в то время только начинал принимать свои формы. В отличие от своего предшественника, папа Павел II, тогда еще

кардинал, получил исцеление от Божьей Матери Лорето, очевидно, на возвратном пути в Рим из Анконы, потому что документ, удостоверяющий факт исцеления, относится к ноябрю того же года²³. Важный факт для наблюдения над эволюцией культа — булла папы Павла II, дарующая индульгенцию церкви св. Марии в Лорето: о церкви сказано, что она основана чудесным образом, *‘miraculose fundata’*, и что в ней находится образ, *‘umago’*, Девы, чудесно принесенный туда хором ангелов, в церкви этой по молению Богоматери Всевышний свершает бесчисленные чудеса²⁴. В еще одном близком по времени тексте, найденном недавно, икона подробно описана как небольшая доска с прекрасным изображением Девы Марии²⁵. На современном этапе исследований можно считать очевидным, что в предыстории лоретского культа было традиционное для восточного церковного предания и нечуждое Риму почитание чудесно переместившейся с христианского Востока иконы.

На рубеже 60—70-х годов управителем Лорето Терамано была разработана и зафиксирована основная лоретская легенда. Речь шла в ней о чудесном перемещении из Назарета Дома Богоматери. Дом прилетел, несомый ангелами, сделал остановку на западном берегу Балканского полуострова во Фьюме (Терсатто) и затем переместился на восточное побережье Италии, еще два раза поменяв место, он остановился окончательно в Лорето. За этой понародному конкретной историей чудес видна высокая символика, столь дорогая Пию и Виссариону: Церковь христианского Востока бежит на Запад и находит приют и покой в папских землях.

Дух Лорето в целом в период первого расцвета, как видим, соответствовал духу и направлению Ферраро-Флорентийского собора (как его хотели понимать греки-униаты и папа Пий), с идеей обнять страдающую Восточную Церковь так, чтобы вместить ее в лоно Римской Церкви. Задачами более широкой и ясной символизации этой идеи, по-видимому, обусловлена замена иконы Домом-Церковью, произошедшая, может быть, не без участия Пия и Виссариона. Бегущая икона из традиционных легенд о временах иконоборчества превращается в бегущий Дом после 1453 г., когда Восточная Церковь стала и страдающей, и бегущей. Не случайно папский документ, представленный в хорватской хронике, указывает, что францисканский монастырь на месте остановки святого Дома на Балканах перед перелетом в Лорето был основан в 1453 г., в июле²⁶. Как если бы Церковь должна была начать свой бег от погибшего в конце мая 1453 г. Константинополя.

После смерти Пия II культ Лорето на некоторое время отошел на второй план в жизни Римской церкви. Но в 1471 г. на папский

престол восходит Сикст, францисканец, преданный культу Лорето, христианскому Востоку, идеям крестового похода. Сикст хочет созвать европейский собор христианских властителей и князей церкви для единения и похода на восток. Виссарион, потерявший свое влияние после смерти Пия, теперь вновь возвышается. Папа назначает пять послов для отправления к разным властителям Европы. Виссарион должен ехать к Французскому королю. Рассматривая списки лиц, посетивших Лорето в это время, мы видим, что трое из папских легатов, среди них — кардинал Виссарион, совершают туда паломничество. Впервые со времен крестового похода Пия II столь представительные лица оказываются там. Очевидно, Сикст, следуя в этом папе Пию, предусматривает паломничество в Лорето как необходимо предвещающее крестовый поход. После паломничества в Лорето, по путь во Францию, Виссарион совершает остановку в Болонье, здесь он встречает русских послов, направляющихся в Рим за невестой великого князя Зоей-Софией. Он не мог присутствовать при отъезде Софьи, но в Болонье успел сделать еще некоторые распоряжения относительно ее путешествия перед тем, как отбыть во Францию. Король отказал Виссариону в поддержке, на обратном пути, в Равенне, кардинал-патриарх умер.

В 20-е годы XVI в. турецкая опасность достигла силы, сравнимой с эпохой бедствий 1453 г. В 1521 г. пал Белград, в 1522 г. пал Родос, принадлежавший ордену Иоаннитов. Папский престол всеми мерами старался привлечь Польшу и Россию к обороне Европы против мусульман, но вместе с тем, как и раньше, стремился привлечь русских под руку папы. В 1525 г. в Москву отправляется с посольством францисканец Джованни Франческо Цитус. В Москве он принял участие в переговорах о мире между Польшей и Россией и в декабре 1526 г. вместе с послами Трусковым и Лодыгиным двинулся в Италию, где они, как сообщает приписка к русскому рассказу о Лорето, видели лоретскую церковь²⁷. Документы русского посольства 1526—1528 гг. не сохранились²⁸, за исключением одного — рассказа о Лорето.

В русских рукописных сборниках второй четверти XVI в. появляется рассказ, соединяющий славянскую версию лоретской легенды с историей чудесного появления в тихвинских пределах иконы Одигитрии, Богоматери Тихвинской. То есть, при первом своем появлении в книжности сказание о Тихвинском чуде оказалось связанным с рассказом о Лорето и проявило сходство с ним в повествовательных элементах. Как Лоретский дом Богоматери, Тихвинская икона появляется на воздухе и подобно Лоретскому дому, перемещаясь, ищет себе истинное место. Рассказ о Лорето

здесь содержит некоторые сведения, появляющиеся в итальянских версиях только в XVI в. (версия Анжелиты), к тому же привоз его датирован 1528 г. Но сопряженный с этой версией рассказ о Тихвинской иконе проявляет признаки сходства с ранней лоретской легендой (у Терамано описано видение Девы Марии некоему Георгию, с указанием даты видения — 1396 г.; в Тихвинском сказании описано видение Богородицы некоему Юрышу в 6903—1395/96 г.). Это соотношение и сам факт слитного существования итальянского и русского рассказов в 30-е годы указывают, что взаимодействие между культурами происходило на русской почве в период, предшествующий материальному появлению сводного текста. Когда великий князь Василий Иванович в 1515 г. посылал итальянского архитектора строить церковь в далекий Тихвин, он уже, очевидно, знал об универсальном значении и римском родстве Тихвинской Одигитрии. Таким образом, у нас есть довольно серьезные основания предполагать, что лоретская легенда в версии времен Виссариона была доставлена на Русь греко-итальянским посольством.

Хотя у истоков греко-римской миссии на Руси стояли лица совершенно определенной униатской позиции с твердым пониманием Ферраро-Флорентийской идеи, сами их вырабатывавшие, следующее же поколение — то, что отправилось на Русь, — вряд ли сохраняло столь же четкие конфессиональные представления и знания. Они, по-видимому, глядя из Рима, не представляли себе ситуацию резкого противопоставления римского католичества и восточного православия. Ф.И. Успенский привел свидетельство из «*Diarium Romanorum*» Жака Воллатеррана о приеме, оказанном русским послам, приехавшим за невестой. Их встречали с большой торжественностью, хотя они не привезли ничего письменного, кроме верительной грамоты и подарков для папы — одну шубу и 80 соболей. Но зато в Риме были получены сведения, что русские приняли акты Флорентийского собора и что они имеют архиепископа латинского, назначенного от римского престола. Русские якобы просили «назначить к ним посла, который бы осведомившись об их вере и изучив положение дел, исправил, что окажется ошибочным»²⁹. Они якобы заявили послушание римской церкви. Рим был явно обманут, и скорее всего — устроителем брака с русской стороны Джан Баттиста делла Вольпе, несомненный авантюристом и даже аферистом. Ф.И. Успенский отмечает, что папская курия поддалась на обман так охотно, поскольку вообще имела склонность к иллюзиям по вопросу о католическом влиянии.

Зоя Палеолог выехала на Русь для брака с русским властителем летом 1472 г.³⁰ Отправление Зои-Софьи в Россию оказывается мало отраженным в итальянских письменных документах³¹.

Неясное по содержанию, видимо, не вполне продуманное торжество, что-то вроде заочного обручения Софьи с русским государем, было устроено в соборе св. Петра 1 июня 1472 г. Папа Сикст VI дал ей прощальную аудиенцию 21 июня 1472 г.³² Несомненно, что в миссию Софьи в России входила задача вдохновить поход под знаком Креста против врагов веры. Ее посольство организуется в атмосфере подготовки крестовых походов. В день ее заочного обручения в церкви св. Петра отплывает в крестовый поход флот, собранный папой Сикстом, и возглавленный одним из кардиналов. Деньги (небольшие), выделенные Зое-Софье, принадлежали, как указывает Пирлинг, фонду, специально созданному для финансирования крестовых походов³³, — это были деньги на путешествие, приданое же за ней давалось умозрительное, им должна была стать Морея, захваченная турками, в случае ее освобождения русским великим князем. Тема похода против иноверных сопровождала ее в пути. Жители Виченцы, например, имели сведения, что русский король получил в приданое от папы Морею и вообще все, что захвачено турками с условием, что он сам все это освободит³⁴. Города Италии были призваны в папском бреве принимать ее с почестями и церемониями. Перед посольством несли крест, но, поскольку в путь Зою-Софию снаряжал не Виссарион, а папа Сикст, то крест оказался чисто латинским, без византийского элемента, и это был обычный знак папского посольства и при таком, формальном, назначении он оказался отвергнут русскими. Митрополит Филипп, как сообщают летописи, угрожал покинуть Москву в случае, если этот крест не будет убран. Если отправляющая сторона под знаменем крестового похода и в воспоминание о Ферраро-Флорентийском соборе старалась не различать границ между православием и католичеством (разумеется, при господстве римской точки зрения), то принимающая сторона, наоборот, к различиям была очень чувствительна. Вместо того, чтобы принимать символы трансляции и единства, олицетворявшиеся посольством и с посольством, вероятно, принесенные, пожелала вступить в прение о вере.

Среди многочисленных сведений о книжной деятельности людей итало-греческой свиты находим известия о работе Траханиотов.

Траханиоты появляются в известиях русского летописания в связи с переговорами, начатыми по инициативе Виссариона, о браке великого князя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог. За-

тем их имена возникают снова и снова в основном в связи с крупными русскими дипломатическими миссиями на Запад, в Италию и в Империю. Известия продолжаются, вовлекая имя еще одного Траханиота — Юрия, Дмитриева сына, которого не всегда легко в контексте русских документов отличить от Юрия дяди. Эти известия исчезают в 20-е годы XVI в., к тому времени, как Юрий Траханиот младший, успевший занять сильное положение при дворе Василия Ивановича, попытался выдать замуж за великого князя свою дочь. Юрий на этом последнем этапе своей деятельности дал информацию о русской жизни и придворных делах знаменитому Герберштейну. Ссылки на него, как и сообщение о неудаче брачного проекта, сохранились в записках Герберштейна³⁵.

Отец попавших на Русь Траханиотов — Мануил Траханиот Буллот — входил в состав греческой делегации на Ферраро-Флорентийском соборе и вместе с Виссарионом подписал унию. Дальнейшая деятельность семьи Траханиотов (Траханиотов в русской традиции) была связана с Виссарионом. Зная греко-итальянскую верность семейным принципам, не приходится сомневаться в том, что дети Мануила оставались до конца верны унии и идеям Виссариона. Траханиоты жили после собора между Константинополем и Италией и были объединены стремлением бороться за спасение и восстановление Византии, жадной поднять европейцев в крестовый поход. Дальний родственник Траханиотов — Микеле Марулло Траханиот, родившийся в Константинополе в 1453 г., ставший в Италии известным латинским поэтом, до конца своей жизни (умер в 1500 г.) оплакивал в стихах византийскую столицу и мечтал о крестовом походе.

Книжно-переводческая деятельность одного из Траханиотов документируется заметкой к переводу прения Афанасия Александрийского с Арием, сохранившейся в нескольких рукописях XVII в.³⁶ Заметка сообщает, что текст «Прения» был принесен великому князю из Рима и перевод делался с римского языка по требованию великого князя, переводили Мануил Дмитриевич и Феодор, протопоп Благовещенского собора³⁷. Речь идет о соратнике Софьи Траханиоте. Как указывает рассматривающий эту заметку Томсон, Траханиот этот не мог быть Мануилом, ибо Мануил, деятель Ферраро-Флорентийского собора, не бывал на Руси; туда в свите Софьи Палеолог приехали сыновья его Дмитрий и Юрий. Ф. Томсон полагает, что речь идет о Дмитрие Мануиловиче, но скорее — о Юрии, за которым значится и другая переводческая работа³⁸. Д.М. Буланин полагает, что это мог быть другим источником неизвестный сын Дмитрия Траханиота³⁹. Таким образом, Трахани-

от, вероятно, тот, что привез и «Речи посла цесарева» для архиепископа Геннадия, сотрудничал с Федором Благовещенским в некоем книжном центре, возможно — при Благовещенском соборе — личной семейной великокняжеской церкви. Седельников отмечает, что «текст обнаруживает католическую тенденцию в области принципа Filioque»⁴⁰. С легкой руки Седельникова деятельность семейства Траханиотов связывается с геннадиевским кружком и с Новгородом. Не отрицая связи Траханиотов с архиепископом Геннадием, все-таки естественнее полагать, что основным местом деятельности этих крупнейших дипломатов и придворных была Москва, великокняжеский двор.

Переведенное Траханиотом и Феодором «Прение» Афанасия Александрийского против Ария упомянуто в исследовании А.Д. Седельникова — как текст подложный, содержащий Filioque в символе веры⁴¹. Седельников думал развивать на основании факта этого перевода тезис о католическом влиянии в Новгороде. Но представляется более логичным предполагать здесь попытку скрытого униатского влияния, осуществленную в Москве Траханиотами. Это произведение псевдо-Афанасия использовалось на Ферраро-Флорентийском соборе католической стороной в спорах о догмате Троицы для доказательства того, что восточные отцы Церкви не отрицали возможность дополнять, комментируя, никейский Символ веры. Католики находили в «Прении» некоторую тенденцию мысли, которая в принципе, как они считали, могла вести в идее об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына⁴². Прение псевдо-Афанасия не является фальшивкой, это сложный и серьезный богословский текст по сложнейшим вопросам троичного догмата, имевший долгую традицию бытования. «Прение» существовало и на латыни, и на греческом и на соборе использовалось, очевидно, на обоих языках⁴³. В русской традиции «Прение» Афанасия с Арием, хорошо и ясно переведенное, пользовалось в дальнейшем авторитетом⁴⁴.

В известном письме Геннадия Иоасафу Ростовскому о библиотеке еретиков автор спрашивает, есть ли в Кириллове монастыре «Селивестр папа Римскы да Афанасей Александрейскы» «зане же те книги у еретиков все есть»⁴⁵. А.Д. Седельниковым выяснено, что в сфере деятельности геннадиевского кружка с конца 80-х годов вовлекаются списки произведения Афанасия Александрийского — но это не «Прение» псевдо-Афанасия, а Слово против ариан и Слово о празднике Пасхи. По заданию Геннадия помощники его подготовили такой список для Кириллова монастыря⁴⁶. Не исключено, однако, что беспокойные вести о некоем сочинении Афа-

насия, донесшиеся до Геннадия, зародились как раз в связи с рассмотренным выше «Прением». Геннадий чувствовал присутствие чего-то опасного и в Новгороде, и в Москве, в непосредственной близости от великого князя. Судя по письму, его угнетало и пугало обилие в сомнительных кругах сложной богословской литературы и книг священного Писания, с которыми ему, Геннадию, прежде не приходилось иметь дела. Список книг в этом письме вообще весьма странен и создает у исследователей ереси массу проблем. Здесь упоминаются безусловно православные, даже исключительно авторитетные произведения, например, Дионисий Ареопагит и библейские книги: «да Пророчества, да Бытия, да Царства, да Притчи, да Менандр, да Исус Сирахов»⁴⁷. Состав библейских книг, здесь упомянутых, подозрительно напоминает свод библейских книг в сборнике Ивана Черного (РГБ, собр. Ундольского, № 1). Этот известный в научной литературе сборник создавался для нужд великого князя группой лиц под руководством Ивана Черного, позже обвиненного в ереси и бежавшего. В первой половине сборника находятся Восьмикнижие, четыре книги Царств, Есфирь, Песнь Песней, Притчи, фрагменты из Книги Премудрости Соломоновой. Сборник продолжал пополняться и тогда, когда Ивана Черного уже не было на Руси. По-видимому, к позднейшим пополнениям нужно отнести еще одну версию Песни Песней — без толкований и Апокалипсис без толкований, помещенные рядом. Такого масштаба библейская работа вне традиции толковой Библии вряд ли где велась тогда помимо той таинственной мастерской, в которой в 80-е годы работал Иван Черный.

О том, связана ли русская работа второй половины XV в. над собиранием библейских книг с какими-либо внешними (обычно понимается — католическими) влияниями, русская библеистика вела и продолжает вести споры. В ходе дискуссий мнения перемещаются между двумя полюсами: между представлением, что первый полный библейский свод — Геннадиевский — создавался в силу внутренней естественной потребности русского религиозного и культурного развития, и противоположным первым мнением об внешней католической обусловленности геннадиевского свода⁴⁸. Ко второму полюсу приближались некоторые выводы И.Е. Евсеева. Глава же современных библейских исследований А.А. Алексеев склоняется к версии автономного развития. Не погружаясь в этот спор, воспользуемся, однако, некоторыми его материалами не для мало достижимой цели прояснить общие потоки влияний, а для обрисовки одиночных интересов и вероятных действий отдельных лиц. Параллельно действиям мастерской Ивана Черного в Москве,

кардинал Римской церкви и патриарх Никейский Виссарион заказывает в Венеции два полных кодекса греческой Библии⁴⁹. Конечно, работа над сводами библейских книг и в Венеции, и в Москве не может быть отнесена за счет католических стимулов; и там, и в какой-то степени здесь, на Руси, она вызывалась к жизни стремлением спасти, укрепляя, корабль православия, свойственным Виссариону, его помощникам, их дальним единомышленникам. Кроме того, в сборнике Унд. 1, кажется, впервые в русской традиции появляются Песнь песней и Апокалипсис, специально освобожденные от традиционных толкований, что открывало их для нового понимания и для влияния как поздневизантийской, так и в особенности католической мысли XV в., для которой эти два текста стали центральными, определяющими.

Работа над сборником Унд. 1 продолжалась и в 90-е годы. На некотором, не раннем, этапе туда был внесен текст исключительного значения — «Константинов дар». Текст «Дара» именно по этому сборнику был опубликован А.С. Павловым в донныне не устаревшей работе «Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе»⁵⁰. «Константинов Дар» — древняя латинская подделка акта, регламентирующего соотношение светской императорской власти и власти римского понтифика. «Дар» имел большую и сложную историю бытования как в греческой, так и в латинской версиях и в XV в. проявился в славянской традиции. Перевод, изданный Павловым, носит явные следы южнославянского происхождения. Ф. Томсон, на основании, очевидно, того факта, что южнославянские царства погибли или крайне ослабели в конце XIV в., относит время перевода ко второй половине XIV в., недооценивая, однако, вероятность перевода, сделанного руками славянина, но не ради целей и интересов южнославянской государственности. Хотя «Константинов дар» был хорошо адаптирован в византийском мире, но не в том полном виде, в каком мы находим его в Библейском сборнике Унд. 1. Для оригинала этой версии исследователи не исключают возможность итало-греческого происхождения⁵¹.

В русской книжности старшая редакция перевода появляется в сборнике, датированном А.Д. Седельниковым 1435/1440 гг., а начальный фрагмент младшей редакции, той, что помещена в сборнике Ивана Черного, находится в Канонике 1457 г.⁵² Рассматривая вопрос о месте «Константинова Дара» в русской книжности второй половины века, необходимо принять во внимание следующее: «Константинов Дар» был привлечен на Ферраро-Флорентийском соборе. Он был прочитан католиками на заседании, посвященном

обсуждению сущности папской власти, примата папы⁵³. В славянском переводе версия Унд. 1 имеет некоторые поправки, приспособляющие «Дар» к Константинопольской точке зрения: Константинопольский патриархат поставлен на первую позицию в ряду других, и в конце помещено наставление властителю о том, как строить отношения со священством, в византийском духе⁵⁴.

Нет оснований считать, что «Константинов дар», обнаруживаемый в сборнике Унд. 1, был переведен или привезен итало-греческой свитой Софьи, но не исключено, что появление его в этом сборнике, представлявшем собой библиотеку для великого князя, являлось попыткой укрепить русскую традицию этой колонной Ферраро-Флорентийской истины, что выдает систему ценностей, которой в России из установленных лиц могли придерживаться Траханиоты и их ближайшее окружение.

«Константинов дар» в конце XV в. пользовался большим авторитетом в геннадиевском кружке, но попал туда не через рассматриваемые переводы, а другими путями, через латинскую традицию⁵⁵, не остался текст без внимания и позже в Москве⁵⁶.

Итак, есть довольно значительные следы существования в Москве группы, работавшей для великого князя или, иначе говоря, стремившейся оказывать влияние на великого князя в определенном духе, не католическом, но и не полностью православном, с идеей о необходимости спасти православие, сближая его с Римом, с намерением снабжать великого князя богословскими книгами соответствующего профиля, собирать ветхозаветные — прежде всего, исторические — книги, служить византийскому наследству. Таков был в Италии дух Виссариона, и к тому же должны были стремиться его эмиссары Траханиоты в Москве. С Траханиотами сотрудничал Феодор, протопоп Благовещенского собора, в интересующий нас период весьма влиятельная фигура. Д.М. Буланин дополняет круг сведений о Феодоре интересным для нас сообщением в рассказе о смерти Пафнутия Боровского (1477). Здесь сказано, что к одру умиравшего приходил от великого князя Феодор, протопоп его благовещенский, а от великой княгини грекини Юрий грек, то есть Траханиот⁵⁷. Весьма вероятно, что мастерская Ивана Черного была связана с этим кругом. С Новгородом, с Геннадием имелись у этой группы интенсивные связи, шел обмен текстами, но новгородский Геннадиевский кружок, хотя и в нем появлялись время от времени Траханиоты, не разделял интересов московского, придворного круга и даже не имел о них ясного представления. А.Д. Седельников считал, что Геннадий действовал в единстве с Траханиотами на стороне Софьи Палеолог в борьбе против партии

Елены Волошанки и Федора Курицына, но, видимо, такая «двухпартийная» картина является упрощенной. «Палеологовская» партия имела контакты с Геннадием, старалась влиять на деятельность Геннадиевского кружка, но не включала Геннадия как сознательного члена. Возможно, что она в своих целях раздувала в Геннадии ярость борьбы против еретиков. Вспомним, что обвинения в ереси были распространены на враждебную в борьбе за власть и престолонаследие партию Елены Волошанки. О намерении влиять на антиеретическую кампанию свидетельствует сообщение Геннадию Траханиотом сведений о борьбе с ересью в Испании. Текст этого сообщения «Речи посла цесарева», свидетельствующий о желании подчеркнуть решающую роль римского папы в борьбе за чистоту веры, известен по так называемому Музейному сборнику⁵⁸.

Сборник Музейного собрания № 3271 считается современными исследователями архивом Вологодско-Пермской епископской кафедры и датируется приблизительно серединой 90-х годов XV в. В сборнике с документами деятельности кафедры соединяются материалы Ростовской кафедры — единственное известное произведение с именем Иоасафа Ростовского — отреченная грамота его⁵⁹, материалы архива архиепископа Геннадия, материалы Кирилло-Белозерской книжной деятельности. В Музейном сборнике впервые появляется «Послание на Угру», известное под именем Вассиана, архиеп. Ростовского, а здесь анонимное.

Верейское княжество, Вологда, Дмитров, Углич и в особенности Кирилло-Белозерский монастырь, вся эта область была гостеприимна по отношению к палеологовской партии, в особенности в период конфликтов и гонений — в конце 80-х и в 90-е годы. Верейские были последними удельными князьями, и за младшего князя Верейского Василия Михайловича Софья отдала свою племянницу Марию Палеолог, которой в 1483 г. пришлось бежать вместе с мужем от гнева великого князя в Литву.

В конце 70-х годов князь-отец Михаил Андреевич Верейский (при поддержке митрополита Геронтия) находился в конфликте с ростовским епископом Вассианом Рыло (которого поддерживал Иван III) за контроль над Кирилло-Белозерским монастырем. Ростовский летописец сетует, что в Кирилло-Белозерском монастыре засели новые люди, мнящие себя мудрецами. Это именно им захотелось под руку князя Михаила Верейского, подальше от великого князя и епископа Ростовского. «Ти бо черньцы Кирилова монастыря превознесеша своимъ высокоуміемъ соуетнымъ и богатствомъ, не восхотѣша быти подъ правдами Ростовскими епископыи...» «Се же все зло бысть отъ тогда бывшаго Кириловскаго игоумена но-

воначального Нифонта и оть новоначальныхъ чернцовъ и от прихождихъ чмутов...»⁶⁰ Этими «чмутами» могли быть и приехавшие из Рима греки, оказавшиеся так или иначе в монастыре. В 1473 г., вскоре после приезда, в Кириллов или в Ферапонтов был отправлен князь Константин Мавнукский, приехавший на Русь в свите Софьи⁶¹. По слухам, он был из императорского рода Комненов, во всяком случае, весьма образованный, книжный человек. Он был пострижен в том же 1473 г. или позже с именем Кассиана и уже в XVI в. был прославлен как святой⁶². В 1481 г. он появляется при Ростовской кафедре в качестве владычного боярина при архиепископе Иоасафе, князе Оболенском. Сам Иоасаф был с Белоозера, время и обстоятельства его поставления указывают на его близость к «палеологовской» партии: зимой того года великая княгиня Софья с младенцем сыном Василием и со свитой вернулась с дружественного ей Белоозера, где она скрывалась от нашествия Ахмата. Иоасаф прибыл оттуда же на кафедру летом, привез с собой греческого боярина и заменил собой Вассиана Рыло, который Палеологов особенно не любил. «Палеологовская» партия, теряя позиции в Москве в 80-е годы, сохраняла и укрепляла их на Белоозере, в Ростове, в Вологде.

Людам «палеологовской» партии, действовавшим в этих областях, можно гипотетически приписать одно особенно важное книжное дело, как раз развивавшееся между Кирилловым, Ферапонтовым, Ростовской и Вологодско-Пермской епархиями. Это работа над переводом, переделкой и использованием древнего памятника греческой патристики — «Послание восточных патриархов императору Феофилу» против иконоборческой ереси. Все ранние списки славянской версии послания с названием «Многосложное послание» или «Многосложный свиток» — Кирилло-Белозерского или Ферапонтова монастырей и датируются временем от второй половины 70-х годов⁶³.

Уже давно обращалось внимание на устойчивое использование в произведениях знаменитого «Филофеева цикла», излагающего идеи о Третьем Риме, элемента из «Многосложного послания/свитка». Уже В.Н. Малинин заметил, что в титульной формуле посланий Филофея к великому князю, к анониму о моровом поветрии и к Мисюрю Мунехину о том же цитируется начало этого произведения⁶⁴. Торжественная титульная формула «Послания патриархов» в славянской версии — обращение патриархов к императору — внимательно следует греческому оригиналу. Эта формула во всех деталях не могла не привлечь особенного внимания переводчика, переписчиков и тех, кто в дальнейшем обращался к ней.

Она определяет сущность императорской власти, статус ее по отношению к высшим силам и к церковным властям. Текст оригинала столь же труден, сколь и ответственный. Научные переводы текста в XX столетии потребовали высшей квалификации и больших усилий⁶⁵. Книжники XV в. исполнили перевод сложной титульной формулы с большим искусством, но не без сокращений. Полнее и торжественнее титульная формула Послания представлена во вводном протоколе посланий так называемого «Филофеева цикла».

У Филофея или псевдо-Филофея в послании о божьих наказаниях есть начальная фраза, указание на Божье величие и живоначальную Троицу как гарантирующие истинность послания и его вдохновляющие, которая в «Многосложном послании/свитке» отсутствует⁶⁶. Малинин заметил эту разницу и предположил, что Филофей и эту фразу откуда-нибудь заимствовал, но неизвестно откуда. Мы находим источник этой фразы непосредственно в греческом оригинале «Послания патриархов», где она дана во второй части протокола применительно к трем патриархам и прочим соборным отцам. Из этого следует несомненно, что книжник, работавший над титульной формулой, использованной для послания псевдо-Филофея о божьих наказаниях, специально обращался к греческому оригиналу. Похоже даже, что в мастерской, где шла работа над переводом «Послания патриархов», книжники решили подготовить версии протокола, различающиеся в некоторых деталях, для разных нужд. Еще один вариант формулы находим в Филофеевом послании властителю о Третьем Риме: «Иже о(т) вышняя и от всемошныя вся сдръжащая десница Божия, Имже царие царствуют...»⁶⁷ — «вся сдръжащая» — характерная черта только этой версии, ее нет ни в самом славянском переводе «Послания патриархов», ни в послании Мисюрю о моровом поветрии в Пскове. Но соответствующее выражение можно найти в этом же контексте в греческом оригинале «Послания патриархов», где говорится о деснице божией как вседержительной — *παντοκρατορικῆς*.

Очевидно для тех, кто присоединял пышную титульную формулу к посланиям на темы пусть и значительные, но не соотносимые по весу с темой исходного «Послания патриархов», защищавшего и утверждавшего православие от великой угрозы, было нужно прежде всего дать ход византийской императорской терминологии. Несогласованность ее с содержанием текстов, к которым ее представляли, не воспринималась как существенная проблема. Важнее было посредством ее многообразного воспроизведения утвердить в умах идеи о власти правящего государя, в ней заключенные, и ответствующий стиль.

В славянской версии «Послания патриархов» есть и вставки относительно известного оригинала, некоторые из которых представляются идеологически целенаправленными. Таково, например, обращение к царю, вне библейского контекста, необычно для «Послания патриархов» простое, здесь введена идея преемственности скипетров от Римского царства. Она представляется неорганичной в контексте Послания патриархов: в греческом тексте не было нужды говорить о законности в наследовании римского скипетра, поскольку империя ромеев в принципе мыслилась как Римская. Далее восхвалена храбрость царя и дано пожелание ему ратной победы на языке Псалтири (67: 31; 34: 5, 6):

«Богомъ нареченныи царь, великий самодержецъ, и христiанъ. (5 об.) иже скипетры римскаго црѣства. великаго, по закону приимъ Хрѣмъ. црѣа црѣемъ, и гѣ гдѣемъ. црѣ еси предобръ, и разумень въ всем, и на супротивныа храбръ. яко да покорени будутъ врази под ногама твоима. и да одолѣние поставиши а ратных повсреди. и да разрушатся языци хотящи бранем. омрачени да будут от бжiа молнiа. яко пси гладнии полижутъ землю языки своими.и агѣл гнѣ буди помагаа и»⁶⁸.

Вторая часть этого периода, начиная с «яко», знакома нам по тексту «Послания на Угру». И действительно, «Послание на Угру» находится в диалоге с «Многосложным свитком». В «Послании на Угру» есть обширные цитаты из первой части «Многосложного свитка», соединенные в искусный текст на тему — о великой мощи царя и моление о победе и радость по поводу победы. Хвалы царю логично переходят в моление о нем иерархов. Они молятся за военную победу, в соответствии с историческими обстоятельствами 1480 г.⁶⁹

«Послание патриархов» не просто переводилось, но переделывалось, в него вносились дополнения, усиливавшие военную тематику, которая в оригинале почти совершенно отсутствовала⁷⁰. При переводе были несколько сокращены рассуждения, касавшиеся роли церковных властей в управлении и в защите истины, — то, что было основным для оригинального текста. Образовавшийся текст, оставаясь формально частью древнего византийского произведения, предлагал актуализированную модель православной царской власти, тем более влиятельную, что сам памятник являлся чтением на Торжество православия. Библейское красноречие оригинала, и так не малое, было усилено за счет включения тщательно подобранных цитат из псалмов о битве с погаными и грядущей жалкой судьбе врага и периода из Книги пророка Исайи о том, что Бог уничтожит все препятствия на пути властителя к победе.

«Многосложный свиток/послание» в начальной части обнаруживает явные признаки политической тенденции, причем той же самой, что и тенденция Послания на Угру. «Многосложный свиток» переделывает текст оригинала о морском пути, цитирующий «Книгу Премудрости», вводя тему выхода из рабства — Бог открывает путь на море изводя оружие и народ и коней. В «Послании на Угру» целая большая часть посвящена описанию окончания татарского ига как освобождения от египетского плена, при условии покаяния великого князя. Тема прегрешений великого князя как-то уж очень развита, и ему даже приводится в пример евангельский разбойник, покающийся на кресте. Моисеем, указывает автор «Послания на Угру», Господь избавил народ от работы на иноплеменников, но потом Он сделал так, что иноплеменники работали на них. Бог послал Иисуса Навина, который ввел их в землю обетованную: «прием 20 и 9 ц(а)рствъ и вселишася ту»⁷¹. Как кажется, здесь содержится намек на уместность и необходимость сначала выйти из рабства, а потом и забрать под себя другие царства, греческие: «Поревнуи прежд(е) бывшим прародителем твоим великим кн(я) зем. Не точию Рускую землю обороняху от поганых, но иныя стран(ы) приимаху под себе, еж(е) глаголю Игоря и С(вя)тослава, и Владимира, иже на греческих царѣх дань имали»⁷².

Итак, есть основания полагать, что некая версия послания к русскому властителю, известного впоследствии как «Послание на Угру» Вассиана Рыло, создавалась в процессе обработки «Послания восточных патриархов византийскому императору Феофилу». Перед нами энергично действующая лаборатория, разрабатывающая материалы-заготовки для идейного воздействия на русского властителя, активизирующая древнюю византийскую терминологию императорской власти, пускающая в ход византийское и библейское красноречие для изменения и возвышения значения и стиля московской государственности, подготавливающая образ «скипетров римского царства»⁷³.

Итак, к деятельности греко-итальянской группы можно отнести перевод и внедрение документа Унии — «Прения» псевдо-Афанасия Александрийского, перевод и внедрение «Речей посла цесарева», манипулирование другим документом Унии — «Константиновым Даром», перенесение ранней истории Лоретского Дома-иконы и воздействие на формирование культа Тихвинской иконы и организацию использования «Послания патриархов императору Феофилу».

- ¹ *Пирлинг, П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. — СПб., 1892; *Седельников, А.Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV — начале XVI века // Доклады АН СССР. Сер. В. — 1929. — № 1; *Его же.* Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды комиссии по древнерусской литературе Академии наук. — Л., 1932. — Т. 1. — С. 33—57; *Шмурло, Е.Ф.* Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом (1462—1528) // Записки Русского исторического общества в Праге. — Прага; Чешская Нарва, 1937. — Т. 3. — С. 91—136; *Казакова, Н.А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. — Л., 1972. — С. 248—266; *Хорошкевич, А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. — М., 1980; *Скржинская, Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. — СПб., 2001; *Ломизе, Е.М.* Морейский деспотат и Флорентийская уния // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. — М., 1991. — С. 110—120; *Синицына, Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVII вв.). — М., 1998; *Зонова, О.В.* Первая встреча двух культур // Россия и Италия. — М., 2000. — Вып. 4: Встреча культур.
- ² *Качалова, И.Я.* Царский храм // Царский храм: святыни Благовещенского собора в Кремле. — М., 2003. — С. 13.
- ³ *Николаева, Т.В.* Прикладное искусство Московской Руси. — М., 1976. — С. 205.
- ⁴ Наперсные кресты и панагии. [Каталожные описания] № 93—95 / Е.А. Моршакова // Царский храм: святыни Благовещенского собора в Кремле. — М., 2003. — С. 263—272.
- ⁵ В предлагаемой статье кратко представлены результаты серии работ автора: *Pliukhanova, M.* Reliquie in volo e in viaggio tra Oriente e Occidente nel XV secolo e l'idea di Terza Roma (la Casa di Loreto, il Capo di Sant'Andrea, l'Odighitria di Tikhvin) // Liturgia e agiografia tra Roma e Costantinopoli: atti del I e II Seminario di Studio, Roma — Grottaferrata, 2000—2001 / a cura di K. Stancev, S. Parenti. — Grottaferrata, 2007. — P. 259—275; *Плюханова, М.Б.* Образы символического перемещения Церкви в Италии и в России в XV веке // Царский храм: Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. — Москва, 2008. — С. 377—393; *Ее же.* Культ Божьей Матери Лоретской, его русские параллели и связи // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб.: Наука, 2007. — Т. 58. — С. 669—696; *Pliukhanova, M.* La donazione di Costantino in Russia tra XV e XVI sec. // Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna / a cura di G. Bonamente, G. Cracco, K. Rosen. — Mulino; Bologna, 2008. — P. 209—232. — (Annali dell'Istituto storico italo-germanico in Trento. Quaderni; 75); *Плюханова, М.Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб.: Наука, 2010. — Т. 61. — С. 452—488; *Ее же.* «Многосложное послание /свиток» как лаборатория идей // Там же. — Т. 62. — В печати.
- ⁶ Е.М. Ломизе интерпретирует источники и исследования в том смысле, что Фома Палеолог в Риме перешел в католичество и завещал воспитать в католичестве своих детей, см.: *Ломизе, Е.М.* Морейский деспотат и Флорентийская уния. — С. 111, 112.

- ⁷ *Седельников, А.Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV — начале XVI века. — С. 17; *Его же.* Рассказ 1490 г. об инквизиции. — С. 33—57.
- ⁸ Использую здесь и ниже итальянский перевод «Комментариев» по изданию: *Pio II (Piccolomini, Enea Silvio)*. I Commentari. — 2. ed. / a cura di M. Marchetti. — Siena, 1997. — Vol. 1—2. Далее: Comm.
- ⁹ Ibid. — Vol. 2. — P. 140, 141.
- ¹⁰ L. Moehler, немецкий исследователь ренессансного католического гуманизма, пишет о необычности и грандиозности этого праздника, соединившего ренессансную помпу со средневековым благочестием: *Moehler, L.* Cardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann: Funde und Forschungen. — Aalen, 1967. — Bd. 1. — S. 307, 308.
- ¹¹ Comm. — Vol. 2. — P. 436.
- ¹² Летопись ссылается на послание Виссариона русскому властителю: Полное собрание русских летописей. — [Репринт. изд.] — М., 2000. — Т. XII: Никонская летопись. — С. 120. — Далее: ПСРЛ. Французский король вряд ли жаждал получить главу апостола Андрея, как вряд ли горел желанием жениться на Зое-Софии, скорее всего ничего об этом не знал, но был самым значительным властителем Европы.
- ¹³ Comm. — Vol. 2. — P. 435.
- ¹⁴ По восточным источникам, глава находилась не в Патрах, где принял мученическую смерть апостол Андрей, а в Константинополе, в церкви св. Георгия в Манганах: *Виноградов, А.Ю.* Рука апостола Андрея // Христианское реликвии в московском Кремле. — М., 2000. — С. 162. Но поскольку Патры находились во владениях Фомы Палеолога, то, по естественному для того времени ходу мысли, символика теряемого государства должна была вылиться в образ главы апостола Андрея.
- ¹⁵ Comm. — Vol. 2. — P. 437.
- ¹⁶ Ibid. — P. 443.
- ¹⁷ Ibid. — P. 446.
- ¹⁸ Интересная риторическая фигура градуальности для выражения идеи унии.
- ¹⁹ Comm. — Vol. 2. — P. 449—451.
- ²⁰ *Dvornik, F.* The idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. — Cambridge, Mass., 1958. — Ch. VII.
- ²¹ В XVI в. его тело было перенесено в церковь св. Андрея Sant Andrea della Valle: *Scaccia, P.* Pie II // Dictionnaire historique de la Papauté. — Paris: Fayard, 1994. — P. 1323—1325.
- ²² *Grimaldi, Fl.* Pellegrini e pellegrinaggi a Loreto nei secoli XIV—XVIII. — [Foligno, 2001]. — P. 646.
- ²³ Документ не очень надежный, не сохранившийся в оригинале: Ibid. — P. 555.
- ²⁴ Оригинал буллы не сохранился. Г. Стассо, критически пересматривая документацию культа, относительно этой буллы полагает, что она не могла быть фальсифицирована, а, скорее, наоборот, оригинал был стратегически потерян, поскольку содержание буллы не соответствовало позже установленной версии лоретанской легенды: *Cracco, G.* Alle origini dei santuari mariani: il caso di Loreto // Loreto crocevia religioso. Tra Italia, Europa e Oriente. — Brescia, 1997. — P. 97—164, 126, 127.

- ²⁵ *Ricci, Giacomo*. *Virginis Mariae Loretae Historia* / a cura di G. Santarelli. — Loreto, 1987. — P. 121.
- ²⁶ *Glavinich, F.* *Historia Tersattana: raccolta dalle antiche, e moderne historie, annuali e tradizioni*. — [Reprint izd.]. — Rijeka; Zagreb, [1989].
- ²⁷ Сказание о святыне Лорето — «Повесть о храме святыа Богородица, в нем же родилася от Иоакима и Анны» — и следующее за ним без особого названия сказание о Тихвинской иконе воспроизведены в издании: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века: [в 5 т.] / текст подготовили А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко. — М., 1989. — Т. 3. — С. 537—540. Здесь: с. 540.
- ²⁸ Об этом: Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. Издано с пер. актов с лат. на рус. яз. протоирем Иоанном Григоровичем. — СПб., 1834. — С. 105.
- ²⁹ *Успенский, Ф.И.* Брак царя Ивана Васильевича III с Софьей Палеолог // Из истории русской культуры. — М., 2002. — Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. — С. 499.
- ³⁰ Роль Виссариона относительно подробно освещена в исследовании о. П. Пирлинга, которое и доньше остается основным по вопросам, связанным как с путешествием, так и с миссией Софьи в России, но носит несколько ограниченный характер. Пирлинг выявил ряд документов, непосредственно отражающих обстоятельства передвижения Зои-Софии. Что же касается периода, последовавшего за приездом Софии в Москву, он оказался документирован в основном историями жюльнических походов, героями которых были лица, перемещавшиеся между Москвой и Италией в связи с царским бракосочетанием — Иван Фрязин — или Джан Баттиста делла Вольпе и Джан Баттиста Тревизан (*Пирлинг, П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог).
- ³¹ См. об этом: *Зонова, О.В.* Первая встреча двух культур. — С. 16 и далее.
- ³² *Пирлинг, П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. — С. 68, 69.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. — Приложение. — С. 223, 224.
- ³⁵ Приведенные сведения о деятельности Траханиотов в России собраны в: *Флоря, Б.Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средновековието. — София, 1982. — С. 123—143; *Фонкич, Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в X—XVII вв.: греч. рукописи в России. — М., 1977; статьи Д.М. Буланина в «Словаре книжников» о Дмитрие, его брате Юрии и его сыне — тоже Юрии — Траханиотах (Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1989. — Ч. 2, вып. 2. — С. 435—437; 438, 439; 437, 438).
- ³⁶ Заглавие памятника в тех списках, где он присоединяется к Катехизису Лаврентия Зизания (Государственный Исторический музей (ГИМ)). — Собр. Уварова. — № 51; (Российская национальная библиотека (РНБ)). Собр. Титова. — № 2806): «Блаженнаго Афанасия Прѣние со Ариемъ еретикомъ. Преведеса со греческаго на римский языкъ нѣким мудрымъ философомъ и отъ Рима принесену тому въ Русскую землю къ великому князю Ивану Василь-

- евичу... он же, благочестивый государь, повелѣл перевести на русский языкъ Мануилу Гречину Дмитриеву сыну Аморганину, иже приидоша съ царевною изъ Рима. А переводиль съ Благовѣщенскимъ протопопомъ Феодоромъ». (Цит. по: *Соболевский, А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: библиогр. материалы. — СПб., 1903. — С. 199—200. А.И. Соболевский отмечает сербские элементы в переводе.)
- ³⁷ См., статью о Феодоре Д.М. Буланина (Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1989. — Вып. 2, ч. 2. — С. 452—453). Д.М. Буланин разбирает оба известия о Феодоре — летописное (по поздним — Воскресенской и Никоновской летописям) и заметку XVII в. о переводе. Д. М. Буланин ссылается на немногочисленные исследования: *Марков, А.* Переводчик, благовещенский протопоп Феодор: (библиогр. справка) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. — 1912. — Т. 17, кн. 3. — С. 223—226; *Соболевский, А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — С. 199, 200; *Фонкич, Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. — С. 33—35.
- ³⁸ *Thomson, F.* The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy: The Cause of Old Russia's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky // Christianity and the Eastern Slavs. — Berkeley, Calif.; Los Angeles, Calif., Oxford, 1993. — Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / Ed. by V. Gasparov, O. Raevsky-Hughes. — P. 186, 206. — (Californian Slavic Studies; Vol. 16). Юриев было два — сын Дмитрия и брат Дмитрия. См. статьи о них Д.М. Буланина в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (см. выше примеч. 35).
- ³⁹ *Буланин, Д.М.* Мануил Дмитриевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1989. — Вып. 2, ч. 2. — С. 100.
- ⁴⁰ *Седельников, А.Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV — начале XVI века. — С. 17.
- ⁴¹ Там же. — С. 17.
- ⁴² Текст Прения псевдо-Афанасия Александрийского с Арием (*Patrologia graeca*. — 1857. — Т. 28. — Col. 439—502), согласно протоколам, не раз цитировался на заседаниях собора (*Gill, J.* Il concilio di Firenze. — Firenze, 1967. — P. 239, 240, 259).
- ⁴³ Наиболее ранний из сохранившихся список перевода — в сборнике собрания Троице-Сергиевой лавры № 178 Феодора Студийского поучения. «Прение» следует после произведений Федора Студита с л. 412. Текст, требующий изучения во многих отношениях, доступен сейчас в электронной версии.
- ⁴⁴ Включено в Великие Минеи Четию под 18 января (*Соболевский, А.И.* Переводная литература Московской Руси ... — С. 199, 200).
- ⁴⁵ *Казакова, Н.А., Лурье, Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. — М.; Л., 1955. — С. 320.
- ⁴⁶ Там же. — С. 138—140.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Алексеев, А.А.* Текстология славянской Библии. — СПб., 1999. Здесь на с. 195—201 даны и некоторые отсылки к исследованиям противоположного направления, прежде всего И.Е. Евсеева: *Евсеев, И.Е.* Геннадиевская Библия 1499 года. — М., 1914; *Его же.* Очерки по истории славянского перевода Библии. — Пг., 1916.

- ⁴⁹ *Иннокентий (Павлов, игумен)*. Славянская традиция Священного Писания и Острожская Библия // Острожская Библия. — М., 1990. — С. 17—47.
- ⁵⁰ *Павлов, А.* Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский Временник. — СПб., 1896. — Т. 3. — С. 18—82. Новейшая работа с богатой библиографией: *Thomson, F.* The Intellectual Difference between Muscovy and Ruthenia in the Seventeenth Century: The case of the Slavonic Translations and the Reception of the Pseudo-Constantinian Constitutum (Donatio Constantini) // *Slavica Gandensia*. — 1995. — N 22. — P. 63—107.
- ⁵¹ Томсон в этом вопросе готов поддержать мнение Павлова: *Thomson, F.* The Intellectual Difference ... — P. 67.
- ⁵² ГИМ, Музейское собр., № 1009 — «Константинов Дар» старшей редакции по Седельникову: *Седельников, А.Д.* К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. — 1926. — Т. 30. — С. 205—225.
- ⁵³ *Gill, J.* Il concilio di Firenze. — P. 334, 335.
- ⁵⁴ *Павлов, А.* Подложная дарственная грамота Константина Великого ... — С. 39.
- ⁵⁵ *Седельников, А.Д.* К изучению «Слова кратка» ... — С. 207, 208.
- ⁵⁶ Об этом целый ряд исследований, из новейших укажем работу А.И. Плигузова: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. — М., 1988. — [Вып.] 4. — С. 814—836, 784—794.
- ⁵⁷ Статья Д.М. Буланина о Феодоре Благовещенском в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (см. примеч. 37), там же ссылка на Рассказ о смерти Пафнутия Боровского (Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XV в. — М., 1982. — С. 502).
- ⁵⁸ См. публикацию: *Седельников, А.Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции... — С. 49, 50.
- ⁵⁹ Л. 17 об. по описанию сборника: Там же. — С. 39.
- ⁶⁰ ПСРЛ. — [Репринт. изд.] — М., 2000. — Т. XXIV: Типографская летопись. — С. 197.
- ⁶¹ Сведения из жития Константина-Кассиана (*Флоря, Б.Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в. Политическая и культурная деятельность. — С. 124).
- ⁶² Умер в 1503 г. (*Строев, П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. — СПб., 1877. — С. 359). О книжной деятельности Константина-Кассиана практически ничего не известно. Попытка уточнить хронологию строительства церкви в монастыре на Учме, основанном Кассианом, и перемещений его между Ростовым, Феропонтовым, и Угличем, предпринятая недавно, не дала существенных результатов (*Голейзовский, Н.К.* Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2002. — № 4 (10). — С. 20—27).
- ⁶³ Подробно о рукописной традиции «Послания» с литературой вопроса см. в нашей работе: *Плюханова, М.Б.* «Многосложное послание/свиток» как лаборатория идей. В печати.
- ⁶⁴ *Малинин, В.Н.* Старец Елеazarова монастыря Филофей и его послания: историко-литературное исследование. — Киев, 1901. — С. 539, 540.

- ⁶⁵ Издание с параллельным итальянским переводом, которым мы пользовались в нашей работе: *Duchesne, L. L'iconographie byzantine dans un document grec du IXe siècle // Roma e l'Oriente. — Anno III. 1912, Nov. — 1913, Apr. — [N] 5. — P. 222—239, 273—285, 349—366.*
- ⁶⁶ *Малинин, В.Н.* Старец Елеазарова монастыря Филоерей и его послания. — С. 540.
- ⁶⁷ Текст послания к властителю цитирую по публикации Н.В. Сеницыной: *Сеницына, Н.В.* Третий Рим ... — С. 358 (Прил. 2).
- ⁶⁸ РНБ. — Отдел рукописей. — Соф. 1444 — сборник патристический 30—40 гг. XVI в. — Л. 5—5 об.
- ⁶⁹ О связи послания на Угру с Посланием патриархов см. подробно в нашей статье: *Плюханова, М.Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии. — С. 475—488.
- ⁷⁰ В греческом оригинале тема военной победы дана лишь в одном незначительном намеке.
- ⁷¹ ПСРЛ. — [Репринт. изд.]. — М., 2001. — Т. 6, вып. 2. — Стб. 303.
- ⁷² Там же. — Стб. 299.
- ⁷³ Судя по географии вовлеченных в эту деятельность мест — Кирилло-Белозерский монастырь в 70-е годы; Ростовская архиепископская кафедра — в ней мог участвовать князь Константин Мавнуцкий, он же инок Кассиан. Но эта гипотеза, которой невозможно найти подтверждения.

А.В. Семенова

«Мы дышим новостями европейскими...»: Италия декабристов

Проблема «Декабристы и Италия» ранее привлекала внимание исследователей в основном как часть более обширной темы места декабристов в общеевропейской истории первой половины XIX в. и влияния на них европейских революций 20-х годов XIX в. Одними из первых обратились к этой теме в начале XX в. историки А.Н. Пыпин и В.И. Семевский, используя документы из открытых, благодаря революции 1905 г., архивов. Пыпин был явно склонен преувеличивать западные влияния на декабристов, а В.И. Семевский давал более объективную картину формирования идеологии членов тайных обществ¹. В советской историографии «почин» этой проблематике положил Е.В. Тарле работой «Военная революция на западе Европы и декабристы»², эта тема была продолжена в работах О.В. Орлик, С.С. Ланды и других исследователей³. Особо следует отметить труды М.В. Нечкиной, поставившей проблему «Декабристы во всемирно-историческом процессе»⁴. Она показала, что декабризм был одним из звеньев общемирового движения от феодализма к буржуазным порядкам, стоял в одном ряду с буржуазными революциями, охватившими Европу на исходе наполеоновских войн, в годы Венского конгресса и Священного союза.

После 150-летнего юбилея восстания декабристов, отмечавшегося в 1975—1976 г., интерес к указанной проблеме спал, хотя в последующее десятилетие в научный оборот были введены новые документальные материалы: продолжилась публикация следственных дел декабристов и других материалов следствия и суда над ними, а также документальной серии «Полярная звезда», издающейся в Сибири.

1820—1821 гг. были переломными в движении декабристов. Недостаточность борьбы за «передовое общественное мнение», что было важнейшим элементом тактики Союза благоденствия, становилась все более очевидной для членов тайной организации. Знаменитое совещание руководства Союза благоденствия — Коренной думы в начале 1820 г. в Петербурге, как и последующий Московский съезд 1821 г., объявивший о формальном роспуске тайной организации, знаменовали переход к новым организацион-

ным формам. Предполагалось также решительное изменение тактики в достижении главных целей — уничтожении самодержавия и крепостничества. Совпадение этих важнейших событий с подъемом освободительной борьбы на Западе — чередой западноевропейских революций — далеко не случайно⁵. Декабристы внимательно следили за происходящим в Европе и делали свои выводы. Источниками получения информации о революциях на Западе служила, прежде всего, российская и иностранная печать. «Что почта, то революция! — восторженно восклицал Н.И. Тургенев в начале 20-х годов. — Мы дышим новостями европейскими»⁶. За революцией в Испании 1820 г. последовали революционные потрясения в Неаполе, Пьемонте, Португалии, национально-освободительное восстание в Греции. «...Имеет каждый Век свою отличительную черту, — писал П.И. Пестель. — Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России...»⁷

Эта бурная эпоха нашла яркое воплощение в стихах Пушкина из главы X «Евгения Онегина»:

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал⁸.

Революция в Пьемонте отразилась также в стихах В.К. Кюхельбекера, который в 1820—1821 гг. находился в Европе. В стихотворении «Ницца» (1821) поэт писал о радости от известий о революции и о своих мрачных предчувствиях ее печальной судьбы. Австрийские войска

Ниспадут с ужасных гор:
Смерть из тысяч ружей грянет,
В тысяче штыках сверкнет;
Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет!⁹

Спустя несколько лет тема революционной Италии всплывет в других, печальных обстоятельствах: во время следствия, после поражения выступления 14 декабря 1825 г., а затем в воспоминаниях декабристов, в их переписке. Следственные дела членов тайных обществ сохранили множество высказываний о событиях на Апен-

нинском полуострове (в Неаполе и Пьемонте). Часто они объединялись с впечатлениями от Испанской революции. Показания декабристов на следствии интересны тем, что в них, с одной стороны, часто как бы реконструируются мысли, диалоги членов тайного общества периода европейских революций, с другой стороны, отражаются итоги раздумий в последующее время и в период заключения в казематах в конце 1825 — начале 1826 г.

«Произшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние, — отмечал вождь и идеолог декабристов П.И. Пестель. — Я в них находил по моим понятиям неоспоримыя доказательства в Непрочности Монархических Конституций и полныя достаточныя причины к Недоверчивости к истинному согласию Монархов на Конституции ими принимаемая»¹⁰. Поражение Испанской и Неаполитанской революций, как известно, было во многом связано с доверием восставших к монархам, которые использовали эту доверчивость против своих народов. В Неаполе, несмотря на то что король Фердинанд вынужден был восстановить испанскую конституцию 1812 г. и созвать парламент, уже в январе 1821 г. с согласия парламента он поехал на конгресс Священного союза в Лайбах. По пути король заявил, что конституция навязана ему и он требует помощи от Священного союза. Размышления именно об этих событиях укрепили Пестеля «весьма сильно в Республиканском и Революционном образе Мыслей». Анализируя европейские революции, Пестель приходил к основному выводу: «...Главное стремление нынешняго века состоит в борьбе между Массами Народными и Аристокрациями всякаго рода, как на Богатстве так и на правах наследственных основанными»¹¹. Друг Пестеля декабрист Н.А. Крюков оставил свои впечатления от революции в Неаполе в изобразительной форме. Страничка его записной книжки с пылающим вулканом (Везувием) — символом Неаполитанской революции — может быть яркой иллюстрацией к приведенному выше четверостишию Пушкина.

Обратим внимание на другие материалы процесса декабристов. Собранные воедино размышления членов тайных обществ о революционных событиях в Европе начала 20-х годов дают выразительную картину. «...Происшествия в Испании и Пиемонте... воспламенили умы в мечтателях о свободе России», — это слова члена Северного общества В.И. Штейнгеля, одного из старейших по возрасту участников движения¹². Члены Союза благоденствия — представители его разных управ: В.Ф. Раевский, М.Ф. Орлов, Н.И. Тургенев, Лев Перовский, Г.А. Перетц и многие другие — вспоминали о регулярных беседах в своем кругу на эти темы («одобряли про-

исшествия сего рода» и «единогласно порицали меры правительства»). Очень эмоционально переживал неаполитанские события декабрист, итальянец по происхождению, А.В. Поджио (ему и его брату посвящена книга итальянского исследователя Ф. Вентури)¹³. Он заявил в ответах Следственной комиссии, что «Испания, Неаполь, Пьемонт Греция в след одни за другими, приняли образ свободного правления; с тех пор Журналы с рук моих не сходили»¹⁴. Подобное мнение присутствовало и в известном доносе М.К. Грибовского 1821 г. на членов тайных обществ: «Они не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе и готовы были бы на все, чтобы принудить государя... не допустить иметь близкое деятельное участие в успокоении Европы»¹⁵. Так выявляется еще один аспект этой темы: резко отрицательное отношение декабристов (в большинстве своем военных людей) к возможной карательной экспедиции российской армии против восставшего Неаполя. Известно, что в рамках решений Священного союза Александр I дал согласие на подобную акцию, но выждал время, и Неаполитанская революция была подавлена силами Габсбургов в марте 1821 г.

В ряде следственных дел (П.И. Пестеля, И.И. Горбачевского) есть указания о подготовке 2-й (Южной) армии к походу в Италию и нежелании в нем участвовать. Так, Горбачевский (член Общества соединенных славян, примкнувшего к Южному обществу в 1825 г.) на следствии сообщал, что в 1821 г. «по случаю предполагаемого похода в Италию» перешел в другую воинскую часть¹⁶. Крайне любопытно категоричностью позиции мнение активного члена Южного общества, впоследствии участника восстания Черниговского полка М.П. Бестужева-Рюмина. В томе XIX документальной серии «Восстание декабристов» приводятся его слова, сказанные в 1821 г., в связи с возможной экспедицией в Италию: «Эта кампания немного вселит духу — бить людей, которые защищают независимость свою. Вот дело другое — помочь грекам, избавить их от тиранства, сделать их свободными»¹⁷. В том же духе высказывался его старший товарищ С.И. Муравьев-Апостол, который «усмирение Италии и Испании старался представить в другом виде»¹⁸, нежели согласно правительственной версии.

Отрицательное отношение либерально настроенной молодежи к возможным карательным акциям против итальянских революций было распространено в Петербурге, где, по словам декабриста И.Д. Якушкина, Союз благоденствия в это время руководил общественным мнением. Подобные настроения сильно тревожили власти. В марте 1821 г. министр внутренних дел граф В.П. Кочубей

сообщал Александру I, что в российском обществе высказывается «самая решительная ненависть к австрийцам и пожелания успеха неаполитанским войскам». Недовольство вызывали также приготовления России к военному вмешательству. Тогда же начальник Гвардейского корпуса И.В. Васильчиков писал министру двора П.М. Волконскому: «Известие о Пьемонтской революции произвело здесь сильное впечатление... люди благоразумные в отчаянии, но большая часть молодежи в восторге от всего того, что происходит и не скрывает этого нисколько». «...Офицеры не желают идти против Неаполитанцев! Вы можете по этому судить, — продолжал он, — как успешно распространились у нас либеральные мысли»¹⁹.

В некоторых исторических трудах указывалось, что тактика военной революции («революция посредством войск») родилась в тайном обществе под влиянием западноевропейских революций. Однако впервые эта мысль была высказана на петербургских совещаниях Коренной управы Союза благоденствия в январе 1820 г., то есть одновременно с началом революции в Испании. На этих же совещаниях впервые большинством голосов была одобрена республиканская программа общества с «упразднением престола» и была озвучена идея необходимости создания после переворота временного революционного правительства для избежания «беспорядков». Однако под влиянием дальнейших событий на юге Европы эти задачи все более осмысливались и обретали более законченную форму. На это обратили внимание впоследствии члены Следственной комиссии. Так, в ее обширном заключительном докладе Николаю I, где резюмировались все основные сведения из показаний декабристов на следствии, отмечалось: «По всему видно, что сия мысль (“возмущение войск”. — А.С.) родилась в них не прежде 1821 года и, вероятно, вследствие бывших незадолго пред революцией в Испании, Неаполе и Пьемонте»²⁰.

Тактика «революции посредством войск» обещала быть успешной в России. Однако декабристам важно было учесть причины неудач подобных революций в Западной Европе. Хорошо осведомленный о событиях в Италии, М.П. Бестужев-Рюмин показывал на следствии: «Цели Итальянских обществ различны. Иные хотят возобновить Римскую Республику. Другия сделать из Италии федеративную Республику. Прочия хотят ввести в Неаполе конституцию в роде Испанской, а остальные части Италии как то: Тосканию, Ломбардию, Венецию, Геную, сделать особенными независимыми республиками»²¹. Член Северного общества Д.И. Завалишин одну из причин поражения выступлений в Неаполе и Испании, «где Конституции были уничтожены», видел в отсутствии связей и

поддержки со стороны других революционных сил Европы («возстание их не было согласно с крепкой связ[ью]... остальных держав материка»)²².

Опыт западноевропейских революций служил источником размышлений на протяжении всей истории тайных обществ вплоть до 14 декабря 1825 г. Руководитель Северного общества К.Ф. Рылеев незадолго до восстания на Сенатской площади, сравнивая ситуацию в России с западноевропейской начала 20-х годов, подчеркивал, что «опыт 1812 года служит лучшим доказательством, что революция не как в Неаполе, Пьемонте и даже в Гишпании не может быть прекращена чужеземною силою»²³. Иначе говоря, там, где поднимается весь народ, интервенция нередко бессильна.

После подавления выступления декабристов власти весьма интересовались возможными связями российских тайных обществ с аналогичными организациями за границей, в том числе и с итальянскими. Многим подследственным, преимущественно членам Южного общества, задавался вопрос: «Что вам известно о существовании тайных обществ в Германии, Италии, Франции и других европейских государствах?» Ответ всегда бывал отрицательным. Однако следствие не исключало существования планов совместных действий тайных организаций в разных странах. Так, в круге вопросов о польских тайных обществах фигурировал вопрос об их контактах с прусскими, венгерскими и итальянскими тайными организациями. Утверждалось также в одном из вопросов, что «Польские общества готовы были начать свои действия, когда узнали, о революции в Неаполе; но остановились за недостатком сил»²⁴.

Отметим также, что нередко в вопросах следователей управы и отделения тайных обществ декабристов назывались «вентами» — итальянским по происхождению словом, означавшим первичные ячейки карбонарских организаций (*vendita* — дословно «лавка» — так называли средневековые лавочки, где торговали углем, а карбонарии — угольщики, в прямом, первоначальном значении этого слова). Впервые это понятие упоминалось в докладе А.К. Бошняка и вошло в один из вопросов П.И. Пестелю и В.Н. Лихареву. Так, Пестеля спрашивали: известно, что «Тайное Общество состояло из следующих вент: 1.) Северной (*Vente du Nord*) в Петербурге. 2.) Средней (*Vente du Centre*) в Москве. 3.) Полуденной (*Vente du midi*). 4.) западной (*Vente de l'ouest*) и 5.) Кавказской (*Vente du caucase*)»²⁵. Пестель отвечал, что слово «венты» не было в употреблении среди членов Южного тайного общества.

Об итальянских вентах вспомнит спустя много лет декабрист М.А. Фонвизин в своем «Обзрении проявлений политической

жизни в России». Давая оценку посленаполеоновской Европе и политике Священного союза, ссыльный декабрист напишет о тайных обществах в европейских государствах, возникших с целью «исторгнуть у правительств конституционные постановления». «В Италии, под ненавистным ей австрийским владычеством учредились тайные союзы (венты) карбонариев», — пишет декабрист и продолжает повествование описанием разгрома австрийскими войсками революций в Неаполе и Пьемонте²⁶.

В ходе следствия возникла еще одна тема — возможные контакты членов тайных обществ с итальянскими революционерами. Новые публикации материалов следствия показали, что источником этого интереса послужили показания Г.А. Перетца, руководителя ответвления «Союза благоденствия» — так называемого общества «Глинки-Перетца». В феврале 1826 г. он сообщил следствию о своем знакомстве с итальянцем Жильи (Джилли) (Gili), гувернером члена Союза благоденствия Д.А. Искрицкого. «С Искрицким... жил вместе в одной почти комнате итальянец Жильи, выдававший себя за профессора и преподававший, кажется, Искрицкому некоторые науки; о сем итальянце Искрицкий говорил мне, что он карбонарий, бежавший из своего отечества», — показывал Перетц²⁷. Он сообщил также, что брал у Жильи уроки итальянского. Следователи стремились собрать как можно больше сведений о заинтересовавшем их человеке и задавали вопрос о нем и его образе жизни самому Перетцу и членам организации, наиболее близким к нему: Ф.Н. Глинке, Д.Н. Синявину, С.М. Семенову, но дополнительных сведений не получили.

Более подробно ответил на вопрос о своем гувернере Д.А. Искрицкий. Он показал: «Итальянец *Жили* был моим гувернером. Когда я вышел из пансиона Шабо, где учил Жили математике, то я просил отца моего, чтоб он взял его ко мне для преподавания математических наук и итальянского языка, и когда г[осподин] Перетц ввел меня в общество, то я сказал г[осподину] Жили... что в России есть общество, имеющее целию ввести Конституцию и что члены оного не знают друг друга. На что он отвечал мне, что подобные существуют во всей Европе и что в Италии члены оного называются *карбонарии*»²⁸. Из других показаний Перетца становится известно, что Жильи был автором сочинений на французском языке о теории языков и о «науке о человеке».

Однако вскоре выяснилось, что Жильи преподавал своим ученикам не только науки. В конце 1819 г., то есть в период активной деятельности Союза благоденствия, он принял в тайное общество другого своего ученика офицера Измайловского полка М.Д. Лап-

пу. Об этом показал сам декабрист на следствии. Далее расследование шло параллельно как бы о двух лицах, так как следователи, записав после ответов Лаппы имя Жульи, а не Жильи, допрашивали о нем руководителей Северного общества, бывших активных членов Союза благоденствия, Е.П. Оболенского, С.П. Трубецкого, И.И. Пущина. Они оказались незнакомы с итальянским губернатором. Дальнейшее расследование о нем было прекращено, когда выяснилось, что после пребывания в качестве учителя у помещика Костромской губернии он был привезен в Петербург в августе 1822 г. в состоянии душевного расстройства, помещен в лечебницу, где и умер. Однако его имя присутствует в «Алфавите декабристов», составленным делопроизводителем Следственной комиссии А.Д. Боровковым для Николая I.

Таким образом, вполне очевидно, что изучение вновь изданных архивных материалов декабристов и тщательное прочтение ранее опубликованных документов позволяет внести новые штрихи в важную тему изучения и восприятия декабристами западноевропейского опыта и показать закономерность синхронности освободительных движений на европейском континенте в эпоху, когда, говоря словами Пестеля, «дух Переобразования заставляет.. везде умы Клокотать»²⁹.

¹ *Пытин, А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. — Изд. 4-е, с 3-го доп. изд. без перемен. — СПб., 1908; *Семевский, В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. — СПб., 1909.

² *Тарле, Е.В.* Военная революция на западе Европы и декабристы // Сочинения. — М., 1958. — Т. 5. — С. 7—20.

³ *Орлик, О.В.* Декабристы и европейское освободительное движение. — М., 1975; *Ланда, С.С.* Дух революционных преобразований...: из истории формирования идеологии и полит. организации декабристов, 1816—1825. — М., 1975.

⁴ *Нечкина, М.В.* Декабристы во всемирно-историческом процессе: (к методологии изучения декабризма) // Вопросы истории. — 1975. — № 12. — С. 3—18.

⁵ Там же.

⁶ *Тургенев, Н.И.* Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. — М.; Л., 1936. — С. 241.

⁷ Восстание декабристов: материалы. — М.; Л., 1927. — Т. IV. — С. 105. — Далее: ВД.

⁸ *Пушкин, А.С.* Полн. собр. соч. — М., 1949. — Т. 5. — С. 210—211.

⁹ *Кюхельбекер, В.К.* [Сочинения]. — Л., 1939. — Т. 1: Лирика и поэмы. — С. 50.

¹⁰ ВД. — Т. IV. — С. 91.

¹¹ Там же.

¹² Там же. — М., 1976. — Т. XIV. — С. 188.

- ¹³ *Venturi, F.* Il moto decabrista ei fratelli Poggio = [Движение декабристов и братья Поджио]. — Torino, 1956.
- ¹⁴ ВД. — М., 1954. — Т. XI. — С. 37.
- ¹⁵ Декабристы. Отрывки из источников. — М.; Л., 1926. — С. 112.
- ¹⁶ ВД. — М.; Л., 1926. — Т. 5. — С. 193.
- ¹⁷ Там же. — М., 2001. — Т. XIX. — С. 141.
- ¹⁸ Там же. — С. 147.
- ¹⁹ *Васильчиков, И.В.* Бумаги князя Илариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. — 1875. — Кн. 3. — С. 401, 402.
- ²⁰ ВД. — М., 1980. — Т. XVII. — С. 35.
- ²¹ Там же. — М., 1950. — Т. IX. — С. 88.
- ²² Там же. — М.; Л., 1927. — Т. III. — С. 367.
- ²³ Там же. — М., 1976. — Т. XIV. — С. 98.
- ²⁴ Там же. — М., 1953. — Т. X. — С. 197.
- ²⁵ Там же. — Т. IV. — С. 142; М., 1969. — Т. XII. — С. 142.
- ²⁶ *Фонвизин, М.А.* Обзорение проявлений политической жизни в России // Общественное движение в России в первой половине XIX в. — СПб., 1905. — С. 18—181.
- ²⁷ ВД. — М., 2001. — Т. XX. — С. 45.
- ²⁸ Там же. — М., 1984. — Т. XVIII. — С. 137.
- ²⁹ Там же. — Т. IV. — С. 105.

S. Bertolissi

La Russia allo specchio: la guerra di Crimea 1853–1856

Premessa

La Crimea è una vasta “Isola bruna” di circa 27.000 km², “collegata al continente da qualche striscia di terra sabbiosa, da una massicciata naturale, l’istmo di Perekop a ovest, e dalle vie d’acqua che attraversano le lagune salate di Sivas a nord est”, e percorsa al margine meridionale da una catena montuosa (Jaila Dag, alt. massima 1545 m.). I Greci della Jonia la raggiunsero e vi costruirono delle basi commerciali già nell’8 secolo a.C., che furono ereditate da romani e bizantini e poi, nel Medioevo, da veneziani e genovesi, su licenza accordata dagli ultimi imperatori bizantini. All’inizio del XIII secolo, Chingiz (“Gengis”) Khan unificò le tribù mongole dell’Asia centro-orientale e mosse alla conquista del mondo circostante, ma fu solo attorno al 1240–1241, dieci anni dopo la morte di Chingiz, che un’armata mongola guidata da Batu penetrò nelle terre russe e raggiunse l’Europa. L’ “Orda d’oro” di Batu stabilì la sua capitale a Saraj sul Volga e rimase per tre secoli, dopo la morte di Batu nel 1255, a dominare le steppe a nord del Mar Nero e la penisola di Crimea, che proprio dai conquistatori tatarsi prese il nome *kerim* (fortezza). L’intera pianura euroasiatica, dal confine cinese all’Ungheria, era controllata da un’unica autorità politica, che consentiva comunque lo svolgersi del commercio attraverso le “vie della seta”, che andavano dalla Cina al Mar Nero via terra e da lì proseguivano via mare fino al Mediterraneo: una rotta giungeva a occidente attraverso il bacino inferiore del Volga fino alla colonia veneziana di Tana sul mare d’Azov, poi, nel XV secolo, fu aperta un’altra via che collegava le province persiane dell’Impero mongolo a Trebisonda sul Mar Nero. Questa situazione mutò drasticamente dopo la caduta dell’Impero bizantino nel 1453 e la distruzione operata dai Turchi delle basi commerciali sul Mar Nero, che venne chiuso ai viaggiatori occidentali. Le città della Crimea andarono in rovina e la sua costa non si risvegliò che nel XVIII secolo, quando l’Impero russo raggiunse il Mar Nero, dopo la caduta del khanato nel 1783: Chersones fu ricostruita e divenne la base navale di Sebastopoli, Jalta una stazione balneare, Caffa il porto di Feodosija destinato al commercio dei cereali.

I popoli che si sono succeduti su quell'altopiano spazzato dai venti dell'est ed eroso implacabilmente furono, in origine, gli Sciti, che vi erano già presenti all'arrivo dei Greci, e che furono poi sostituiti dai Sarmati. In seguito, nei primi secoli della nostra era, i flussi migratori dei nomadi dall'Asia si succedettero in modo continuo, dopo i Sarmati arrivarono i Goti, da nord, e poi gli Unni, che portarono distruzione e morte, e, infine, i Chazari che fondarono un loro breve "impero" sulle coste del mar Nero nell'8° secolo d.C. Nomadi di lingua turca (denominati variamente Kipcaki, Cumani o Polovcy) dominarono la zona tra l'XI e il XIII secolo, quando furono travolti e spinti più a ovest dall'arrivo dei Mongoli-tatari dell'Orda d'oro. Questa fu sempre un insieme di diversi gruppi tribali, slegati tra loro, e un ramo meridionale di essa (la dinastia dei Giray, che discendevano direttamente da Ginzig Khan) fondò nella penisola un suo khanato indipendente (*Krymskoe Chanstvo*), dedicandosi all'agricoltura intensiva e all'allevamento del bestiame. L'Impero ottomano, dopo la conquista di Costantinopoli, lo costrinse a prestare giuramento di fedeltà al nuovo Impero, ma lasciò loro l'indipendenza. Le condizioni di quest'ultima furono, da un lato, l'esistenza di mercati sulla costa che consentissero l'accesso al Mediterraneo, e, dall'altro, una condizione di stabilità politica nella steppa continentale¹.

Le ragioni della guerra

Dopo l'annessione della Crimea alla Russia, nel 1783, Caterina II aumentò di circa 300.000 sudditi il suo già vasto Impero, ma circa 1/3 dei musulmani residenti in Crimea emigrò nell'Impero ottomano, costringendo la sovrana a chiamare nella penisola altri coloni, greci, italiani, armeni, serbi e Caraiti, che erano i membri di una setta ebraica nata in Mesopotamia nell'8° secolo d.C., e separatasi dal giudaismo rabbinico 2 secoli dopo. Le vicende della Crimea all'interno dell'Impero russo iniziarono con l'abbandono, da parte russa, dell'antica capitale tatarica Bachcisaraj cantata da Puskin per la nuova Theodosija o Sinferopoli e da un riordino amministrativo che cancellò le tracce del lontano passato della penisola e la rese uniforme nell'architettura alle altre province dell'Impero, basti pensare alla base navale di Sebastopoli costruita in stile neo-classico. Eppure, all'inizio del XIX secolo, una resipiscenza motivata spinse il governo a recuperare i siti archeologici legati alla presenza bizantina e antico-cristiana nel territorio, quasi a farne un contro altare del monte Athos greco e a proporre la Crimea come uno dei luoghi santi della religione ortodossa². Ma le vicende della Crimea furono via via strettamente legate ai rapporti che la Russia intratteneva con l'Impero ottomano, che non vedeva ovviamente di buon occhio la presenza russa

nella zona e per questo eresse la fortezza di Ochakov alla foce del Dnepr, a controllo dei movimenti del nuovo venuto.

A guardare i dati, la **guerra** fu la costante di quei rapporti: ben 7 guerre precedettero quella di cui qui si tratta, nel 1686—99, 1710—11, 1735—39, 1768—74, 1787—92, 1806—12, 1828—9, cui seguirà l'ultima nel 1877—78, tutte-in larga misura- dettate dall'esigenza dell'Impero russo di avere uno sbocco sicuro nel Mediterraneo. Le regioni vitali per esso erano, infatti, soprattutto il delta del Danubio, che comprendeva i principati di Moldavia e Valacchia, e la costa settentrionale del Mar Nero, inclusa la Crimea. Ma l'immediata ragione della guerra fu **religiosa**: il venerdì santo 10 aprile del 1846 20mila pellegrini si recarono a Gerusalemme, dato che quell'anno la Pasqua coincideva sia per i cattolici che per gli ortodossi, ed era governatore ottomano della città il Gran Vizir Mehmet Ali. La rivalità tra le due comunità salì di tono per la contemporanea richiesta della Francia, che si considerava la "Prima nazione cattolica" dal tempo delle crociate, di riparare il tetto del Santo Sepolcro, in base al trattato del 1740 che riconosceva il diritto dei cattolici di occuparsi del luogo. Il fatto scatenò i greci ortodossi e la Russia, che si richiamò al trattato di Kuciuk Qainargè del 1774, in base al quale essa rappresentava gli interessi ortodossi all'interno dell'Impero ottomano. La visita a Costantinopoli dell'inviato di Luigi Napoleone La Vallette, indusse la Porta a fare una serie di concessioni ai latini, nel mentre con un *firmano* segreto rassicurava anche i greci nel merito.

La disputa si trasferì ben presto sul piano generale delle relazioni tra l'Impero russo e quello ottomano, e fu alimentata dalle antiche e mai sopite rivendicazioni *panslaviste* del primo e dalla necessità di frenare l'espansionismo russo da parte della Sublime Porta. L'idea che percorreva la Russia, dalla formulazione della dottrina di "Mosca terza Roma" all'inizio del XVI secolo ad opera del pope Filofej, era che un destino *universale* accompagnasse la costituzione e lo sviluppo dell'Impero russo, come aveva a suo tempo dichiarato il poeta Gavril Derzavin (1743—1816) a proposito della vertenza sui "Luoghi Santi": "Per avanzare con le crociate, / per purificare il fiume Giordano, / Per liberare il Santo Sepolcro / Per riportare Atene agli Ateniesi / Costantinopoli a Costantino / E per ristabilire la Terra Santa di Japhet". E ancor più esplicitamente aveva affermato Michail Pogodin (1800—1875), professore all'università di Mosca ed editore del giornale *Moskvitianin* ("Moscovita"), in un *memorandum* allo zar del 1838, dove sosteneva che la "missione provvidenziale della Russia era quella di creare un Impero slavo e di porsi a capo di esso", e poi, ancora, in una lettera del 1842: "Qui vi sono le nostre proposte, Russi, Slavi, Europei, Cristiani! Come Russi, noi dobbiamo conquistare Costantinopoli per la nostra sicurezza. Come Slavi, noi dobbiamo liberare i nostri simili, fratelli nel destino, educatori e benefattori. Come Europei, noi dobbiamo cacciare i Turchi.

Come Cristiani ortodossi, noi dobbiamo proteggere la Chiesa orientale e riportare a Santa Sofia il crocevia ecumenico”³. Lo zar Nicola, nonostante fosse a ragione chiamato “il gendarme d’Europa”, non condivideva appieno tali posizioni estreme, ma consentiva con la sostanza di esse, come risulta dalle note autografe apposte a margine del *memorandum*, e se ne rese in larga misura interprete, nella realtà: nel luglio 1848, le truppe russe mossero contro la rivoluzione romena, in Moldavia e Valacchia e, nel giugno dell’anno successivo, al comando del generale Paskevič, che era stato a capo della campagna punitiva contro la Polonia nel 1830, attraversarono la frontiera ungherese ed entrarono in Slovacchia e Transilvania. Così lo zar si espresse in una lettera a Paskevič: “La conseguenza del fallimento di Mensikov è la guerra. Tuttavia, prima di arrivare a questa, ho deciso di muovere le mie truppe verso i Principati danubiani, di mostrare al mondo come si può rapidamente arrivare alla guerra, e di inviare ai Turchi un ultimatum, affinché soddisfino le mie richieste entro 8 giorni, altrimenti dichiarerò la guerra. E’ mia intenzione occupare i principati senza una guerra, se i Turchi non ci vengono contro sul lato sinistra del Danubio. Se la Turchia resiste, bloccherà il Bosforo e la flotta turca del Mar Nero. Se anche questo non avrà effetto, dichiarerò l’indipendenza della Serbia e dell’Erzegovina e allora l’impero turco comincerà a crollare e la Cristianità risorgerà dovunque, e sarà suonata l’ultima ora per l’Impero ottomano”⁴.

Nel frattempo, in Francia, il 2 dicembre 1851 ci fu il colpo di stato di Luigi Napoleone, che l’anno successivo, in base al referendum nazionale, abolì la Seconda Repubblica e divenne Imperatore con il nome di Napoleone III. Alla fine di quell’anno, lo zar che non vide mai di buon occhio il nuovo “fratello” sul trono, espresse in un *memorandum*, che comunicò nei dettagli all’ambasciatore inglese sir Hamilton Seymour, la sua posizione in merito all’*ammalato d’Europa*, la Turchia, di cui prevedeva già i termini della successiva spartizione tra le grandi potenze europee: alla Russia -affermando lo zar- dovevano andare i principati danubiani e la Dobrugia, le terre del delta del fiume; la Serbia e la Bulgaria dovevano essere indipendenti; la costa adriatica all’Austria; Cipro, Rodi e l’Egitto alla Gran Bretagna; alla Francia Creta; una Grecia allargata avrebbe sostituito l’arcipelago; Costantinopoli, infine, doveva divenire una città sotto garanzia internazionale e i Turchi espulsi dall’Europa. Seymour riferì a Londra, ma Clarendon, ministro degli esteri, affermò che l’Inghilterra non aspirava a guadagni territoriali, e, soprattutto non si pronunciò sull’eventualità del decesso dell’*ammalato*. Nel febbraio del 1853, il principe A.S. Mensikov, appartenente alla cerchia più vicina allo zar, giunse a Costantinopoli in missione speciale. Il suo compito era quello di riaffermare il predominio russo, a spese soprattutto della Francia. Egli doveva ottenere il ritiro dei privilegi concessi ai latini nei luoghi santi, e chiedere per la Russia un protettorato per i sudditi ortodossi del sultano. La richiesta era

basata sul richiamo al trattato di Kuchuk Qainargè del 1774, ma l'invitato ottenne solo l'allontanamento del Gran Vizir Fu'ad Pasha, che aveva concesso i privilegi ai latini, mentre l'ulteriore affermazione del protettorato russo sui sudditi dell'impero ottomano fu nettamente respinta. Nonostante l'intervento mediatorio dell'ambasciatore inglese, Stratford Canning, Mensikov lasciò Costantinopoli il 21 maggio e le relazioni diplomatiche fra i due paesi furono rotte. Al rientro a Mosca di Mensikov, Nicola I decise di occupare i principati romeni, e il 2 luglio 1853 le truppe russe attraversarono il Prut, al comando del principe M.D. Gorciakov⁵. La presenza a Costantinopoli di Mensikov e il contenuto delle sue richieste alla Porta, erano note anche a Londra che già il 2 giugno radunò la sua flotta nella baia di Besiktas sulla costa asiatica all'imboccatura degli stretti, dove fu raggiunta da quella francese, ma la strada dell'azione immediata non era nei propositi delle potenze occidentali. Il 1 agosto i governi francese, inglese, austriaco e prussiano accettarono il *memorandum* redatto dal ministro degli Esteri austriaco conte Buol e conosciuto come **Nota di Vienna**. Questa fu accettata dal governo russo, ma respinta da quello turco, che temeva il costituirsi di un protettorato franco-russo sui sudditi cristiani dell'Impero, e dopo l'incontro di Olmutz, il 26 settembre, tra lo zar e l'Imperatore Francesco Giuseppe, ad avere forti dubbi sull'andamento delle trattative fu la Gran Bretagna che, temendo il ricostituirsi di una Santa Alleanza a danno degli interessi inglesi nel Vicino Oriente, ordinò alla sua flotta di attraversare i Dardanelli, seguita da quella francese. L'8 ottobre la Turchia dichiarò guerra alla Russia, e il 23 ottobre Omar Pasha inviò truppe a Tutrakan, al di là del Danubio, e avevano inizio i primi scontri fra russi e turchi⁶.

Lo zar si mosse nella duplice convinzione che le 2 grandi potenze europee, Francia e Inghilterra, non si sarebbero affiancate all'Impero ottomano, una perché ancora troppo fragile il suo nuovo *status* di Impero, l'altra perché avrebbe avuto maggior interesse nella spartizione della Turchia, e l'altra convinzione era che l'Austria avrebbe riconosciuto lo spirito della *Santa Alleanza* in Europa, riconfermato dall'intervento russo nel 1849. In realtà, la vera preoccupazione di tutte le potenze indicate, pur nelle profonde differenze esistenti al loro interno, era rivolta solo ed unicamente alla preoccupazione che destava la presenza russa nei Balcani e negli Stretti, sfumati del tutto i vecchi richiami a comuni interessi, superati in modo condiviso dai moti del 1848, che rappresentarono un chiaro segnale per chi seppe intenderlo, una vera e propria *rivoluzione* e una *primavera dei popoli*, cui in qualche modo doveva essere dato uno sbocco, colpendo nel caso proprio la potenza che non solo rappresentava l'antico *gendarme d'Europa*, ma che minacciava i concreti interessi dei paesi in risveglio nazionale.

Ebbe così inizio quella che sarà chiamata *la guerra di Crimea*, ma che in realtà più propriamente dovrebbe essere inserita nella annosa *Questione*

orientale, e di conseguenza *Guerra orientale*, come titolò correttamente il suo amplissimo resoconto Andrej M. Zajončkovskij, il più autorevole storico di quella vicenda (*Vostocnaja vojna (1853—1856)*, 2 toma, SPB, 1908, ora riedita, M. 2002). In più, quella guerra oltre che in Crimea, dove si svolsero le più celebri battaglie come Balaklava e l'assedio di Sebastopoli, si sviluppò nel Caucaso, dove il generale principe Andronnikov respinse i Turchi dalle loro posizioni ad Achalciche, poi il generale Bebutov battè l'esercito turco a Basgedikler, in Anatolia; nei principati del delta del Danubio, dove non vi furono significative battaglie tranne quella combattuta a Cetate, presso Craiova, dove il 25 dicembre settemila russi subirono forti perdite dalle truppe turche superiori di numero, ma l'esito fu inconcludente, e ancora a gennaio del 1854 lo zar tentò di tener fuori dal conflitto l'Austria, inviando a Vienna il conte Orlov, ma la missione non ebbe successo e dopo un ultimatum di 2 mesi, la guerra tra la Russia e l'Austria fu formalmente dichiarata il 28 marzo 1854. Nel mar Baltico, l'attacco della flotta inglese dell'ammiraglio sir Charles Napier alla fortezza di Kronstadt e poi, alla fine dell'anno, assieme alla flotta francese nuovo attacco nella zona delle isole Aland, dove i francesi conquistarono la fortezza di Bormarsund, e, infine, un'incursione navale il 17—24 agosto 1854 nella penisola di Kamciatka, nell'Oceano Pacifico, alla base di Petropavlosk, da cui le forze alleate furono respinte⁷.

Ma il vero centro dello scontro generale tra le tre potenze alleate e la Russia, isolata sul piano diplomatico, si svolse effettivamente in Crimea, dove si decisero le sorte di questa “strana guerra”, dove prevalsero gli errori di calcolo e le idee confuse, più che un proposito chiaro degli uni o degli altri. Le truppe alleate sbarcarono a Evpatorija il 14 settembre, avendo come scopo quello di colpire Sebastopoli, centro della potenza navale russa, con un esercito che contava circa 60mila uomini (25.000 francesi, ventisettemila inglesi, il resto erano turchi), mentre l'esercito russo poteva contare fra i 50 e i 60 mila soldati, al comando del principe Mensikov. Il primo scontro diretto avvenne il 20 settembre nei pressi del fiume Al'ma, dove si affrontarono circa 35 mila russi e 57 mila anglofrancesi. Dopo durissimi combattimenti, gli alleati riuscirono a cacciare i russi dalle loro postazioni, con perdite alleate di 3 mila uomini e 6mila fra i russi. Invece di puntare direttamente sulla fortezza di Sebastopoli, tra l'altro al momento debolmente fortificata, dopo l'immediato successo, gli alleati attesero 2 giorni prima di attaccare Sebastopoli da sud, dal porticciolo di Balaklava, da dove potevano arrivare i rifornimenti. Il 25 ottobre Mensikov venne sconfitto a Balaklava, nonostante la disastrosa ma celebre “carica dei seicento”, e si aprì il lungo assedio attorno a Sebastopoli, che si prolungò per 11 mesi⁸.

Anche ad Inkerman, nei pressi di Balaklava, il 5 novembre 1854, le truppe russe che avevano conseguito un iniziale successo, furono poi ritirate dando la vittoria finale agli alleati, ma lasciando sul campo ben 11 mila sol-

dati contro i 4 mila degli alleati. La guerra si concentrò allora sulla fortezza di Sebastopoli, dove l'assedio era in atto dall'inizio del conflitto. Il generale Gorciakov, che aveva sostituito Mensikov alla testa dell'esercito russo, lanciò una controffensiva alle spalle di Sebastopoli: il 16 agosto affrontò gli alleati nella battaglia della Cernaja Recka, cui partecipò anche un contingente del Regno di Sardegna (v.oltre), ma fu anche questa volta sconfitto.

L'assalto finale contro la fortezza cominciò l'8 settembre, ma gli alleati riuscirono ad entrarvi solo il 10 settembre, dopo 2 giorni di incendio della città. L'ultimo assalto costò agli alleati quasi 11 mila caduti e ai russi circa 13 mila. Il 26 novembre 1855 la fortezza di Kars si arrese ai russi e costituì per loro l'unico lieto evento dell'anno, contribuendo a favorire la fine del conflitto e migliori condizioni per l'Impero russo. A questo punto, la parola passò alla diplomazia, oltre il fatto che il 2 marzo era morto lo zar Nicola I, l'artefice della guerra, in particolare a quella austriaca, che presentò un ultimatum a San Pietroburgo, con due ulteriori punti da aggiungere alla **Nota di Vienna** (la Russia perdeva i principati, ma otteneva la Bessarabia meridionale). Il 15 gennaio 1856, il nuovo zar Alessandro II, convinto che non poteva aprire un nuovo fronte bellico con l'Austria, accolse la richiesta austriaca. E si aprì la Conferenza di pace di Parigi, che si svolse dal 25 febbraio al 16 aprile. Le condizioni imposte alla Russia furono pesanti, ma non disastrose: la neutralizzazione del Mar Nero colpì soprattutto la Russia che non poteva tenervi la flotta, mentre la Turchia poteva farvi entrare le sue navi dall'Egeo all'occorrenza; i principati danubiani furono resi indipendenti ed andarono a costituire la Romania.; la Moldavia riebbero dalla Russia la Bessarabia meridionale e cessò dunque il predominio russo sulla Rumenia⁹.

La *guerra di Crimea* era scoppiata — come si è visto — in seguito ad un incidente di carattere **religioso**, ma lo zar di Russia aveva ben presto dovuto accorgersi che era finito il tempo delle crociate e della lotta della Cristianità contro l'infedele, e che nuovi **motivi** e nuovi **orizzonti** muovevano le cancellerie delle grandi potenze, ognuna ispirandosi a ben concrete considerazioni legate alla propria prospettiva nazionale, superato ormai lo spirito del Congresso di Vienna del 1815 e di quel programma della *Santa Alleanza*, cui continuava ostinatamente a riferirsi Nicola I. Ma lo zar, soprattutto, aveva potuto verificare che anche la fedele alleata di un tempo, l'Austria, che egli riteneva di aver beneficiato all'epoca dell'insurrezione ungherese, si era schierata nel fronte avversario. La guerra, poi, aveva segnato anche una svolta decisiva nella *questione orientale*, che faceva da contorno ad essa, avendo di fatto differito la spartizione della Turchia — data per scontata dallo zar — e aveva mutato i termini delle alleanze, creando attorno all'Impero ottomano un nuovo, inedito, fronte: un nuovo conflitto non sarebbe più stato semplicemente uno scontro tra lo zar e il sultano, tanto meno sarebbe stato un duello tra

ortodossi e musulmani. Al contrario, le potenze dell'Europa occidentale avrebbero guardato con relativa simpatia alle lotte per l'indipendenza condotte dai romeni, dai serbi, dai bulgari, mentre, all'interno della Russia, si accentuò il fenomeno del *panslavismo*, che vide nella conclusione della guerra la fine della validità del trattato di Kuciuk Qainargè e reso anacronistico il paternalismo dello zar nei confronti dei cristiani ortodossi. Il giudizio corrente sulla politica russa, che circolava a Parigi all'epoca della Conferenza di pace, è riassunto dall'ex primo segretario presso l'Ambasciata francese a San Pietroburgo, conte Reiset, che affermò: "Mi sono convinto di dispiegare tutti miei sforzi contro la loro (dei Russi) influenza negli Affari europei e di spingerli a ritornare in Asia da dove sono arrivati. *Non sono una potenza europea* (cvo. mio)"¹⁰.

All'isolamento diplomatico della Russia corrispose anche, nel corso del conflitto, la sua inadeguatezza sul piano logistico: le comunicazioni interne nel suo immenso Impero erano pessime, mentre la mobilità navale di Francia e Gran Bretagna costituì la *novità* militare del conflitto. Infatti, la Russia fu costretta a mantenere ingenti forze sul fronte terrestre, sul Danubio e sul Caucaso, mentre il suo dominio del Mar Nero era svanito dopo il passaggio del Bosforo delle flotte alleate, e tutti suoi confini occidentali erano in pericolo, dall'Artico al Pacifico settentrionale, e, soprattutto nel Baltico, la potenza navale nemica la costrinse a mantenere molte armate a presidio di Pietroburgo.

A proposito, poi, della figura dello zar, persino il *panslavista* Pogodin ne diede un giudizio assai netto: "Sedotto dall'esempio del suo antenato Pietro il Grande, egli (Nicola) non riuscì a realizzare nulla di simile, perché i tempi erano cambiati e le azioni di Pietro, trasferite nella nostra epoca, sono diventate una illusione ottica"¹¹. Lo zar, sino alla fine, basò la sua azione politica sulla triade che aveva enunciato il suo ministro dell'Istruzione, S.S. Uvarov (1786—1855) a proposito dei principi che dovevano ispirare i giovani russi: "quell'educazione corretta e basata su principi fondamentali che è indispensabile nel nostro tempo, animata da convinzioni profonde e dalla fede ardente nei principi salutari e autenticamente russi dell'**autocrazia, ortodossia, nazionalità**, (*narodnost'*), che costituiscono la nostra ancora di salvezza e il più fido pegno della forza e della grandezza del nostro Paese"¹².

La *guerra di Crimea*, tuttavia, ebbe nella memoria storica russa un esito diverso da quello ricevuto in realtà sui campi di battaglia. Essa divenne, anche grazie ai *Racconti di Sebastopoli* (1855—56) di Lev Tolstoj, che aveva partecipato alla difesa della fortezza, e alla memorialistica dell'epoca, una vasta risonanza, che spinse circa 250.000 russi a visitare i luoghi delle battaglie nel "nome di Sebastopoli — come scrisse Tolstoj — che è costato tanto sangue, e che sarà eterno, a ricordo dei suoi difensori rimarrà per sempre nei nostri cuori assieme a quelli eroi russi che par-

teciparono alle battaglie di Poltava e Borodino”. Ma forse più difficile a capire rimane la rivalutazione della stessa figura dello zar, Nicola I, che, ancora nel 2006, nel corso di una conferenza sulla guerra di Crimea, organizzata dal “Centro per la gloria nazionale della Russia”, fu oggetto di larghi consensi legati soprattutto alla sua azione che aveva trasformato quella disfatta in una vittoria “morale e religiosa”, un “atto di sacrificio nazionale in una guerra giusta”, tanto da proporre un ordine cavalleresco nel nome di Nicola I, e di apporre un suo ritratto nell’anticamera presidenziale al Cremlino¹³.

La guerra di Crimea nella storia del Risorgimento italiano

Avviene sovente, nella storia, che le vicende di una guerra lontana, geograficamente e politicamente, entrino a far parte dell’evoluzione politica di un altro Paese, che, intervenendovi per ragioni proprie, ne viene a condividere le sorti. E’ il caso del piccolo Regno di Sardegna (il regno dei Savoia assunse tale denominazione nel 1718 a seguito della conclusione della guerra di successione spagnola), che, divenuto, soprattutto dopo la guerra con l’Austria del 1848, il punto di riferimento politico dei diversi movimenti patriottici e degli Stati italiani alla ricerca di un centro politico comune, riuscì ad inserirsi nella strategia delle forze alleate, in particolare della Francia, nella loro lotta per il contenimento dell’espansionismo russo.

Le relazioni tra gli Stati italiani e l’Impero russo subirono un deciso cambiamento con la salita al trono, nel 1825, di Nicola I, il quale assunse volentieri il ruolo di prosecutore della politica del Congresso di Vienna del 1815, basata sull’asse austro-russo di tutela degli equilibri europei contro tutti i possibili movimenti sovversivi di esso, sino a divenire, non solo nella pubblicistica del tempo, il vero *gendarme d’Europa*. Lo zar attribuì all’Imperatore d’Austria il ruolo di controllo e di tutela sulla politica italiana, accomunati entrambi dal sacro timore del liberalismo serpeggiante nei loro territori, e sostenuti, più o meno direttamente, dalla politica assolutistica della gran parte degli Stati italiani, cui sembrava conveniente la prosecuzione della *Santa Alleanza* a garanzia del proprio vacillante potere interno. Dopo i sommovimenti del 1821 in Italia, la Russia lasciò mano libera all’Austria nella sua azione politica nella penisola, come esplicitò in una circolare il ministro degli Esteri Nesselrode il 25 luglio 1831, che informò tutti i funzionari russi in Italia che Pietroburgo approvava la linea di condotta dell’Austria e non avrebbe esitato ad appoggiare ogni suo intervento diretto a mantenere lo *status quo*¹⁴. La posizione russa, di fatto, era controproducente per lo stesso governo piemontese, perché favoriva la linea alternativa dei movimenti *democratici* e privava l’Impero russo, senza alcun

corrispettivo, delle possibili alleanze con gli Stati italiani, come appunto il Piemonte e il Regno di Napoli. In più, tale politica favorì indubbiamente il movimento mazziniano, facendone — dal 1830 al '48 — il principale protagonista politico italiano. La svolta sulla scena nazionale avvenne con gli avvenimenti del 1848 che ebbero inizio a Palermo e si diffusero poi per il resto della penisola, sino alle *Giornate* di Milano, e nelle principali capitali europee, da Parigi a Vienna. Alla morte di Carlo Felice, nel 1831, era salito al trono Carlo Alberto, guardato con diffidenza sia a Vienna che Pietroburgo, ma questi si affrettò a rassicurare le rispettive corti, come testimoniano le relazioni dell'ambasciatore Voroncov Daskov a Nicola I e le affermazioni dello stesso Metternich sul nuovo re¹⁵. L'oscillante politica condotta dal nuovo re, che “avrebbe voluto scindere il moto nazionale dal moto liberale” — come notò giustamente Omodeo — ma non vi riuscì e, ad un certo momento, si accorse che non poteva riuscirci¹⁶. La sua stessa politica finì anzi per rafforzare quelle esigenze: Carlo Alberto rappresentò il *passaggio storico* da una politica dinastica tradizionale incentrata sull'allargamento territoriale del Piemonte, ad una politica dinastico-nazionale, cui egli fu costretto dal corso degli eventi, che portarono in primo piano le esigenze ineludibili di più vasti strati della popolazione italiana, suddivisa tra poteri politici assolutistici o stranieri, e dall'arrivo sulla scena di un personaggio decisivo come il conte di Cavour (1810—1861). Questi, di estrazione nobile e di idee liberali, ebbe un'educazione internazionale — rara per i tempi — vivendo a Parigi e a Londra dove poté studiare ed osservare i fondamenti per un adeguato sistema di gestione delle proprietà terriere che aveva ereditato a Leri; fondò il giornale “Il Risorgimento” che fu fucina di idee, quali la proposta per uno Statuto del Regno e per una decisa opposizione all'Austria, e canale per una sua affermazione sul piano più direttamente politico. Fu ministro dell'Agricoltura e Commercio (1850—52) e delle Finanze (1851—52), propugnando una politica libero-scambista e di ammodernamento dei trasporti e dell'amministrazione; divenne, infine, Presidente del consiglio (1852) e il *tessitore* acuto e paziente delle diverse posizioni esistenti all'interno del movimento risorgimentale italiano, sino alla proclamazione dell'unità d'Italia (17 marzo 1861) di cui fu il primo Presidente del consiglio¹⁷. Dopo la sconfitta del Regno di Sardegna nel 1849 e l'abdicazione di Carlo Alberto, la politica italiana, pur avendo infine individuato nell'Austria il nemico comune da battere e nel Piemonte il possibile centro unificatore delle diverse anime che ne costituivano il variegato orizzonte, era ancora costretta tra la presenza ingombrante della Chiesa, che continuava ad impedire qualsiasi prospettiva di evoluzione unificatrice nazionale, e le posizioni più radicali, laiche e repubblicane di Mazzini e di Garibaldi. L'azione politica di Cavour si basò, innanzitutto, su di un articolato piano di ammodernamento all'interno del regno: la concessione alla com-

pagnia Rubattino della linea di navigazione sovvenzionata tra Genova e la Sardegna (1851), di cui già si prospettava il prolungamento sino a Tunisi; la concessione a gruppi genovesi dell'esercizio di sfruttamento delle miniere e saline in Sardegna; i grandi progetti. Come l'istituzione, a Genova, della Compagnia Transatlantica per la navigazione sovvenzionata verso gli Stati Uniti, la fondazione dell'Ansaldo, concessionaria dello stabilimento meccanico di Sampierdarena. La riduzione del tasso di sconto da parte della Banca d'Inghilterra e di quella di Francia, seguita dalla Banca Nazionale degli Stati Sardi, avevano portato ad un incremento dei capitali a disposizione per gli investimenti, che aveva coinvolto non solo lo Stato centrale ma anche le amministrazioni locali, comuni, province, che cominciarono a indebitarsi per finanziare la costruzione di strade, ferrovie, acquedotti¹⁸. Tale fervore economico, basato sostanzialmente sul trasferimento di risorse dalle rendite terriere al finanziamento di grandi iniziative nel settore delle opere pubbliche e delle infrastrutture civili, rappresentò la base su cui il Regno di Sardegna assunse al ruolo di *leader* tra gli stati italiani, cui mancava tuttavia il pieno riconoscimento sul piano internazionale. Fra il 1850 e il 1853 il gruppo dirigente piemontese, guidato da Cavour, compì uno sforzo deciso per far assumere alla penisola il ruolo di riferimento principale del commercio europeo con l'Oriente, in vista del ritorno al Mediterraneo della via delle Indie, per questa via il Piemonte “avrebbe assolto al dovere che esso aveva verso di sé e verso l'Italia tutta, il cui avvenire, come tutti sanno, è cotanto legato alle nostre sorti — scriveva Cavour — di sviluppare ed accrescere, il più che sia possibile, la propria forza morale e materiale”¹⁹. Rimaneva — come dicevo — il problema del riconoscimento della “questione italiana” nel quadro della politica internazionale, cui aveva dato un nuovo indirizzo l'azione di Napoleone III. Dall'incontro parigino col principe presidente, nel settembre 1852, Cavour aveva tratto la convinzione che questi intendesse procedere ad un profondo riassetto degli equilibri europei, ancorato alla definizione del 1815. Ribadita la rinuncia alla linea “l'Italia farà da sé”, la politica dei governi che si erano succeduti a Torino, dopo la pace di Milano, assegnava al sostegno dell'Inghilterra e all'appoggio della Francia una funzione alternativa a quell'alleanza che Carlo Alberto aveva ricercato, nel 1848—49, col movimento popolare. La durezza della repressione austriaca, e le difficoltà interne al governo cavouriano soprattutto nei confronti della Chiesa nel momento dell'emanazione di leggi di imposizione fiscale sui beni ecclesiastici, si accompagnarono all'evoluzione della politica internazionale, prossima alla guerra, dopo l'ultimatum russo all'Impero ottomano. La Francia e l'Inghilterra dichiararono guerra alla Russia il 27 marzo 1854, dopo aver sottoscritto un trattato che, all'art. V, affermava: “Le loro Maestà l'Imperatore dei francesi e la Regina del Regno Unito di Gran Bretagna e Irlanda accoglieranno con

premura nella loro alleanza, per cooperare al fine prefisso, le altre Potenze d'Europa che desidereranno entrarvi²⁰.

Il 22 febbraio '54 il *Moniteur*, giornale ufficiale del governo di Parigi, pubblicò un articolo in cui si affermava che, in caso di adesione dell'Austria all'azione alleata in Oriente, i possessi austriaci in Italia sarebbero stati garantiti, e che il governo francese avrebbe impedito a chiunque di separare sulle Alpi le bandiere della Francia e dell'Austria, qualora queste si fossero unite in Oriente. Cavour ebbe lucida coscienza della trappola in cui stava ripiombando la sua politica: "se l'unione dell'Austria con la Francia si fa più stretta, può essere che il Paese debba adottare una politica più conservatrice (...) nel qual caso io mi affretterò a cedere il passo.." e aggiungeva, privatamente, all'amico Corio: "la posizione nostra è grave, gravissima. Ci penso sopra giorno e notte: se me ne cavo non sarà poco"²¹. I chiarimenti chiesti a Parigi, dopo l'articolo del *Moniteur*, furono rassicuranti, ma non tali da scongiurare i pericoli evidenti che risultavano dall'avvicinamento austro-francese e, quando il 10 aprile, le potenze occidentali diedero notizia ufficiale al Piemonte dei contenuti del trattato stretto contro la Russia, il ministro degli Esteri, Dabormida, si limitò ad assicurare la simpatia piemontese per l'alleanza, ma evitando con cura ogni accenno ad impegni concreti. L'interesse delle potenze alleate all'intervento piemontese era determinato, da un lato, da ragioni strettamente militari, ad un rafforzamento del contingente di terra e, soprattutto, dallo scopo di premere sull'Austria perché uscisse dalla sua neutralità ventilando la possibilità di complicazioni in Italia, se fosse rimasta neutrale, al contrario la piena sicurezza del mantenimento delle condizioni esistenti in Italia. In questo gioco di scambi e pressioni, più o meno velati, giunse infine la proposta formale al Piemonte di entrare nella guerra, ma solo dopo la firma del trattato del 2 dicembre tra gli occidentali e l'Austria. Le spese della guerra sarebbero state sostenute dall'Inghilterra, ma il Piemonte respinse tale clausola, e accedette al Trattato del 10 aprile. Il Dabormida ottenne che l'Inghilterra concedesse, comunque, un prestito al Regno di Sardegna a buone condizioni e chiese che fossero incluse nell'accordo alcune clausole segrete: diritto del Piemonte di partecipare alle trattative di pace su di un piano di parità con le altre potenze; impegno degli alleati di intervenire presso il governo di Vienna per persuaderlo a togliere i sequestri dei beni degli emigrati lombardo-veneti; impegno degli alleati a prendere in considerazione le condizioni dell'Italia a guerra finita²². La risposta alleata fu negativa su questi punti, per non scontentare Vienna, e i governi il 7 gennaio 1855 posero un *ultimatum* a Torino: aderire al trattato del 10 aprile, senza clausole aggiuntive. L'idea di Vittorio Emanuele II di poter partecipare ad una guerra che riuniva le maggiori potenze europee contro l'espansionismo russo, non fu condivisa dal resto del governo, ma l'azione di Cavour riu-

sci a superare le incertezze e a far aderire il regno all'alleanza: "Dabormida si ritira — scrisse l'11 gennaio 1855 al conte Oldofredi — ed il protocollo è firmato. Ho assunto sul mio capo una responsabilità tremenda. Non importa, nasca quel che ha da nascere, la mia coscienza mi dice di aver adempiuto ad un sacro dovere", al fondo con la "speranza che, se la guerra continua e prende proporzioni più vaste, noi potremo ottenere dei diritti per conseguire vantaggi più reali per l'Italia e per noi"²³.

Ai primi di maggio sbarcò in Crimea il corpo di spedizione piemontese, composto da circa 18.000 uomini, comandato dal generale Alfonso La Marmora. Questi, riuscì, appena sbarcato, riuscì ad evitare di essere posto sotto il comando di lord Raglan, comandante inglese, come voleva Londra, bensì di far parte del comando interalleato. Le truppe italiane, tenute di riserva, furono tuttavia decimate dal colera che là imperversava: 3.000 furono gli ammalati e ben 1.300 i morti, tra i quali il generale Alessandro La Marmora, comandante di divisione. Nel giugno, i piemontesi furono schierati sulla Cernaja Recka (chiamato da allora Cernaia, in italiano) a copertura delle truppe alleate che assediavano Sebastopoli, e il 16 agosto 1855 parteciparono alla battaglia che là si svolse, detta anche del fiume Traktir, che fece fallire l'ultimo tentativo russo di rompere dall'esterno l'assedio di Sebastopoli. Il peso maggiore dello scontro fu sostenuto dai francesi, ma il comportamento delle truppe italiane fu ottimo, subendo 14 morti, 170 feriti e 2 dispersi, e l'insieme del contingente superò bene le difficoltà logistiche e sanitarie, a riprova del miglioramento intervenuto nel suo addestramento, dopo il '48—49. Poche settimane dopo la battaglia della Cernaia, l'8 settembre 1855 i francesi conquistarono la torre Malachov, posizione chiave della difesa di Sebastopoli e pochi giorni dopo le truppe alleate entrarono nella fortezza, incendiata dai russi. Un'appendice bellica si svolse nel Caucaso, tra Russi e Turchi, ma le sorti della guerra erano ormai definite e si apriva il difficile capitolo della conclusione diplomatica, al tavolo della pace.

Dopo trattative segrete tra Parigi e San Pietroburgo, e con la mediazione di Vienna, dopo un mese di esitazioni, lo zar accettò, il 16 gennaio 1856, l'*ultimatum* che il conte Buol, ministro degli Esteri austriaco gli aveva sottoposto e il 25 febbraio 1856 si aprì il Congresso di Parigi.

Tra la fine di novembre e i primi di dicembre del 1855, Cavour accompagnò a Parigi e a Londra il Re Vittorio Emanuele, in visita ufficiale a Napoleone III e alla regina Vittoria. Gli statisti inglesi mostrarono molta simpatia per l'Italia, ma fecero capire di non essere disposti a entrare in contrasto con l'Austria a proposito del futuro dei territori italiani; Napoleone III fu più magnanimo e Cavour incaricò Massimo D'Azeglio di stendere un *memorandum* per l'imperatore, dove la posizione italiana nello schieramento liberale e progressista dell'Europa occidentale portava di per sé ad includere

l’Austria in quello opposto, nel blocco reazionario medio-orientale²⁴. Il documento non fu mai presentato all’imperatore, ma, nella realtà, alla Conferenza di Parigi, Napoleone e il ministro degli Esteri inglese lord Clarendon imposero a Walewski (ministro degli Esteri francese) di accettare l’ammisione di Cavour al tavolo del Congresso a parità di diritti con gli altri. L’atteggiamento dei due alleati, favorevole al Piemonte anche per non allargare le pretese austriache e scontentare gli altri piccoli Paesi dell’Europa orientale, si divise sulle concrete prospettive di sostegno alla causa “italiana”: gli inglesi erano favorevoli a staccare le Legazioni dallo Stato della Chiesa, mentre i francesi contrari ad ogni manifestazione di ostilità al papato, proponevano di far anettere i Ducati di Modena e Parma al Regno di Sardegna. Si aprirono due intense settimane di colloqui diplomatici dove le più strane proposte furono poste sul tavolo dall’una o dall’altra delegazione, alla fine Cavour ottenne che il Congresso, prima di concludersi, nella seduta dell’8 aprile 1856, dedicatesse una seduta alla situazione dell’Italia. Clarendon attaccò duramente la condizione interna dello Stato pontificio e la condotta del re di Napoli, suscitando le proteste di Buol e di Orlov, rappresentante russo a Parigi. Il risultato della seduta fu l’inserimento nel Protocollo conclusivo della condanna del re di Napoli e la dichiarazione di Clarendon sullo Stato pontificio, il tutto risuona precisamente nella lettera di Cavour a Cibrario: “Enfin, une dernière considération doit amoindrir les regrets que la stérilité de nos démarches nous fait éprouver. Nous ne pouvons pas espérer que d’un congrés, dans lequel l’Autriche a joué le rôle de médiatrice, il sortit quelle chose de réellement utile pour l’Italie, un remède efficace aux maux que l’affligent. Si l’Autriche eut été plus condescendante ou la France plus décidé, peut-être en serait-il résulté quelle mesure palliative, n’ayant pas une grande valeur. Au lieu de cela nous n’avons rien obtenu; mais l’obstination de l’Autriche, la raideur du Comte Buol ont profondément irrité l’Empereur et doivent l’avoir convaincu que, ainsi que j’ai eu l’honneur de le lui répéter plusieurs fois, *la question italienne ne comporte qu’une seule solution réelle efficace: le canon*”²⁵. Certo, colpisce l’affermazione in bocca ad un uomo equilibrato e di idee di fondo *moderate*, ma forse prevalse in lui la visione lucida dello statista che, da sempre impegnato a mantenere sotto controllo le diverse e variegate formazioni patriottiche all’interno, e dedicato al rafforzamento delle alleanze sul piano internazionale, non poteva non convenire sull’esigenza che l’insieme degli Stati italiani si manifestassero sul piano di una convergenza sulla liberazione del Paese dallo straniero, al di là delle convenienze altalenanti degli equilibri tra le grandi potenze. E, infatti, quando infine si arriverà alla 2 guerra d’indipendenza nel 1859, dopo i primi successi ottenuti con il diretto impegno francese, l’inopinato altolà imposto dall’imperatore (pace di Villafranca) costrinse a procedere con l’intervento diretto e non voluto da Cavour di uno dei suoi *alleati* interni, Garibaldi, che

con la spedizione dei Mille diede il via all'ultimo (o, meglio, penultimo) capitolo verso l'unificazione d'Italia. Ma ci vorranno ancora i colloqui di Plombières del 1858 e la cessione della Savoia e di Nizza alle pretese francesi per poter arrivare al via libera alla guerra.

La battaglia della Cernaia fu oltremodo esaltata in Piemonte e nel resto del paese, contribuendo a quel rafforzamento del peso del Regno di Sardegna in Europa che era nei disegni di Cavour, ma soprattutto a far entrare la *questione italiana* nei dossier delle cancellerie europee.

I risultati del Congresso di Parigi, già indicati, risultarono comunque punitivi per l'Impero russo, che si vedeva sottratto il controllo del Mar Nero e dei Principati danubiani a vantaggio della Porta e il suo ridimensionamento come Grande Potenza, mentre per il piccolo Piemonte che, pure — secondo la sincera affermazione di Cavour — “non aveva guadagnato nulla praticamente, rispetto all'opinione pubblica la vittoria è piena”²⁶. Ma a Parigi fu anche deciso il ripristino delle relazioni diplomatiche normali tra il Piemonte e la Russia, nel quadro di una linea politica che Gorcakov così riassunse in una lettera all'ambasciatore a Torino, conte Stakel'berg, il 14 luglio 1856: “Lo stato di guerra che ha preceduto il ristabilimento dei buoni rapporti che voi siete chiamato a riannodare tra la Russia e la Sardegna non cancella ai nostri occhi la storia di quelle antiche relazioni. Consultando lo stato nel quale esse sono sussistite nel passato sia sui campi di battaglia sia nelle relazioni dei Gabinetti, si troveranno numerose tracce della buona volontà dei nostri sovrani verso la dinastia regnante del Piemonte e verso quel paese. Gli avvenimenti del 1855 vennero a rompere violentemente quei legami (...) L'Imperatore non poté che deplorare di veder trionfare sulla politica sarda una pressione straniera. S.M. restò nondimeno convinta che un giusto apprezzamento dei suoi propri interessi avrebbe ricondotto il Gabinetto di Torino ad una politica più razionale. I fatti hanno confermato le previsioni dell'Imperatore”²⁷.

In realtà, come si è visto, le intenzioni del Regno di Sardegna nella guerra di Crimea e, in particolare, la politica condotta nell'occasione da Cavour, si mossero da differenti ragioni e secondo intendimenti profondamente legati agli interessi *nazionali* del Piemonte e ai nuovi equilibri europei emersi proprio dalla conclusione di quella guerra.

¹ Per le notizie raccolte nella *Premessa* mi sono riferito a Charles King, *Storia del Mar Nero*. Dalle origini ai giorni nostri, trad.it., Roma, 2005 e Neal Ascherson, *Mar Nero*. Storie e miti del Mediterraneo d'Oriente, trad. it., Torino, 1999.

² Orlando Figes, *Crimea*, London, 2011, pp. 1—22 e A. Zajonckovskij, *Vostocnaja vojna 1853—1856*, 3 toma, SPB, 2002, t. 1, pp. 8, 19; L. Vyskockov, *Imperator Nikolaj I: Celovek i gosudar'*, SPB, 2001, p. 141.

³ E.V. Tarle, *Krymskaja vojna*, in *Socinenija*, T. VIII—IX, M., 1959, T. VIII, pp. 34 sgg.

- ⁴ A. Zajonckovskij, *op. cit.*, pp. 739—740.
- ⁵ E.V. Tarle, *op. cit.*, p. 215.
- ⁶ O. Figes, *op. cit.*, p. 130 sgg.
- ⁷ E.V. Tarle, *Krymskaja vojna*, in *Socinenija*, T. IX, pp. 42—94.
- ⁸ A.J.P. Taylor, *The Struggle for Mastery in Europe 1848—1918*, London, 1954, pp. 68—90.
- ⁹ E.V. Tarle, *op. cit.*, pp. 499—552
- ¹⁰ W.Bruce Lincoln, Nicholas I. Emperor and Autocrat of All Russias, Dekalb Ill., 1989, p. 352.
- ¹¹ O. Figes, *op. cit.*, p. 456.
- ¹² Cfr. H. Seton Watson, *Storia dell'Impero russo*, 1801—1918, trad. it. Torino, 1971, pp. 247—248.
- ¹³ O. Figes, *op. cit.*, pp. 492—493.
- ¹⁴ G. Berti, *Russia e Stati italiani nel Risorgimento*, Torino, 1957, pp. 521—523.
- ¹⁵ Sul viaggio di Nicola I in Italia nell'ottobre 1845, a Palermo e a Roma, per accompagnare l'Imperatrice Aleksandra Fedorovna, cfr. *ibidem*, pp. 569—570.
- ¹⁶ Adolfo Omodeo, *In difesa del Risorgimento*, Torino, 1955, pp. 156 sgg.
- ¹⁷ Su Cavour cfr. Rosario Romeo, *Vita di Cavour*, Bari, 2011 (I ed. 1984), pp. 199 sgg. E Giorgio Candeloro, *Storia d'Italia moderna*, vol. IV, Milano, 1964, pp. 156 sgg.
- ¹⁸ R. Romeo *op. cit.*, pp. 203—204.
- ¹⁹ *Ibidem*, p. 239.
- ²⁰ G. Candeloro, *op. cit.*, p. 158.
- ²¹ R. Romeo, *op. cit.*, p. 266.
- ²² G. Candeloro, *op. cit.*, p. 164.
- ²³ R. Romeo, *op. cit.*, p. 285.
- ²⁴ A.J.P. Taylor, *L'Europa delle grandi potenze*, Bari, 1961, pp. 134—136.
- ²⁵ G. Candeloro, *op. cit.*, pp. 189—190.
- ²⁶ R. Romeo, *op. cit.*, p. 332.
- ²⁷ G. Berti, *op. cit.*, p. 681.

С. Бертолисси

Россия в зеркале: Крымская война 1853—1856 гг.

Крым представляет собой большой «бурый ромб» площадью примерно 27 000 км², «связанный с континентом узкой песчаной полосой, как бы естественной грунтовой дорогой — Перекопским перешейком на западе и водными путями через залив Сиваш на северо-востоке», и пересекаемый вдоль своей южной стороны горной цепью (Яйла-Даг, макс. высота 1545 м). Ионийские греки прибыли туда уже в VIII в. до н. э. и основали там торговые базы, унаследованные затем римлянами и византийцами, а позднее, в Средние века — венецианцами и генуэзцами с разрешения последних византийских императоров. В начале XIII в. Чингисхан объединил монгольские племена восточной части Центральной Азии и двинулся на завоевание окружающего мира, но лишь в 1240—1241 гг., десять лет спустя после смерти Чингисхана, монгольское войско под предводительством Батыя проникло в русские земли и вступило в Европу. «Золотая Орда» Батыя основала свою столицу в Сарае на Волге и после смерти Батыя в 1255 г. еще на протяжении трех веков господствовала в степях к северу от Черного моря и на Крымском полуострове, который именно от татарских завоевателей получил название *керим* (крепость). Вся огромная евразийская равнина от китайской границы до Венгрии контролировалась одним политическим образованием, которое позволяло осуществлять торговлю по «Шелковому пути», проходившему от Китая до черноморского побережья по суше, а оттуда продолжавшегося по воде вплоть до Средиземноморья. Один маршрут шел на запад через нижнее течение Волги вплоть до венецианской колонии Таны на Азовском море, потом, в XV в., был открыт другой путь, связывавший персидские провинции монгольской империи с Трапезундом на Черном море. Ситуация резко изменилась после падения Византийской империи в 1453 г. и разрушения турками торговых пунктов на Черном море, которое с тех пор было закрыто для западных путешественников. Города Крыма пришли в упадок, и его побережье вернулось к жизни только в XVIII в., когда Российская империя, после падения Крымского ханства в 1783 г., распространила свои владения до черноморских берегов. Херсонес был восстановлен, став морской ба-

зой — Севастополем, Ялта — курортным городом, Кафа — портом Феодосией, через который шла торговля зерном.

Среди народов, сменявших друг друга на этом обдуваемой ветрами и разрушаемой эрозией возвышенности, были сначала скифы, уже проживавшие там к приходу греков, а потом смененные сарматами. Позднее, в первые века нашей эры, миграционные потоки кочевников из Азии постоянно следовали один за другим, после сарматов пришли с севера готы, затем — гунны, несшие смерть и разрушение, наконец, хазары, основавшие в VIII в. н. э. свою недолго просуществовавшую «империю» в Причерноморье. Туркоязычные кочевники (называемые по-разному: кипчаки, куманы или половцы) господствовали в этом регионе с XI по XIII в., когда они были оттеснены дальше на запад передвижением монголо-татар Золотой Орды. Последняя всегда оставалась конгломератом разных племенных групп, слабо связанных друг с другом; позднее южная ветвь золотоордынской династии (Гирей, происходившие непосредственно от Чингисхана) основала на полуострове независимое ханство (Крымское ханство), население которого занималось интенсивным земледелием и скотоводством. Османская империя после захвата Константинополя заставила его принести присягу на верность новой империи, но оставила крымцам независимость. Условиями независимости были, с одной стороны, существование рынков на побережье, которые обеспечивали доступ в Средиземноморье, а с другой — политическая стабильность в степях Евразии¹.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. Екатерина II увеличила число подданных своей и без того обширной империи примерно на 300 000 человек, но около 1/3 проживавших в Крыму мусульман эмигрировали в Османскую империю, что заставило царицу пригласить на полуостров других поселенцев: греков, итальянцев, армян, сербов и караимов, принадлежавших к иудейской секте, возникшей в VIII в. в Месопотамии и отделившейся от равнинистического иудаизма два столетия спустя. История жизни Крыма в составе Российской империи началась с оставления русскими древней татарской столицы Бахчисарая, воспетого Пушкиным, ради новой — Феодосии или Симферополя, а также с административных преобразований, которые стерли следы далекого прошлого на полуострове и сделали его похожим в архитектурном отношении на другие области империи: достаточно вспомнить Севастополь, военно-морской порт, построенный в стиле классицизма. И все же в начале XIX в. обоснованное раскаяние заставило правительство обратиться к археологическим памятникам, связанным с византийским и древнехристианским присутствием на

этой территории, тем самым как бы создавая святыню в противовес греческой горе Афон и выставляя Крым в качестве одного из святых мест православной религии². Однако судьбы Крыма были на протяжении веков тесно связаны с отношениями, которые Россия поддерживала с Османской империей, отнюдь не одобрявшей, конечно, российского присутствия в этом регионе и в связи с этим построившей в устье Днепра крепость Очаков, чтобы контролировать маневры вновь прибывших.

Факты показывают, что константой этих отношений была *война*; целых семь более ранних войн предшествовали той, которая нас непосредственно интересует: 1686—1699, 1710—1711, 1735—1739, 1768—1774, 1787—1792, 1806—1812, 1828—1829 гг., а после нее — последняя в 1877—1878 гг. Все они в широкой мере диктовались стремлением Российской империи получить надежный выход в Средиземное море. Действительно, ключевыми территориями в этом отношении были дельта Дуная, включавшая в себя княжества Молдавию и Валахию, и северное побережье Черного моря, в частности Крым. Но непосредственной причиной войны (*ma l'immediata ragione della guerra*) был конфликт на *религиозной* почве: в страстную пятницу 10 апреля 1846 г. двадцать тысяч паломников прибыли в Иерусалим, так как в тот год день Пасхи совпадал у католиков и православных. Османским наместником в городе в это время был великий визирь Мехмет-Али. Соперничество между двумя общинами обострилось из-за одновременного запроса со стороны Франции, считавшей себя со времен крестовых походов «Первой католической державой», на ремонт крыши Храма Гроба Господня, на основании договора от 1740 г., признававшего право католиков заботиться о святом месте. Это событие вызвало гнев православных греков и России, напомнившей о Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 г., согласно которому именно она представляла интересы православных на территории Османской империи. Визит в Константинополь Лавалетта, посланника Луи-Наполеона, заставил Порту сделать ряд уступок латинянам, одновременно обнадеживая и греков секретным *фирманом*.

Спор быстро перешел в плоскость русско-османских взаимоотношений в целом и подпитывался давнишними, но не оставленными *панславистскими* требованиями России и необходимостью обуздать русский экспансионизм со стороны Высокой Порты. Идея, распространенная в России со времен, когда поп Филофей сформулировал в начале XVI в. доктрину «Москва — Третий Рим», состояла в том, что *мировое* предназначение отметило собой создание и развитие Российской империи, как сказал в свое время поэт Гавриил Державин (1743—1816) в связи со спором о «Святых мес-

тах»: «Отмстить крестовые походы, / Очистить иордански воды, / Священный гроб освободить, / Афинам возвратить Афины, / Град Константинов Константину / И мир Афету водворить». Еще более определенно высказался Михаил Погодин (1800—1875), профессор Московского университета и издатель журнала «Москвитянин», в *меморандуме*, поданном царю в 1838 г.^{*} где он утверждал: «провиденциальная миссия России в том, чтобы создать славянскую империю и стать во главе ее»; а позднее, уже в письме от 1842 г.: «Вот наше значение русское, славянское, европейское, христианское! Как русские, мы должны взять Константинополь для своей безопасности. Как славяне, мы должны освободить миллионы наших старших единоплеменников, единоверцев, просветителей и благодетелей. Как европейцы, мы должны прогнать турок. Как православные христиане, мы должны сохранить восточную Церковь и возвратить св. Софии ее вселенский крест»³. Царь Николай, хотя его не без оснований называли «жандармом Европы», не разделял в полной мере таких крайних позиций, но соглашался с их основной сутью (как явствует из помет, сделанных его рукой на полях *меморандума*) и в значительной степени осуществил их на практике: в 1848 г. русские войска, выступая против румынской революции, вошли в Молдавию и Валахию, а в июне следующего года под командованием генерала Паскевича, возглавлявшего ранее, в 1830 г. карательную экспедицию против Польши, перешли венгерскую границу и вступили в Словакию и Трансильванию. Царь так выразился в письме, адресованном Паскевичу: «Последствием (неудачи Меншикова. — С.Б.) — война. Однако прежде чем приступить к действиям, заняв княжества, — дабы всем доказать, сколько я до крайности желаю избежать войны, — решаюсь послать требование последнее туркам удовлетворить меня в 8-дневный срок, ежели нет, то объявляю войну. Сходно условленному с тобой образом действий, хочу прежде ограничиться занятием княжеств и без боя, ежели турки к нам не выйдут на левый берег Дуная. Так буду ждать, что́ занятие это произведет. Ежели они поддадутся, требовать буду сверх того части издержек по вооружению и до того не покину княжеств. Но, буде турки будут упорствовать, со своей стороны велю блокировать Босфор и брать турецкие суда в Черном море; и предложу Австрии, со своей стороны, занять Эрцеговину и Сербию. Ежели и это не подействует, тогда полагаю объявить независимость княжеств, Сербии и Эрцеговины — и тогда вряд ли Ту-

^{*} Так у автора. Возможно, речь идет о письме наследнику цесаревичу Александру Николаевичу (*примеч. пер.*).

рецкая империя устоит; и, вероятно, будут везде бунты христиан, и настанет последний час Оттоманской империи»!⁴

В то же время во Франции 2 декабря 1851 г. произошел государственный переворот Луи-Наполеона, который на следующий год, на основании общенационального референдума, упразднил Вторую республику и стал императором под именем Наполеона III. В конце того же года царь, который не мог благосклонно смотреть на нового коронованного «брата», выразил в *меморандуме*, в деталях сообщенном английскому послу сэру Гамильтону Сеймуру, свою позицию относительно «больного человека Европы» — Турции. Он уже предусматривал условия ее раздела среди великих европейских держав: России — утверждал царь, — должны отойти дунайские княжества и Добруджа, земли в дельте реки; Сербия и Болгария должны стать независимыми; адриатическое побережье — Австрии; Кипр, Родос и Египет — Великобритании; Франции — Крит; расширенная Греция должна появиться вместо Архипелага; наконец, Константинополь становится городом под международными гарантиями, а турки изгоняются из Европы. Сеймур сообщил в Лондон, но Кларендон, министр иностранных дел, утверждал, что Англия не стремится к территориальным приобретениям, а главное — не высказался по поводу возможной смерти «больного». В феврале 1853 г. князь А.С. Меншиков, принадлежавший к кругу лиц, наиболее приближенных к царю, прибыл в Константинополь со специальным поручением. Его задачей было подтвердить российское преобладание в Турции, преимущественно за счет Франции. Он должен был добиться отмены привилегий, предоставленных латинянам в святых местах, и потребовать для России право покровительства православным подданным султана. Требование это он обосновывал, апеллируя к Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., но добился только отстранения Великого Визиря Фуад-паши, предоставившего привилегии латинянам, однако дальнейшее подтверждение российского покровительства османским подданным было решительно отвергнуто. Несмотря на попытки посредничества английского посла Стрэтфорда-Каннинга, Меншиков покинул Константинополь 21 мая, и дипломатические отношения между двумя странами были разорваны. По возвращении Меншикова в Москву* Николай I решил оккупировать румынские княжества, и 2 июля 1853 г. русские войска под командованием князя М.Д. Горчакова пересекли Прут⁵. О пребывании Меншикова в Константинополе и его требованиях к Порте стало известно так-

* Так у автора (*примеч. пер.*).

же Лондону, который уже 2 июня собрал свой флот в бухте Бешикташ у азиатского берега при входе в проливы, где к нему присоединился французский, но непосредственные активные действия пока не стояли в повестке дня западных держав. 1 августа английское, французское, австрийское и прусское правительства приняли меморандум, составленный министром иностранных дел Австрии графом Буолем, известный как *Венская нота*. Последняя была принята русским правительством, но отклонена Турцией, боявшейся установления совместного русско-французского протектората над христианскими подданными империи. После встречи царя и императора Франца Иосифа в Ольмюце 26 сентября серьезные сомнения относительно хода переговоров возникли у Великобритании, которая, боясь восстановления Священного союза в ущерб английским интересам на Ближнем Востоке, приказала своему флоту пройти через Дарданеллы; за ним последовал и французский флот. 8 октября Турция объявила войну России, а 23 октября Омер-паша послал войска в Тутракан, на другой берег Дуная, и произошли первые столкновения между русскими и турками⁶.

Так началась война, названная впоследствии *Крымской*, хотя на самом деле ее более правильно было бы включать в контекст *Восточного вопроса* и соответственно называть *Восточной войной*, как справедливо и озаглавил свой подробнейший отчет Андрей М. Зайончковский, самый авторитетный историк этих событий (*Восточная война (1853—1856)*. СПб., 1908. 2 т.*; новое издание: СПб., 2002). Более того, эта война, помимо Крыма, где произошли самые известные сражения, в частности, при Балаклаве, и осада Севастополя, велась также на Кавказе, где генерал князь Андронников выбил турок с их позиций при Ахалцихе, затем генерал Бебутов разбил турецкую армию при Башкадыкларе в Анатолии; в княжествах дельты Дуная, где не было существенных сражений кроме одного — при Четати, возле Крайовы 25 декабря семь тысяч русских понесли большие потери от сильно превосходящих сил турок, однако результат остался неопределенным. Еще в январе 1854 г. царь постарался удержать Австрию от вмешательства в конфликт, для чего отправил в Вену графа Орлова, но его миссия не имела успеха, и по истечении двухмесячного срока ультиматума война между Россией и Австрией была формально объявлена 28 марта 1854 г. На Балтийском море — нападение английского флота адмирала Чарльза Нэ-

* Автор ссылается на книгу: *Зайончковский, А.М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. — СПб., 1908—1913. — Т. 1—2, [5 кн.]. Переизд.: СПб., 2002. — Т. 1; Т. 2, ч. 1—2. — *Ред.*

пира на крепость Кронштадт, а затем, в конце года, вместе с французским флотом — новое нападение в районе Аландских островов, где французы захватили крепость Бормарсунд, наконец, морская экспедиция 17—24 августа против морской базы Петропавловска на полуострове Камчатка на Тихом океане, где нападение союзных войск было отбито⁷.

Но настоящий центр столкновения между тремя союзными державами и находящейся в дипломатической изоляции Россией находился действительно в Крыму, где и решалась судьба этой «странной войны», в которой ошибочные расчеты и смутные идеи превалировали над ясными целями и планами той или иной стороны. Союзные войска высадились в Евпатории 14 сентября, имея целью нанести удар по Севастополю, опоре морского могущества России; у них было 60 000 человек (25 000 французов, 27 000 англичан, остальные — турки), в то время как русские войска располагали примерно 50—60 тысячами под командованием князя Меншикова. Первое прямое столкновение произошло 20 сентября на реке Альме, где 35 000 русских противостояли 57 000 англо-французских войск. После тяжелых боев союзникам удалось изгнать русских с их позиций, потери составили 3 тысячи со стороны союзников и 6 тысяч у русских. Вместо того, чтобы после этой удачи сразу нацелить удар непосредственно на Севастополь, тогда, кстати, еще слабо укрепленный, союзники ждали два дня, прежде чем атаковать Севастополь с юга, со стороны небольшого порта Балаклавы, откуда они могли получать снабжение. 25 сентября Меншиков был разбит при Балаклаве, несмотря на неудачную, но знаменитую «атаку шестисот», и началась долгая осада Севастополя, продолжавшаяся 11 месяцев⁸.

Также при Инкермане, недалеко от Балаклавы, 5 ноября 1854 г. русские войска, первоначально добившиеся успеха, затем отступили, отдав окончательную победу в руки союзников и оставив на поле боя 11 тысяч солдат, при потерях союзников в 4 тысячи. С этого момента военные действия сосредоточились вокруг крепости Севастополя, осажденной с самого начала конфликта. Генерал Горчаков, сменивший Меншикова во главе русской армии, провел контрнаступление в тыл осаждающих войск: 16 августа он сошелся с войсками союзников в битве при Черной речке, в которой принял участие также контингент из Сардинского королевства, но и на этот раз был разбит.

Последний штурм крепости начался 8 сентября, но союзники смогли вступить в нее только 10, после двух дней пожара города. Последний штурм обошелся союзникам почти в 10 000 погибших,

а русским — около 13 000. 26 ноября 1855 г. крепость Карс сдалась русским, что стало для них единственным приятным событием года и способствовало завершению конфликта, обеспечив Российской Империи более выгодные условия. Теперь — между прочим, после того, как 2 марта скончался царь Николай I, главный вдохновитель войны, — главная роль перешла к дипломатии, в частности австрийской, предъявившей Санкт-Петербургу ультиматум, который содержал еще два пункта в добавление к *Венской ноте* (Россия теряла княжества, но получала Южную Бессарабию*). 15 января 1856 г. новый царь Александр II, убежденный, что страна не в состоянии открыть новый военный фронт против Австрии, принял австрийские предложения. И открылась Парижская мирная конференция, проходившая с 25 февраля по 16 апреля. Условия, навязанные России, были тяжелыми, но не катастрофическими: нейтрализация Черного моря наносила удар преимущественно России, которая не имела права держать там военный флот, в то время как Турция при необходимости могла ввести в него флот из Эгейского моря; дунайские княжества объявлялись независимыми и образовывали государство Румынию; Россия возвращала Молдавии Южную Бессарабию, таким образом окончилось русское господство в Румынии⁹.

Крымская война разразилась, как мы видим, вследствие инцидента *религиозного* характера, но царю России вскоре пришлось удостовериться, что прошло время крестовых походов и борьбы христианского мира против неверных, и что новые *мотивы* и новые *перспективы* руководили правительствами великих держав, каждая из которых ориентировалась на весьма конкретные соображения, диктуемые национальными интересами, а дух Венского конгресса 1815 г. и Священного союза, на который упрямо ссылался Николай I, остался в прошлом. Однако, что особенно важно, царь смог убедиться, что и верная союзница Австрия, которую он, по его собственному представлению, облагодетельствовал во время венгерского восстания, присоединилась к враждебному блоку. Война отметила также решительный поворот в *восточном вопросе*, представлявшем собой ее историко-политический контекст: был отложен раздел Турции — который царь считал решен-

* Южная Бессарабия (в румынской историографии Districtul Cahul, Bolgrad și Ismail) — южная и восточная части историко-географической области Буджак в южной части Бессарабии. По итогам Крымской войны данная территория была передана Молдавскому княжеству в 1856 г. В результате объединения его с Валахией, эти земли вошли в состав вассальной Румынии. Берлинский трактат (1878) вернул этот регион в состав Российской империи. — *Ред.*

ным делом — и изменилась конфигурация союзов, причем вокруг Османской империи образовался новый, ранее не существовавший фронт. Таким образом, новый конфликт должен был стать уже не просто столкновением царя с султаном, и тем более не единоборством православных христиан с мусульманами. Напротив, западноевропейские державы будут в дальнейшем с определенной симпатией смотреть на борьбу за независимость румын, сербов, болгар, в то время как внутри России усилилось явление *панславизма*, считавшего, что завершение войны означает конец действия Кючук-Кайнарджийского договора и сделало анахронизмом патерналистские притязания царя в отношении православных христиан. Распространенное мнение о российской политике, циркулировавшее в Париже во время мирной конференции, хорошо резюмировал бывший первый секретарь французского посольства в Санкт-Петербурге граф Резе: «Я полагаю, что приложил все усилия для борьбы с их (русских. — С.Б.) влиянием в европейских делах, чтобы вернуть их обратно в Азию, откуда они пришли. *Россия не европейская держава* (курсив мой. — С.Б.)»¹⁰.

Дипломатической изоляции России соответствовала во время конфликта и ее логистическая отсталость: ее внутренние сообщения были очень плохи, в то время, как морская мобильность, продемонстрированная Англией и Францией, стала *новым явлением* в военном деле. Действительно, Россия вынуждена была поддерживать огромные силы на сухопутном фронте, на Дунае и на Кавказе, в то время как ее господство на Черном море развеялось как дым с проходом через Босфор флотов союзных держав; все ее западные границы были в опасности, от Арктики до северной части Тихоокеанского бассейна, а особенно на Балтике, где морское могущество противника заставило ее держать большие силы для защиты Петербурга.

Что касается личности царя, даже *панславист* Погодин дал ему четкую оценку: «Соблазненный примером своего предка Петра Великого, он (Николай) не сумел осуществить ничего подобного, так как времена изменились и деяния Петра, перенесенные в наше время, превратились в обман зрения»¹¹. Царь в конечном счете основывал свою политику на триаде, провозглашенной его министром просвещения С.С. Уваровым (1786—1855) в качестве принципов, которыми должна вдохновляться русская молодежь: «те начала, которые составляют собственность России... без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: **православная вера, самодержавие, народность**»¹².

Итог *Крымской войны*, однако, оказался в русской исторической памяти совсем другим, чем на полях сражений. Она приобрела, в

том числе благодаря «Севастопольским рассказам» (1855—1856) Льва Толстого, участника обороны крепости, и благодаря воспоминаниям современников, широкий резонанс, побудивший 250 000 русских посещать места сражений во «имя Севастополя, — как пишет Толстой, — столь многими страданиями купившего себе бессмертную славу, и имена защитников его пребудут вечно в памяти и сердцах всех русских совокупно с именами героев, прославившихся на полях Полтавских и Бородинских». Но, быть может, сложнее понять переоценку самой фигуры царя Николая I, вокруг которой еще и в 2006 г. в ходе организованной «Центром национальной славы России» конференции по Крымской войне, сложился широкий консенсус, связанный прежде всего с его деятельностью, превратившей это поражение в «моральную и религиозную победу», «акт национального самопожертвования в справедливой войне»; в связи с чем возникло даже предложение учредить военный орден имени Николая I и поместить его портрет в прихожей резиденции президента России в Кремле¹³.

¹ Сведения, помещенные в начале статьи, я почерпнул из работ: *King, Charles*. Storia del Mar Nero: Dalle origini ai giorni nostri: trad. it. — Roma, 2005; *Ascherson, Neal*. Mar Nero: Storie e miti del Mediterraneo d'Oriente: trad. it. — Torino, 1999.

² *Figes, O.* Crimea. — London, 2011. — P. 1—22; *Зайончковский, А.* Восточная война, 1853—1856: [в 2 т.]. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 8, 19; *Высочков, Л.* Император Николай I: человек и государь. — СПб., 2001. — С. 141.

³ *Тарле, Е.В.* Крымская война. (Ч. 1) // Сочинения. — М., 1959. — Т. VIII. — С. 34 и след.

⁴ *Зайончковский, А.* Восточная война, 1853—1856. — Т. 1. — С. 739, 740.

⁵ *Тарле, Е.В.* Сочинения. — Т. VIII. — С. 215.

⁶ *Figes, O.* Crimea. — P. 130 sgg.

⁷ *Тарле, Е.В.* Крымская война. (Ч. 2) // Сочинения. — М., 1959. — Т. IX. — С. 42—94.

⁸ *Taylor, A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe, 1848—1918. — London, 1954. — P. 68—90.

⁹ *Тарле, Е.В.* Сочинения. — Т. IX. — С. 499—552.

¹⁰ *Lincoln, W. Bruce.* Nicholas I. Emperor and Autocrat of All Russias. — Dekalb, Ill., 1989. — P. 352.

¹¹ *Figes, O.* Crimea. — P. 456.

¹² Ср.: *Seton-Watson, H.* Storia dell'Impero russo, 1801—1917: trad. it. — Torino, [1971]. — P. 241—248.

¹³ *Figes, O.* Crimea. — P. 492, 493.

La diffusione del pensiero religioso russo in Italia

I. Il pensiero russo ha sempre suscitato grande interesse in Italia, in particolare in questi ultimi 150 anni. Le opere dei suoi rappresentanti più grandi, hanno avuto ripetute traduzioni in lingua italiana. Basti rammentare i nomi di Gogol, Turghéniev, Puskin, Cechov, Tolstoj Dostojevskij, Bulgakov, Solovie'v. Le questioni tormentose che gravano sul destino umano di fronte a Dio, alla storia, alla natura, le drammatizzazioni nel bene e nel male dei valori fondamentali della vita morale e religiosa, hanno sempre affascinato gli spiriti dell'Occidente europeo. In loro si è sempre riconosciuta l'impronta slava che percorreva da capo a fondo le pagine delle loro grandi opere e la manifestazione dell'anima russa e della sua ricca complessità.

Se dal campo letterario-artistico si passa a quello più propriamente filosofico-teologico, il fascino del pensiero russo certamente non è venuto meno, anzi è aumentato di grado per chi lo abbia saputo cogliere ed apprezzare. Del resto si sa quanto sia strettamente collegata nella letteratura russa la dimensione letteraria, quella filosofica e quella teologica. L'interesse è stato alimentato dalla grandezza degli autori dalle vicende che hanno coinvolto la Russia, già prima della rivoluzione del 1917, poi nel periodo sovietico, dopo il 1989 e infine dopo il 1991 e dal messaggio stesso che viene dall'Oriente, secondo cui lo spirito analitico e razionalistico occidentale non soddisfa le esigenze profonde dell'uomo; donde il sogno coltivato di non pochi intellettuali russi di ricondurre la frammentazione esasperata della cultura europea ad una unità di fondo.

II. Il tema che mi è stato affidato riguarda la diffusione del pensiero religioso russo in Italia. Tema che nella sua latitudine può essere trattato in differenti maniere. Per parte mia ho pensato di considerare i soggetti che maggiormente hanno contribuito a farlo conoscere. È un primo rapido panoramica che meriterebbe di essere ben altrimenti approfondita. Ho scelto di parlare di istituzioni universitarie o di alta specializzazione, di centri culturali, di comunità religiose e come ben si comprende, di studiosi che hanno svolto le loro ricerche intorno alle opere di grandi personalità russe, e ad esse hanno dedicato le loro riflessioni, e di case editrici che hanno pubblicato lavori specifici, contribuendo quindi a diffonderne le idee.

III. Tra le istituzioni che in Italia hanno contribuito a fare conoscere il dominio del pensiero filosofico-teologico russo si deve annoverare Pontificio Istituto Orientale o come talvolta è denominato il PIO. Esso è stato fondato dal papa Benedetto XV il 15 ottobre del 1917 e affidato nel

1922 alla Compagnia di Gesù ed ha sempre operato e opera in Roma. Fin dall'inizio, si è costituito come un luogo di ricerca e di insegnamento, avente lo scopo di promuovere gli studi superiori concernenti le questioni orientali. Nella sezione storica della Facoltà di Scienze Orientali sono dati corsi e proposti seminari sulla storia sulla teologia russa; l'intento è stato ed è quello di promuovere la conoscenza dell'Oriente cristiano, antico e moderno, con particolare attenzione alle tradizioni teologiche, spirituali, liturgiche, storiche e giuridiche oltre a quelle storiche. — Una collana di libri *Orientalia Christiana Analecta* e una rivista *Orientalia Christiana Periodica*, hanno accolto e accolgono i lavori scientifici elaborati nell'Istituto. Anche la possibilità data a studenti italiani di frequentarne i corsi sono stati e sono tuttora tramite di notevole irraggiamento culturale.

Accanto al Pontificio Istituto si deve menzionare il Collegio *Russicum*, ora confluito nel PIO. Fondato da Pio XI nel 1929, era volto inizialmente a preparare sacerdoti cattolici da inviare nell'U.R.S.S., non pochi dei quali, giunti nel paese furono deportati, nei gulag o fucilati. Con il tempo la funzione del *Russicum* è mutata: dopo le aperture del Concilio Vaticano II e nell'ultimo ventennio, dopo la "perestroika" voluta da Gorbaciov, ha notevolmente favorito e favorisce l'incontro e la conoscenza tra la Russia e l'Italia soprattutto nel dominio storico-religioso. Attualmente, come ha sottolineato in una intervista nel 2009, il Professor Constantin, Simon¹ che da oltre venti anni insegna al PIO, Storia slava e Storia russa si è instaurata una grande collaborazione con centri di ricerca, istituti accademici di ogni orientamento, soprattutto ortodossi, per esempio con l'Università *San Tichon* o, fuori della Russia, con il Centro *San Sergio* di Parigi.

IV. Tra i centri culturali italiani, ne ricordo due. Il primo si deve all'opera infaticabile di un prete trentino: Padre Rodolfo Scalfi². Ordinato sacerdote nel 1948, fin da allora sentì che doveva dedicarsi interamente per i fratelli cristiani che vivono in Russia, ormai da lungo tempo discriminati e perseguitati. Egli approdò dapprima a Roma, dove frequentò il Collegio *Russicum*, poi a Bologna e a Milano. A Milano ebbe notizia che i Padri gesuiti avrebbero organizzato un convegno sulla Russia in una località non lontano da Milano, a Seriate, un centro alle porte di Bergamo. Romano Scalfi, partecipandovi, si trovò ospitato in una villa secentesca di proprietà di Elisabetta Ambiveri. Di famiglia benestante, l'Ambiveri svolgeva una intensa attività caritativa. In seguito alla invasione sovietica dell'Ungheria avvenuta nel 1956 aveva meglio percepito tutta drammaticità della situazione dei cristiani dell'Est europeo; e, conosciuto nel 1957 il progetto, a cui Padre Scalfi aveva dato il nome di *Russia cristiana*, volle contribuire alla sua opera donandogli la sua villa di Seriate, ove l'iniziativa da poco iniziata trovò una splendida sede per potere vivere e svilupparsi adeguatamente. Fin dagli inizi *Russia Cristiana* si prefisse di perseguire due scopi. Il

primo: far conoscere il valore peculiare del cristianesimo russo nella teologia, nella liturgia, nella dottrina, nelle espressioni e istituzioni della spiritualità monastica e laica, nel folklore; e ancora illustrare punti della filosofia e della letteratura russa, anche profana con speciale attenzione alla situazione di quegli anni nell'URSS. Nel gennaio del 1960 uscì il primo numero di una rivista intitolata *Russia Cristiana*, eri e oggi, che rifletteva gli intenti che Scalfi si era proposto. Una attività pubblicistica, che si prolungò per molti decenni e che ancora attualmente è viva. Ad essa si affiancarono incontri, conferenze, corsi residenziali, dapprima per il clero e poi per i laici e, a partire dal 1997 convegni internazionali. Una attività notevole in ambito italiano, sostenuta dal 1975 da una cooperativa editoriale la "Casa di Matriona" che diede voce al dissenso contro i sovietici e alla cultura alternativa che stava, nascendo, ispirata dalla grande tradizione religiosa russa. Nei decenni, intorno a Padre Scalfi confluirono collaboratori e studiosi in numero ingente. *Russia Cristiana*, dopo gli eventi del 1991, ha dato vita a una Fondazione che collabora con il Patriarcato di Mosca per la pubblicazione in lingua russa di classici della spiritualità ortodossa e cattolica, continuando anche in questo modo a perseguire un'attività di cultura religiosa, con quello spirito ecumenico che da sempre ha animato l'opera. Nato n anni più recenti, nel 1993, il *Centro di studi e di Ricerche 'Ezio Aletti'* ha molto giovato e molto giova per l'irraggiamento del pensiero teologico russo, in Italia. Istituito come parte del PIO, ha lo scopo di creare occasioni privilegiate di incontro e di scambio sul cristianesimo dell'Est europeo favorendo in particolare la conoscenza e il confronto tra la tradizione e la teologia cattolica e quella ortodossa Il desiderio di chi lo ha voluto – i signori Aletti – è stato di costituire un punto di incontro e di riflessione interculturale, in anni nei quali si va faticosamente elaborando una civiltà planetaria e si avverte che l' Europa non ha ancora prodotto alcuna sintesi – né culturale né teologica – che superi la secolare separazione tra l'Oriente e l'Occidente cristiani Il Centro insomma intende contribuire a che si persegua una fisionomia cristiana della cultura in Europa, che ha oggi la possibilità di scoprirsi di nuovo integra, proprio perché tiene in conto l'eredità orientale. Una *équipe* specializzata in teologia orientale promuove e svolge l'attività teologica nel Centro; mentre una casa editrice, la LIPA, fa conoscere, a chi ne sia interessato, testi elaborati da teologi. Basti dire che ha pubblicato finora numerose opere di Bulgakov, di Olivier Clément, ben noto teologo franco-ortodosso, e di Tomas Spidlik, già professore al PIO, unanimemente riconosciuto come grande specialista della spiritualità dell'Oriente cristiano e della teologia russa.

V. Tra le comunità religiose, ricorderò solamente la *Fraternità Monastica di Bose*, nell'Italia settentrionale, dove dal 1993 si tengono annualmente Convegni Ecumenici internazionali di spiritualità ortodossa, in

collaborazione con le Chiese Ortodosse, mirati, secondo il programma, a offrire ai cristiani delle Chiese d'Oriente e d'Occidente un'occasione di incontro per accrescere la comunione attraverso la conoscenza reciproca e l'approfondimento di dei tesori spirituali delle rispettive Tradizioni. Il priore, Enzo Bianchi, ne è, insieme alla comunità, animatore. A tali convegni partecipano, tra gli altri, membri della Chiesa Ortodossa russa. Il testo delle relazioni tenute durante i convegni sono consegnati ad Atti pubblicati dalle Edizioni "Qiqajon" del Monastero stesso.

VI. A questo punto, nel tentativo di fare un primo approssimato e frettoloso bilancio della promozione e dello sviluppo del pensiero religioso teologico russo in Italia non si può tacere il contributo di singoli esperti, unitamente a quello delle case editrici che ne pubblicano i lavori. Mi soffermerò esclusivamente, in questo mio scorcio breve e parziale, su traduzioni dedicate a tre grandi autori russi, che sono stati fatti conoscere in Italia negli ultimi quaranta anni: Vladimir Sergevič Solovi'ev, Pavel Florenkij, Sergej Nikolaevič Bulgakov.

Vladimir Sergevič Solovi'ev. Fin dal Fin dagli anni '70 era stata pubblicata una dettagliata presentazione della sua figura da parte di Nynfa Bosco³, della Facoltà di Filosofia dell'Università di Torino, mentre nel decennio successivo T. Spidlik – a cui già si è fatto un cenno – ritornava sull'argomento⁴. Numerosi sono stati i suoi scritti tradotti in italiano dalle case editrici Jaka Book (1971 e 1973), Marietti (1975), La "Casa di Matrona" (1983), opere queste introdotte da pagine illuminanti di ricercatori italiani. Tra l'altro ha attirato l'interesse il suo pensiero sulla unità originaria che non si oppone alla molteplicità creata, ma costituisce con essa una reale unità nella molteplicità, che può realizzarsi nelle forme dell'organizzazione della Chiesa, istituita da Cristo; donde si è sviluppato il 'lavoro' di Solov'ev appassionato per la riunione della Chiese separate; così come è stata posta in luce l'influenza che ha esercitato su Florenskij e su Bulgakov.

Pavel Florenskij. A questa personalità assolutamente unica di teologo, filosofo, matematico e, più ancora, di testimone che ha sigillato la sua intensa avventura umana con il dono della vita, la ricerca teologica e filosofica in Italia ha riservato una attenzione crescente, intuendo già da tempo il rilievo eccezionale della sua lezione. Natalino Valentini⁵, Graziano Lingua⁶ e L'ubomir Žák⁷ (un giovane teologo slovacco che ha terminato i suoi studi superiori a Roma) hanno dedicato monografie di valore su aspetti fondamentali della visione dello scrittore, che è stato paragonato per la sua straordinaria intelligenza e versatilità a Leonardo da Vinci e a Pascal. A L'ubomir Žák si devono altri bei lavori sull'autore che qui ci interessa. Molte le traduzioni di sue opere in italiano, a cominciare da La colonna e il fondamento della verità, che è stata disponibile fin dal 1974 e poi ristampata nel 1988⁸ e Le porte regali⁹, studio fondamentale per cogliere il

senso teologico delle icone. In quel medesimo anno si svolgeva a Bergamo il primo Congresso Internazionale di Studi Floreskijani, voluto e organizzato da Nina Kauschtschiscwili, i cui Atti, però sono stati editi in tedesco, in Germania¹⁰. Ci si può chiedere il motivo per cui in Italia (in vero non solo in Italia), l'opera di Florenskij abbia avuto molta fortuna. forse perché si è colto il suo progetto di cultura integrale illuminato dal mistero, antico e sempre nuovo dell'Agape cristiana, capace di intercettare i segni dei tempi¹¹, forse anche perché è stato un testimone, cioè un martire¹².

Sergej Nikolaevič Bulgakov che, tra l'altro, considerava Solov'ev sua guida filosofica verso il Cristo, quando stava portando a compimento il, cammino dal marxismo all'idealismo e poi all'ortodossia, aveva mutuato da lui la dottrina sofologica, che pur tuttavia aveva originalmente rielaborato; dottrina discussa come, d'altra parte la sua vicenda storica e intellettuale che egli termina come esule a Parigi, essendo stato espulso dalla sua terra. Indubbia è l'originalità con cui combina la prospettiva dell'evento -“kenotico” con la croce e la dottrina sofologica, che lo rendono solitario ed estraneo addirittura alla “ortodossia storica” e suscitano intorno a lui incomprensione, fino alla condanna che la sua Chiesa gli infligge. L'audacia con cui affronta il cuore del mistero cristiano, cercando di coniugarlo all'annuncio del Vangelo nell'oggi della storia che rende il suo messaggio grandemente attuale, non poteva che destare l'interesse in special modo dei teologi in Italia. Ottima introduzione agli scritti giovanili (1897—1913) è quella fornita da Pier Cesare Bori¹³. Come pure eccellente è la voce di C. Andronikov nel *Grande Dizionario delle Religioni*¹⁴ e l'esposizione del suo pensiero nel volume dedicato alla *Storia della teologia contemporanea*¹⁵ o in singole monografie¹⁶. Tra le sue opere maggiori sono state tradotte e introdotte in italiano L'Agnello di Dio, per la casa Editrice Città Nuova¹⁷ — che ha una magistrale introduzione dovuta al teologo Piero Coda; La Sposa dell'Agnello, per la casa Editrice Jaka Book; Il Paraclito¹⁸ per le Edizioni Dehoniane e ancora gli scritti giovanili, dei quali si è detto, per le Edizioni Marietti. Né si possono dimenticare le numerose opere di Bulgakov, rese in italiano dalla editrice LIPA del centro Aletti (Presso le mura del Chersoneso (1998). Per una teologia della cultura, prima traduzione in una lingua occidentale del testo nella sua interezza); Il rovetto ardente. Aspetti della venerazione della Madre di Dio (1998); La luce senza tramonto (2002); La scala di Giacobbe (2005); Il santo Graal: l'Eucarestia (2006).

VII. Per concludere, intorno a queste figure, alle quali molte altre se ne potrebbero aggiungere, sono state scritte in Italia opere pregevoli, di alta qualità scientifica, facendo con ciò conoscere meglio elementi essenziali del pensiero teologico (e filosofico) russo. Anche se occorre notare che molto resta ancora da fare perché nella cultura italiana, troppo influenzata e condizionata da modelli anglosassoni, i 'tesori' dell'Est Europeo siano possano essere apprezzati in tutto il loro valore.

- ¹ Constantin Simon è autore di un poderoso volume che delinea in modo esauriente la storia del *Russicum* dagli inizi agli anni '70 intitolato, *The Russicum and the Catholic Work for Russia*, Edizioni Orientalia Christiana Analecta, n. 283, Roma, 2010.
- ² Per conoscere più da vicino la sua figura, cf. P. Colognesi, *Russia Cristiana. Una biografia di Padre Romano Scaffi*, Edizioni San Paolo, Cinisello Balsamo (Milano), 2007.
- ³ N. Bosco, Vladimir Solovi'ev, *Esperienza religiosa e ricerca filosofica*, Torino, Giappichelli Editore, [1976].
- ⁴ T. Spidlik, Vladimir Solovi'ev, in *La mistica. Fenomenologia e riflessione teologica*, Roma, Città Nuova, 1984, pp. 621–644.
- ⁵ N. Valentini, *La sapienza dell'amore. Teologia della bellezza e linguaggio della verità*, "Collana Nuovi Saggi Teologici", Bologna, Edizioni Dehoniane, 1977; id., *Memoria e resurrezione in Florenskij e in Bulgakov*, Villa Verucchio, Pazzini Editore, 1997.
- ⁶ G. Lingua, *Oltre l'illusione dell'Occidente. P. A. Florenskij e i fondamenti della filosofia russa*, Torino, S. Zamorani Editore, 1999; Id., *Icona e avanguardie. Percorsi dell'immagine in Russia*, Torino 1999, S. Zamorani Editore, 1999.
- ⁷ L. Žák, *Verità come ethos. La teodicea trinitaria di P. A. Florenskij*, "Collana di Teologia", Roma, Città Nuova 1998.
- ⁸ P. Florenskij, a cura di E. Zolla, Milano, Rusconi Editore. 1974. Vd. pure P. F., *La luce della verità*, Roma, Editrice Studium 1986, introduzione di M.G. Valenziano; P.A. Florenskij, *Il sale della terra. Vita dello starec Isidoro*, Magnano (Comunità di Bose), Edizioni "Qiqajon".
- ⁹ P. F., *Le porte regali*, a cura di E. Zolla, Milano, Adelphi Editore, 1977.
- ¹⁰ P.A. Florenskij *i kulturs ego vremeni (P.A. Florenskij e la cultura del suo tempo)*, Marburg, 1995. La Kauchischtschiscwili ha notevolmente contribuito a fare conoscere, interpretandola, l'opera dello scrittore russo anche sotto il profilo estetico.
- ¹¹ P. Coda, "Florenskij e l'ontologia trinitaria", in «Nuova Umanità. Rivista di cultura», 22, (2000), pp. 317–332 (317). Proprio in Italia, da circa un trentennio, in aderenza al carisma dell'unità che ispira il Movimento cristiano dei Focolari, si va studiando per focalizzarla, a partire dalla centralità dell'evento pasquale di Gesù Cristo, quella luce trinitaria che, dischiudendo il mistero di Dio si irraggia sulla persona umana, sulla vita sociale, sul destino del cosmo. Molto devo in questo mio intervento all'articolo citato di P. Coda, a cui sono grato per le indicazioni cordialmente datemi.
- ¹² Si ricordino le lettere dal gulag staliniano, raccolte sotto il titolo *Non dimenticatemi, "Uomini e religioni"*, Milano, Mondadori, 2000 e il volume pubblicato a Mosca nel 1992 e in Italia nel 2003, *Ai miei figli. Memorie di giorni passati*, Milano, Mondadori.
- ¹³ Cf. S. Bulgakov, *Il prezzo del progresso. Saggi 1897–1913*, Casale Monferrato, Marietti, 1984.
- ¹⁴ A cura di P. Poupard, Torino, Marietti, 1988.
- ¹⁵ Fr. Arduzzo, G. Ferretti — A. M. Pastore — U. Perone, *La teologia contemporanea*, Torino, Marietti, [1980]; B. Mondin, *I grandi teologi del ventesimo secolo*. Torino, 1969, Vol. 1.
- ¹⁶ Cf. P. Evdokimov, *Cristo nel pensiero russo*, trad. it., Roma, Città Nuova 1972; P.C. Bori — P. Bettolo, *Movimenti religiosi in Russia prima delle rivoluzioni (1900–1917)*, Brescia, Queriniana, 1978; G. Florovskij, *Vie della teologia russa*, trad. it. Genova, Marietti, 1987.
- ¹⁷ Roma 1990.
- ¹⁸ Cf. S. Bulgakov, *Il Paraclito*, introduzione a cura di P. C. Bori, trad. it., Bologna, Edizioni Dehoniane, 1971.

П. Синискалько

Распространение русской религиозной мысли в Италии

I. Русская религиозная мысль всегда вызывала большой интерес в Италии, особенно в последние 150 лет. Произведения ее крупнейших представителей неоднократно переводились на итальянский язык. Достаточно назвать имена Гоголя, Тургенева, Пушкина, Чехова, Толстого, Достоевского, Булгакова, Соловьева. Трудные вопросы о судьбе человека перед лицом Бога, истории, природы, драматическое выражение в добре и зле фундаментальных моральных и религиозных ценностей привлекали и очаровывали людей европейского Запада. В них всегда заметно славянское влияние, пронизывающее насквозь страницы их важнейших произведений, проявление русской души во всей ее сложности и богатстве.

Если из области литературно-художественной перейти непосредственно в сферу религиозно-теологическую, то очарование русской мысли будет, конечно, не меньшим, напротив, оно поднимается на более высокую ступень для тех, кто сумел его воспринять и оценить. К тому же известно, насколько тесно связаны в русской литературе собственно литературное, философское и богословское измерение. Интерес этот подпитывался масштабом личности и таланта авторов, событий, в которые была вовлечена Россия начиная с периода еще до революции 1917 г., затем в советский период, после 1989 г. и, наконец, после 1991 г., а также самим содержанием идеи, идущей с Востока, согласно которой западный рационалистический и аналитический дух не удовлетворяет глубоких потребностей человека; отсюда мечта, которую питали многие русские мыслители — свести безнадежную раздробленность европейской культуры к глубинному единству.

II. Тема, которую мне предстоит рассмотреть, — распространение русской религиозной мысли в Италии. К этой теме в силу ее широты можно подходить по-разному. Со своей стороны, я решил обратиться к тем фигурам, благодаря которым она и стала известна в мире. Это первый краткий обзор, который следует дополнить, с другой стороны. Я счел необходимым поговорить также об университетах и высших специализированных заведениях, культурных центрах, религиозных общинах и, что нетрудно понять, об ученых,

посвятивших свои исследования выдающимся русским мыслителям и их трудам, об издательствах, публиковавших специальные работы и таким образом способствовавших распространению идей.

III. Среди тех организаций, благодаря которым в Италии происходило знакомство с русской религиозно-философской мыслью, следует упомянуть Папский Восточный институт (Pontificio Istituto Orientale), или, как он иногда сокращенно называется, ПИО. Он был основан папой Бенедиктом XV 15 октября 1917 г., а в 1922 г. передан под контроль Общества иезуитов; местом его пребывания был и остается город Рим. С самого своего возникновения он играл роль высшего образовательного и научного центра, имеющего целью развивать обучение и исследования в области восточной проблематики. На историческом отделении факультета восточных наук читаются лекционные курсы и ведутся семинарские занятия по истории русского богословия; задачей их было и остается расширение знаний о христианском Востоке, древнем и современном, с особым вниманием к богословским, духовным, литургическим, историческим и правовым традициям, помимо собственно истории. В серии книг под названием «*Orientalia Christiana Analecta*» и в журнале «*Orientalia Christiana Periodica*» публиковались и публикуются научные труды Института. Также предоставленная итальянским студентам возможность посещать занятия была и остается важным фактором культурной трансляции.

Наряду с Папским институтом надо упомянуть колледж *Russicum*, в настоящее время объединенный с Институтом. Основанный Пием XI в 1929 г., он первоначально специализировался на подготовке католических священников, направлявшихся в СССР, многие из которых по прибытию в страну были депортированы в ГУЛАГ или расстреляны. Со временем задачи колледжа изменились: после провозглашения политики открытости II Ватиканским Собором и особенно в последнее двадцатилетие, после «перестройки», проведенной Горбачевым, он стал активно способствовать взаимному познанию России и Италии, особенно в историко-религиозной сфере. В настоящее время, как подчеркнул в 2009 г. в интервью профессор Константин Симон¹, уже более двадцати лет преподающий в ПИО славянскую и российскую историю, установилось тесное сотрудничество с исследовательскими центрами, академическими институтами различного профиля, особенно православными, например, со Свято-Тихоновским институтом* или, за пределами России, с парижским Свято-Сергиевским центром**.

* С 2004 г. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. — *Ред.*

** Речь идет о Свято-Сергиевском православном богословском институте. — *Ред.*

IV. Из культурных центров можно вспомнить два. Первый возник благодаря неумолимой активности священника из Тренто падре Родольфо Скальфи². Рукоположенный в сан в 1948 г., он с тех пор считал своим долгом всецело посвятить свои силы братьям-христианам в России, уже давно подвергавшимся преследованиям и дискриминации. Он прибыл сначала в Рим, где учился в колледже *Russicum*, затем в Болонью и Милан. В Милане до него дошла весть, что отцы-иезуиты организовали конференцию по России в небольшом городке Сериате, не так далеко от Милана и совсем рядом с Бергамо. Романо Скальфи, принявший в ней участие, нашел на это время приют на вилле XVI в., принадлежавшей Элизабетте Амбивери. Происходя из обеспеченного семейства, Амбивери широко занималась благотворительностью. Вследствие советского вторжения в Венгрию в 1956 г. она лучше осознала, насколько драматично было положение христиан в Восточной Европе, и, узнав в 1957 г. о проекте, который падре Скальфи назвал «*Russia cristiana*», решила внести в это дело свой вклад, подарив свою виллу в Сериате; таким образом у вновь созданной организации появилась прекрасная штаб-квартира, что позволило ей успешно жить и развиваться. С самого начала «*Russia Cristiana*» поставила перед собой две задачи. Первая — распространять знакомство с русским христианством и его особенностями в богословии, литургии, вероучении, проявлениях и учреждениях монашеской и светской духовности, в фольклоре; а также освещать вопросы русской философии и литературы, в том числе и светской, с особым вниманием к современному советскому периоду. В январе 1960 г. вышел первый номер журнала «*Russia Cristiana, ieri e oggi*», что отражало задачи, которые ставил перед собой Скальфи. Эта публицистическая активность продолжалась много десятилетий и не угасла до сих пор. К ней прибавились встречи, конференции, курсы, сначала для духовенства, а затем и для мирян, а с 1997 г. — международные конгрессы. Это заметная в итальянских масштабах деятельность, которая с 1975 г. опиралась на кооперативное издательство «*Casa di Matrona*» («Дом Матрены»), давшее возможность выражения своих взглядов антисоветской оппозиции и зарождавшейся альтернативной культуре, вдохновлявшейся великой русской религиозной традицией. На протяжении десятилетий вокруг падре Скальфи сплотились множество исследователей и сотрудников. «*Russia Cristiana*» после событий 1991 г. превратилась в фонд, сотрудничающий с Московской патриархией в области издания на русском языке классиков православной и католической духовности, продолжая таким образом деятельность в сфере религиозной

культуры в духе экуменизма, которым она всегда вдохновлялась. Возникший значительно позднее, в 1993 г., «Центр исследований им. Эцио Алетти» много способствовал и продолжает способствовать распространению русской богословской мысли в Италии. Основанный как часть РЮ, этот центр имеет целью создание благоприятных условий для взаимного изучения и сопоставления традиции и богословия католического и православного мира. Желанием основателей — представителей семейства Алетти — было создать место встречи и межкультурных контактов в период, когда ценой больших усилий вырабатывается общечеловеческая цивилизация и приходит осознание того, что Европа до сих пор не осуществила ни культурного, ни теологического синтеза, который бы позволил преодолеть вековое разделение христианского Запада и Востока. Центр, таким образом, стремится к тому, чтобы сохранить христианский облик европейской культуры, имеющей сегодня шанс вновь предстать в едином, цельном виде, именно за счет охвата восточного наследия. Группа специалистов по восточному богословию проводит в Центре теологические изыскания, в то время как собственное издательство LIPA позволяет всем интересующимся познакомиться с работами богословов. Достаточно сказать, что оно к настоящему моменту опубликовало уже многочисленные произведения Булгакова, Оливье Клемана, известного французского православного богослова, и Томаса Спидлика, в прошлом преподавателя РЮ, общепризнанного специалиста в области духовности христианского Востока и русского богословия.

V. Среди религиозных общин упомяну только «Монашеское братство Бозе» в Северной Италии, где с 1993 г. ежегодно проводятся международные экуменические конференции по православной духовности, организуемые при участии поместных православных церквей, и преследующие, согласно программе, цель предоставить христианам восточных и западных церквей возможность для встречи и сближения посредством взаимного познания и углубленного знакомства с духовными богатствами соответствующих традиций. Приор братства Энцо Бианки является, наряду со всей общиной, активным инициатором таких контактов. В этих конференциях принимают участие, среди прочих, члены Русской Православной церкви. Тексты выступлений на конференциях издаются в сборниках трудов монастырским издательством Qiqajon.

VI. Давая краткий общий обзор развития и распространения русской и религиозно-богословской мысли в Италии, нельзя не упомянуть вклад отдельных специалистов наряду с издательствами, публикующими их труды. В данном сжатом обзоре я оста-

новлюсь только на переводах трех выдающихся русских авторов: В.С. Соловьева, П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова.

Владимир Соловьев. С 70-х годов публиковалось подробное исследование его жизни и творчества, созданное Нинфой Боско³ (философский факультет Туринского университета), а последующие десятилетия этой темой занимался Т. Спидлик, о котором уже упоминалось выше⁴. Многие работы мыслителя были опубликованы в переводе на итальянский издательствами Jaka Book (1971 и 1973), Marietti (1975) и «Casa di Matriona» (1983), книги имели предисловия, написанные итальянскими исследователями. Среди прочего, интерес вызывала его мысль об изначальном единстве, которая не противопоставляется многообразию творения, а образует с ним реальное единство в многообразии, воплощающееся в форме церковной организации, основанной Христом; отсюда «труды» Соловьева, страстного сторонника объединения разделенных церквей; было также отмечено влияние, оказанное им на Флоренского и Булгакова.

Павел Флоренский. Этой уникальной фигуре богослова, философа, математика и, главное, участника бурных событий своего времени, который оставался последовательным вплоть до самопожертвования, итальянские исследователи философии и богословии уделяют все большее внимание, уже давно почувствовав исключительное значение его учения. Наталино Валентини⁵, Грациано Лингуа⁶ и Любомир Зак⁷ (молодой словацкий богослов, получивший высшее образование в Риме) посвятили интересные монографии важнейшим аспектам мировоззрения писателя, которого за его исключительный ум и широту интересов сравнивали с Леонардо да Винчи и Паскалем. Любомиру Заку принадлежат и другие ценные работы об интересующем нас авторе. Многочисленны также переводы его сочинений на итальянский язык, начиная от «Столпа и утверждения истины», вышедшего в 1974 г. и позднее переизданного в 1988 г.⁸, и «Царских врат»⁹ — важнейшего произведения для понимания богословского смысла икон. В том же году (1988. — *Ред.*) в Бергамо прошел первый Международный конгресс, посвященный Флоренскому, задуманный и организованный Ниной Каухчишвили, сборник докладов которого, однако, вышел на немецком языке в Германии¹⁰. Может возникнуть вопрос, почему в Италии (на самом деле не только в Италии) творчество Флоренского получило такое признание. Возможно потому, что было понято его видение культуры как всеединства, озаренного тайной, древнего и вечно нового в христианской любви (агапе), способной улавливать знаки времени¹¹, возможно также в силу его *свидетельствования*, иными словами *мученичества*¹².

Сергей Булгаков, кстати, считавший Соловьева своим философским руководителем на пути к Христу, в то время как он совершал переход от марксизма к идеализму, а затем к православию, позаимствовал у него софиологическую доктрину, впрочем, подвергнув ее оригинальной переработке; доктрина эта вызывала споры, как впрочем и его исторический и интеллектуальный путь, который он завершил эмигрантом в Париже, будучи изгнан из своей родины. Несомненна оригинальность, с которой он сочетает перспективу события-«кенотика» с крестом и софиологической доктриной, что делает его одиноким и чуждым даже для «исторического» православия и вызывает в отношении него непонимание, вплоть до осуждения, наложенного на него церковью. Смелость, с которой он подходит к самой сути тайны христианства, стараясь связать ее с благовествованием Евангелия в нынешний момент истории, что делает его послание исключительно актуальным, не могла не вызвать интерес, особенно среди итальянских теологов. Прекрасное введение к юношеским работам философа (1897—1913) написано Пьером Чезаре Бори¹³. Также очень хороша статья К. Андроникова в «Большом словаре религий»¹⁴ и изложение его идей в томе, посвященном «Истории современного богословия»¹⁵, и в отдельных монографиях¹⁶. Из его важнейших сочинений были переведены и изданы на итальянском языке с предисловием: «Агнец Божий» (издательство Città Nuova¹⁷), с блестящим введением, написанным богословом Пьеро Кодой, «Невеста Агнца» (издательство Jaka Book), «Утешитель»¹⁸ (издательство Dehoniane), а также юношеские работы, о которых уже говорилось выше (издательство Marietti). Нельзя также забывать о многочисленных трудах Булгакова, опубликованных издательством LIPA, принадлежащим Центру Алетти («Устен Херсонеса» (1998); «К теологии культуры» — первый полный перевод на европейский язык; «Купина неопалимая. Аспекты почитания Богоматери» (1998); «Свет невечерний» (2002); «Лествица Иаковля» (2005); «Святой Грааль: Евхаристия» (2006)).

VII. В заключение отмечу, что относительно этих фигур, к которым можно было бы добавить целый ряд других, в Италии написаны ценные работы высокого научного уровня, позволяющие лучше познакомиться с основными элементами русской богословской (и философской) мысли. Хотя надо отметить, что еще многое предстоит сделать для того, чтобы в итальянской культуре, испытывающей слишком сильное влияние англосаксонских моделей, «сокровища» европейского Востока могли быть оценены по достоинству.

- ¹ Константин Симон является автором содержательного тома, подробно описывающего историю колледжа Russicum с момента основания до 70-х годов: *Simon K., S.J. Pro Russia: The Russicum and the Catholic Work for Russia.* — Roma, 2010. — (Orientalia Christiana Analecta; n. 283).
- ² Чтобы ближе познакомиться с его личностью, см.: *Colognesi, P. Russia Cristiana. Una biografia di Padre Romano Scalfi.* — Milano: San Paolo, Cinisello Balsamo, 2007.
- ³ *Bosco, N. Vladimir Solovi'ev: Esperienza religiosa e ricerca filosofica.* — Torino: G. Giappichelli, [1976].
- ⁴ *Spidlik, T. Vladimir Solovi'ev // La mistica. Fenomenologia e riflessione teologica.* — Roma: Città Nuova, 1984. — P. 621—644.
- ⁵ *Valentini, N. Pavel A. Florenskij: La sapienza dell'amore. Teologia della bellezza e linguaggio della verità.* — Bologna: Dehoniane, [1998]. — (Collana Nuovi Saggi Teologici); *Idem. Memoria e resurrezione in Florenskij e Bulgakov.* — Verucchio, RN: Pazzini, 1997.
- ⁶ *Lingua, G. Oltre l'illusione dell'Occidente. P.A. Florenskij e i fondamenti della filosofia russa.* — Torino: S. Zamorani, 1999; *Idem. Icona e avanguardie. Percorsi dell'immagine in Russia.* — Torino: S. Zamorani, 1999.
- ⁷ *Žák, L. Verità come ethos: La teodicea trinitaria di P.A. Florenskij.* — Roma: Città Nuova, 1998. — (Collana di Teologia).
- ⁸ *Florenskij, P. La colonna e il fondamento della verità / a cura di E. Zolla.* — Milano: Rusconi, 1974. Vd. pure: *Idem. La luce della verità / introduzione di M.G. Valenziano.* — Roma: Editrice Studium, 1986; *Idem. Il sale della terra. Vita dello starec Isidoro.* — Magnano (Comunità di Bose): Griqajon, 1992.
- ⁹ *Idem. Le porte regali, saggio sull'icona (1921—1922) / a cura di E. Zolla.* — Milano: Adelphi, 1977.
- ¹⁰ П.А. Флоренский и культура его времени = P.A. Florenskij e la cultura del suo tempo. — Marburg, 1995. Н. Каухчишвили, занимаясь исследованием трудов русского писателя, много сделала для того, чтобы его творчество стало известно, в частности, и в плане эстетики.
- ¹¹ *Coda, P. Florenskij e l'ontologia trinitaria // Nuova Umanità: Rivista di cultura.* — 2000. — 22, 2. — P. 317, 332 (317). Именно в Италии уже около тридцати лет в согласии с духом единства, оживляющим Движение христианских очагов, изучают, сосредоточиваясь вокруг Пасхи как центрального элемента земной жизни Христа, тот свет Троицы, который, раскрывая тайну Бога, изливается на человека, на общественную жизнь, на судьбы вселенной. В плане подготовки этой статьи я многим обязан названной выше статье П. Коды, которого я благодарю за любезно предоставленные сведения и ценные указания.
- ¹² Вспомним его письма из сталинского ГУЛАГа, изданные под заглавием «Не забывайте меня»: *Florenskij, P. Non dimenticatemi.* — Milano: Mondadori, 2000. — (Uomini e religioni); и том, вышедший в Москве в 1992 г. и в Италии в 2003 г., — «Детям моим»: *Florenskij, P.A. Ai miei figli: Memorie di giorni passati.* — Milano: Mondadori, 2003.
- ¹³ Cf.: *Bulgakov, S.N. Il prezzo del progresso. Saggi 1897—1913.* — Casale Monferrato: Marietti, 1984.
- ¹⁴ *Andronikov, C. Sergei Bulgakov // Grande Dizionario delle Religioni / a cura di P. Poupard.* — Torino: Marietti, 1988. — P. 118, 119.

- ¹⁵ La teologia contemporanea / Fr. Arduso, G. Ferretti, A.M. Pastore, U. Perone. — Torino: Marietti, [1980]; *Mondin, B.* I grandi teologi del ventesimo secolo. — Torino, 1969. — Vol. 1.
- ¹⁶ Cf.: *Evdokimov, P.* Cristo nel pensiero russo: trad. it. — Roma: Città Nuova, 1972; *Bori, P.C., Bettiolo, P.* Movimenti religiosi in Russia prima delle rivoluzioni (1900—1917). — Brescia: Queriniana, 1978; *Florovskij, G.* Vie della teologia russa: trad. it. — Genova: Marietti, 1987.
- ¹⁷ *Bulgakov, S.* L'Agnello di Dio. — Roma, 1990.
- ¹⁸ Cf.: *Bulgakov, S.* Il Paraclito: introduzione / a cura di P.C. Bori: trad. it. — Bologna: Dehoniane, 1971.

Togliatti fra URSS e Italia: un uomo di frontiera?

Palmiro Togliatti, segretario del Partito comunista italiano dal 1927 fino al 1964, visse in Russia, a Mosca, per circa otto dei suoi diciotto anni di esilio. E a Yalta, nella Crimea che era ed è Ucraina, ma allora era una repubblica di quell'Unione Sovietica che per molti era sinonimo di Russia, se non altro per essere la costruzione statale nata dalla rivoluzione russa, morì nel 1964. Sotto più di un aspetto, egli fu fino all'ultimo giorno della sua vita un uomo del comunismo internazionale. L'autorità e il prestigio che si era guadagnato da quando era diventato membro del Segretariato del Comintern, nel 1934, durarono per trent'anni.

Togliatti fu l'ultimo sopravvissuto della ristretta cerchia di dirigenti del Comintern; e fino alla fine ebbe un ruolo importantissimo non solo nella politica del suo partito a livello nazionale, ma anche nei rapporti internazionali all'interno del movimento comunista. Quando improvvisamente ebbe l'emorragia cerebrale che gli fu fatale, nell'agosto del 1964, era stato convocato nell'URSS perché desse il suo consiglio sul contrasto che opponeva il PCUS al Partito comunista cinese: anche se quello che scrisse nei suoi ultimi appunti, il cosiddetto memoriale di Yalta, non fece piacere ai suoi interlocutori sovietici, evidentemente ci si aspettava che esercitasse la sua funzione di *senior leader*, e che facesse pesare tutta la sua autorevolezza confermando la condanna del PCC.

Gli onori che gli furono tributati dopo la morte erano il segno chiaro dell'entità di questo prestigio. Nel pomeriggio del 21 agosto la prima visita alla salma di Togliatti fu quella di Nikita Chruscev, accompagnato da alcuni alti dirigenti sovietici: e sua la prima guardia d'onore al feretro, accanto al quale si alternarono poi, con la loro bandiera, i "pionieri" che avevano ascoltato il suo ultimo discorso. Il 22 agosto la "Pravda" uscì con una grande ritratto dello scomparso listato a lutto: l'intera prima pagina e oltre la metà della seconda erano dedicate alla sua biografia. I riti del solenne cerimoniale di quella che Togliatti aveva considerato fino all'ultimo giorno della sua vita la "patria del socialismo" erano l'estrema testimonianza di un legame vero, profondo, con una storia di trionfi e di tragedie che gli era totalmente appartenuta. Ma la manifestazione di popolo costituita dai funerali che si celebrarono a Roma il 25 agosto 1964, con la partecipazione di diverse centinaia di migliaia di persone, fu

il segno impressionante del rapporto più intenso ancora che il partito di Togliatti aveva saputo stabilire con la società italiana.

Il ruolo di Togliatti nella storia del XX secolo spazia tra questi due poli, che semplificando al massimo si possono anche riassumere nel binomio Russia — Italia. Qui si dedicherà maggiore attenzione al primo dei due termini di questo binomio, senza però trascurare il secondo.

Anche se diventa comunista fin dal 1921, quando al Congresso di Livorno, in gennaio, l'ala rivoluzionaria si scinde dalla maggioranza "centrista" e riformista del Partito socialista italiano, gli anni in cui si compie la formazione culturale e politica di Togliatti sono gli anni della lotta contro il fascismo in ascesa, anni che la segnano ben più profondamente di quanto non faccia la Rivoluzione d'ottobre, di cui egli ha all'inizio una conoscenza abbastanza approssimativa. La sua opposizione alla nascente dittatura è dettata all'origine non meno da una netta ripulsa morale e da una profonda contrapposizione alle tare storiche dello Stato e del "carattere" italiani di cui il fascismo gli appare la rivelazione, che da un'analisi marxista di classe.

D'altra parte, è proprio la sconfitta subita dal movimento operaio italiano tra il 1920 e il 1926 che lega indissolubilmente Togliatti a un progetto di rivoluzione mondiale di cui quella sconfitta può essere letta come un episodio, una battaglia perduta in una guerra destinata ad essere vittoriosa. Il riconoscersi parte di un grande progetto di riscatto dell'umanità che ha la sua guida e il suo motore nella Russia sovietica danno alla lotta contro il fascismo un ancoraggio ideale incrollabile: un "partito mondiale della rivoluzione", l'organizzazione collettiva interprete e strumento della razionalità della storia.

In questo "partito mondiale della rivoluzione" Togliatti svolse un ruolo di primo piano per molti anni. A Mosca arrivò nella primavera del 1926, ad appena trentatré anni, ma subito si impose come uno dei quadri del Comintern più capaci, e anche più in grado di districarsi nel groviglio dei contrasti che sempre più laceravano il partito sovietico. Per tenerne fuori il proprio partito, il PCI, non esitò a "bloccare" la lettera di Gramsci che denunciava quel conflitto per il danno che provocava al movimento comunista internazionale, ma finiva così per mettere sullo stesso piano la maggioranza e l'opposizione. Le sue posizioni furono in un primo momento molto vicine a quelle di Bucharin, di cui condivideva una visione della rivoluzione mondiale come processo lento e contrastato; ma quando dopo il VI Congresso Bucharin cadde in disgrazia, ne prese nettamente le distanze. Tuttavia non riuscì a impedire che l'intera linea del PCI, quale si era sviluppata dal 1926 in poi sotto la direzione di Gramsci e anche sua, fosse sottoposta a dure critiche, che misero in questione anche la sua leadership. Le cose cambiarono solo

cinque anni dopo quando Togliatti – da Parigi dove si era spostato nel 1927 alla testa del PCI in esilio – fu richiamato a Mosca con il compito di preparare il rapporto al VII Congresso sulla lotta contro il pericolo di guerra. Ercoli – questo il nome in cui era noto nell’Internazionale e nel partito – divenne uno dei più importanti dirigenti del Comintern e fu chiamato a far parte del Segretariato, diventando di fatto il vice di Georgi Dimitrov.

Erano anni cruciali e drammatici. Prima di partire per la Spagna, dove il Comintern lo inviò quale proprio rappresentante dal luglio 1937 fino alla fine della guerra, Togliatti visse a Mosca il periodo in cui cominciò a scatenarsi il terrore staliniano. E’ difficile conciliare la ricchezza delle sue riflessioni sulla situazione spagnola e le sue stesse critiche alla mancanza di una vera vita democratica nella Repubblica con il suo atteggiamento durante le grandi purghe del 1936–1938. Come membro del Segretariato, Togliatti condivise la responsabilità almeno politica delle repressioni che falciarono gli organismi del Comintern e i gruppi dirigenti di interi partiti. Come ha scritto già alla fine degli anni ‘60 Paolo Spriano, vi fu da parte di Togliatti “non solo accettazione ma iniziativa nella lotta al trotskismo”. Le competenze di responsabile per la sezione agitazione e propaganda del Comintern lo collocarono in effetti per così dire “in prima linea” su questo terreno fin dal 1936.

E’ possibile che Togliatti almeno in parte fosse convinto che era in atto un complotto contro il potere sovietico, un complotto in cui potevano essere stati coinvolti ex-esponenti dell’opposizione, per reprimere il quale si doveva usare ogni mezzo. Ma che pensasse che questo complotto fosse tanto esteso da includere isolati militanti italiani appare più difficile da credere. È noto infatti grazie a numerose testimonianze e a ricerche serie e documentate che moltissimi militanti rivoluzionari italiani, anche comunisti, furono incarcerati, deportati nei gulag e in almeno duecento persero la vita tra il 1936 e il 1941. L’atteggiamento di Togliatti nei loro confronti resta una delle pagine più controverse della sua biografia. Certo, evidentemente egli temeva che ogni suo minimo passo falso, ogni sospetto anche solo di indulgenza nei confronti di un inquisito da parte della NKVD potesse essere usato contro di lui, per danneggiarlo politicamente ma anche – l’eventualità non era da escludere e se ne trova traccia anche documentaria – coinvolgendolo in modo diretto come vittima della repressione. Perciò, salvo rari casi di cui esiste qualche testimonianza successiva nella memorialistica, si astenne sempre dall’intervenire a favore dei compagni italiani finiti nel “tritacarne staliniano”. Non ci sono elementi per dire che abbia fatto personalmente opera di delazione nei confronti di qualcuno, ma certo possiamo affermare che si spese pochissimo per

tirare qualcuno fuori dai guai. Ci furono dirigenti del Comintern di rango simile al suo, a cominciare da Dimitrov, che invece lo fecero, e in più di un'occasione.

Quando tornò Mosca dalla Spagna nel maggio 1939, Togliatti si venne però a trovare in una situazione sempre più difficile. La sua posizione nel Segretariato appariva già indebolita, e certo non migliorò quando, dopo essere stato rimandato in Francia con il compito di organizzare un ufficio parallelo del Comintern in vista della guerra ormai imminente, fu arrestato a Parigi il 1° settembre 1939, anche se Dimitrov fece di tutto per ottenere la sua liberazione, e vi riuscì. Ma qualcuno chiaramente stava cercando di metterlo in cattiva luce e le accuse di un'insufficiente vigilanza in occasione dell'arresto andarono a sommarsi ad altre. Nel settembre del 1940 la Sezione quadri inviò all'IKKI un rapporto su di lui che sottolineava soprattutto i momenti più delicati della sua carriera. Fra l'altro, veniva accusato di avere sabotato tutti i tentativi di ottenere la liberazione di Gramsci attraverso qualche forma di trattativa diplomatica. Non vi è alcun elemento serio a sostegno di questa accusa, ma non è affatto infondata l'ipotesi che settori dell'apparato del Comintern, ispirati dalla NKVD, stessero montando un caso contro di lui. E' un fatto che, stando alle memorie della sua segretaria, Nina Bocenina, Togliatti fu perfino trattenuto dalla NKVD per un giorno, e il suo ufficio perquisito. Dimitrov annotò nel suo diario che i comunisti spagnoli Diaz e Ibarruri lo giudicavano un elemento infido, tanto che ritenne opportuno nel giugno 1941 escluderlo dalle decisioni più importanti del Segretariato.

Le doti politiche e intellettuali di Togliatti trovavano però sempre il modo di dare frutti nei momenti in cui si apriva la possibilità di lasciare un segno nella storia non attraverso la testimonianza morale ma con l'azione politica concreta: così era stato nella stagione dei fronti popolari e nella guerra di Spagna, così accadde quando, dopo il 1941, la guerra assunse inequivocabilmente il carattere antifascista che il patto tedesco-sovietico le aveva negato. A quel punto Ercoli rioccupò saldamente le posizioni più alte negli organi dirigenti del Comintern. Non per molto, però, perché nel marzo 1944 ottenne, dopo ripetute insistenze, di ritornare in Italia.

Qui, alla testa del Partito comunista destinato a diventare il più forte d'Europa, le sue capacità di "fare politica" tornarono ad eccellere. La consapevolezza del peso determinante della situazione internazionale, acquisita negli anni del Comintern, non lo abbandonò mai, restando per molti aspetti la bussola della sua azione politica nel paese: in questo la sua prospettiva sarà fundamentalmente diversa da quella di ogni altro uomo politico italiano. Ma è difficile negare che a partire da

questo momento, pur rimanendo fuori discussione il legame organico e profondo con il movimento comunista mondiale, il baricentro della riflessione e dell'operare di Togliatti si spostò decisamente in Italia. Non per caso, nel 1950, egli ebbe il coraggio – contro la stessa decisione della maggioranza del suo partito – di opporsi alla richiesta di Stalin di lasciare il paese per assumere una funzione direttiva nel Cominform.

Certo, quando sopravvenne la glaciazione della guerra fredda, e negli anni plumbei dell'ultimo stalinismo, l'allineamento del PCI con Mosca fu apparentemente senza riserve: se così non fosse stato, esso avrebbe cessato di essere un partito comunista. E tuttavia questo allineamento non impedì che il PCI di Togliatti continuasse, in Italia, a osservare le regole del gioco democratico e a svolgere una politica relativamente moderata, non cessando mai di sostenere la necessità di percorrere una “via italiana al socialismo”. Nel 1956, dopo il XX Congresso del PCUS, questi spazi indubbiamente si allargarono: anche se Togliatti non gradì i toni drammatici del rapporto segreto di Chruscev, che rischiavano secondo lui di diffondere lo sconcerto e la demoralizzazione nel movimento comunista. L'intervista che rilasciò in giugno alla rivista “Nuovi Argomenti” lasciava trapelare qualche fastidio per il modo spettacolare e superficiale in cui Chruscev aveva denunciato i crimini di Stalin e spostava l'accento dal “culto della personalità” all'involuzione burocratica del partito bolscevico, alla sua tendenza a dirigere l'intera vita civile e a sostituirsi allo Stato: veniva perfino usato il termine “degenerazione”, che suscitò l'irritazione dei dirigenti sovietici. Paragonata alle dichiarazioni ufficiali degli altri partiti comunisti, l'intervista spiccava per il suo spessore e, sia pure cautamente, affrontava le principali questioni che il rapporto segreto aveva posto, concentrandosi sui processi sociali e politici che avevano permesso gli “errori” di Stalin.

Questo non impedì che, di fronte alla tragedia dell'Ungheria in novembre, il PCI si allineasse – sia pure non senza una profonda crisi tra la sua base di intellettuali – con l'Unione Sovietica: “Si sta dalla propria parte anche quando si sbaglia”, fu il commento di Togliatti.

Negli anni seguenti, tuttavia, il PCI mostrò maggiore dinamismo a livello internazionale. L'idea della “via italiana al socialismo” fu rilanciata e propagandata con forza. Il “revisionismo” italiano divenne il bersaglio di aspri rimproveri da parte del Partito comunista francese, e i rapporti con l'Unione Sovietica furono spesso tesi. Di fronte al conflitto fra il PCUS e il Partito comunista cinese, il PCI sostenne le posizioni del primo ma non contestò il diritto dei cinesi di difendere le proprie tesi: l'idea sovietica di ristabilire l'unità del mondo comunista attraverso la condanna e l'isolamento delle posizioni dissidenti, fossero esse “dogmatiche” o “revisioniste”, non fu mai accettata da Togliatti.

Negli ultimi due anni della sua vita la sua fiducia nella meta suprema del comunismo si appannò, tanto che dai suoi scritti traspare un diffuso pessimismo, anche se la riflessione non fu portata fino in fondo. E' probabile comunque che a lungo – e forse fino alla vigilia della morte – Togliatti non abbia avvertito la contraddizione fra la funzione di intransigente tutela del sistema democratico che il PCI svolgeva in Italia e la conclamata superiorità del modello di “democrazia socialista” sovietico, che rimane per lui (almeno fino al 1962) la meta da raggiungere, sia pure attraverso una strada originale. Resta il fatto però che sotto la direzione e per impulso precipuo di Togliatti il Partito comunista italiano contribuì in modo decisivo ad assicurare il mantenimento e lo sviluppo della democrazia parlamentare in Italia; e che in forza di ciò i suoi militanti furono educati a un costume democratico che ha rappresentato un grande fenomeno di crescita civile, trasformando milioni di “sudditi” o di “ribelli” in “cittadini”.

Quasi mezzo secolo dopo la sua morte, nel momento in cui l'esperienza storica del comunismo può dirsi conclusa, la collocazione di Togliatti dentro quell'esperienza – essenziale per contestualizzarne e comprenderne la vicenda umana e politica – appare forse più chiaramente che in passato quella di un “uomo di frontiera”.

А. Агости

Тольятти между Италией и СССР: пограничный человек?

Пальмиро Тольятти, секретарь Итальянской коммунистической партии с 1927 до 1964 г., прожил в России, в Москве, примерно восемь из восемнадцати лет своего изгнания. Умер он в Ялте, в Крыму, который тогда был (и сейчас остается) частью Украины, но в то время входил в состав Советского Союза, для многих — как государственное образование, родившееся вследствие русской революции, — являвшегося синонимом России. Во многих аспектах он оставался до конца своих дней личностью, принадлежавшей мировому коммунистическому движению. Авторитет, который он снискал, став с 1934 г. членом Секретариата Коминтерна, сохранялся на протяжении тридцати лет.

Тольятти был последним оставшимся в живых членом узкого круга руководителей Коминтерна, и до конца своей жизни он играл очень важную роль не только в политике своей партии — на национальном уровне, но и в международных отношениях в рамках коммунистического движения. В августе 1964 г., когда он скоропостижно умер от кровоизлияния в мозг, он находился в СССР по приглашению КПСС, руководство которой хотело выслушать его совет в связи с противоречиями, возникшими с Китайской коммунистической партией; правда, то, что он написал в своих последних заметках, так называемой ялтинской «Памятной записке», не понравилось его советским партнерам: очевидно, ожидалось, что он воспользуется своим положением и подтвердит всей силой своего авторитета осуждение КПК.

Почести, которые были ему оказаны после смерти, служат ясным свидетельством его авторитета. Во второй половине дня 21 августа первым явился почтить прах Тольятти Никита Хрущев в сопровождении ряда высших советских руководителей: он первый заступил, таким образом, в почетный караул у гроба, подле которого позднее стояли, сменяя друг друга, со своим знаменем «пионеры», еще недавно слушавшие его последнее выступление. 22 августа «Правда» вышла с большим портретом покойного в траурной рамке: вся первая полоса и половина второй были посвящены его биографии. Ритуал прощания в стране, которую Тольятти до конца жизни считал «родиной социализма», был посмертным свидетельством его неразрывной и глубокой связи с историей побед и траге-

дий, которая была и его историей. Но проявление народной любви, выразившейся на похоронах в Риме 25 августа, в которых приняли участие сотни тысяч людей, стало впечатляющим свидетельством еще более тесной связи, которую партия Тольятти смогла установить с итальянским обществом.

Значение Тольятти в истории XX в. сосредоточено между этими двумя полюсами, которые при максимальном упрощении можно обозначить как бином Россия—Италия. Здесь мы уделим большее внимание первому из данных элементов, не забывая, впрочем, и о втором.

Хотя он стал коммунистом с 1921 г., когда на январском Съезде в Ливорно революционное крыло откололось от «центристского» и реформистского большинства Итальянской социалистической партии, периодом культурного и политического становления Тольятти стали годы борьбы против укрепляющегося фашизма, наложившие на него больший отпечаток, чем Октябрьская революция, о которой он поначалу имел лишь очень приблизительное представление. Его оппозиция нарождающейся диктатуре изначально была обусловлена не в меньшей мере моральным отвращением и глубоким неприятием исторических пороков итальянского государства и «национального характера», проявлением которых он считал фашизм, чем марксистским классовым анализом.

С другой стороны, именно поражение, понесенное рабочим движением в 1920—1926 гг., заставило Тольятти связать свою политическую судьбу с проектом мировой революции, в которой это поражение может рассматриваться как эпизод, проигранное сражение в войне, которой суждено увенчаться победой. Признание себя частью большого проекта освобождения человечества, проекта, руководителем и двигателем которого является Советская Россия, дают борьбе с фашизмом непоколебимую идейную привязку: «мировая революционная партия», коллективная организация-выразитель и инструмент рациональности истории.

В этой «мировой революционной партии» Тольятти на протяжении многих лет играл роль первого плана. В Москву он приехал весной 1926 г., в возрасте всего тридцати трех лет, но сразу же рекомендовал себя как один из самых способных работников Коминтерна, а также лучше всего умеющий выпутываться из сложных внутренних конфликтов, раздиравших ВКП (б). Чтобы держать от них в стороне собственную партию, ИКП, он не остановился даже перед тем, чтобы «заблокировать» письмо Грамши, в котором осуждалась эта борьба из-за того ущерба, который она наносила международному коммунистическому движению, но тем самым ставились на одну доску большинство и оппозиция. Его позиция в первое вре-

мя была близка к бухаринской, в которой он поддерживал видение мировой революции как медленного и противоречивого процесса; однако, когда после VI Конгресса Бухарин впал в немилость, Тольятти от него четко дистанцировался. Ему однако не удалось избежать того, что вся линия ИКП, как она проводилась с 1926 г. под руководством Грамши и его лично, подверглась суровой критике, что поставило под вопрос и его собственное лидерство. Однако обстоятельства изменились всего пять лет спустя, когда Тольятти был вызван из Парижа (куда с 1927 г. переместилось руководство ИКП в изгнании) в Москву с задачей подготовить доклад VII Конгрессу о борьбе с военной опасностью. Эрколи — под этим именем он был известен в Коминтерне и в партии — сделался одним из ведущих руководителей Коминтерна и был введен в состав его Секретариата, став фактически заместителем Георгия Димитрова.

Это были переломные и драматические годы. Прежде чем отправиться в Испанию, куда Коминтерн его направил в качестве своего представителя с июля 1937 г. и до конца войны, Тольятти проживал в Москве — как раз в период, когда начинал разворачиваться сталинский террор. Трудно согласовать между собой его содержательные размышления о положении в Испании и его собственные критические замечания о недостатке подлинно демократической жизни в Испанской Республике с его позицией по поводу больших чисток 1936—1938 гг. Как член Секретариата, Тольятти разделяет по крайней мере политическую ответственность за репрессии, которым подверглись сотрудники Коминтерна и руководство целых партий. Как написал уже в конце 60-х годов Паоло Сприано, со стороны Тольятти имело место «не только согласие, но и проявление инициативы в борьбе с троцкизмом». Обязанности руководителя отдела агитации и пропаганды Коминтерна с 1936 г. ставили его, так сказать, «на передний край» в этом отношении.

Возможно, что Тольятти по крайней мере частично был убежден, что имел место заговор против советской власти, заговор, в котором могли быть замешаны бывшие члены оппозиции и для подавления которого следовало использовать любые средства. Но то, что он считал этот заговор настолько обширным, чтобы включать в себя отдельных итальянских партийцев, — в это гораздо труднее поверить. Действительно, благодаря многочисленным свидетельствам и серьезным документальным исследованиям, известно, что очень многие итальянские революционеры, в том числе коммунисты, были арестованы, отправлены в лагеря и как минимум двести из них погибли в период с 1936 по 1941 г. Отношение к ним Тольятти остается одной из самых неоднозначных страниц его биографии. Конечно,

он мог бояться, что самый незначительный шаг с его стороны, всякое подозрение даже только в снисходительности к лицу, попавшему под следствие в НКВД, могло быть использовано против него, нанести ему не только политический урон, но и — возможность, которую нельзя было исключать, что подтверждается также и документами, — уготовить ему роль жертвы репрессий. Поэтому, за исключением редких случаев, о которых имеются также свидетельства позднейших мемуаристов, он всегда воздерживался от выступлений в защиту итальянских товарищей, попавших в «сталинскую мясорубку». Нет данных, чтобы утверждать, что он лично занимался доносительством на кого-либо, но можно с уверенностью утверждать, что он не прилагал особенных усилий для спасения попавших в беду. Были, однако, руководители Коминтерна примерно его уровня (в том числе сам Димитров), которые это делали, и неоднократно.

Вернувшись в Москву из Испании в мае 1939 г., однако, Тольятти оказался во все более усложняющейся ситуации. Его позиции в Секретариате уже были ослаблены, и они, конечно, не усилились, когда, будучи вновь посланным во Францию для организации параллельного руководящего центра Коминтерна в преддверии уже очевидно неизбежной войны, он был арестован в Париже 1 сентября 1939 г., хотя Димитров и сделал все возможное и в итоге добился его освобождения. Но кто-то очевидно стремился выставить его в дурном свете, и обвинения в недостатке бдительности в связи с арестом добавились к прочим обвинениям. В сентябре 1940 г. кадровый отдел направил в ИККИ посвященную ему персональную справку, в которой особо подчеркивались самые деликатные моменты его карьеры. Между прочим, его обвиняли в саботаже всех попыток добиться освобождения Грамши посредством каких-либо дипломатических переговоров. Нет каких-либо серьезных подтверждений этого обвинения, но совсем не исключено, что определенные круги в аппарате Коминтерна, вдохновляемые НКВД, стремились сфабриковать дело против него. Факты состоят в том, что, если верить воспоминаниям его секретаря Нины Бочениной, Тольятти даже был задержан НКВД на один день, а в его кабинете провели обыск. Димитров записал в своем дневнике, что испанские коммунисты Диас и Ибаррури считают его элементом, не заслуживающим доверия, и в связи с этим отстранил его в июне 1941 г. от принятия важнейших решений Секретариата.

Тем не менее, политические и интеллектуальные дарования Тольятти позволяли ему всегда добиваться результата в такие моменты, когда возникала возможность оставить след в истории не через определенную моральную позицию, а благодаря конкретным по-

литическим шагам: так было в период Народного фронта и войны в Испании, так случилось и после 1941 г., когда война приняла однозначно антифашистский характер, который ранее отрицался германо-советским пактом. В этот период Эрколи вновь занял прочное и высокое положение в руководящих органах Коминтерна. Однако ненадолго, так как в марте 1944 г. он получил, после нескольких настоятельных обращений, возможность вернуться в Италию.

Здесь во главе партии, которой предстояло стать самой сильной коммунистической партией Европы, его способности «заниматься политикой» проявились в еще большей мере. Осознание решающего значения международного положения, пришедшее за время работы в Коминтерне, он уже никогда не терял; во многих отношениях оно оставалось для него компасом во внутривнутриполитической деятельности. В этом отношении его видение ситуации фундаментально отличалось от подходов всех прочих итальянских политических деятелей. Но невозможно отрицать, что с этого момента, хотя глубокая, органическая связь с мировым коммунистическим движением и оставалась для него вне сомнений, центр тяжести мысли и деятельности Тольятти решительным образом переместился в Италию. Не случайно в 1950 г. он осмелился — вопреки решению большинства партии — отказаться от требования Сталина покинуть страну для занятия руководящего поста в Коминформе.

Конечно, когда наступил период холодной войны и свинцовые годы позднего сталинизма, ориентация ИКП на Москву внешне выглядела безусловной: в противном случае она перестала бы быть коммунистической партией. И однако эта ориентация не помешала Тольятти в Италии продолжать соблюдать демократические правила игры и проводить относительно умеренную политику, никогда не отказываясь от мнения о необходимости для страны пройти «итальянский путь к социализму». В 1956 г. после XX Съезда КПСС эти возможности расширились, хотя Тольятти и не понравилась драматическая тональность секретного доклада Хрущева, которая угрожала, по его мнению, распространением растерянности и деморализацией коммунистического движения. В интервью, данном журналу «Нуови аргументи», он проявил определенное недовольство той внешне эффектной и поверхностной формой, в которой Хрущев осудил преступления Сталина, и переносит акцент с «культы личности» на бюрократизацию большевистской партии, на ее стремление руководить всей жизнью общества и заменить собой государство; он даже использовал термин «перерождение», вызвавший возмущение советских руководителей. В сравнении с другими официальными заявлениями коммунистических партий это ин-

тервью выделялось своей глубиной и затрагивало, хотя и осторожно, те основные вопросы, которые были поставлены в секретном докладе; особое внимание было сосредоточено на социальных и политических процессах, сделавших возможными «ошибки» Сталина.

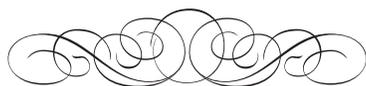
Это не помешало ИКП в ноябре перед лицом трагедии в Венгрии занять — хотя и не без кризиса в среде партийной интеллигенции — позицию поддержки Советского Союза: «надо быть на стороне своих, даже когда они ошибаются», — таким был комментарий Тольятти.

В последующие годы, однако, ИКП продемонстрировала больший динамизм на международной арене. Идея «итальянского пути к социализму» была снова запущена и активно пропагандировалась. Итальянский «ревизионизм» стал мишенью резких упреков со стороны Французской коммунистической партии, и отношения с Советским Союзом были зачастую напряженными. В условиях конфликта между КПСС и Китайской коммунистической партией ИКП поддерживала позиции первой, однако не оспаривала права китайцев на защиту своего мнения: советская идея восстановления единства коммунистического мира посредством осуждения или изоляции позиций несогласных, будь то «догматики» или «ревизионисты», никогда не принималась Тольятти.

В последние два года жизни его вера в высшую цель коммунизма потускнела, так что в его работах проглядывает пессимизм, хотя размышления в этом направлении и не были проведены последовательно до конца. Вероятно, однако, что длительное время — и возможно, до последних дней жизни — Тольятти не осознал противоречия между непримиримой защитой демократической системы, которую вела ИКП в Италии, и провозглашаемым превосходством советской модели «социалистической демократии», остававшейся для него (по крайней мере до 1962 г.) целью, к которой следовало идти, хотя бы и своим особым путем. Остается фактом, однако, что именно под руководством и благодаря усилиям Тольятти Итальянская коммунистическая партия внесла решающий вклад в поддержание и развитие парламентской демократии в Италии, и что в силу этого ее члены воспитывались в демократических традициях, что означало грандиозный феномен гражданского роста, который превратил миллионы «подданных» или «повстанцев» в «граждан».

Почти полвека спустя после его смерти, в период, когда исторический опыт коммунизма можно назвать законченным, позиция Тольятти в рамках этого опыта — ключевая для понимания его жизни и политической деятельности в соответствующем контексте — все ярче предстает перед нами как пограничная, как позиция «человека на границе».

Внешнеполитические СВЯЗИ

В.Б. Перхавко

Начало русско-итальянских контактов (X—XIII вв.)

История русско-итальянских контактов насчитывает уже более тысячи лет. На разных этапах они осуществлялись в разных формах и разных местах, путем прямого либо опосредованного взаимодействия и соприкосновения. Реконструировать картину зарождения и развития этих связей на протяжении X—XIII вв. можно только за счет использования всей совокупности источников: и древнерусских, и иностранных (как письменных, так и вещественных), на основе методики комплексного источниковедения. Сохранилось очень мало прямых свидетельств, поэтому приходится привлекать и косвенные данные. Обращаясь к рассмотрению данной темы, следует учитывать, что в политическом плане территория Италии в эпоху Средневековья никогда не представляла единое пространство; кроме того, Русь и Италия отличались в географическом, природно-климатическом, конфессиональном и этнокультурном отношении.

I. Первое знакомство

Когда же в Италии впервые узнали о существовании восточных славян и созданного ими государства, известного с IX в. под именем Русь? На рубеже VII—VIII вв. в Равенне неизвестным автором-христианином была создана «Космография» — обширное географическое сочинение на латинском языке, состоящее из пяти книг. Наряду с книжными материалами античных и раннесредневековых писателей, Певтингеровой картой позднеимперской эпохи, автор этого труда использовал современную ему информацию. В первой книге «Космографии» Равеннского Анонима содержится лаконичное свидетельство о древних славянах: «В шестом часу ночи находится страна скифов, откуда вышел род склавинов; но ититы и химабы тоже вышли из них. Позади нее находится Океан, недоступный для судоходства...» (перевод А.В. Подосинова)¹. А.В. Подосинов предположительно локализовал Скифию, откуда происходили славяне, «на севере Европы к востоку от Дании и к западу от Вислы, по-видимому, в нижнем течении Одера»². Мне представляется его гипотеза малодос-

товерной, поскольку скифами традиционно именовались варварские народы южных областей Восточной Европы, а Балтийское море, куда впадает Одер, использовалось издавна для международного судоходства, в отличие от более северных морей бассейна Ледовитого океана. Думается, в «Космографии» говорится все же о восточной группировке славянства, расселившейся частично в землях древних лесостепных скифов-земледельцев³. В IX в. на политической карте Европы появилось новое государство — Русь, развернувшее наступательную политику, преимущественно в южном направлении. Сведения о набегах древних русов на Византийскую империю вскоре достигли Рима. Как отмечает без ссылки на источник В.Т. Пашуто, «папу Николая I (858—867) интересовали выступления Руси против Византии»⁴. Этот интерес проявился в папском послании византийскому императору Михаилу III в сентябре 865 г. Спустя два года, после убийства императора, папа Николай I способствовал низложению и изгнанию константинопольского патриарха Фотия и возведению на патриарший престол своего ставленника Игнатия, который вроде бы отправил в 874 г. латинского архиепископа (митрополита) на Русь. Об этом со слов «Продолжателя Феофана» повествует византийский император Константин Багрянородный в биографии своего деда Василия I Македонянина (середина X в.)⁵. Даже если данная информация носит достоверный характер, ее нельзя рассматривать как первое обращение русских в христианство⁶. Ведь еще в 867 г. патриарх Фотий извещал об успехах отправленного им на Русь епископа византийской церкви⁷.

Первое же знакомство итальянцев с русскими состоялось еще в X в. в Константинополе. Посол итальянского короля Гуго Прованского стал свидетелем неудачного похода киевского князя Игоря на Константинополь в 941 г. и расправы византийцев с попавшими в плен русскими воинами, о чем сообщает пасынок посла — писатель и дипломат X в. Лиутпранд Кремонский, родившийся около 920—925 гг. в Павии на р. По, недалеко от Милана⁸. Дважды посетивший столицу Византии (в 949 и 968 гг.), сам Лиутпранд Кремонский имел еще весьма смутные представления о русских, которых именовал северными людьми (норманнами). Лиутпранд, по мнению В.Я. Петрухина, писал о русах из числа норманнов в Константинополе 940-х годов⁹. Если быть более точным, то под норманнами в сочинении Лиутпранда подразумевались не только русы и скандинавы, но и другие народы (венгры, германцы), проживавшие к северу от Италии.

Как бы то ни было, первые контакты русских воинов-торговцев с итальянскими купцами могли начаться в Константинополе еще в конце IX — X в. В «Венецианской хронике» Иоанна Диакона (начало XI в.) содержится недатированная книжная информация о

первом походе Руси («норманнов») на Константинополь, который состоялся в 860 г.¹⁰

Под 898 г. в Повести временных лет (ПВЛ) («Сказание о начале славянской письменности») сообщается о том, как римский папа Адриан II положительно относился к славянской (моравской) миссии Кирилла и Мефодия¹¹. В Пространном Житии Константина-Кирилла (чтение 5), использовавшемся составителем ПВЛ, описывается, как просветитель дал отповедь в Венеции епископам, попам и черноризцам, ополчившимся на него из-за перевода священных книг на славянский язык¹². Далее там повествуется о завершении земной жизни св. Константина Философа в Риме, где его тепло встретил папа Адриан II со «всеми гражданы». Принесенные им славянские книги были освящены и положены в римской церкви св. Марии (Санта Мария Маджоре), а мощи св. Климента — в одноименном храме, где в 869 г. похоронили и самого Константина-Кирилла.

В легенде о подготовке к крещению Руси, включенной под 986 г. в ПВЛ, говорится о приходе на Русь посланников от римского папы: «потомъ же придоша Немьци глагоще придохомъ послании от папежа»¹³. В Никоновской летописи, созданной частично на основе летописного свода первой трети XVI в., приводится информация о приходе послов из Рима в Киев при князьях Ярополке Святославиче (под 979 г.), Владимире Святославиче (под 986, 988, 991, 1000 гг.). Но вряд ли ей стоит доверять, если не будут найдены другие более достоверные свидетельства¹⁴.

Из Херсонеса в Киев в 989 г. проник культ св. Климента папы римского, в распространение которого в IX в. огромный вклад внесли славянские просветители Кирилл и Мефодий¹⁵. Мощи св. Климента (его глава) хранились в Десятинной церкви, а в 40-х годах XI в. фресковое изображение святого появилось в святительском чине Софийского собора Киева¹⁶. Св. Клименту уделено немало внимания в «Слове на обновление Десятинной церкви» (XI в.), где проводится идея о распространении христианства («благодати») на Руси из Рима через Херсонес (Корсунь)¹⁷. В ранних произведениях древнерусской письменности вообще не прослеживается противопоставление католического Запада (Рима) православному Востоку. Черниговский епископ Онуфрий говорил на Киевском соборе 1147 г.: «Аз сведе, достоить ны (т.е. сошедшимся епископам. — *В.П.*) поставити (митрополита. — *В.П.*), а глава у нас есть святого Климента, якоже ставять Греци рукою святого Ивана (вероятно, не Германа. — *В.П.*)»¹⁸.

Очень осторожно следует относиться к позднему свидетельству Никоновской летописи об отправке Владимиром Святославичем в 1001 г. купцов (гостей) в Рим и другие страны с целью сбора информации¹⁹.

Великий князь Владимир Святой, крестивший Русь, в летописном некрологе 1015 г. именуется как «новый Константин великого Рима»²⁰. Сравняется он с римским императором Константином и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (середина XI в.), и в сочинении «Память и похвала князю русскому Владимиру»²¹. Так древнерусские книжники XI—XII вв. приобщали молодое восточнославянское государство и его правителей к эпохе Античности и ее наследию. Священник княжеской церкви Св. Апостолов в с. Берестово под Киевом Иларион, ставший в 1051 г. первым русским (по национальности) митрополитом, утверждал идею богоизбранности русских и вселенского значения Киева. Отвергая притязания Византии на господство над другими народами, недавно обращенными в христианство, он отстаивал равноправие Руси среди христианских государств. По словам Илариона, «Римская страна» хвалит «Петра и Паула, има же вероваша в Иуса Христа, сына Божиа»²². Похвала двум этим апостолам, особенно популярным в римско-католической церкви, содержится и в Житии св. Владимира²³. В представлении Илариона Рим являлся первоосновой христианства, «первое Христово царство»²⁴.

II. Первые русские в Италии

Когда же выходцы из Руси впервые увидели Италию? Произошло это в 968 г. при византийском императоре Никифоре Фоке, который направил два «русских» корабля (речь идет о наемниках из Руси) в составе византийского флота к берегам Южной Италии. Наемные воины из Руси действовали на стороне Византии в Южной Италии и Сицилии с конца X и до середины XI в.²⁵

Кто же из известных по имени русских людей первым посетил Рим? То был приехавший в 1075 г. в Италию Ярополк (Гавриил-Петр) Изяславич, сын великого киевского князя Изяслава (Дмитрия) Ярославича, боровшегося за власть со своими братьями — Святославом и Всеволодом. Будучи изгнанным вместе с отцом из Киева, он проживал при дворе саксонского маркграфа Дедо, на падчерице которого графине Кунигунде-Ирине был женат. Сам же Изяслав Ярославич отправился за помощью к императору Священной Римской империи германской нации Генриху IV в Майнц. Вероятно, переговоры с римским папой и его приближенными облегчало знание Ярополком латыни, которой его могла обучить мать Олисава-Гертруда (ее крестильное имя — Елена), дочь польского короля Мешко II и сестра Казимира I Восстановителя, несколько раз переходившая из католичество в православие, и обратно²⁶.

17 апреля 1075 г. римский папа Григорий VII издал буллу, подтверждающую юридическое право князя Изяслава Ярославича (а точнее, его сына) на великое киевское княжение и, в свою очередь, направил к Изяславу легата²⁷. В грамоте Григория VII «Дмитрию, королю русскому», в частности, говорилось: «Ваш сын во время посещения апостольского престола прибыл к нам, и так как он хотел получить королевство как дар св. Петра из наших рук, изъявив св. Петру, главе апостолов, должную верность, то обратился к нам с покорными мольбами, решительно утверждая, что эта его просьба скреплена вашим согласием, и испытывая уверенность в своих исканиях в случае облагодетельствования его милостью и защитой апостольской власти»²⁸. Имя сына русского короля Дмитрия (Изяслава Ярославича) в папском послании не указано. Однако, на основе тщательного изучения миниатюр Трирской (Эгбертинской) псалтыри конца X в., принадлежавшей княгине Олисане-Гертруде, которая дополнила ее своим «Кодексом» («Молитвенником»), Н.П. Кондаков убедительно доказал, что Изяслав Ярославич направил к римскому папе именно Ярополка, перешедшего в католичество, а не другого своего сына Святополка²⁹. Как видим, даже после окончательного раскола христианской церкви на две основные ветви в 1054 г., политический прагматизм брал верх над конфессиональными противоречиями.

Вот что написал о возможных последствиях римского соглашения Ярополка с папским престолом О.М. Рапов: «Претворение в жизнь договора Григория VII с Ярополком Изяславичем означало бы превращение Руси в лен папского престола, а великих киевских князей — в вассалов-данников римских пап. Все это вело к проникновению на территорию Восточной Европы латинского духовенства, к обращению русского населения в католичество и к выплате им “гроша св. Петра” Риму. Данные мероприятия были очень выгодны папской курии, так как резко усиливали ее в политическом и экономическом отношениях, и были совершенно невыгодны Руси»³⁰. Прогнозы, что и говорить, неутешительные для судеб древнерусской православной цивилизации. Но не следует переоценивать реальные перспективы их воплощения, осложненные сопротивлением провизантийски настроенных иерархов Русской православной церкви, центробежными политическими и экономическими тенденциями, характерными для Руси того времени.

Русско-итальянские контакты продолжились и в конце XI в., когда Равеннский архиепископ антипапа Климент III, креатура императора Генриха IV, искавший поддержки Византии и Руси в связи с подготовкой Первого крестового похода, поддерживал контакты с великим киевским князем Всеволодом Ярославичем³¹.

В 90-х годах XI в. в Италии побывала Евпраксия (Адельгейда, Адельхайда) Всеволодовна, сестра князя Владимира Мономаха, бежавшая из Вероны от своего второго мужа императора Генриха IV в Каноссу, ко двору итальянского герцога Вельфа и его супруги Матильды Тосканской. В марте 1095 г. Евпраксия присутствовала на общем синоде епископов Италии, Бургундии, Франции и юга Германии, который папа Урбан II созвал в г. Пьяченца (Ломбардия). Участники собора осудили отвратительное отношение к Адельгейде ее второго супруга и признали ее брак с Генрихом IV, которого отлучили от Церкви, недействительным³². Позже она вернулась на Русь, постриглась в 1106 г. в монахини и скончалась в 1109 г.³³

III. Из Италии на Русь

Не позже конца 90-х годов XI в. на Руси появился праздник перенесения мощей Николая Мирликийского в Бари (9 мая), незадолго до этого учрежденный римским папой Урбаном II³⁴. Древнейший список древнерусского «Слова о перенесении мощей Николая Мирликийского» датируется XIV в.³⁵ Сказания о чудесах святителя Николая дошли в целом ряде списков XII—XVII вв. Самым ранним из них является список XII в. из Торжественника в составе Златоструя³⁶. В одном из посмертных чудес повествуется о воине Петре, попавшем в плен к сарацинам (арабам) и освобожденном из темницы в Самарии благодаря Симеону Праведному и Николаю Мирликийскому. Последний «довел» Петра до Рима, где тот принял пострижение в храме св. Петра от самого папы римского³⁷.

Авторство «Слова похвального на перенесение мощей Николая Мирликийского» приписывается Ефрему, епископу Переяславля-Южнорусского (конец XI в.)³⁸. В нем содержится ряд подробностей об этом событии 1087 г., датируемым почему-то не от сотворения мира по византийской эре, а 1095 г. — «в тысящное лето и 95 от воплощения самого Бога»³⁹. Итальянский г. Бари (Бар) в Апулии именуется «немецким», хотя он в конце XI в. не входил в состав Священной Римской империи германской нации. Вообще, весь юг Италии с 876 г. и по 1071 г., когда он был отвоеван у греков Робертом Гуискардом (Гуискардом), входил в состав Византийской империи. Вероятно, прилагательное «немецкий» ассоциировалось на Руси также с норманнами, которые чуть позже какое-то время властвовали в Южной Италии. В «Слове о перенесении мощей святителя Николая» повествуется о явлении Николая Мирликийского благоверному священнику (пресвитеру) «в Баре граде Муруманысте, Немечьскыя области» (прилагательное

«муруманьсте» трактуется как «норманнский»). После чего «баряне», снарядив три корабля, нагруженные пшеницей, отправились в Антиохию, а затем, распродав зерно, в Малую Азию, в г. Миры, за мощами святителя. В роли их неудачливых соперников выступили венецианцы («венедици»), также охотившиеся за мощами. Как видим, в сочинении не затушевываются противоречивые интересы разных центров средневековой Италии. Отплыв 11 апреля «от града Мирьска», 9 мая корабли с мощами святителя достигли порта Бари, где их положили в храме святого Иоанна Предтечи «при мори». Правда, в Бари по западным источникам известны в конце XI в. церкви св. Бенедикта и св. Евстафия, но не св. Иоанна Предтечи (как в Мирах)⁴⁰. Автор сочинения в положительных тонах характеризует поведение «барян», проживавших в области, которая до недавнего времени находилась в церковном подчинении Константинопольской патриархии. Далее в сочинении описывается перенесение мощей Николая Мирликийского, уложенных в серебряную раку, в новую церковь Бари, ему посвященную, и участие в этой церемонии 29 сентября 1090 г. (в источнике получается неверная дата — 1098 г.) папы римского Германа. «Римский же папез Герман, и епископи вси, и гражане вси, и людие вси праздник сътвориша в тот день и похвалоу, юже творят в той день святому людие вси и до сего дни»⁴¹. В действительности праздник в честь перенесения мощей Николая Мирликийского был установлен при папе Урбане II, а понтифика по имени Герман вообще не было в истории римско-католической церкви. В этой связи И. Шляпкин отмечал, что древнерусские авторы «часто переделывали имена пап, преимущественно давая им имена Германа и Сильвестра»⁴².

Согласно гипотезе В.А. Мошина, на Руси праздник 9 мая был установлен в период 1087—1090 гг., возможно, при посредстве дочери великого князя Всеволода Евпраксии-Адельгейды, супруги императора Генриха IV, которая присутствовала при этом событии⁴³. Как пишет В.Т. Пашуто, «Сказание о перенесении мощей Николая в Бари, судя по веским деталям, составлено русским очевидцем, а может быть, и участником купеческо-пиратской экспедиции барийцев из Антиохии в г. Миры; автор присутствовал и при состоявшемся через три года освящении Урбаном II храма в честь Николая»⁴⁴. Данная гипотеза мне представляется маловероятной: трудно себе представить, чтобы выходец из Руси, православный человек, не просто очутился в конце XI в. в Бари либо в Антиохии (это как раз могло иметь место), а был включен в состав авантюрной, по характеру, экспедиции по вывозу мощей Николая Мирликийского из Малой Азии в Италию. Некоторые из русских воинов-наемников, предположил А.В. Карташев, оставшись в Южной Италии, прожи-

вали там в нескольких православных монастырях. По его мнению, «монастыри эти приняли местный латинский праздник в честь св. Николая и послужили посредниками в передаче его на Русь, которая, очевидно, вела с Апулией довольно оживленные сношения. Только присутствием русских киевских купцов в г. Бари и очевидцев совершавшихся там чудес можно объяснить живой отклик Киева на это событие...»⁴⁵. К сожалению, в нашем распоряжении нет никаких данных (ни письменных, ни археологических, ни нумизматических источников) о торговле Руси с Южной Италией в XI в. Как предполагает В.Т. Пашуто, представители Руси могли участвовать в Малфийском соборе 1089 г., который созвал папа Урбан II⁴⁶.

Недавно все свидетельства латиноязычных и древнерусских источниках о перенесении мощей святителя Николая еще раз проанализировал Д. Чоффари. Событие 1087 г., по его мнению, дошло до нас в изложении четырех писателей, «двое из которых совершенно независимы друг от друга (Никифор Клерикус и Иоанн Архидиакон), а двое частично зависимы (франкский компилятор и русский аноним)». Автор «Слова» был наверняка местным писателем, поскольку он очень точно указывает хронологию правления киевских и черниговских князей (Всеволода Изяславича и Владимира Всеволодовича): «в лето рускых наших князей, христолубиваго и великаго князя нашего Всеволода в Киеве и благороднаго съша его Володимера в Чернигове»⁴⁷. Как подчеркивает Чоффари, схизма не воспринималась русскими как окончательный разрыв, но как временное прекращение общения, каковых немало было в истории Церкви и с которыми со временем можно было бы при желании справиться.

Основываясь на отсутствии некоторых древнерусских сведений в латинских материалах, петербургский историк Д.Г. Хрусталеv сделал вывод о создании Повести о перенесении мощей на Руси и о том, что там в конце XI в., «причем в окружении высших церковных чинов, находился человек, живший или побывавший в Бари вскоре после 1087—1090 гг.»⁴⁸. Он связывает столь быстрое распространение праздника перенесения мощей Николая Мирликийского в православном государстве с приездом из Италии на Русь митрополита Феодора, о чем упоминается под 1091 (6599) г. в более поздней Никоновской летописи: «Того же лета прииде Феодор Грек митрополичь от папы из Рима и принесе много мощей святых»⁴⁹.

С Римом связано прозвище известного новгородского святого Антония Римлянина. Правда, в Новгородской первой летописи Антоний, основатель Антониева монастыря, не именуется Римлянином. Согласно Житию, Антоний родился около 1067 г. «во граде въ велицемъ Риме, иже отъ западныхъ части отъ Италииския земля,

отъ латынска языка отъ христиану родителю, и навиче вере христианстей, еяже деръжаста родителие его втайне, крьющесе в до-мехъ своихъ, понеже Римъ отпаде веры христианския, и преложи-шася в латыню...»⁵⁰. После смерти родителей 18-летний Антоний, в юности изучивший греческий язык и приобщившийся к православию, раздав большую часть наследства нищим, стал монахом в отдаленной «пустыни», где и провел 20 лет. Скорее всего, речь идет об одном из православных монастырей Южной Италии (в Реджо-Калабрии, на Сицилии — Сан-Филиппе д’Агире, около Этны)⁵¹. Гонения со стороны властей римско-католической церкви заставили преподобного искать новое убежище. Затем на камне, отвалившемся от скалы, он в 1106 г. «приплыл» по «теплому морю», Неве и Волхову в Новгород, где основал Антониев монастырь и построил в нем в 1117 г. каменную церковь, сохранившуюся до наших дней.

К настоящему времени зафиксировано 127 списков XVI—XIX вв. Жития Антония Римлянина, написанного в 70—80-х годах XVI в. Одним из самых ранних считается список конца XVI в. Соловецкого собрания (№ 834)⁵². Именование Антония Римлянином начинается лишь в XVI в. В.Н. Топоров предположил, что Антоний был новгородским купцом, возможно, посетившим Рим либо побывавшим у «римлян-латинян» в широком смысле этого древнерусского понятия⁵³. В XII в. словом «римлянин» мог называться выходец не только из Рима, но и из других частей Священной Римской империи, в том числе из Германии, а возможно, и русский купец, торговавший с этими землями. Иной точки зрения о новгородце Антонии Римлянине придерживается Е.А. Фет: «Легенда о его римском происхождении сложилась, по-видимому, в ту эпоху, когда утрата Новгородом независимости вызвала появление ряда сказаний о наследовании “римских” святынь (конец XVI — начало XVII в.)»⁵⁴. В литературе существует также гипотетическая версия, согласно которой Антоний Римлянин до появления в Новгороде был монахом Киево-Печерского монастыря⁵⁵.

IV. Информация о Риме и Италии в древнерусских источниках

Повесть временных лет, составленная в Киеве в начале XII в., содержит книжные сведения о Риме, Италии и ее населении, почерпнутые из славянского перевода хроники византийского монаха Георгия Амартола и недошедшего до нас компилятивного болгарского Хронографа⁵⁶. Топоним «Италия» упоминается лишь один раз под 988 г. в рассказе о крещении Руси Летописного свода конца XI в. и ПВЛ, который включает пассаж, направленный против ка-

толической (латинской) церкви⁵⁷. В нем критически характеризуется деятельность римского папы Петра Гугнивого, возмущившего своим учением всю Италию. Гораздо чаще (16 раз) в ПВЛ встречается название Рима. Четыре раза говорится о Риме в летописном описании пути «из Варяги в Греки»⁵⁸. Правда, в ряде случаев в ПВЛ речь идет не о средневековом, а о Древнем Риме эпохи империи. В русле народной этимологии и в соответствии с древней римской легендой в Новгородской первой летописи младшего извода (Толстовский список) поясняется происхождение Вечного города на Тибре: «Якоже древле царь Рим, назвася и во имя его город Рим»⁵⁹.

Под «римлянами» древнерусские книжники подразумевали как жителей Вечного города и страны, так и в более широком смысле — латинян, католиков⁶⁰. В описании расселения народов после Ноева потопа в части Яфета перечисляются римляне, венецианцы («венедичи»), фряги («фрягове») ⁶¹. В.Т. Пашуто, а также составители географического указателя к Ипатьевской летописи Л.Ф. Кузьмина и Л.Л. Муравьева полагают, что в данном случае под «фрягами» подразумеваются жители г. Генуи — генуэзцы. А этноним «вольхва» применялся, по мнению В.Т. Пашуто, для обозначения древних римлян⁶². «Ту немци и венедици, ту гръци и морава поють славу Святы-славлю, кають князя Игоря...» — говорится в «Слове о полку Игореве»⁶³. «Венедицами» автор произведения явно именует венецианцев.

Что же касается этнонима «фряги» («фрязи»), представляющего собой искаженное при передаче с греческого языка слово «франки», то в древнерусской литературе он чаще всего использовался в отношении католиков в целом (в том числе французов), а не только итальянцев (генуэзцев). В качестве примера приведу описание захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., включенное в Новгородскую первую летопись⁶⁴.

Слухи о победоносном походе южнорусских князей против половцев в 1111 г., уверяет киевский летописец, дошли до Рима (Ипатьевская летопись)⁶⁵. После этого упоминания о «Вечном городе» исчезают из Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской первой, Радзивиловской летописей на протяжении всего XII в., хотя русско-итальянские контакты продолжались.

V. Другие пути и места соприкосновения

До Италии в XII в. также разными путями доходила информация о древнерусских землях. Самым знаменитым арабским географом эпохи Средневековья считается один из потомков пророка Мухам-

мада ал-Идриси (1100—1165), родившийся и скончавшийся в Сеуте (Марокко). Проживая долгие годы при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II в Палермо, он создал в 1154 г. огромный географический труд «Нузхат ал-муштак фи-хтарак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), известный также под названием «Китаб Ружжар» («Книга Рожера»), по имени короля-мецената, на чьи средства Идриси занимался наукой. Его сочинение содержит описание всей известной тогда обитаемой суши и прямоугольную карту мира, состоящую из семи больших частей (климатов), которые в свою очередь подразделены на 70 секций (по 10 секций в каждом климате). Она выгравирована также на огромном серебряном диске⁶⁶. В тексте книги свыше 6200 географических названий, в том числе крупнейших рек Восточной Европы (Волги, Днепра, Днестра), городов Южной Руси (Киева, Новгорода, Смоленска и др.), Крыма и Северного Кавказа⁶⁷. Эту информацию ал-Идриси получил от купцов, дипломатов и путешественников, бывавших на Руси.

Их морской путь в Восточную Европу проходил мимо Константинополя, по-прежнему являвшегося одним из центров русско-итальянских контактов. В столице империи еще до 1204 г. существовали католические храмы и колонии итальянских купцов. Из хрисовула императора Алексея I Комнина (1082) известно о существовании венецианского католического храма св. Акиндина в Константинополе, в районе Перы. Император пожаловал ему в аренду за 20 византиев примыкавшую к храму пекарню. Венецианцам также принадлежала церковь св. Николая, впервые упоминающаяся под 1155 г.⁶⁸ В договоре с Генуей 13 марта 1261 г. византийский император Михаил Палеолог пообещал передать генуэзцам после отвоевания с их помощью Константинополя «церковь святой Марии, которой сейчас владеют венецианцы, с торговыми помещениями, находящимися вокруг церкви, и кладбище»⁶⁹. Согласно хрисовулу императора Мануила Комнина 1148 г., венецианцы получили право беспошлинно торговать в Константинополе и других центрах империи, где постоянно пребывали выходцы из Руси — купцы, послы, монахи, священнослужители⁷⁰. В столице империи они могли повстречать также коммерсантов, дипломатов и путешественников из других центров Италии (Генуи, Пизы, Флоренции и др.)⁷¹.

Следует подчеркнуть, что до IV крестового похода начала XIII в., когда католики-крестоносцы захватили и разграбили столицу христианской империи — Константинополь, и до следовавших чуть позже крестовых походов западноевропейских рыцарей на Северо-Западную Русь, которые вдохновлялись и поощрялись римскими папами, противостояние между православ-

ными странами и католическим Западом не носило столь острый характер, как позднее. В ряде древнерусских городов (например, в Киеве, Новгороде, Смоленске) функционировали латинские храмы, посещавшиеся не только купцами и путешественниками из католических государств Европы. В памятниках древнерусского канонического права (например, в «Ответах митрополита Иоанна II» XI в.) прослеживается вполне лояльное отношение к общению православных с католиками («латинами») ⁷². По свидетельству «Вопрошания Кирикова», в XII в. православные новгородцы порой приводили своих детей к католическим священникам.

В «Хожении игумена Даниила» начала XII в. проявляется уважительное отношение автора к предводителю крестоносцев-католиков Балдуину Фландрскому, бывшему в 1100—1118 гг. правителем Иерусалимского королевства ⁷³. В этом сочинении не раз упоминаются «фрязи» (фряги), по которым подразумеваются латиняне (католики), причем в благожелательном тоне: фряги сделали серебряную скульптуру Христа в храме Воскресения Господня, они же «обновили место то суть и устроили добре» в пещере Иосифа Обручника в Назарете ⁷⁴. Кстати, в Палестине осталась часть итальянцев, участвовавших в Первом крестовом походе 1096—1099 гг. в составе отрядов под предводительством папского легата и Тулузского графа Раймонда IV, а также норманнского князя Боэмунда Тарентского (сына герцога Апулии и Калабрии Роберта Гуискара) и его племянника Танкреда Апулийского. Боэмундом Тарентским было создано крестоносное Антиохийское княжество, которое после его смерти (1111) возглавил на непродолжительное время (по 1112 г.) Танкред Апулийский ⁷⁵. Христианские паломники из Западной Европы с середины XI в. обычно проживали в северо-западной части старого Иерусалима. Корабли с итальянскими паломниками чаще всего отправлялись в Святую Землю из Венеции, Генуи и Пизы.

На Русь нередко попадали предметы религиозного культа из европейских стран латинского обряда, и их хранили в сокровищницах крупнейших соборов (например, в Новгородской Софии), а в католических храмах Венгрии, Италии, Польши можно встретить древнерусские православные кресты с кириллическими надписями ⁷⁶.

Ставший позже новгородским архиепископом, Антоний (Добрыня Ядрейкович), совершивший на рубеже XII—XIII вв. паломничество в Царьград, писал в своем «Хожении» об иконе Спаса, «юже послал святыи Гермон чрез море без корабля посолством в Рим, и блюдома в мори». Речь идет о противнике иконоборчества, константинопольском патриархе Германе (715—730), который был вынужден покинуть патриарший престол ⁷⁷. Кстати, в Константинополе

русские паломники, отправлявшиеся далее в Святую Землю либо на Афон, обычно останавливались в Галате, на северном берегу Босфора, где чуть выше располагался район Пера, в котором проживали итальянцы и выходцы из других стран Западной Европы⁷⁸.

VI. После 1204 г.

В древнерусской Повести о захвате Константинополя крестоносцами в 1204 г. упоминается о судьбе одного из организаторов IV крестового похода венецианского дожа Энрико Дандоло, ослепленного по приказу византийского императора Мануила. Автор подчеркивает решающую роль флота Республики св. Марка в осаде и захвате Константинополя. Как отмечается, в пользу Венеции взималась десятая часть (десятина) от всех торговых сборов в Константинополе. В Повести приводится в искаженной форме имя еще одного предводителя крестоносцев из Италии — маркиза Бонифация Монферратского, в руки которого перешел суд в столице созданной крестоносцами Латинской империи⁷⁹.

На протяжении первых десятилетий XIII в. римско-католическая церковь проводила активную политику, направленную на вовлечение Руси (разными способами) в орбиту своего влияния. Римский папа Иннокентий III предложил галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу королевскую корону при условии принятия католичества, но получил отказ⁸⁰. В 1207 г. Иннокентий III отправил окружное послание к Русской церкви и всему народу, в котором настаивал на признании папского верховного авторитета⁸¹. Папа Гонорий III в 1222 г. выражал беспокойство в связи с тем, что «русские», живущие в Ливонии, держатся своих греческих обрядов и не желают соблюдать латинских ритуалов. В булле 1224 г. Гонорий III просил «всех верных во Христе, пребывающих на Руси» (*universis Christi fidelibus per Russiam constitutis*), защитить окрещенных ливонскими епископами «неофитов» от нападений язычников. Вскоре в Прибалтику прибыл папский легат Вильгельм, епископ Моденский. Вряд ли до всех русских князей дошло послание папы Гонория III от 17 января 1227 г., в котором понтифик изъявлял радость (впрочем, неоправданную) по случаю якобы имевшего место приглашения Рюриковичами папского легата, которого «смирненно просили» посетить их владения, выражая готовность отречься от всех заблуждений (*omnes errores... abnegare*)⁸². 18 июля 1231 г. новый папа Григорий IX направил послание великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу, склоняя его к

союзу с Римом⁸³. С другой стороны, открыто поддерживая завоевание Восточной Прибалтики, римская курия требовала от католических стран не торговать с русскими оружием и железными изделиями. Такая двойственная политика не увенчалась успехом.

Францисканский монах Плато Карпини (родом из Умбрии) совершил в 1246—1247 гг. путешествие через Южную Русь в Золотую Орду и Монголию. В Киеве он встретил несколько итальянских купцов (Мануила из Венеции, Михаила из Генуи, Николая из Пизы и др.), приехавших из Константинополя через южные районы Восточной Европы, находившиеся под контролем татар⁸⁴. Собранная им информация сразу же стала доступной римской курии.

По свидетельству Гильома Рубрука (1253), Русь поставляла в венецианскую торговую факторию Солдайя (современный Судак) и другие центры Крыма «горностаев, белок и другие драгоценные меха»⁸⁵. С.П. Карпов, подробно остановившийся в монографии об итальянской торговле в Причерноморье в XIII—XV вв. на роли пушнины в товарном обороте, почему-то не упомянул о восточноевропейском происхождении большей ее части⁸⁶. Знаменитый итальянский купец и путешественник Марко Поло (XIII в.), проживший многие годы в Китае, знал о том, что из Руси, граничившей с «темной страной», в разные страны мира вывозились северные кречеты, соколы, драгоценная пушнина, в том числе «множество славных лисиц, лучших в свете»⁸⁷. После монгольского нашествия и установления ордынского ига русские стали попадать через итальянские торговые центры Крыма и Тану (Азов) в земли Италии и в качестве рабов⁸⁸.

И после 1240 г. римская курия не отказалась от реализации попыток вовлечь древнерусские земли, ослабленные монгольским нашествием, в зону своего влияния. Сохранилось несколько грамот папы Иннокентия IV, направленных в 1246—1248 гг. «русскому королю» Даниилу Романовичу Галицкому и его брату Васильку Романовичу. Как сообщается под 1254 (6763) г. в Ипатьевской летописи, стремясь получить от соседних католических государств столь желанную военную поддержку в борьбе с Ордой, правитель Галицко-Волынской Руси Даниил Романович принял в своем городе Дрогичине королевские регалии (венец, корону и скипетр), присланные римским папой Иннокентием IV. Последний, в свою очередь надеялся, что новый король окажет содействие в распространении католицизма в западнорусских землях⁸⁹. В действительности, судя по нескольким папским грамотам, которые Иннокентий IV направил «русскому королю» Даниилу в 1247 г., последний получил королевский титул не позже 1246 г.⁹⁰ Польский историк XVI в. М. Стрыйковский сообщает почему-то о двойной корона-

ции Даниила Галицкого⁹¹. Но не оправдались надежды ни галицко-волынского князя, ни римской курии.

Дело заключалось не только в необходимости организации совместного отпора ордынской экспансии и повышении международного престижа Галицко-Волынской Руси, как полагают в большинстве своем историки⁹². По вескому суждению А.В. Майорова, историю первой церковной унии Руси с Римом и коронацию Даниила Галицкого не стоит рассматривать как свидетельство прекращения политических и конфессиональных отношений с Византией (Никейской империей), «бегство» от Византии на Запад; наоборот, она «продемонстрировала неразрывную связь внешней политики галицко-волынских князей с политическим курсом Византии, не только не ослабевшую после событий 1204 г., но, судя по всему, даже укрепившуюся в период решающих усилий никейских правителей по отвоеванию Константинополя у латинян»⁹³.

Это знаменательное событие (коронация Даниила Галицкого) отразилось, кажется, и в западноевропейских источниках. Во всяком случае, о нем вспоминал в своем сочинении английский посол Джильс Флетчер, посещавший Россию в 1588—1589 гг. и перепутавший Даниила Александровича Московского с Даниилом Галицким. То был не первый и не единственный случай использования католическим Римом королевской короны в качестве приманки для правителей православных государств. Еще раньше Даниила Галицкого королевский титул получили болгарский царь Калоян от папы Иннокентия III в 1204 г. и от папы Гонория III государь Сербии Стефан Первовенчанный (1196—1227). В конце концов, не дождавшись военной помощи от Запада, правитель Галицко-Волынской Руси отказался поддерживать католическую церковь.

Столь же тщетными оказались попытки римской курии во времена понтификата Иннокентия IV склонить на свою сторону великого князя владимирского Александра Ярославича Невского⁹⁴. Автор Жития Александра Невского, упомянув о том, что известие о победе князя в битве на Чудском озере дошло «и до великаго Риму», повествует далее: «Некогда приидоша к нему послы от папы, из великого Рима, ркуще: “Папа наш тако глаголет: Слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тебе от двоюнадесят кординалу два хытреша — Агалда да и Гемонта, да послушаеши учения их о законе Божии”»⁹⁵. Правда, тогда римский папа находился не в Италии, а в Лионе, и посредником в передаче посланий стал архиепископ Прусский. Как видим, материалы о политике Рима по отношению к Древней Руси далеко не всегда являются свидетельством прямых русско-итальянских контактов.

VII. Вещественные источники

Отрывочные свидетельства письменных источников можно отчасти дополнить за счет привлечения нумизматических, эпиграфических и археологических материалов. Нумизмат В.М. Потин привел краткую информацию о русско-итальянских контактах X—XI вв.⁹⁶ Ученым было зарегистрировано на конец 1960-х годов лишь 17 итальянских монет X—XI вв. в составе восьми кладов на территории Древней Руси. Среди них преобладают образцы, чеканенные Оттоном I (962—973), Оттоном III (983—1002), Генрихом II (1014—1024), Конрадом II (1026—1039), в Павии либо Вероне. Кроме того, известно по одному денарию из Беневента (?) и Милана⁹⁷. Все они попали в северные районы Руси не прямым путем, а в результате международной посреднической торговли через Германию, Польшу и славянское Поморье. Правда, принимая эти немногочисленные итальянские денарии на вес, русские явно не задумывались об их происхождении.

О пребывании русских людей в Италии в XII—XIII вв. свидетельствуют не только папские грамоты, но и другие источники. В кафедральном соборе св. Мартина в г. Лукка, в 50 км к северу от Пизы (Тоскана), на архитектурной детали из мрамора вторичного использования выявлены кириллические граффити, оставленные в XII — начале XIII в. выходцами из Руси. Среди них были некий дьякон из Мурома и Лазорь Яршевич из Ростиславля⁹⁸.

Кафедральный собор, посвященный святому Мартину, находится в центре Лукки, на площади святого Мартина (piazza San Martino), где с древнейших времен располагался так называемый епископский комплекс, включавший баптистерий и несколько церквей (святой Репараты и др.) с различными функциями. Согласно легенде, строительство церкви (с VIII в. — собора) св. Мартина связано с именем святого Фредяна, который был луккским епископом (ок. 560 — 588). Для церкви выбрали место чуть подальше от центральной части тогдашнего города. В 780 г. в собор переместили мощи святого Регула. В 1060 г. по инициативе луккского епископа Ансельма да Баджо, ставшего вскоре под именем Александр II римским папой (1061—1073), началась полная перестройка собора. В 1070 г. собор был освящен. Пятинефная церковь базиликального типа в плане приобрела романский облик. До 1372 г. Лукка находилась под властью соседней Пизы. Портик собора начиная с IX в. неоднократно перестраивался. Для нас представляет особый интерес перестройка портика и фасада, осуществленная в начале XIII в. Гвидетто да Комо, который успел до этого порабо-

тать в Пизе и привнес новые черты в архитектуру Лукки. Под влиянием пизанского романского стиля зародился луккский (луккско-пизанский) романский стиль. Для него характерны декоративное использование ордерных элементов, аркад, «полосатый» мрамор (чередование белого и зеленого мрамора), богатая орнаментальная резьба, инкрустации, причудливые формы колонн. На протяжении XIV в. продолжались работы по перестройке апсидальной части храма в романском стиле, с использованием камней и мрамора старинной церкви. Лукка, ставшая к XIII в. крупным торговым центром, поддерживала тесные отношения со странами Востока.

Еще одним дополнительным источником по истории ранних русско-итальянских связей являются такие произведения древнерусского прикладного искусства, как бронзовые складные кресты-реликварии (энколпионы), использовавшиеся для хранения частиц мощей. В отличие от нательных крестиков, створчатые кресты-складни не являлись обязательной принадлежностью каждого прихожанина. Их носили поверх одежды духовные лица (епископы, монахи, священники) и светские люди высокого ранга (князья, бояре и др.). Они отливались из бронзы и медных сплавов в каменных литейных формах в технике выпуклого или мелкого уплощенного рельефа, а затем дополнительно обрабатывались резцом. Их массовое производство было налажено главным образом в киевских мастерских, обычно функционировавших при монастырях. С качественных оригинальных образцов порой делали путем их оттиска в глине переотливки, которые отличаются нечеткими изображениями.

Свыше 150 экземпляров древнерусских бронзовых крестов-энколпионов XI—XIV вв. хранятся в музеях и частных собраниях Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Израиля, Италии, Польши, Румынии, Сербии, США, Турции, Финляндии, Франции, Швеции, Чехии, Хорватии⁹⁹. К этому списку следует прибавить еще несколько десятков аналогичных крестов-складней из Крыма, Нижнего Поволжья, Прибалтики и Северного Кавказа, т.е. из тех областей Восточной Европы, которые не входили в состав древнерусских земель. Далекое не все из них, однако, оказались за пределами Руси в результате торговых операций. Древняя Русь поддерживала оживленные и разнообразные контакты с Византией, Венгрией, Германией, западнославянскими и южнославянскими землями, Скандинавией. Они сопровождались поездками туда древнерусских купцов, послов, паломников, представителей княжеской верхушки, а иногда и миграциями отдельных небольших групп восточнославянского населения, спасавшегося от феодального угнетения или монголо-татарского нашествия¹⁰⁰. Вероятнее

всего, единичные образцы древнерусских энколпионов из католических стран (средневековой Германии, Италии, Польши, Франции, Швеции, Чехии) попали туда в качестве предметов личного обихода вместе с их владельцами — выходцами из Руси.

К настоящему времени мне известны пять экземпляров древнерусских крестов-энколпионов XII—XIII вв. в хранилищах Италии. В сокровищнице базилики св. Эразма в г. Вероли (область Лациум, к юго-востоку от Рима) можно увидеть бронзовый крест-реликварий XII в. высокого качества, отлитый в технике выпуклого рельефа в Южной Руси (скорее всего, в Киеве). В центре лицевой стороны креста помещено Распятие, справа и слева от него находятся погрудные изображения Богоматери и св. Иоанна. На оборотной стороне в центре расположена фигура Богоматери в рост с младенцем, по сторонам — бюсты св. Петра и св. Павла. Все изображения сопровождаются вырезанными кириллическими надписями, но в западноевропейской научной литературе подобные древнерусские кресты почему-то чаще всего именуются византийскими. Кресты-энколпионы такой разновидности получили широкое распространение в древнерусских землях (особенно в Южной Руси) с конца XI в.¹⁰¹

Еще один, отчасти сходный по сюжетам древнерусский крест-реликварий XII в. хранится в храме св. Агнессы в Рораи Пикколо (Rorai Piccolo), около Порчии (область Фриулия, к востоку от Венеции). Над Распятием на лицевой створке на нем имеется погрудный портрет Архангела Гавриила, а над фигурой Богоматери (обратная створка) — Архангела Михаила.

Три экземпляра более поздних древнерусских крестов-реликвариев XIII в. экспонируются в Музее Ватикана, куда попали в 1930-е годы из сокровищницы базилианского аббатства Гроттаферрата под Римом. На одной стороне этих крестов в технике мелкого уплощенного рельефа в центре отлито Распятие (на другой — Богоматерь с младенцем), а на четырех концах в круглых медальонах — бюсты святых. Такие складни производились в Киеве в первой половине XIII в., а в конце 1230-х годов, когда началось монгольское нашествие на Русь, на них помещалась обратная кириллическая надпись «С[вя]тая Бобобце помагаи» («Святая Богородица, помогай»)¹⁰². Обычно монограмма Богоматери на древнерусских крестах давалась по-гречески (MP ΦΥ), а не по-русски, что является одной из особенностей данной разновидности энколпионов. На основе нечетких изображений можно заключить, что римские образцы представляют собой переотливки, сделанные в глиняной форме путем оттиска более качественного оригинального образца (одна из деформированных створок крестов, возможно,

даже побывала в огне)¹⁰³. К сожалению, мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах оказались в Италии пять упомянутых выше изделий древнерусского художественного литья.

Изделия художественного ремесла распространялись как из Руси в Западную Европу, так и из западноевропейских стран на Русь. Топографирование предметов западноевропейского импорта XII—XIII в. и статистика подобных находок по разным древнерусским землям позволили В.П. Даркевичу сделать заключение о том, что «связи Руси со странами Западной Европы: Францией, Северной и Южной Германией, Италией были интенсивными и в направлении Регенсбург — Киев — Чернигов — Рязань — Владимир-на-Клязьме»¹⁰⁴.

В орбите этих контактов издавна находились также Новгород и Галицко-Волынские земли. Еще в XIX в. в новгородском Антониевом монастыре хранилась серебряная позолоченная ложка длиной 14,5 см с датой «1234», указанной арабскими цифрами. Шестигранная ручка ложки увенчана скульптурной фигуркой стоящей Богоматери с младенцами Иисусом и Иоанном Крестителем. Другой конец сделан в виде головы чудовища, как бы держащего ложку в пасти. На внутренней стороне ложки имеется гравированное изображение Троицы вертикальной композиции. В центре этой композиции помещена фронтальная фигура Бога-Отца в нимбе, сидящего на престоле. Перед собой Саваоф держит обеими руками четырехконечный крест с распятым Христом, что трактуется как символ искупительной жертвы. Чуть выше на груди Саваофа виден голубь — символ Святого духа. На обратной стороне показаны два сюжета: стоящая Мадонна с младенцем и св. Себастьян в момент казни, пронзенный стрелами. Место изготовления ложки, определенное В.П. Даркевичем, — Италия, где раньше остальных стран Западной Европы стали использоваться арабские цифры¹⁰⁵. Год изготовления этого произведения итальянского художественного ремесла указан далеко не случайно. Тогда страны Западной Европы в очередной раз посетила повальная эпидемия (очевидно, чумы), и ремесленник (либо заказчик), помещая на ложке цифру «1234», хотел запечатлеть эту печальную дату. Остается только гадать, когда и какими путями ложка попала из Италии в далекий русский город на р. Волхов.

В состав клада, найденного в Киев в 1876 г., входила серебряная чаша на невысокой ребристой ножке. На ней имеется латинская надпись «QUI REFICIS. VENTREM. PAUPERIS. ESTO. MEMOR» («подкрепляющий чрево, помни о бедняке»), а также русское граффити XII в. «КЪНЯЖЯ СПАСОВА». Орнаментальный рисунок на дне чаши (ленты плетенки, образующие звезду, ломаются под

острыми углами — «арабески») довольно часто использовался в Южной Италии и Сицилии, где прослеживается сильное влияние исламского искусства¹⁰⁶. Другие изделия итальянского производства XII—XIII вв. на территории Древней Руси мне пока неизвестны¹⁰⁷.

Храм св. Иоанна Златоуста в Холме, построенный при Данииле Галицком, еще до монгольского нашествия, был украшен витражами («стеклы Римскими»), о чем упоминается под 1259 г. в Ипатьевской летописи¹⁰⁸. Понятие «римский» в древнерусских источниках использовалось в двух значениях: 1) происходящий из Рима, относящийся к Риму; 2) западноевропейский, католический. В целом в архитектуре Галицко-Волынской Руси хорошо прослеживается влияние романского зодчества, сказавшееся и в формах храмовых построек (ротонды), и в технике кладки, и во внутреннем убранстве храмов. Фрагменты витражей из коричневатого стекла открыты в домонгольских слоях Владимира-на-Клязьме, на Рюриковом городище под Новгородом¹⁰⁹. Чтобы установить место их производства, необходимо проделать химические анализы образцов, найденных на территории Древней Руси, и сравнить их с составом витражного стекла из разных стран Западной Европы. Новые археологические раскопки и разыскания в музейных собраниях, несомненно, расширят круг вещественных источников по истории ранних русско-итальянских связей.

Примечательно, что в каменном строительстве Владимиро-Суздальского княжества во второй половине XII в. участвовали как галицкие, так и «немецкие» (западноевропейские) мастера. Аналогии подпружным аркам подковообразной и стрельчатой формы из Преображенского собора Переславля-Залесского, храма Покрова на Нерли и других памятников Владимиро-Суздальского зодчества XII в. хорошо известны в странах Западной Европы (Германии, Италии, Франции)¹¹⁰. А.В. Карташев даже заявлял о том, что храмы Владимиро-Суздальской Руси строились «итальянскими мастерами»¹¹¹. Влияние на заказчиков в лице Юрия Долгорукого и его потомков с середины XII в. западноевропейской романской архитектуры (романики) сказалось и в материале (белый камень-известняк), и в технике кладки, и в скульптурном декоре, и в сходстве перспективных порталов. Как отмечает С.В. Заграевский, оно исходило со стороны «Священной Римской империи», точнее, ее центра — Южной Германии и Северной Италии», где на стажировке могли побывать русские мастера¹¹². Ссылаясь на скульптурный декор храмов в Модене и Павии, сходный с суздальским, О.М. Иоаннисян предположил об участии в белокаменном строительстве Владимиро-Суздальского княжества артели из Ломбардии¹¹³. Но этот вопрос нуждается в дальнейшей, более тщательной

проработке. Целесообразно также предпринять контент-анализ памятников древнерусской письменности (в том числе переводных) с целью определения точного значения в разных контекстах понятий «Рим», «римский», «римляне», «фряги», «немцы», «немецкий».

VIII. Выводы

Подведем, наконец, краткие и предварительные итоги проделанного выше обзора материалов по ранней истории связей Руси с Италией. На протяжении XI—XIII вв. межконфессиональный диалог, тесно связанный с внешней политикой, превалировал в процессе русско-итальянского соприкосновения. До 1204 г. по древнерусским источникам не прослеживаются какие-либо непреодолимые противоречия между двумя основными ветвями христианской церкви. Центрами русско-итальянских контактов и пересечений в конце IX — XIII в. стали: Константинополь, Италия (Рим, Бари, Лукка и др.), Русь (Киев, Галицко-Волынское княжество и др.), Крым (Херсонес, Судак-Солдайя, Феодосия-Каффа), Палестина. А наибольшим авторитетом у древнерусских книжников устойчиво пользовался Рим, как первооснова христианства, «первое Христово царство». Включение сведений о Древнем Риме и его правителях в первые летописные своды в какой-то степени приобщало Русь к античному наследию. Лишь с XIII в. повышается значение русско-итальянской торговли во взаимных контактах, которые осуществлялись преимущественно в Константинополе и латинской Романии (особенно в итальянских торговых факториях Крыма). На следующем этапе исследований желательно проследить, как эволюционировали русско-итальянские контакты на протяжении XIV в., в начальный период возвышения Москвы.

¹ *Ravennatis Anonymi Cosmographia ...* / Ed. J. Schnetz // *Itineraria Romana*. — Lipsiae, 1940. — Vol. II. — S. 12; *Подосинов, А.В.* Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения: III чтения памяти В.Т. Пашуто*, Москва, 18—20 апр. 1990 г.: тез. докл. — М., 1990. — С. 115.

² *Подосинов, А.В.* Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима. — С. 115.

³ См.: *Седов, В.В.* Славяне в раннем средневековье. — М., 1995; *Его же.* Славяне: ист.-археол. исслед. — М., 2002.

⁴ *Пашуто, В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. — С. 128.

⁵ *Theophanes Contin. De Michaele Theophili filio et de Basilio Macedone*. — Bonn, 1838. — P. 196, 342 etc.

- ⁶ См.: *Taube, M. de. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars, IXe—XIIIe siècle.* — Paris, 1947. — Т. 1: Le prince Askold, l'origine de l'état de Kiev et la première conversion des russes, 856—882.
- ⁷ *Рамм, Б.Я.* Папство и Русь в X—XV веках. — М.; Л., 1959. — С. 26, 27; *Бибииков, М.В.* *Vuzantinogossica.* Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. — М., 2009. — С. 144—190.
- ⁸ *Лиутпранд Кремонский.* Анаподосис (или Воздаяние); О деяниях Оттона; Отчет о посольстве в Константинополь. — М., 2006. — С. 291, 292; Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. — М., 2010. — Т. IV: Западноевропейские источники / сост. А.В. Назаренко. — С. 36—40.
- ⁹ *Петрухин, В.Я.* «Русь и вси языци»: аспекты исторических взаимосвязей: ист.-археол. очерки. — М., 2011. — С. 71.
- ¹⁰ *Кузенков, П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000 г. — М., 2003. — С. 150, 151; Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. — Т. IV: Западноевропейские источники. — С. 53, 54.
- ¹¹ Полное собрание русских летописей. — М., 1997. — Т. I. — Стб. 27. — Далее: ПСРЛ; Сказания о начале славянской письменности / вступ. ст., пер. и коммент. Б.Н. Флори. — М., 1981.
- ¹² Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 1999. — Т. 2: XI—XII века. — С. 60. — Далее: БЛДР.
- ¹³ ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 85.
- ¹⁴ Там же. — М., 2000. — Т. IX. — С. 39, 42, 57, 64, 68; *Рамм, Б.Я.* Папство и Русь в X—XV веках. — С. 44, 45.
- ¹⁵ *Назаренко, А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 1999. — С. 354, 355.
- ¹⁶ ПСРЛ. — М., 1998. — Т. II. — Стб. 341; *Сарабьянов, В.Д., Смирнова, Э.С.* История древнерусской живописи. — М., 2007. — С. 22.
- ¹⁷ См.: *Карпов, А.Ю.* «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М.А. Оболенского // Архив русской истории. — М., 1992. — Вып. 1. — С. 101—111; *Гладкова, О.В.* «Слово на обновление Десятинной церкви» // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI—XIV вв. — М., 1996. — С. 10—34.
- ¹⁸ ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 341.
- ¹⁹ Там же. — Т. IX. — С. 68.
- ²⁰ Там же. — Т. I. — Стб. 130; М., 2000. — Т. III. — С. 169.
- ²¹ *Молдован, А.М.* Слово о законе и благодати Илариона. — Киев, 1984. — С. 91—97; БЛДР. — СПб., 1997. — Т. 1: XI—XII века. — С. 26—61, 320; Древнерусские княжеские жития / сост., вступ. ст., подгот. текстов, пер. и коммент. В.В. Кускова. — М., 2001. — С. 25.
- ²² БЛДР. — Т. I. — С. 42.
- ²³ Древнерусские княжеские жития. — С. 42.
- ²⁴ *Демин, А.С.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI—XIV вв. — М., 1996. — С. 8.
- ²⁵ *Васильевский, В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII веков // *Васильевский, В.Г.* Труды. — СПб., 1908. — Т. 1. — С. 176, 177, 208, 296; *Левченко, М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. — М., 1956. — С. 388, 389.
- ²⁶ См. подробнее о ней и Ярополке Изяславиче: *Янин, В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. — М., 1963. — Т. IV. — С. 142—164.

- ²⁷ Рамм, Б.Я. Папство и Русь в X—XV веках. — С. 64—67; Паушто, В.Т. Внешняя политика Древней Руси. — С. 129, 130; Пирлинг, П.О. Россия и папский престол. — 2-е изд. — М., 2012. — С. 18, 19.
- ²⁸ Рапов, О.М., Ткаченко, Н.Г. Документы о взаимоотношениях папской курии с великим киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым в 1075 г. // Вестник Московского университета. Серия 9, История. — 1975. — № 5. — С. 86.
- ²⁹ Кондаков, Н.П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. — СПб., 1906. Кстати, Трирская псалтирь с «Кодексом Гертруды», побывавшая вместе с владельцами в ряде стран Европы (в Германии, на Руси, в Польше, Венгрии) в настоящее время хранится в городском архиве Чивидале (Ломбардия), куда попала еще в 1229 г. См. также «Кодекс Гертруды»: Щавелева, Н.И. К изучению молитвенника княгини Гертруды // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. — М., 1990. — С. 147—150.
- ³⁰ Рапов, О.М., Ткаченко, Н.Г. Документы о взаимоотношениях папской курии... — С. 87, примеч. 19.
- ³¹ Паушто, В.Т. Внешняя политика Древней Руси. — С. 130; Leib, V. Rom, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle: rapports religieux des Latins et des Grecs-Russes sous le pontificat d'Urbain II (1088—1099). — Paris, 1924. — P. 23, 34.
- ³² Розанов, С.П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071—1109) // Известия АН СССР. Серия VII. — 1929. — Вып. 8. — С. 617—646; Рамм, Б.Я. Папство и Русь в X—XV веках. — С. 71, 72; Назаренко, А.В. Западноевропейские источники. — С. 375, 376; Хрусталева, Д.Г. Ефрем Переяславский: Русская церковь конца XI — начала XII в. между Востоком и Западом // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. — Переяслав Хмельницький, 2008. — Вип. 20. — С. 169, 170.
- ³³ ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 281, 283, 284; Т. II. — Стб. 257, 258, 260.
- ³⁴ См.: Голубинский, Е.Е. История русской церкви. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1901. — Т. I, первая половина. — С. 773; М., 1904. — Т. II, вторая половина. — С. 398, 399; Макарий, митрополит. История Русской церкви. — 2-е испр. изд. — СПб., 1868. — Т. II. — С. 343—347; Cioffari, G. S. Nicola nella critica storica. — Bari, 1987.
- ³⁵ См.: Красовский, А. Установление в Русской Церкви праздника 9-го мая в память перенесения мощей Святителю Николаю из Мир Ликийских в г. Бар // Труды / Киевская духовная академия. — 1874. — № 4. — С. 521—585; Рогачевская, Е.Б. Цикл памятников о Николае Мирликийском ... // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI—XIV вв. — М., 1996. — С. 35—50; Крутова, М.С. Свяtitель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. — М., 1997; «Правило веры и образ кротости...»: образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии / ред.-сост. Бугаевский А.В. — М., 2004; Свяtitель Николай Мирликийский в памятниках письменности и иконографии. — М., 2006; Cioffari, G. La leggeda di Kiev: La translazione delle reliquie di S. Nicola nel racconto di un annalista russo contemporaneo. — Bari, 1980.
- ³⁶ Макеева, И.И. «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М., 2003. — С. 228—310; Ее же. Рукописная и старопечатная традиции сказаний о чудесах Николая Мирликийского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. — СПб., 2011. — Т. II. — С. 366. См. публикацию переводных «Чудес Николы Мирликийского»: БЛДР. — Т. 2. — С. 216—243.
- ³⁷ БЛДР. — Т. 2. — С. 236—241.

- ³⁸ Подробнее см.: *Хрусталеv, Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. — СПб., 2002.
- ³⁹ Слово о перенесении мощей (свяителя Николая) // *Макарий, митрополит.* История Русской Церкви. — СПб., 1868. — Т. II. — С. 555. (Прил. к примеч. 266.)
- ⁴⁰ *Шляпкин, И.А.* Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая чудотворца и его отношение к западным источникам. — СПб., 1881. — С. 13. — (Памятники древней письменности; [XIX], вып. 10). См. о г. Бари в эпоху Средневековья: *Абрамсон, М.Л.* Крупные города Апулии в XII—XIII вв. (на материале Бари и Барлетты) // *Средние века.* — М., 1985. — Т. 48. — С. 47—70.
- ⁴¹ Слово о перенесении мощей свяителя Николая. — С. 555—558. (Прил. к примеч. 266)).
- ⁴² *Шляпкин, И.А.* Русское поучение XI века ... — С. 14.
- ⁴³ *Мошин, В.А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // *Русь и южные славяне.* — СПб., 1998. — С. 77.
- ⁴⁴ *Пашуто, В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. — С. 130, 131.
- ⁴⁵ *Карташев, А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. — Репринт воспроизведение. — М., 1991. — Т. I. — С. 266.
- ⁴⁶ *Пашуто, В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. — С. 130.
- ⁴⁷ *Чоффари, Д.* Перенесение мощей свт. Николая в латинских источниках XI в. и в русских рукописях // «Правило веры и образ кротости...»: образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. — М., 2004. — С. 135—166; *Cioffari, G.* La leggeda di Kiev; *Idem.* S. Nicola nella critica storica.
- ⁴⁸ *Хрусталеv, Д.Г.* Ефрем Переяславский. — С. 164—166.
- ⁴⁹ ПСРЛ. — Т. IX. — С. 116.
- ⁵⁰ Житие преподобного Антония Римлянина // *Православный собеседник.* — Казань, 1858. — Кн. II. — С. 157—171, 310—324.
- ⁵¹ См.: *La chiesa greca in Italia dall'VIII al XVI secolo: Atti del Convegno storico interecclesiale* (Bari, 30 apr. — 4 mag. 1969). — Padova, 1972. — Т. I—III; *Guilou, A.* Studies on Byzantine Italy. — London, 1970; *Vitolo, G.* Les monastères grecs de l'Italie méridionale // *Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin.* — Genève, 1996. — P. 99—113.
- ⁵² См. новейшие публикации: Житие и акафист Преподобного Антония Римлянина новгородского чудотворца / перевод В.В. Полежаева. — Новгород, 2000; *Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский* / подгот. текстов и исслед. Н.В. Рамазановой. — СПб., 2005. См. также исследования: *Голубинский, Е.* История русской церкви. — Т. 1, вторая половина. — С. 590—595; *Пикалева, Н.А.* Лингвотекстологический анализ «Жития Антония Римлянина» в аспекте лексической вариантности: на материале новгородских списков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — В. Новгород, 2008.
- ⁵³ *Топоров, В.Н.* Антоний Римлянин — новгородский святой в «Житии» // *Топоров, В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. — М., 1998. — Т. 2: Три века христианства на Руси (XII—XIV вв.). — С. 44. О «римской теме» в Житии см.: *Рыжова, Е.А.* Мотив «плавание святого на камне» в Житии Антония Римлянина и фольклоре // *Русская агиография. Исследования.* Материалы. Публикации. — СПб., 2011. — Т. II. — С. 7, 8, примеч. 28.
- ⁵⁴ *Фет, Е.А.* Житие Антония Римлянина // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* — Л., 1988. — Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в., ч. 1. — С. 245.

- ⁵⁵ См.: *Рыжова, Е.А.* Мотив «плавание святого на камне» в Житии Антония Римлянина и фольклоре — С. 7, 8, примеч. 28.
- ⁵⁶ См.: *Шахматов, А.А.* Повесть временных лет и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1940. — Т. 4. — С. 42—44, 72, 73.
- ⁵⁷ ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 116; Т. III. — С. 155.
- ⁵⁸ Там же. — Т. I. — Стб. 7—9, 39, 86, 115, 130.
- ⁵⁹ Там же. — Т. III. — С. 103.
- ⁶⁰ Там же. — Т. I. — Стб. 4, 27, 87, 115, 165.
- ⁶¹ Там же. — Стб. 4.
- ⁶² Там же. — Т. II. — С. XLVIII; *Пауцто, В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. — С. 128.
- ⁶³ Слово о полку Игореве. Древнерусский текст, перевод, комментарии / вступ. статьи Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева; составление Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; реконструкция древнерус. текста и комментарии Н.А. Мещерского и А.А. Бурькина; подготовка текстов и примечания Л.А. Дмитриева. — Л., 1985. — Строчки 173—175; БЛДР. — СПб., 1997. — Т. 4: XII век. — С. 260—261.
- ⁶⁴ ПСРЛ. — Т. III. — С. 46—49, 240—246.
- ⁶⁵ Там же. — Т. II. — Стб. 273.
- ⁶⁶ *Багров, Л.* История картографии. — М., 2004. — С. 55—59.
- ⁶⁷ *Коновалова, И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси [«Нузхат алмуштак фи-хтирак ал-афак» = «Развлечение истомленного в странствии по областям»]. — М., 1999.
- ⁶⁸ Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. — М., 1938. — Т. II, ч. 1. — С. 142; *Slessarev, V.* Ecclesia Mercatorum and the rise of merchant colonies // Business history review. — 1967. — Vol. XLI, N 2 — P. 183, 184.
- ⁶⁹ Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. — Т. II, ч. 1. — С. 144, 145.
- ⁷⁰ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. — М., 1951. — С. 216, № 46.
- ⁷¹ См.: Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества: тез. докл. конф., Москва, 23—25 июня 1997 г. — М., 1997; *Гийу, А.* Византийская цивилизация. — Екатеринбург, 2005. — С. 148, 310.
- ⁷² 1080—1089 гг. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. — СПб., 1880. — Т. 6: Памятники древнерусского канонического права, ч. 1: Памятники XI—XV в[в]. — Стб. 3 (3-я паг.).
- ⁷³ *Водовозов, Н.В.* «Хождение» Даниила и первый крестовый поход // *Водовозова, Н.В.* Русская литература и народное творчество — М., 1962. — С. 16—35. — (Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина; т. 178); *Творогов, О.В.* Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1988. — Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI в., ч. 1. — С. 109—112; *Гардзанини, М.* «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю: литература и богословие на Руси XII века // Славяноведение. — 1995. — № 2. — С. 226—230; *Житенёв, С.Ю.* История русского православного паломничества в X—XVII веках. — М., 2007. — С. 103.
- ⁷⁴ БЛДР. — СПб., 1997. — Т. 4. — С. 36, 104, 106.
- ⁷⁵ См.: *Заборов, М.А.* Крестоносцы на Востоке. — М., 1980; *Житенёв, С.Ю.* История русского православного паломничества в X—XVII веках. — С. 35.
- ⁷⁶ См. подробнее: *Перхавко, В.Б.* Церковь и внешнеэкономические связи Руси в XI—XIV вв. // Церковь, общество и государство в феодальной России. — М., 1990. — С. 46—66; *Его же.* Культурные контакты Древней Руси

- с соседними католическими странами Европы в XI—XIII вв. // Славяне и их соседи: католицизм и православие в Средние века. — М., 1991; *Его же*. Торговый мир средневековой Руси. — М., 2006. — С. 281—284.
- ⁷⁷ *Антоний*. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / с предисл. и примеч. П. Савваитова. — СПб., 1872. — Стб. 57, 58; *Белоброва, О.А.* Антоний // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1988. — Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в., ч. 1. — С. 39, 40.
- ⁷⁸ *Антоний*. Книга Паломник, Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. — СПб., 1899. — С. 33. — (Православный палестинский сборник; т. 17, вып. 3). — На обл.: «51-й вып.»; *Жуценёв, С.Ю.* История русского православного паломничества в X—XVII веках. — С. 127. ПСРЛ. — Т. III. — С. 49.
- ⁸⁰ См.: *Пашуто, В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. — М., 1950. — С. 191—193; *Головко, О.Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба: нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. — Київ, 2001; *Горовенко, А.В.* Меч Романа Галицкого: князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. — СПб., 2011; *Майоров, А.В.* Русь, Византия и Западная Европа: из истории внешнеполитических и культурных связей конца XII — начала XIII вв. — СПб., 2011.
- ⁸¹ Encyclica Innocentii III papae // Акты исторические, относящиеся к России, / извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым = Historica Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta. — СПб., 1841. Т. 1. — С. 3—4. № 3; *Назаренко, А.В.* Западноевропейские источники. — М., 1999. — С. 391.
- ⁸² Encyclica Honorii III papae ad universos Russiae reges // Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. — Reval, 1853. — Bd. 1. — № 1 (a. 1227); *Назаренко, А.В.* Западноевропейские источники. — С. 394.
- ⁸³ Epistola Gregorii IX papae ad Georgium Russiae regem // Акты исторические, относящиеся к России, / извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 30—31. № 33; *Назаренко, А.В.* Западноевропейские источники. — С. 392.
- ⁸⁴ *Карпини, Джованни дель Плано*. История монголов / Джованни дель Плано Карпини. Путешествие в Восточные страны / Гильом де Рубрук. — М., 1957. — С. 83. — На переплете загл.: Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука.
- ⁸⁵ Там же. — С. 88—90, 98.
- ⁸⁶ *Карпов, С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. — М., 1990. — С. 152—154, 215, табл. III. См. подробнее о торговле мехами в Восточной Европе в эпоху Средневековья: *Хорошкевич, А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. — М., 1963. — С. 45—121; *Перхавко, В.Б.* Пушнина в древнерусском товарообмене (IX—XIII века) // Отечественная история. 1999. № 5. — С. 164—174; *Его же*. Торговый мир средневековой Руси. — С. 186—218; *Martin, J.* Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. — Cambridge etc., 1986.
- ⁸⁷ *Поло, Марко*. «Книга» Марко Поло / пер. старофр. текста И.П. Минаева; ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича. — М., 1956. — С. 226, 227.
- ⁸⁸ *Карпов, С.П.* Итальянские морские республики ... — С. 166, 167.
- ⁸⁹ ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 826, 827.

- ⁹⁰ Акты исторические, относящиеся к России, / извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 61—62, 65—66.
- ⁹¹ *Рогов, А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). — М., 1966. — С. 145—147.
- ⁹² См.: *Дашкевич, Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. — Киев, 1873; *Чубатий, М.* Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії // Записки Наукового товариства ім. Тараса Шевченка. — Львів, 1917. — Т. 123—124; *Головко, О.Б.* Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в держано-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. — Київ, 2006. — С. 346, 347; *Войтович, Л.В.* Король Данило Романович: політик і полководець // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі: матеріали міжнародної наукової конференції, 29—30 листопада 2007 р. — Львів, 2008. — С. 89; *Котляр, Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. — СПб., 2008. — С. 290.
- ⁹³ *Майоров, А.В.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // ROSSICA ANTIQUA. — 2011. — № 1 (3). — С. 60. Еще раньше на контакты между Никеей и папским престолом во второй половине 1240-х — середине 1250-х годов обратили внимание и В.Т. Пашуто, и Б.Н. Флоря. См.: *Флоря, Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). — СПб., 2004. — С. 161 и сл.
- ⁹⁴ См. о переписке Александра Невского с Иннокентием IV: *Хрусталеv, Д.Г.* Северные крестоносцы: Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII—XIII вв.: в 2 т. — СПб., 2009. — Т. 1—2.
- ⁹⁵ *Серебрянский, Н.И.* Древнерусские княжеские жития: (обзор редакций и тексты). — М., 1915. — С. 198, 199.
- ⁹⁶ *Потин, В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. — Л., 1968. — С. 210.
- ⁹⁷ *Его же.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII веков на территории Древней Руси // Труды / Государственный Эрмитаж. — Л., 1967. — Т. 9, вып. 3. — С. 106—194; *Его же.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. — С. 208—209, табл. 27.
- ⁹⁸ *Dell'Agata, G.* Antiche iscrizioni cirilliche nel Duomo di Lucca // Ricerche slavistiche. — 1973—1974. — Vol. XX—XXI. P. 5—14; *Дел'Агата Д.* Стари кирилски надписи в катедралата «Сан Мартино» в град Лукка // Славянские культуры и Балканы. — София, 1978. — Т. 1: IX—XVII вв. — С. 62—66.
- ⁹⁹ См.: *Дончева-Петкова, Л.* Древноруски кръстове-енколпиони от България // Археология. — София, 1985. — XXVII, кн. 1. — С. 45—56; *Перхавко, В.Б.* Находки энколпионов на территории Югославии // Советская археология. — 1987. № 4. — С. 206—215; *Его же.* Древнерусские бронзовые кресты-энколпионы в сопредельных с Русью странах Европы // Церковная археология: материалы 1-й Всерос. конф., Псков, 20—24 нояб. 1995 г. — СПб.; Псков, 1995. — Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. — С. 66—69. — (Археологические изыскания; вып. 26); *Его же.* Русские кресты-складни в Греции, Италии и Турции // Церковная археология. — СПб., 1998. — Вып. 4. — С. 235—238; *Lovag, Z.S.* Byzantine type reliquary pectoral crosses in the Hungarian National Museum // Folia archaeologica. — Budapest, 1971. — XXII. — P. 158—163; *Barnea, I.* Arta creștină în România. — București, 1981. — Т. 2. — P. 190—207.
- ¹⁰⁰ См.: *Рыбаков, Б.А.* Ремесло древней Руси. — [М.], 1948. — С. 499—501, 527—531; *Полубояринова, М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С. 56.

- ¹⁰¹ См.: *Зоценко, В.Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. — Киев, 1981. — С. 119 и др.; *Корзухина, Г.Ф., Пескова, А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. — М., 2003. — С. 15—17, табл. 18—34.
- ¹⁰² См.: *Корзухина, Г.Ф., Пескова, А.А.* Древнерусские энколпионы ... — С. 23, 24, табл. 112—134; *Ширинский, С.С.* Кресты-энколпионы с обратной надписью как источник для истории церкви в Древней Руси // Труды / VI Международный конгресс славянской археологии. — М., 1999. — Т. 5: История и культура древних и средневековых славян. — С. 131—141.
- ¹⁰³ *Munoz, A.* L'art Byzantin a l'exposition de Grottaferrata. — Rome, 1906. — Fig. 125; *Pitarakis, B.* Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. — Paris, 2006. — P. 244. № 194; *Корзухина, Г.Ф., Пескова, А.А.* Древнерусские энколпионы ... — С. 206.
- ¹⁰⁴ *Даркевич, В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. — М., 1985. — С. 397. — (Археология СССР; т. 15).
- ¹⁰⁵ *Его же.* О серебряной ложке из Новгорода // Советская археология. 1965. — № 3. — С. 245—249; *Его же.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — М., 1966. — С. 32—34, табл. 26: 5. — (Свод археологических источников; вып. Е1-57).
- ¹⁰⁶ *Корзухина, Г.Ф.* Серебряная чаша из Киева с надписями XII века // Советская археология. — 1951. — Т. XV. — С. 64—81; *Ее же.* Русские клады IX—XIII вв. — М.; Л., 1954. — С. 117; *Даркевич, В.П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе ... — С. 11, 12, табл. 17: 1, 2, 6.
- ¹⁰⁷ См.: *Даркевич, В.П.* Художественное ремесло средневекового Запада (X—XIV вв.). — Изд. 2-е. — М. 2010.
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 843.
- ¹⁰⁹ *Родина, М.Е.* Витражные стекла из раскопок во Владимире и Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. — М., 1991. — С. 115; *Ее же.* Находки витражных стекол во Владимире // Материалы исследований / Гос. ист.-архитект. и худож. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. — Владимир, 1996. — Сб. № 1. — С. 3—5; *Ее же.* Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // Российская археология. — 1997. — № 3. — С. 151, 152, рис. 3; *Ее же.* Международные связи Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи): историко-археологические очерки. — Владимир, 2004. — С. 129; *Носов, Е.Н., Плохов, А.В.* Исследование центральной части Рюрикова городища в 1984—1989 гг. // *Носов, Е.Н., Горюнова, В.М., Плохов, А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). — СПб., 2005. — С. 42.
- ¹¹⁰ *Котов, Г./И./* Очертание арок во Владимиро-Суздальском зодчестве XII века // Сообщения / Государственная академия истории материальной культуры. — Л., 1929. — Т. 2. — С. 450—474.
- ¹¹¹ *Карташев, А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. — Т. I. — С. 266.
- ¹¹² См. подробнее: *Заграевский, С.В.* Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. — М., 2001.
- ¹¹³ Архитектурно-археологические исследования Рождественского собора во Владимире / *Иоаннисян, О.М., Зыков, П.Л., Жервэ, А.В., Глазов, В.П., Карайчева, Н.М.* // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1999 г.: тез. докл. — СПб., 2000. — С. 20.

G.B. Maniscalco Basile

La Moscovia di Antonio Possevino S.J. Il resoconto di una missione impossibile

Una missione impossibile

La missione diplomatica del 1582 del gesuita Antonio Possevino nella Moscovia di Ivan il Terribile è stata oggetto di numerosi studi che ne hanno analizzato le vicende, le finalità e i risultati¹.

Il ricchissimo resoconto che Possevino ne ha lasciato nella sua Moscovia² ci riferisce con molti dettagli sia gli eventi che ne avevano intessuto lo svolgimento che il contenuto diplomatico che il messo pontificio aveva come fine del suo viaggio. Nonostante l'indubbia capacità del gesuita, la sua abilità dialettica, l'ampiezza del suo mandato, il resoconto della missione è il racconto di un fallimento.

L'occasione della missione era stata, nel 1580, l'invio presso la Santa Sede di Istoma Ševrigin, ambasciatore del Gran Principe di Mosca, per sollecitare un intervento papale in favore della Russia nella guerra fra Mosca e la Polonia di Stefano Bathory. La guerra di Livonia, iniziata da Ivan IV nel 1558 col fine di procurare alla Moscovia un accesso al Baltico, stava volgendo al peggio per la Russia che vedeva assediata e in procinto di cadere in mani polacche Pskov, un' importante città di confine. Il corrispettivo politico dell'intermediazione del Papa nella guerra russo-polacca offerto da Ivan IV era l'adesione della Moscovia ad una lega antiturca.

La risposta papale all'ambasceria di Ševrigin fu l'invio di Antonio Possevino, consumato diplomatico e ardente sostenitore della Controriforma, con lo scopo di far rientrare la Moscovia nella sfera d'influenza del Papa di Roma e il Gran Principe di Mosca in un membro di una "Legha dei Principi Cristiani" contro la minaccia turca.

In verità, la fiducia di Roma nel successo della missione politica di Possevino non era proprio totale, tanto che Gregorio XIII aveva ordinato al suo messo di porre la questione religiosa prima e al di sopra di quella politica e civile³.

Il mondo cattolico, nella seconda metà del '500, era ancora lacerato dalla Riforma protestante, e la presenza di un principe cattolico nella lontana Moscovia poteva avere un ruolo chiave nell'azione della Controriforma nei confronti della Germania protestante e degli altri paesi del Centro Europa che avevano aderito al luteranesimo o al calvinismo.

Gli scopi della missione di Possevino mettevano sulla bilancia delle trattative da un canto — sul piano politico — l'intermediazione del Papa nel conitto russo-polacco dall'altro un'alleanza, anch'essa politica, del Principe di Mosca con gli altri principi cattolici; dall'altro, l'unione "dottrinale" della Russia con il mondo cattolico stretto attorno — e sotto il controllo — della Santa Sede.

Come si vedrà, nessuno di questi scopi venne raggiunto, e del fallimento della sua missione Possevino, nella sua *Moscovia*, dà un ampio e acuto resoconto, ma, pur avendone tutti gli elementi conoscitivi, il gesuita italiano non sembra averne compreso pienamente le ragioni.

L'analisi delle cause di quel fallimento, finora in parte lasciate in ombra dalla storiografia⁴, sono appunto l'oggetto del presente intervento e quest'analisi proverà gettare luce su alcune "particolarità" della cultura religiosa ortodossa moscovita. Particolarità che avranno molto più tardi, in pieno diciassettesimo secolo, conseguenze tragiche e che saranno alla base dello scisma degli Староверцы.

Come nota Graham, il Papa Gregorio XIII e lo stesso Possevino erano convinti che la Moscovia avesse accettato nel 1443 l'Unione di Firenze e non sapevano che invece Isidoro, Metropolita di Kiev e di tutta la Russia, che aveva partecipato al Concilio, era stato sconfessato dal Gran Principe di Mosca e dal clero locale che avevano rifiutato di aderire all'Unione alla quale invece Isidoro aveva aderito⁵, a cura di L. R De Michelis, Herder, Roma 1989), era presente una traduzione greca degli atti del Concilio di Firenze, che secondo P. Pierling (P. Pierling, *La Russie e le Saint Siège*, II, Paris 1898, p. 173) consistevano di cinque capitoli di un'opera del Patriarca di Costantinopoli Gennadij, con la loro traduzione in russo. Ma la ragione del fallimento della missione di Possevino sta altrove, in cause più complesse e sottilmente intrecciate con la religiosità che Mosca aveva ereditato dalla Seconda Roma e che aveva elaborato in modo del tutto idiomático e particolare.

Gli elementi politici della missione di Possevino

Sui due piatti della bilancia della trattativa diplomatica che Possevino aveva il mandato di svolgere stavano da un lato il consolidamento della tregua decennale di Iam Zapolski concordata fra la Moscovia di Ivan IV e la Polonia di Stefan Bàthory; dall'altro, l'adesione del Gran Principe di Mosca ad una lega cattolica contro la Sublime Porta e la sottomissione di Ivan IV all'autorità religiosa, ma anche politica, del Papa di Roma secondo la dottrina della plenitudo potestatis che il Gregorio XIII aveva ereditato dall'elaborazione dottrinale di Egidio Colonna e dalla controversia del XIII secolo fra Bonifacio VIII e il re di Francia Filippo IV il Bello⁶.

Quest'ultima dottrina, sconfitta politicamente da almeno tre secoli, non era stata mai abbandonata dal papato, anche se essa era rimasta a partire da quell'epoca politicamente lettera morta. Il diritto del Papa al possesso di entrambe le Spade e il suo conseguente potere di deporre un regnante "per ragioni di peccato". aveva avuto applicazione una sola volta, molto prima che la dottrina fosse ufficialmente proclamata, nell'ambito della lotta per le investiture dei vescovi che aveva contrapposto Gregorio VII all'imperatore del Sacro Romano Impero Enrico IV e aveva condotto all'umiliazione di Canossa e, in ultimo, al concordato di Worms del 1122.

Nel tardo XVI, quella dottrina era politicamente obsoleta.

D'altra parte, una proposta di alleanza di Mosca con i principi in lotta contro i Turchi come corrispettivo della proclamazione del Principe moscovita come Imperatore dell'Impero d'Oriente era già stato respinta da Ivan III, che aveva risposto all'invito di Pio II Piccolomini affermando di essere già "Signore delle sue terre" e di non aver bisogno quindi di alcuna ulteriore investitura. Ben vero, Ivan IV aveva offerto al Papa precisamente la propria partecipazione ad una lega anti-turca, ma né il Papa né Possevino avevano preso l'offerta troppo sul serio, almeno nel momento in cui il Principe di Mosca, con le sue forze in rotta, avrebbe promesso qualsiasi cosa pur di arrestare l'avanzata dell'esercito di Stefan Báthory.

Peraltro, Possevino era ben conscio della difficoltà di questa impresa politico diplomatica. Già nella sua intermediazione nelle trattative col re di Polonia Stefan Báthory che avevano condotto alla tregua decennale di Jam Zapolski, il messo papale aveva minimizzato l'impegno antiturco affermando che il Papa non pretendeva assolutamente "che si dia subito all'armi contra il Turco o contro altri"⁷.

Entrambi i punti del progetto politico che Possevino doveva proporre ad Ivan IV erano sicuramente impossibili da ottenere e, nonostante lo zelo religioso di Possevino, è difficile pensare che il Papa non se ne rendesse conto.

Al momento dell'ambasceria di Possevino poi le ragioni militari che avevano spinto il Gran Principe di Mosca ad inviare Istoma Ševrigin presso la Santa Sede erano diventate sensibilmente meno pressanti dato che la tregua di Jam Zapol'skij era la conseguenza della inattesa resistenza di Pskov all'assedio polacco e del vacillare della volontà di Stefan Báthory di perseguire il suo progetto di invasione della Moscovia. Certo, il disastro della Guerra livonica per la Moscovia era sotto gli occhi. Ma era anche evidente che Ivan IV aveva deciso di abbandonare, per il momento, il suo progetto di procurare a Mosca un sbocco sul Baltico.

Il corrispettivo politico della sottomissione della Moscovia all'autorità papale e della adesione ad una lega cristiana antiturca, e forse ad una Guerra con la Sublime Porta, era dunque debole.

Restava vivo invece il contenuto religioso della missione di Possevino: la creazione di una potenza cattolica che rafforzasse il progetto di Controriforma già trionfante in Polonia, contro Germania, Svezia e Danimarca protestanti.

Non deve quindi stupire che lo sforzo maggiore del gesuita italiano, di cui egli da ampiamente conto nella sua *Moscovia* riguardi la parte dottrinale e religiosa della sua missione.

La missione religiosa di Possevino

Come si è detto, la convinzione che la Moscovia avesse tradito il patto concluso con l'Unione di Firenze e che essa avesse semplicemente il dovere di rientrarvi rese certamente difficile per il Papato la comprensione delle difficoltà che Possevino aveva sulla sua strada.

In realtà, la distanza fra la confessione cattolica e l'Ortodossia russa era più grande di quanto Possevino potesse sospettare e di quanto il gesuita avesse potuto apprendere dalle sue diligenti letture dei documenti⁸ che raccontavano della Moscovia e dei suoi costumi e poi dall'osservazione diretta del Principe e degli usi della sua corte. In particolare sul potere che il Principe esercitava sui suoi sudditi, piccoli e grandi e sulle tradizioni che ne reggevano la legittimazione autocratica.

Or i Moscoviti per lungo uso osservato dai loro antichi, prendono costume fino da fanciulli di avere concetto & ragionare di maniera del Principe loro, che interrogati rispondono spessissimo in questo modo. Solo Dio, e 'l grande Signor nostro (cioè il Principe) sà questo.

...

Pare che da' Greci Patriarchi, & Imperatori abbia tolto, & è rivolto all'onore di se medesimo tutto ciò che si riferiva al culto divino. Porta in capo, ovvero sopra un'alto scanno, mentre siede su suo trono, una corona, ò come regno pontificale ricchissimo di perle. & di gioie, ne questo è un solo; conciossiocosa che lo cambia sovente, l'uno il più ricco dice essere quello dei Greci Imperatori portato da Costantinopoli.

I risultati della missione, oltre a dare un quadro dell'azione della Chiesa nell'abito della Controriforma, forniscono elementi preziosi proprio sul piano politico e rivelano alcuni elementi significativi sull'importanza del consenso popolare anche in un paese governato da un Principe "autocrate". È probabile che il Papa e Possevino sperassero che la missione diplomatica del gesuita italiano ripettesse il successo riportato dall'ambascieria dell'imperatore romano d'Oriente, Basilio II, che aveva condotto al Cristianesimo la Rus' di Vladimir Svjatoslavič "Il Santo". Ma la diversità delle condizioni politiche e religiose della Moscovia, come si vedrà, impedirono che tale successo fosse ripetuto nel regno di Ivan IV.

I riti, le Scritture e la fede

Come sappiamo, la Bibbia e i testi liturgici erano stati importati e tradotti nel tempo, fin dalla fine del XV e ben entro il XVI, in versioni imperfette e che non rispecchiavano pienamente i testi della Costantinopoli ortodossa. Uno dei principali 'tardi' traduttori, Maksim Grek era stato imprigionato per quasi tutta la sua vita per presunti errori di traduzione (come pure sappiamo, in realtà a causa della sua posizione nell'ambito della controversia fra "possessori" e "non-possessori" nella prima metà del '500). Molto più tardi, tra la fine del XVII secolo e l'inizio del XVIII, il tentativo del Patriarca Nikon di "correggere" i testi liturgici aveva provocato un gravissimo scisma che aveva separato gli *starovercy*, che non avevano accettato le correzioni, dall'ortodossia russa⁹.

All'inizio del XVI secolo, lo starec Filofej di Pskov si era rivolto al Gran Principe di Mosca perché imponesse il corretto tracciamento del segno della Croce e il corretto cantare dell'Alleluja¹⁰.

La natura altamente simbolica del linguaggio religioso e politico russo ortodosso spiegava l'importanza della 'forma' dei riti e del loro svolgimento¹¹. Natura che aveva radici lontane: si ricordi che la consacrazione dell'Ostia (pane non lievitato) era stata una delle cause — oltre alla questione del *Filio-que* — dello Scisma d'Oriente, in quanto l'assenza del lievito avrebbe implicato la negazione della natura divina dello Spirito Santo (simboleggiato dal lievito). Nella tradizione dottrina russa, dal primo Medioevo in poi, non solo i riferimenti iconografici, ma lo stesso ragionamento teologico aveva carattere simbolico. Ne è esempio chiarissimo il discorso di Filofej sulla Donna dell'Apocalisse che varrebbe, a dire dello *starec* di Pskov, a dimostrare il ruolo di "Terza Roma" della capitale dell'impero moscovita¹². Così come l'icona era la *vera* immagine del Cristo e dei santi¹³, così il simbolo garantiva la corrispondenza fra parola e realtà: e questo è uno dei motivi della rigidità russo-ortodossa di quel tempo sui testi e sui riti sacri. La stessa struttura logica del discorso politico e religioso russo medievale e ben entro il XVI secolo aveva natura simbolica e proprio la "parola" simbolica, per il suo riferirsi ad altro da sé, è sommamente rigida all'interno della struttura semantica cui essa appartiene, perché una sua modifica modificherebbe irrevocabilmente non solo la "parola" stessa ma il significato simbolico di cui essa è portatrice. Per di più, mentre la struttura semantico-sintattica di cui parla Jurij Lotman concreta sostanzialmente un discorso "convincente", che si appella alla ragione (è tipicamente il discorso induttivo-deduttivo), la struttura semantico-simbolica del linguaggio russo medievale è prevalentemente "persuasiva": con un meccanismo binario di 'celamento-rivelazione' esso tende a stabilire in modo 'acritico' il suo contenuto di verità. Da qui la sua rigidità e la sua impossibilità di cambiare, sotto pena di perdere appunto il suo contenuto di verità.

Il Segno della Croce e il “vero Alliluja” sono un esempio evidente di questo atteggiamento culturale e religioso. Il Segno della Croce tracciato con due dita tese e le altre tre raccolte nel palmo della mano simboleggiava la doppia natura, divina e umana, del Cristo e la Trinità mentre l’Alliluja, andava ripetuto tre volte e non quattro. E la “correzione” del modo di tracciare il Segno e di cantare la “parola angelica”¹⁴ giustificava la richiesta formulate da Filofej di Pskov di un intervento repressivo e correttivo del Gran Principe di Mosca.

Si può comprendere dunque come la mutazione delle parole dei libri sacri e della liturgia (impliciti nel passaggio dall’Ortodossia al Cattolicesimo, che Possevino era venuto a Mosca per chiedere al Gran Principe) fosse un cambiamento di enorme rilievo religioso, ma anche politico, data la contemporaneità politica e religiosa del linguaggio religioso russo del tempo.

D’altra parte, l’attenzione dei moscoviti alla precisione dei riti era stato rilevato da Possevino, che ne aveva dato un giudizio complessivamente positivo. Il messo gesuita però aveva mancato di notarne la rilevanza per il successo della sua missione riunificatrice.

Le obiezioni di Ivan IV

C. De Michelis¹⁵ nota come i resoconti degli incontri di Possevino con Ivan IV non siano del tutto attendibili, né quelli redatti dal gesuita, né quelli redatti dagli scribi della corte del Gran Principe di Mosca¹⁶. Ma in realtà, anche solo i resoconti di Possevino, per quanto imperfetti e infedeli, sono suffocanti a mostrare con chiarezza le ragioni del fallimento della sua missione diplomatica.

Dal resoconto di Possevino risulta che il rifiuto di Ivan IV di aderire all’alleanza che gli proponeva Gregorio XIII era dovuto a ragioni più profonde della *plenitudo potestatis* di cui il Papa di Roma pretendeva di essere titolare su tutti i regnanti dell’Ecumene cristiana—ragioni che, come già detto, erano politicamente lettera morta dopo la sconfitta di Bonifacio VIII nella disputa col re di Francia Filippo IV “il Bello”: ragioni tali da impedire che anche la promessa del Papa di incoronare Ivan IV come Imperatore d’Oriente potesse avere un’influenza decisiva sulle trattative.

Proprio la struttura simbolica del “linguaggio” dottrinario cattolico costituì dunque probabilmente un ostacolo insormontabile.

Sulla figura del Papa

Alcune delle obiezioni più radicali formulate dal Gran Principe, che sono state qualche volta interpretate come mero sarcasmo, riguardano

elementi del tutto formali — e profondamente simbolici — dell’atteggiamento pubblico del Pontefice.

Perché, chiede Ivan IV, il Papa riceve i fedeli indossando delle babucce sulle quali è ricamata la Croce di Cristo che essi devono baciare inchinandosi a lui? Riesce infatti del tutto incomprensibile al Principe di Mosca, anzi gli appare blasfemo, che il simbolo del Cristo stia ai piedi del Papa e non più in alto di lui, come oggetto di adorazione. I fedeli si inchinano dunque a lui e non al Cristo, che è posto sulle sue scarpette?

“Perché il Papa non ha la barba?” chiede poi Ivan IV a Possevino? L’idea che il Papa si sbarbasse derivava probabilmente dal libello sul Papa-Anticristo che alcuni mercanti inglesi riformati avevano consegnato al Gran Principe prima dell’arrivo del messo pontificio nel quale il Papa era raffigurato col volto glabro¹⁷. Fino alla rivoluzione petrina, l’uomo, discendente da chi era stato creato ad immagine e somiglianza del suo Creatore, non poteva rasarsi, dato che nel Paradiso Terrestre prima della caduta non erano disponibili raso! Radersi, dunque, avrebbe significato rinnegare l’origine divina dell’uomo. Il radersi la barba, infatti, era espressamente proibito dallo *Stoglav*, il codice dei 100 capitoli che aveva riordinato nel 1551 il diritto canonico e, in parte, il diritto civile¹⁸.

Il Principe chiede poi perché — e proprio questo è stato spesso scambiato per un brutale sarcasmo — i monaci tengono il rosario intrecciato alla cintura, di modo che la croce penda in corrispondenza delle parti private di chi la porta?

Ma un’obiezione più grave — ma Possevino non aveva probabilmente modo di saperlo — riguarda l’autodenominazione del Papa come capo “supremo” della Chiesa: il nomen, e non la posizione del Papa è qui in discussione.

Nella Chiesa russa, l’appellativo degli appartenenti alle alte gerarchie ecclesiastiche era *smirenyj*, umile. E, maggiore l’umiltà, più rilevante e alta la posizione.

In un saggio sui riti della Domenica delle Palme, Michael Flier¹⁹ nota come il Gran Principe conduca, come se fosse un stalliere, l’asino bianco (in realtà, un cavallo travestito da asino) su cui il Patriarca entra ‘simbolicamente’ in Gerusalemme (nella Cattedrale che a sua volta simboleggia Gerusalemme). E questo atteggiamento “umile” del Principe non denota una inferiorità del suo potere a quello del vertice della gerarchia russo-ortodossa, ma al contrario la sua superiorità quale unto da Dio e da Dio scelto a guidare il Suo popolo (tenerle le briglie), Patriarca compreso, alla vita eterna. Il servizio da “stalliere”, come nota Flier, che il Gran Principe svolge mostra che egli è il “*браздодержатель*”, il reggitore delle redini della Santa Chiesa di Cristo, secondo le parole di Filofej di Pskov riecheggiate da Ivan Peresvetov²⁰.

È impossibile per uno *Car'* essere senza severità (*строга*); come un cavallo sotto uno *Car'* senza briglie, così è un impero senza severità²¹.

Il Papa, invece, si presentava ai fedeli assiso sulla sedia gestatoria, assai più in alto dei suoi sudditi in fede.

La 'superbia' del Papa appariva dunque incompatibile con il ruolo di Reggitore dei Reggitori che il Sommo Pontefice pretendeva di assumere anche nella Moscovia di Ivan IV: sostanzialmente, usurpando il ruolo di Dio.

L'esito della missione di Possevino

Nella struttura semantico-simbolica del linguaggio politico e religioso moscovita tutti questi elementi rendevano estranea all'Ortodossia e blasfema la fede "latina". E virtualmente impossibile anche per un sovrano come Ivan IV, che aveva nell'elezione divina la radice del suo potere, imporne ai suoi sudditi l'adozione.

Si vede da quanto sopra che l'acutezza dell'osservazione di Possevino aveva identificato con precisione le cause dell'inevitabile fallimento dell'alleanza che Gregorio XIII intendeva proporre al Gran Principe di Mosca. Ma non le aveva riconosciute come tali.

Va detto a sua 'discolpa' che, anche se le avesse riconosciute non avrebbe potuto fare nulla per evitarne gli effetti.

Per quanto marginale possa apparire ad un osservatore moderno l'importanza della "forma" dei riti e delle "parole" delle Scritture Sacre, è impossibile oggi sottovalutare la valenza decisiva di esse nella religiosità russa dei secoli XVI e XVII. Ogni parola e ogni gesto aveva un profondo significato simbolico che investiva la sostanza stessa della fede. Mutare parole e riti avrebbe significato mutare i simboli che ne esprimevano la sostanza: avrebbe significato rinunciare alla fede e, con essa, alla vita eterna.

Il Cattolicesimo e l'Ortodossia russa non erano dunque compatibili e neppure il Gran Principe, anche se avesse voluto, avrebbe potuto violare il "patto" sacro che legava il sovrano al suo popolo.

...и соблюдет тя Господ в непорочной вере и покажет тя опасна хранителя свиатые соборныя церкви в велениях, да судиши люди твоя правдою и нищих судом, да воссияет во днех твоих правда ...да судя люди твоя правдою и нищих твоих судом, спасет сыны обоих и наследник будет ти небесного царства²².

Si può supporre che Ivan IV fosse disposto a qualche compromesso in cambio di vantaggi politici e militari nei confronti del suo vicino-nemico che gli negava lo sbocco sul Baltico di cui la Moscovia aveva bisogno per i suoi crescenti rapporti con l'Occidente, ma l'esito dell'ambasceria di Possevino mostra che nemmeno un Principe incoronato da Dio, che aveva avuto,

dopo la sua abdicazione dell'Aleksandrova Slobodà, il mandato del popolo a punire "chi il sovrano volesse con la sua severità sovrana" (dunque, a reggere le briglie del suo impero), poteva esporsi al rischio di perdere un consenso popolare, da sempre legato alla purezza 'simbolica' della fede ortodossa — consenso che si sarebbe forse frantumato dopo un'unione con Roma.

La missione di Possevino, dunque, era condannata al fallimento fin dall'inizio e non solo per questioni di fede. Anche e soprattutto per gli effetti politici che la questione di fede avrebbe posto: il rischio per il Principe di essere abbandonato dal suo popolo.

- ¹ Tra i numerosi saggi sulla missione di Possevino a Mosca, citiamo: N.P. Lichačev, *Дело о приезде в Москву Антония Поссевина*, S-Peterburg 1903; V.O. Ključevskij, *Сказания иностранцев о Московском государстве*, Petrograd 1918; *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, т. 1—10 St. Petersburg 1851—1871; P. Pierling S.J., *Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves*, Paris 1887; S. Polčín S.J., *Un tentative d'Union au XVIe siècle: la mission religieuse du Père Antoine Possevin, S.J. en Moscovie (1581—1582)*, Pont. Inst. Orientalium Studiorum, Roma 1957; *Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в.*, a cura di L.N. Godovikova, Moskva 1983; L. Ronchi De Michelis, *Ivan il Terribile Rokita. Disputa sul Protestantismo. Un confronto fra Ortodossia e Riforma nel 1570*, Torino 1979; F. Adelung, *Kritisch-literarisch Ubersicht der Reisenden in Russland bis 1700*, St. Petersburg 1848; S. Mund, *La missione diplomatica del père Antoine Possevino (S.J.) chez Ivan Le Terrible en 1581—1582 et le premiers écrits jésuites sur la Russie moscovites à la fin du XVIe siècle*, in «Cahiers du Monde Russe», 45/3—4, Juillet—décembre 2004, pp. 407—440; W. Delius, *Antonio Possevino SJ und Ivan Groznyj. Ein Betrag zur Geschichte der Kirchlichen Union und der Gegenreformation des 16. Jahrhunderts*, Stuttgart 1962; *Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве*, (riedizione dello studio immediatamente precedente a cura di I.V. Kurukin), Moskva 2005; *Antonio Possevino. I Gesuiti e la loro eredità culturale in Transilvania*, a cura di A. Castaldini, Roma 2009. Per una bibliografia completa, rinviamo H. Graham, *The Moscovia of Antonio Possevino, S.J.*, University of Pittsburg, UCIS, 1979.
- ² *Antonii Possevini Societatis Jesu, Moscovia, et alia opera de statu huius seculi*, Oficina Birkmannica, Colonia 1587.
- ³ Cfr. D. Caccamo, *La diplomazia della Controriforma e la crociata: dai piani di Possevino alla "lunga guerra" di Clemente VIII*, in "Archivio Storico Italiano", II, 1970, p. 259.
- ⁴ Cfr. H. Graham, *The Moscovia of Antonio Possevino, S.J.*, cit., pp. XV e ss.
- ⁵ Nella biblioteca di Ivan IV, oggi perduta ma di cui è stato faticosamente ricostruito parte del catalogo (cfr. N.N. Zarubin, *La biblioteca di Ivan il Terribile* / A cura di L. Ronchi De Michelis. Roma, 1998).
- ⁶ Cfr. Egidio Colonna, *De Ecclesiastica Potestate*, I, 3; Innocenzo IV, *Apparatus in quinque libros decretalium*, II, 2, 9; cfr. sul punto R.W. e A. J. Carlyle, *Il pensiero politico medievale*, III, p. 342 e ss. e la ricca bibliografia ivi citata.

- ⁷ Cfr. D. Caccamo, *La diplomazia*, cit. p. 262.
- ⁸ Fra i quali il racconto di Paolo Giovio (Paulus Jovius, *De legatione Moscovitica*, in *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*, 1, 1841 e il resoconto di Sigismund von Herberstein sulla Moscovia di Vasilij III. Cfr. *Rerum moscoviticarum commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain*, Frankfurt am M. 1964; per una bibliografia completa, cfr. *450 Jahre Sigismund von Herbersteins "Rerum Moscoviticarum Commentarii" 1549–1999*, Harassowitz Verlag, 2002 e G. Maniscalco Basile, *The image of Muscovite political power in Sigmund von Herberstein's "Rerum Moscoviticarum Commentarii" in 450 Jahre*. cit. Dal resoconto di Herberstein Possevino trae probabilmente le osservazioni sul potere totale del Principe di Mosca sui beni, ma anche sulle anime dei suoi sudditi
- ⁹ Sulla politica di innovazione dello statuto della Chiesa ortodossa del tempo di Pietro I, cfr. V.M. Živov, *Из церковной истории времен Петра Великого*, Moskva, 2004.
- ¹⁰ Cfr. V. Malinin, *Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование*, Киев, 1901.
- ¹¹ Cfr. J. M. Lotman, *Il problema del segno nel sistema segnico nella tipologia della cultura russa prima del XX secolo*, in *Ricerche Semiotiche*, a cura di J.M. Lotman e B.A. Uspenskij, Einaudi, Torino 1973, pp. 40 ss.; e pi di recente, M. Pljuchanova, *Сюжеты и символы Московского царства, Акропол'*, Skt. Peterburg, 1995.
- ¹² V. Malinin, op. cit.
- ¹³ Cfr. H. Belting, *Storia dell'Icona dall'et_a imperiale al tardo Medioevo* Carocci, Roma, 2001.
- ¹⁴ Secondo gli insegnamenti di Gregorio di Nissa e di Basilio Magno.
- ¹⁵ C.G. De Michelis, *I Nomi dell'Avversario. Il "Papa Anticristo" nella cultura russa*, Albert Meynier, Torino, 1995.
- ¹⁶ Cfr. *Акты исторические*, Т. I. St. Petersburg, 1841.
- ¹⁷ Secondo C. De Michelis, il trattato antipapista consegnato a Ivan IV era l'*Antithesis Christi et Antichristi* di Simone du Rosier (Cfr. C. De Michelis, *I nomi dell'avversario*, Albert Meynier, Torino 1989).
- ¹⁸ Cfr. E.V. Emchenko, *Стоглав: исследование и тексты*, Izd. "Indrik", Moskva, 2000
- ¹⁹ M.S. Flier, *Breaking the Code: the Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual*, in *Medieval Russian Culture. Vol. II*, a cura di M.S. Flier e D. Rowland, Un. of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1994.
- ²⁰ Cfr. M. Flier, op cit., p. 235.
- ²¹ Cfr. *Сочинения И. Пересветова*, a cura di A.A. Zimin, M.; L., 1956, p. 153.
- ²² *Чин венчания на царство Ивана Васильевича* in *Идея Рима в Москве. XV–XVI вв.*, Herder, Roma, 1993, pp. 82–83.

Дж.Б. Манискалько Базиле

«Московия» Антонио Поссевино: Отчет о невыполнимой миссии

Невыполнимая миссия

Дипломатическая миссия иезуита Антонио Поссевино в Московию Ивана Грозного в 1582 г. рассматривалась в многочисленных исследованиях, анализировавших ее события, цели и результаты¹.

Ценнейший отчет, оставленный Поссевино в его «Московии»², сообщает нам подробнейшим образом как о событиях, которыми ознаменовалась его миссия, так и о дипломатическом содержании, составлявшем цель поездки папского посланника. Несмотря на несомненные способности иезуита, его диалектическое мастерство, широкие полномочия, этот отчет представляет собой, тем не менее, отчет о неудаче.

Поводом к отправке миссии Поссевино послужило прибытие к Святому Престолу Истомы Шевригина, посла Великого князя Московского с целью добиться выступления папы в пользу русских в войне между Москвой и Польшей Стефана Батория. Ливонская война, начатая Иваном IV в 1558 г. с целью обеспечить Московии выход к Балтийскому морю, развивалась неблагоприятно для России: был осажден поляками и близок к падению Псков, крупный приграничный город. Предложенной Иваном IV политической компенсацией папе за посредничество в русско-польской войне должно было стать присоединение Московии к антитурецкому союзу.

Ответом папы на посольство Шевригина стала отправка Антонио Поссевино, опытного дипломата и активного деятеля Контрреформации, направленная на то, чтобы вернуть Московию в сферу влияния римского папы и сделать Великого князя Московского членом «Лиги христианских государей», созданной для отражения турецкой угрозы.

На самом деле, уверенность Рима в успех политической миссии Поссевино не была столь полной: Григорий XIII повелел своему посланцу поставить вопрос веры раньше и предпочтительнее по отношению к политическим и гражданским³.

Католический мир во второй половине XVI в. еще раздирался протестантской Реформацией, и присутствие католического госу-

даря в далекой Московии могло сыграть ключевую роль в контрреформаторской деятельности в протестантской Германии и других странах Центральной Европы, присоединившихся к лютеранству или кальвинизму.

Цели миссии Поссевино клали на весы переговоров, с одной стороны — в политическом аспекте, посредничество папы в русско-польском конфликте, с другой — союз, тоже политический, московского князя с другими католическими государями; наконец, с третьей — «доктринальный союз» России с католическим миром, ядром и блюстителем которого должен был стать Святой Престол. Как мы увидим, ни одна из целей не была достигнута, и Поссевино в своей «Московии» дает подробный и глубокий отчет об этой неудаче его миссии, однако, имея все необходимые сведения, итальянский иезуит, судя по всему, не понял в полной мере ее причин.

Анализ причин неудачи, которые до сих пор отчасти оставляла в тени историография⁴, является как раз предметом данной статьи и попыткой пролить свет на некоторые «особенности» московской православной религиозной культуры. Особенности, которые значительно позднее, в середине XVII в., имели трагические последствия и стали почвой для староверческого раскола.

Как отмечает Грэхэм, и папа Григорий XIII и сам Поссевино были убеждены, что Московия приняла в 1443 г. Флорентийскую унию, и не знали того факта, что Исидор, Митрополит Киевский и всея Руси, участвовавший во Флорентийском Соборе, был низложен Великим князем Московским и местным духовенством, отказавшимися принять унию, к которой Исидор присоединился⁵. Но причина провала миссии Поссевино состоит не в этом, причины его более сложные и тесно переплетаются с той религиозностью, которую Москва унаследовала от Второго Рима и переработала в совершенно своеобразном духе.

Политические элементы миссии Поссевино

На чашах весов дипломатических переговоров, на проведение которых Поссевино получил полномочия, лежали, с одной стороны, упрочение десятилетнего перемирия, заключенного в Ям-Запольске между Московией Ивана IV и Польшей Стефана Батория; с другой — присоединение Великого князя Московского к католической Лиге против Высокой Порты и подчинение Ивана IV религиозной, но также и политической власти римского папы, согласно доктрине *plenitudo potestatis*, унаследованной Григорием XIII от ее разработчи-

ка — Эгидия Колонны и родившейся из контroversы XIII в. между Бонифацем VIII и королем Франции Филиппом IV Красивым⁶. Эта доктрина, потерпевшая политическое поражение уже за три века до описываемых событий, не была полностью отвергнута папством, хотя и оставалась с тех времен не более чем мертвой буквой. Право папы на владение и духовным и светским мечом и вытекающая из этого его власть низлагать правителей из-за греховного поведения лишь единственный раз были применены (причем значительно ранее, чем была официально провозглашена сама доктрина): в рамках борьбы за инвеституру епископов между Григорием VII и императором Священной Римской Империи Генрихом IV — и привела к унижению в Каноссе, а в итоге к Вормсскому конкордату 1122 г.

В конце XVI в. эта доктрина политически уже устарела.

С другой стороны, предложение об участии Москвы в союзе государей для борьбы с турками в качестве компенсации за провозглашение Московского князя Императором Восточной империи уже было ранее отклонено Иваном III, ответившим на приглашение Пия II Пикколомини утверждением, что он и так уже хозяин своих земель и не нуждается, таким образом, в какой бы то ни было дополнительной инвеституре («мы Божиею милостью государи на своей земле изначала... а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим»). Верно и то, что Иван IV действительно предложил папе именно свое участие в антитурецкой лиге, но ни папа, ни Поссевино не придавали этому особого значения, по крайней мере в то время, когда после поражения своих войск Московский князь предложил бы что угодно, лишь бы остановить наступление Стефана Батория.

Кроме того, Поссевино хорошо осознавал трудность этого политико-дипломатического предприятия. Уже во время своего посредничества в переговорах с королем Польши Стефаном Баторием, приведших к заключению Ям-Запольского перемирия сроком на 10 лет, папский посланец снизил степень важности антитурецких планов, заявив, что он совершенно не требует немедленного выступления с оружием в руках против турок или против кого-то другого⁷.

Оба пункта политического проекта, который Поссевино должен был предложить Ивану IV, были однозначно недостижимы, и несмотря на религиозное усердие Поссевино, трудно предположить, что папа мог не отдавать себе в этом отчета. Кроме того, к прибытию посольства Поссевино, военная обстановка, заставившая ранее Великого князя Московского отправить в Рим посольство Истомы Швергина, была уже менее угрожающей, учитывая то, что Ям-Запольское перемирие стало следствием неожиданно упорного сопротивления

Пскова польской осаде и колебаний Стефана Батория в осуществлении его планов вторжения в Московию. Конечно, катастрофические последствия Ливонской войны для Московии были очевидны. Но очевидно было и то, что Иван IV решил оставить, по крайней мере на время, свой план достижения выхода к Балтийскому морю.

Политическая компенсация за подчинение Московии власти папы и присоединение к антитурецкой христианской лиге, с возможной войной против Высокой Порты, выглядела таким образом недостаточной.

Однако оставалась в силе религиозная составляющая миссии Поссевино — создание католической державы, которая укрепила бы позиции Контрреформации, уже победившей в Польше, в борьбе против протестантских Германии, Швеции и Дании. Не должно поэтому удивлять, что важнейшие усилия итальянского иезуита, о чем он подробно рассказывает в своей «Московии», были направлены на доктринальную и религиозную часть его миссии.

Религиозная миссия Поссевино

Как уже сказано, в связи с убеждением, что Московия нарушила договоренности, заключенные во Флоренции, и что ее долг — в том, чтобы просто вернуться к их соблюдению, конечно, для папства было сложно понять трудности, которые ожидали Поссевино на его пути.

На самом деле расхождение между католичеством и русским православием было гораздо бóльшим, чем Поссевино предполагал и чем он мог узнать, внимательно читая документы⁸, повествующие о Московии и ее обычаях, и затем — непосредственно наблюдая Великого князя и нравы его двора. В частности, это касается власти, которой Великий князь обладал над своими подданными сверху донизу, и традиций, определявших легитимацию этой самодержавной власти.

Московиты с детства имеют обыкновение так говорить и думать о своем государе, получив это установление из рук предков, что чаще всего на ваш вопрос отвечают так: «Один бог и великий государь это ведают».

...

Можно сказать, что все это заимствовано от греческих патриархов и императоров, и то, что относилось к почитанию бога, он перенес на прославление себя самого. Он носит тиару, пышно украшенную жемчугом и драгоценными камнями и не одну (их он постоянно меняет, чтобы показать свое богатство; говорят, что они привезены из Византии).

Результаты миссии, помимо обозначения рамок деятельности Церкви в контексте Контрреформации, дают ценные элементы именно в политическом плане и, в частности, также о значении народного консенсуса в стране, управляемой «самодержавным» государем. Вероятно, что папа и Поссевино надеялись, что дипломатическая миссия итальянского иезуита повторит успех посольства Восточного римского императора Василия II, которое привело к христианству Русь при Владимире Святославиче «Святом». Но другие политические и религиозные условия в Московии помешали тому, чтобы такой успех повторился в правление Ивана IV.

Обряды, Писание и вера

Как мы знаем, Библия и литургические тексты привносились и переводились со временем, с конца XV и задолго до конца XVI в., в несовершенном виде, который не отражал полностью тексты константинопольского православия. Один из главных «поздних» переводчиков Максим Грек провел почти всю свою жизнь в тюрьме за предполагаемые ошибки в переводах (мы знаем также, что на самом деле это было обусловлено его позицией в рамках спора «любостяжателей» и «нестяжателей» в первой половине XVI в.). Значительно позднее, в конце XVII — начале XVIII в., попытка патриарха Никона «исправить» литургические тексты вызвала серьезнейший раскол, отделивший староверцев, которые не приняли исправлений, от русского православия⁹.

В конце XVI в. старец Филофей из Пскова обратился к Великому князю Московскому, прося его установить правильное совершение крестного знамения и правильное пение аллилуйи¹⁰.

Глубоко символическая природа русского православного религиозного и политического языка объясняет значение «формальной» стороны обрядов и способа их отправления¹¹. Природа эта имела глубокие корни: вспомним, что освящение просфоры из пресного хлеба — наряду с вопросом о *filioque* — было одной из причин Восточной схизмы, поскольку отсутствие дрожжей подразумевает, по мнению православных, отрицание божественной природы Святого Духа (символизируемого закваской). В русской вероучительной традиции, начиная с Раннего Средневековья и далее, не только иконографические отсылки, но и сама богословская мысль носила символический характер. Ярким примером тому служит речь Филофея о Жене в Апокалипсисе, показывающей, по мнению псковского старца, роль «Третьего Рима», которую суждено играть столице Московской державы¹². Как икона являлась подлинным образом Христа и святых¹³, так и символ

обеспечивал соответствие между словом и реальностью: это и служит одной из причин жесткого подхода русского православия того времени к священным текстам и обрядам. Сама логическая структура русского религиозно-политического рассуждения в средневековье и вплоть до XVI в. имела символический характер, и именно символическое «слово» в силу своего характера отсылки к иному, чем оно само, было в высшей степени жестким в рамках той семантической структуры, к которой оно принадлежит, поскольку его изменение неизбежно изменило бы не только само слово, но и символическое значение, носителем которого оно выступает. Более того, в то время как семантико-синтаксическая структура, о которой говорит Юрий Лотман, воплощает в основном «доказательную» разновидность речи, взывающую к разуму (наиболее типично — индуктивно-дедуктивную речь), семантико-символическая структура средневекового русского языка преимущественно «убедительна»: посредством бинарного механизма «сокрытие-откровение» она тяготеет к не критическому установлению истинности своего содержания.

Крестное знамение и «правильная аллилуйя» служат наглядным примером этого культурно-религиозного отношения. Крестное знамение двумя вытянутыми перстами, тогда как остальные прижаты к ладони, символизировало двойную природу, божественную и человеческую, Христа и Троицу, в то время как аллилуйя должна была повторяться три раза, а не четыре. «Исправление» же способа совершения крестного знамения и пения «ангельского слова»¹⁴ оправдывало просьбу Филофея Псковского о карающем и исправляющем вмешательстве Великого князя Московского.

Можно понять, таким образом, что изменение слов священных книг и литургии (неизбежное при переходе из православия в католичество, о чем Поссевино должен был просить Великого князя) имело огромное значение — как религиозное, так и политическое, — если учесть одновременно религиозное и политическое значение религиозного русского языка того времени.

С другой стороны, внимание московитов к точности обрядов было отмечено Поссевино, который дал об этом в целом положительное суждение. Папский посланец, однако, не осознал, какое значение это имело для успеха его объединительной миссии.

Возражения Ивана IV

Ч. Де Микелис¹⁵ отмечает, что отчеты о встречах Поссевино с Иваном IV не вполне заслуживают доверия: ни те, что составлены самим

иезуитом, ни те, что подготовлены писцами двора Великого князя Московского¹⁶. Но на самом деле уже и одних отчетов Поссевино, хотя и несовершенных и не всегда точных, достаточно для того, чтобы ясно показать причины неудачи его дипломатической миссии.

Из отчета Поссевино явствует, что отказ Ивана IV присоединиться к союзу, который предлагал ему Григорий XIII, вызвали более глубокие соображения о plenitudo potestatis, на которую претендовал римский папа в отношении всех правителей христианского мира, соображения, которые, как уже сказано, стали мертвой буквой в политическом плане после поражения Бонифация VIII в споре с королем Франции Филиппом IV Красивым, — эти соображения, таким образом, приводили к тому, что даже обещание папы короновать Ивана IV как императора уже не могли оказать решающего влияния на переговоры.

Как раз символическая структура католического вероучительного «языка» стала, следовательно, непреодолимым препятствием.

О фигуре римского папы

Некоторые наиболее радикальные возражения, сформулированные Великим князем, порой интерпретировавшиеся как чисто саркастические замечания, касаются совершенно формальных и глубоко символических сторон взаимоотношений католиков с понтификом.

Почему, — спрашивает Иван IV, — папа принимает верующих в туфлях, на которых вышито изображение Креста Христова и которые они должны целовать, склоняясь перед ним? В самом деле, Великому князю кажется необъяснимым, более того, богохульным, что символ Христа находится на ногах у папы, а не над ним как предмет поклонения. Верующие, таким образом, кланяются ему, а не Христу, изображенному на его обуви?

Почему папа не носит бороду? — спрашивает затем Иван IV у Поссевино. Идея, что папа бреется, происходила, видимо, из памфлета о папе-антихристе, который некоторые английские купцы-протестанты вручили Великому князю еще до прибытия папского посланца, и в котором папа был изображен с голым подбородком¹⁷. Вплоть до петровской революции мужчина, как потомок первого человека, созданного по образу и подобию Творца, не мог бриться, так как в Земном Раю, конечно, не было бритв! Поэтому брадобритие означало отказ от божественного происхождения человека. И действительно, брить бороду было строго запрещено Стоглавом, кодексом из 100 частей, закрепившим в 1551 г. переработанное каноническое и отчасти гражданское право¹⁸.

Князь спросил также — и именно это часто трактовалось как жестокий сарказм, зачем монахи носят четки привязанными к талии, так что крест свисает ниже пояса, «на позорном месте»?

Но наиболее серьезное возражение — хотя Поссевино, возможно, не мог этого знать — состояло в самоопределении папы как «верховного» главы Церкви: *именование*, а не само положение вызывает здесь спор. В русской Церкви эпитетом высших иерархов было «смиренный». Чем больше смирение — тем выше и значительнее сан.

В одном очерке об обрядах Вербного воскресенья Майкл Флейер¹⁹ отмечает, что сам Великий князь ведет, словно конюх, белого осла (на самом деле, коня, «переодетого» ослом), верхом на котором Патриарх совершает символический въезд в Иерусалим (в собор, который в свою очередь олицетворяет Иерусалим). И это «смирненное» поведение князя не выражает его подчиненного положения по отношению к православной церковной иерархии, а напротив — его превосходство как помазанника и избранника божьего, призванного вести (держа бразды) свой народ, включая и Патриарха, к жизни вечной. Как отмечает Флейер, служба «конюхом», осуществляемая князем, показывает, что он есть «браздодержатель» святой Церкви Христовой, согласно словам Филофея Псковского, перефразированным Иваном Пересветовым²⁰.

Не мочно царю без грозы быти. Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы²¹.

Папа же предстал перед верующими сидя в своем кресле, значительно выше своих подданных по вере.

«Гордыня» папы являлась, таким образом, несовместимой с ролью правителя правителей, на которую он претендовал также и в отношении Московии Ивана IV, в сущности, узурпируя роль Бога.

Итог миссии Поссевино

В контексте семантико-символической структуры религиозного и политического языка Московии все эти элементы делали чуждой православии и богохульной «латинскую» веру. И было даже потенциально невозможно для такого монарха, как Иван IV, власть которого коренилась в божественном избранничестве, навязать эту веру своим подданным.

Из сказанного выше понятно, что острый ум и наблюдательность Поссевино позволили ему точно уловить причины неизбеж-

ного провала союза, который Григорий XIII намеревался предложить Великому князю Московскому. Но уловив, он не признал их таковыми.

В его «оправдание» следует сказать, что даже если бы он их признал, он не смог бы ничего сделать, чтобы избежать их негативного действия.

Каким бы второстепенным ни казалось современному наблюдателю значение «формы» обрядов и «слов» Священного Писания, мы не вправе сегодня недооценивать их решающую роль в русской религиозности XVI и XVII вв. Каждое слово и жест имели глубокий символический смысл, касавшийся самой сущности веры. Изменить слова и обряды означало бы изменить символы, составляющие ее суть; это означало бы отвергнуть веру, а следовательно и жизнь вечную.

Католичество и русское Православие, таким образом, были несовместимы, и даже Великий князь при всем желании (будь оно налицо) не смог бы нарушить священный «договор», соединявший государя и его народ.

...и соблюдет тя Господь в непорочней вере и покажет тя опасна хранителя святыя своея соборныя церкви в велениях, да судиши люди твоя правдою и нищих судом, до восиает во днех твоих правда... спасет сыны убогих и наследник будеши небеснаго царства²².

Можно предположить, что Иван IV был расположен пойти на какой-то компромисс в обмен на военные и политические преимущества в отношении его соседа и врага, закрывавшему ему выход на Балтику, в котором Московия нуждалась для своих растущих связей с Западом, но итог миссии Поссевино показывает, что даже боговенчаный государь, получивший, после своего отречения в Александровой Слободе, народный мандат на то, чтобы он «своими бы государьством владел и правил, как ему, государю, годно: и хто будет ему, государю, и его государьству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государьская воля», то есть получивший право держать в руках бразды правления своей державой, не мог рисковать потерей народного консенсуса, издревле связанного с символической чистотой православной веры; а этот консенсус перестал бы, вероятно, существовать после заключения унии с Римом.

Миссия Поссевино, таким образом, была обречена на неудачу с самого начала, и не только из-за вопросов веры, но также — и прежде всего — из-за политических проблем, которые были бы поставлены вопросами веры: риск для правителя быть оставленным своим народом.

- ¹ Среди многочисленных работ о миссии Поссевино в Москву упомянем следующие: *Лихачев, Н.П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевино. — СПб., 1903; *Ключевский, В. О.* Сказания иностранцев о Московском Государстве. — Пг., 1918; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1851; *Pierling, P., SJ.* Bathory et Possevino: Documents Inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. — Paris, 1887; *Polčin, S., SJ.* Une tentative d'Union au XVIe siècle: la mission religieuse du Père Antoine Possevin, S.J. en Moscovie (1581—1582) / Pont. Inst. Orientalium Studiorum. — Roma, 1957; *Поссевино, Антонио.* Исторические сочинения о России XVI в. / [пер., вступ. ст. и коммент. Л.Н. Годовиковой]. — М., 1983; *Ivan il Terribile* — Jan Rokyta. Disputa sul Protestantesimo un confronto tra Ortodossia e Riforma nel 1570 / Introd., versione e nota a cura di Ronchi Michelis L. — Torino, 1979; *Adelung, F.* Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland, bis 1700. — St. Petersburg, 1846; *Mund, S.* La mission diplomatique du père Antonio Possevino (S.J.) chez Ivan le Terrible en 1581—1582 et les premiers écrits jésuites sur la Russie moscovite à la fin du XVIe siècle // Cahiers du Monde Russe. — 2004, juillet — decembre. — 45/3—4. — P. 407—440; *Delius, W.* Antonio Possevino S.J. und Ivan Groznyj: Ein Beitrag zur Geschichte der Kirchlichen Union und der Gegenreformation des 16. Jahrhunderts. — Stuttgart, [1962]; Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве: [сборник] / сост. и предисл. И.В. Курюкина. — М., 2005. (Переиздание упомянутой выше работы В. Делиуса); Antonio Possevino: I Gesuiti e la loro eredità culturale in Transilvania / a cura di A. Castaldini. — Roma, 2009. Более полную библиографию см.: *Graham, H.* The Moscovia of Antonio Possevino, S.J. — Pittsburg, 1979.
- ² Antonii Possevini Societatis Jesu, Moscovia, et alia opera de statu huius seculi. — Colonia: Officina Birkmannica, 1587.
- ³ Ср.: *Caccamo, D.* La diplomazia della Controriforma e la crociata: dai piani di Possevino alla «lunga guerra» di Clemente VIII // Archivio Storico Italiano. — 1970. — CXXVIII, II. — P. 259.
- ⁴ *Graham, H.* The Moscovia of Antonio Possevino, S.J. — Cit.: p. XV e ss.
- ⁵ В библиотеке Ивана IV, которая на сегодня считается утраченной, но каталог которой был с большим трудом частично воссоздан (ср.: *Zarubin, N.N.* La biblioteca di Ivan il Terribile / A cura di L. Ronchi De Michelis. Roma, 1998), находился греческий перевод актов Флорентийского собора, состоявшихся, согласно П. Пирлингу (*Pierling, P.* La Russie et le Saint-Siège. — Paris, 1898. — II. — P. 173) из пяти глав, написанных Константинопольским патриархом Геннадием, с переводом на русский.
- ⁶ См.: «De Ecclesiastica Potestate» Эгидия Колонны (I, 3); «Apparatus» Иннокентия IV (II, 2, 9); ср. на эту тему: *Carlyle, R.W. e A.J.* Il pensiero politico medioevale. — Bari, 1967. — III. — P. 342 e ss.; и приводимую в этой работе обширную библиографию.
- ⁷ Ср.: *Caccamo, D.* La diplomazia della Controriforma e la crociata ... — P. 262.
- ⁸ Среди которых рассказ Паоло Джовио (*Paulus Jovius.* De legatione Moscovitica // Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri. Saeculi XVI. — Petropoli, 1841. — Vol. 1) и отчет Зигмунда фон Герберштейна о Московии Василия III. См.: *Rerum moscovitarum commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein.* — Frankfurt am M., 1964; полную библиографию см.: 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscovitarum Commentarii, 1549—1999. — Wiesbaden: Harassowitz Verlag, 2002; и: *Maniscalco Basile, G.* The image of Muscovite political power in Sigmund von Herberstein's "Rerum Moscovitarum Commentarii" // 450 Jahre ... Из отчета Герберштейна Поссевино

- извлек, вероятно, наблюдения о тотальной власти московского князя не только над имуществом, но и над душами своих подданных. (Фрагменты сочинения Поссевино даются в переводе Л.Н. Годовиковой. — *примеч. пер.*).
- ⁹ О политике обновления устройства православной церкви во времена Петра I см.: *Живов, В.* Из церковной истории времен Петра Великого. — М., 2004. (У автора везде «староверцы». — *примеч. пер.*).
- ¹⁰ См.: *Малинин, В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: историко-литературное исследование. Киев, 1901.
- ¹¹ См.: *Lotman, J.M.* Il problema del segno nel sistema segnico nella tipologia della cultura russa prima del XX secolo // *Ricerche Semiotiche* / a cura di J.M. Lotman, V.A. Uspenskij. — Torino: Einaudi, 1973. — P. 40 ss.; и более новая работа: *Плюханова, М.* Сюжеты и символы Московского царства. — СПб.: Акрополь, 1995.
- ¹² *Малинин, В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания.
- ¹³ Ср.: *Belting, H.* Storia dell'icona dall'età imperiale al tardo Medioevo. — Roma: Carocci, 2001.
- ¹⁴ Согласно учению Григория Нисского и Василия Великого.
- ¹⁵ *De Michelis, C.G.* I Nomi dell'Avversario: Il «Papa Anticristo» nella cultura russa. — Torino: Albert Meynier, 1995.
- ¹⁶ См.: Акты исторические. — СПб., 1841. — Т. 1.
- ¹⁷ Как полагает Ч. Де Микелис, антипапский трактат, врученный Ивану IV, был сочинением Симона дю Розье Antithesis Christi et Antichristi (См.: *De Michelis, C.* I nomi dell'avversario. — Torino: Albert Meynier, 1989).
- ¹⁸ См.: *Емченко, Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. — М.: Индрик, 2000.
- ¹⁹ *Flier, M.S.* The Image of The Tsar in The Muscovite Palm Sunday Ritual // *Medieval Russian Culture* / ed. by M.S. Flier, D. Rowland. — Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1994. — Vol. II.
- ²⁰ Ср.: *Ibid.* — P. 235.
- ²¹ См.: Сочинения Пересветова / под ред. А.А. Зимины. — М.; Л., 1956. — С. 153.
- ²² Чин венчания на царство Ивана Васильевича // *L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo = Идея Рима в Москве, XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли.* — Рим: Herder, 1993. — С. 82, 83.

Дипломатический церемониал приема послов Святого Престола в России во второй половине XVIII в.

Дипломатический церемониал России XVIII в. до настоящего времени в русской историографии практически не изучался. Одним из сюжетов этой темы является церемониальная сторона контактов с представителями римских пап, аккредитованных при петербургском императорском дворе второй половины XVIII в. Разделы Польши в 1772, 1793 и 1795 гг. привели к присоединению к России католических территорий Белоруссии и Польши. В результате, при Екатерине II (правила в 1762—1796 гг.) и Павле I (1796—1801) появилась необходимость урегулировать с папским престолом вопрос об управлении новыми католическими приходами. Отсюда — направление в Россию дипломатов — постоянных папских представителей. В 1783—1784 гг. с миссиями при императорском дворе находился архиепископ Халкидонский Иоанн Андрей Аркетти, в 1797—1799 гг. — граф, архиепископ Тебеский Лоренцо де Литта.

В основе данной работы, посвященной внешней церемониальной стороне этих контактов, лежат русские источники из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Архива Внешней Политики Российской Империи (Москва). Кроме этого, ценные сведения содержат опубликованные Камер-фурьерские церемониальные журналы¹.

В русских источниках архиепископы Аркетти и Литта могли называться нунциусами (исторически сложившееся наименование постоянных папских представителей), но чаще привычным светским наименованием — посол (1 ранг дипломатических представителей). Дипломаты прибыли в Россию после длительного перерыва в сношениях через посольства. К этому времени в дипломатическом церемониале России произошли существенные изменения. В 1744 г. для европейских стран был законодательно принят первый постоянный церемониал приема послов 1-го ранга². Он определил западную форму приема дипломатов из стран Европы, причем не только 1-го, но и 2-го ранга (т.е. посланников, полномочных министров и др.).

Этот церемониал касался приезда и аудиенций дипломатов во дворцах резиденций Санкт-Петербурга и Москвы. Кроме этого, в середине столетия были выработаны упрощенный церемониал дипломатических аудиенций для загородных резиденций и новые этикетные нормы присутствия дипломатов при дворе. Церемониал приема неевропейских, восточных, посольств в XVIII в., несмотря на ряд внесенных в него новшеств, основывался на прецедентах прежних посольств и был отличен от европейского.

Какая же форма была избрана для папских представителей в России 70-х годов XVIII в.? Была ли она отмечена какими-либо особенностями, ведь принимали представителей не государей светских стран, а главы церкви другой конфессии?

Халкедонский архиепископ Аркетти, прежде нунциус при польском дворе, прибыл в Россию в характере нунция-посла в конце июня 1783 г. О его приезде в Петербург сообщили «Санкт-Петербургские ведомости»³. 4 июля 1783 г. Аркетти имел приемную аудиенцию у императрицы Екатерины II в Летнем дворце на Фонтанке. Затем вел переговоры и присутствовал на придворных мероприятиях. 20 мая 1784 г. получил отпускную аудиенцию в Царском Селе.

Приемная аудиенция проходила следующим образом. Из Камер-фурьерского журнала и журнала Церемониального департамента Коллегии иностранных дел 1783 г. следует, что 1 июля оберцеремониймейстер М.Ф. Кашталинский нанес визит «римскому послу», объявил ему о предстоящей аудиенции и передал экстракт на французском языке из церемониала 1744 г. о послах коронованных глав. Форма аудиенции была избрана не публичная, а наиболее употребляемая и простая — приватная. Обе разновидности аудиенций для аккредитации были предусмотрены церемониалом 1744 г., но в большинстве случаев европейские дипломаты, как и папский посол, использовали приватную.

4 июля к полудню Екатерина II специально приехала из Царского Села в Петербург, ибо аудиенция в столичном дворце предполагала проведение ее по полному церемониалу. Церемониймейстер (им был назначен камер-юнкер В.Н. Зиновьев) привез нунция в дворцовой карете в Летний дворец. Карета посла, по церемониалу 1744 г., была заложена цугом и имела сопровождение в лице конюшенного офицера и 6 ливрейных служителей (2 вершников, 2 пеших гайдуков и 2 лакеев на карете сзади «в ординарной ливрее»).

В доме посла при приглашении на аудиенцию также соблюдался церемониал 1744 г. Зиновьеву везде давали правую руку, или первое место: на лестнице его встречали посольские чиновные люди, сам посол — в комнате перед прихожей, в гостиной пред-

ложили сесть на канаве (место выше), а посол сел в кресла (место рангом ниже). Однако в дворцовой карете, где посол стал гостем, он занял уже первое место, а Зиновьев второе. Советник посольства и два лица свиты посла ехали в посольской карете с ливреей (6 человек вершников и лакеев). Особенностью аудиенции было платье нунция — обычное облачение для службы архиепископа римско-католической церкви.

Карета, как положено для послов 1-го ранга, прибыла во дворец по главной аллее к парадному крыльцу (ими пользовались только монархи и послы 1-го ранга), караулы лейб-гвардии отдавали ей честь (становились в ружье, держа его у ноги, офицеры снимали шляпы). Во дворце, до входа в Тронный зал посла ждало пять встреч-приветствий от чинов по нарастающей их рангов строго по церемониалу 1744 г. (встречали — камер-юнкер, обер-церемониймейстер, гофмаршал, обер-гофмаршал и обер-шенк, замещавший обер-камергера). Затем последовала остановка в камере ожидания. При входе в аудиенц-камеру — Тронную перед послом были открыты, а затем за ним закрыты обе половины дверей (знак 1-го ранга, посланникам открывалась одна половина дверей). По европейским обычаям Екатерина II у трона стояла, справа от нее находился вице-канцлер (граф И.А. Остерман). Один за другим последовали три поклона посла, речь на французском, передача верительной грамоты, ответ императрицы на французском же и позволение поцеловать ей руку, три поклона посла при выходе из зала. Провожали обратно Аркетти те же чины, что и встречали, и до тех мест, где кто встретил. Домой посол пожелал возвратиться в своей карете вместе со своими чиновниками. Это решение было обычным вариантом возвращения дипломата с аудиенции, предусмотренным церемониалом.

Императрица в тот же день вернулась в Царское Село, а архиепископ получил вечером от Коллегии иностранных дел список находящихся в столице русских чинов первых 4-х классов (список мог содержать от 50 до 170 имен). Список давался для предусмотренных посольским этикетом церемониалов и принятых в Европе визитов⁴.

10 июля в Царском Селе Аркетти была дана аудиенцией у цесаревича Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны. Аудиенция прошла в 5 часов вечера в Большом дворце, но более скромно — по правилам загородных аудиенций и аудиенций у великокняжеской четы. В соответствии с ними посол прибыл в своем экипаже с тремя чиновниками посольства; входил во дворец со среднего (великокняжеского) подъезда при отдаче чести караулом;

встречали посла два лица — надворный советник Иностранной коллегии Сейделер и в роли церемониймейстера камер-юнкер Зиновьев. После остановки в ожидательной комнате посла без всякой встречи ввели в аудиенц-комнату. Их высочества стояли, имея рядом за собой только генерал-аншефа графа Мусина-Пушкина и двух фрейлин. Саму аудиенцию составили поклоны посла, обмен речами и целование руки великой княгини.

Аккредитация была завершена, и посол получил право посещения двора. В камере ожидания он оделся в обычное «черное абеское платье» и с господином Сейделером отправился на комедию в придворный театр, где сидел в ложе с голландским послом⁵. О состоявшихся аудиенциях папского посла сообщили «Санкт-Петербургские ведомости», при этом статью предварительно просмотрела сама Екатерина II⁶.

За время своего 10-месячного пребывания в Петербурге архиепископ Аркетти вел переговоры с русским министерством и посещал двор. От церемониального департамента, как и другим дипломатам, ему передавались повестки-приглашения на придворные праздники, куртаги, балы и театральные представления. Исключение составили только маскарады, на которых Аркетти из-за его духовного сана присутствовать было не положено. В записях Камер-фурьерского журнала есть упоминания об Аркетти. 30 июля 1783 г. во время куртага в Царском Селе княгиня Е.Р. Дашкова и граф И.Г. Чернышов показывали во дворце внутренние покои императрицы чужестранным министрам, среди которых был и папский посол Аркетти со свитой. 6 августа при праздновании крещения великой княжны Александры Павловны в Царском Селе посол кушал за столом вице-канцлера, устроенном для чужестранных министров. 5 мая 1784 г. участвовал в воскресном собрании в Царском Селе, где был допущен к руке императрицы, а затем стоял за ее карточным столом и участвовал в застолье⁷.

20 мая в Царском Селе по упрощенному церемониалу загородных аудиенций прошли «отъезжающие аудиенции» Аркетти у императрицы (с подачей отзывной грамоты) и у великого князя и княгини (принимали вместе). Сопровождал Аркетти на аудиенции церемониймейстер А.И. Мусин-Пушкин. После официальных аудиенций, по желанию самого посла, что было одобрено императрицей, он был представлен великим князьям Александру и Константину Павловичам (им шел 8-й и 6-й год). Представление в их комнате провел глава двора царских внуков Н.И. Салтыков. Затем Аркетти принял участие в вечернем собрании в Арабеск-комнате, где Екатерина II играла в шахматы, и отобедал за императорским столом⁸.

23 мая текст артикула о прощальной аудиенции Аркетти ушел в Академию наук для публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях». 2 июня посол получил на дом, как предписывал церемониал русского двора, рекредитивную грамоту и обычный посольский подарок в 8000 рублей (вычетные 800 рублей были отданы в коллегию)⁹. Миссия архиепископа Аркетти была завершена.

В 1790-е годы дипломатические контакты с папским престолом продолжились. В начале 1797 г. в Российскую империю прибыл от Папы Пия VI чрезвычайный посол Лоренцо де Литта, брат уже находившегося в России представителя Мальтийского ордена бальи Джулио Ренато Литты¹⁰.

Источники показывают только фрагменты церемониала приема Литты, освещающие прежде всего церемониал его приезда от границы империи в первопрестольную столицу, где находился двор, и церемониал приемной аудиенции.

В преддверии визита 22 января Иностранная коллегия вынесла определение о встрече посла в пределах империи и направила к губернаторам в Москву, Смоленск, Минск и Вильно сообщения о приеме дипломата с выписками церемониала 1744 г. о следовании послов коронованных глав до столицы (папский нунций был приравнен к ним в почестях). В Коммерц-коллегию ушла промемория о соблюдении правил посольской неприкосновенности — «свободном пропуске» посла на границе без досмотра его вещей и свиты. Два паспорта Л. Литте со свитой и его экипажу со служителями, подписанные самим императором Павлом I, вручили брату посла бальи Дж. Литте (находился в России как представитель Мальтийского ордена)¹¹. На границе посла встретил для сопровождения квартальный подпоручик надзиратель Гестко, и получил от посла перечень свиты и прислуги в 17 человек. 13 февраля Литта проехал Бржест Литовский (Брест) и в конце марта въехал в Москву¹². Императорский двор в это время находился в первопрестольной столице и готовился к коронационным торжествам.

30 марта состоялась приемная аудиенция папского посла в Слободском дворце графа А.А. Безбородко, который на время коронации Павла I стал резиденцией императорской фамилии. Сведения о ее церемониале сохранились в Камер-фурьерских журналах 1797 г.¹³

Аудиенция прилась на 30 марта, понедельник Страстной недели. Прошла она вечером, в начале 7-го часа. Сначала за послом в дворцовой карете ездил церемониймейстер князь А.А. Барятинский. Ливрея у кареты, относительно приема Аркетти, была несколько увеличена (было прибавлено 5 человек), однако церемониал 1744 г. строго численность и состав ливрейных служителей не предписывал¹⁴.

В цепочке чинов, встречавших посла во дворце, были 2 гоф-фурьера (в подъезде у кареты), камер-фурьер (в сенях), а далее, после комнаты ожидания («полосатая комната») — обер-церемониймейстер, 2 камер-юнкера, 2 камергера, гофмаршал и обер-камергер (его заменял камергер Нарышкин). Таким образом, к обычным пяти встречам (камер-юнкер — обер-церемониймейстер — гофмаршал — обер-гофмаршал — обер-камергер) были добавлены приветствия при входе во дворец от чинов среднего звена — гоф-фурьера и камер-фурьера, а из высших чинов — от двух камергеров, «заменивших» обер-гофмаршала. Ввел в Тронный зал посла обер-церемониймейстер. На аудиенцию посол проходил через стоявших во фрунте с ружьями кавалергардов.

Так как церемония вручения верительной грамоты проходила в Тронном зале без дворцовых служителей, то в Камер-фурьерском журнале она не освещена. После аудиенции у императора посол, после доклада того же Нарышкина, был введен на аудиенцию к императрице Марии Федоровне. Обратного его сопровождали те же чины, которые встречали. После доклада церемониймейстер и два гоф-фурьера проводили Литту на приемные аудиенции в покои наследника великого князя Александра Павловича и его супруги. Обратного до кареты Литту сопровождали два гоф-фурьера, а до дома — церемониймейстер князь И.И. Барятинский.

После аккредитации папский нунций Литта получил возможность посещать двор. 6 апреля в день Пасхи вместе с другими дипломатами он наблюдал за церемонией коронации Павла I в Успенском соборе и в Грановитой палате приносил монарху поздравления. 7 апреля, как и другие послы и посланники, был допущен в Грановитую палату на поздравительную аудиенцию и жалован к руке¹⁵. В дальнейшем по повесткам он, как и весь дипломатический корпус, приглашался на придворные праздники и увеселения. Особую роль нунций Л. Литта сыграл при дворе 5 июля 1797 г. В Петергофе в покоях дворца он венчал фрейлину графиню Шувалову с графом Дидрихштейном. Вместе с другими дипломатами в этот день он присутствовал за свадебным столом и на балу¹⁶.

29 ноября 1798 г. чужестранные послы и посланники, среди которых мог быть и Лоренцо Литта, присутствовали в Зимнем дворце на интронизации Павла I, проводимой братом посла — поручиком ордена бальи Дж. Литты. Во время церемонии вместе со знатными персонами они стояли в Георгиевском зале за гвардией Конного полка¹⁷.

Весной 1799 г. отношения между папским престолом и петербургским двором обострились из-за известия о непризнании папой

императора Павла I главой Мальтийского ордена. 9 мая Литта был выслан. Без церемониалов он покинул Россию и вернулся в Рим.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что церемониальная сторона приема папских нунциев полностью соответствовала правилам, установленным европеизированным церемониалом 1744 г. и обычаям русского двора второй половины XVIII в. Приемные частные столичные аудиенции у правящего монарха (монархини), наследника престола и его супруги и упрощенные загородные аудиенции были обычными для приема послов 1-го ранга, представлявших коронованных глав Европы. Отличиями стали только священническое платье посла и ограничение в посещении маскарадов, что было естественным ввиду церковного сана Аркетти. Не нарушало общих правил и некоторое отличие в чинах и служителях на аудиенциях, а также представление посла малолетним членам монаршей фамилии.

¹ Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1783 г. — СПб., 1883. — (Далее: КФЖ); КФЖ 1784 г. — СПб., 1884; КФЖ 1797 г. — СПб., 1896—1897; КФЖ 1798 г. — СПб., 1797; КФЖ 1799 г. — СПб., 1899.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. — СПб., 1830. — Т. XII. — № 8908.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 473. — Оп. 1. — Д. 36. — Л. 46.

⁴ Там же. — Л. 46—48 об., 51—56, 66—71.

⁵ Там же. — Л. 49—50.

⁶ См.: Санкт-Петербургские ведомости. — 1783. — 7 июля; 14 июля.

⁷ КФЖ 1783 г. — С. 373—375, 399—400; КФЖ 1784 г. — С. 277—279.

⁸ РГИА. — Ф. 473. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 64 об. — 67; КФЖ 1784 г. — С. 308—311.

⁹ РГИА. — Ф. 473. — Оп. 1. — Д. 36. — Л. 67 об.

¹⁰ См.: *Амара-Пуанье, А.* Посол его святейшества. — СПб., 1996. — С. 11.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 78. — Д. 41. — Л. 14—22 об., 25.

¹² Там же. — Л. 29—30, 33—34, 36, 37.

¹³ КФЖ 1797 г. — СПб., 1896. — Январь — март. — С. 555—557.

¹⁴ В число ливрейных служителей при карете были добавлены два лакея, два скорохода и рейт-паж.

¹⁵ КФЖ 1797 г. — СПб., 1897. — Апрель — июнь. — С. 24, 27, 42.

¹⁶ Там же. — Июль — сентябрь. — С. 526—527.

¹⁷ КФЖ 1798 г. — Июль — декабрь. — С. 1522—1531.

И.А. Хормач

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Италией в 1944 г.

Как известно, отношения с Италией являлись и являются одним из существенных элементов международной политики Российского государства. Эта крупная держава Европы в XX в. играла в международных делах немаловажную роль благодаря своему стратегическому положению, экономическому развитию, социальной структуре, особенностям и традициям внешней политики. Руководство Советского Союза в должной мере оценивало эти факторы, и его усилия были направлены на установление всестороннего сотрудничества с Римом.

В истории советско-итальянских отношений были светлые и темные страницы, однако, поскольку они строились на экономической основе, Москва и Рим всегда стремились успешно решать возникающие проблемы и сохранять устойчивые связи.

Именно эта деловая составляющая позволила *сделать* не столь сложным и болезненным процесс установления дипломатических отношений между СССР и Италией в 1924 г., а затем, 20 лет спустя, восстановить их после смены Италией союзников во второй мировой войне. О дипломатическом признании итальянским правительством Советского государства 7 февраля 1924 г. и борьбе между Римом и Лондоном за первенство, а, следовательно, и привилегии в торговых отношениях с СССР, написано немало¹. События, предшествовавшие признанию итальянского правительства Советским Союзом (первым из антигитлеровской коалиции) 25 октября 1944 г., мало кому известны, хотя представляют научный и политический интерес.

Весной 1943 г. Италия первой из союзников Германии решила прекратить военные действия против антигитлеровской коалиции и выразила готовность заключить перемирие. Переговоры с Англией и США о выходе страны из войны в режиме строгой секретности велись по разным каналам — военными, королевским двором, Ватиканом. Даже Б. Муссолини стремился к этому, тщетно убеждая А. Гитлера прекратить войну на Востоке и начать сепаратные переговоры с Англией и США. В то же время в Италии готовилось свержение Муссолини, чтобы таким путем вывести страну из войны. 24 июля 1943 г., через две недели после высадки англо-американских войск на Сицилии, фашистский совет принял резолюцию с требованием снять

Муссолини с поста премьер-министра. На следующий день король предложил ему уйти в отставку, взял командование вооруженными силами в свои руки, но заявил, что война будет продолжена.

Муссолини арестовали, фашистская партия была распущена, маршал П. Бадольо сформировал новое правительство из высших чиновников и военных (в основном бывших фашистов) и начал действовать одновременно в двух направлениях. 6 августа на встрече министров иностранных дел и начальников генштабов Италии и Германии итальянцы запросили помощи для продолжения войны. Немцы отказали, готовясь к оккупации Италии. Одновременно на тайных переговорах с представителями Англии и США Бадольо добивался их помощи в выходе из войны и возможно лучших условий перемирия. Однако союзники настаивали на безоговорочной капитуляции и подготовили чрезвычайно жесткие «Краткие условия капитуляции Италии», которые касались военных требований к выходившей из войны стране².

В результате перехода из германского лагеря в ряды антигитлеровской коалиции Италия неизбежно должна была оказаться в роли побежденного государства в рядах победителей, стремившихся распространить на нее свое влияние. Между державами разгоралась острая борьба, так как Советский Союз относился к другой социальной системе. Задачей остальных держав антигитлеровской коалиции было не допустить расширения влияния Москвы на внешнюю и внутреннюю политику Рима, и Англия и США проводили переговоры с Италией без участия СССР, не всегда информируя Москву о своих действиях. В связи с этим 22 августа 1943 г. И.В. Сталин предложил США и Великобритании создать комиссию для обсуждения переговоров с правительствами стран, «отпавших» от Германии, а уже 26 августа державы представили материалы о переговорах с Италией³. Москва их в целом одобрила.

31 августа 1943 г. кабинет Бадольо согласился принять требования союзников, и 3 сентября. Италия подписала «Краткие условия» капитуляции. Италия должна была: немедленно прекратить военные действия; вернуть всех пленных и интернированных; вывести итальянский флот и авиацию в пункты, указанные союзниками; предоставить союзникам все аэродромы и военно-морские порты на итальянской территории; осуществить капитуляцию Корсики и всей территории Италии и передать их в ведение союзников; немедленно вывести в Италию все ее вооруженные силы во всех фронтах и т.д.⁴

8 и 9 сентября из Генуи, Специи и Таранто корабли итальянского военного флота направились к Мальте, где сдались союзникам. В ответ Германия начала оккупацию Северной Италии и образовала там

неофашистскую социальную республику Сало во главе с Муссолини. Италия оказалась разделенной на две части по широте Неаполя.

9 сентября антифашистские партии создали Комитет национального освобождения, но его действия не встретили поддержки англо—американского командования. Стало проявляться стремление США и Англии к экономическому, политическому и военному проникновению в Италию, поскольку она представляла собой прекрасный плацдарм для оказания влияния на Восточное Средиземноморье.

СССР, не принимавшему участия в оккупации Италии, было трудно удерживать союзников от сепаратных действий, и он решил добиваться создания органа, обеспечивающего согласованную политику трех держав, — Военно-политической комиссии (ВПК). Англия и США согласились, так как для них открывалась возможность оказывать влияние на условия капитуляции и оккупации территорий государств, которые при наступлении советской армии могли быть выдвинуты Москвой.

В конце сентября ВПК в составе представителей правительств СССР, США и Великобритании, а также Французского Комитета национального освобождения начала работу. Она рассматривала вопросы, связанные с условиями перемирия с Италией, контролем за соблюдением этих условий, а также аналогичные проблемы на освобождаемых союзниками территориях⁵.

29 сентября 1943 г. Бадольо подписал «Дополнительные условия перемирия с Италией», состоявшие из 44 статей политического, экономического и финансового характера⁶, а 13 октября 1943 г. Италия объявила войну Германии. В тот же день СССР, США и Англия опубликовали декларацию, в которой объявили Италию совоюющей стороной, но подчеркнули, что условия ее капитуляции сохраняют полную силу и могут быть изменены лишь по соглашению между Союзными правительствами «в свете той помощи, которую Итальянское правительство сможет оказать делу Объединенных Наций»⁷.

Надежды Рима, что своим актом смены союзников в войне он станет равноправным членом победившей коалиции, не оправдались. Оговорка в декларации должна была снять все претензии на равноправие итальянского правительства при последующей подготовке мирного договора.

Между тем, основные принципы советской программы послевоенного устройства уже к осени 1943 г. в общих чертах были выработаны Комиссией по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира во главе с В.М. Молотовым. А в преддверии октябрьской (1943) конференции министров иностранных дел в Москве при НКВД была обра-

зована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства под председательством М.М. Литвинова. Она занималась и разработкой политики в отношении Италии.

Комиссия сочла кабинет П. Бадольо неспособным искоренить фашизм в стране и установить демократический режим, так как в Италии были ликвидированы только специфические органы фашистской партии, от власти отстранена лишь верхушка, а средние и низовые звенья государственного аппарата сохранены. Комиссия предлагала признать правительство, в котором будут представлены все партии Италии демократического направления. Оно должно было выполнить все условия перемирия, увеличить численность армии под командованием союзников и вести борьбу до полного изгнания немцев из страны, организовать партизанскую борьбу в оккупированных областях, провести демократические реформы⁸.

Надо отметить, что советское руководство понимало, что англичане и американцы поддерживали королевское правительство Бадольо, чтобы избежать анархии в Италии, считали возможным склонить его осуществить все пункты условий капитуляции, установить в Италии твердую власть, способную удержать страну от революционных волнений и принимать во внимание их экономические и политические интересы⁹.

Эти моменты учитывались в дальнейшей работе по определению политики СССР в отношении признания Италии и мирного договора с ней.

С 19 по 30 октября 1943 г. в Москве проходила конференция министров иностранных дел трех держав — В.М. Молотова, А. Идена и К. Хелла. Основным был вопрос о сокращении сроков войны, но рассматривалось также положение в Италии. Делегация СССР запросила у США и Великобритании информацию о выполнении условий перемирия с Италией и внесла свои предложения по мирному договору, которые могли обеспечить ликвидацию фашизма и способствовать развитию страны по демократическому пути. Эти предложения были приняты и нашли отражение в «Декларации об Италии».

На Московском совещании был создан Консультативный совет для решения повседневных вопросов, исключая военные, и составления рекомендации в целях координации политики союзников в отношении Италии. 11 февраля 1944 г. освобожденная территория континентальной Италии и Сицилия были переданы под управление итальянского правительства. К сожалению, механизм реализации решений конференции был несовершенен и позволил союзным оккупационным войскам практически бесконтрольно действовать в политической, экономической и военной областях.

Фактически влияние СССР на политику союзников в отношении Италии не усилилось, зато у Англии и США появился предлог претендовать на участие в аналогичных контрольных органах в странах, которые освобождали советские войска.

Между тем, после выхода Италии из войны она оказалась в тяжелом положении. Внутренние проблемы сказывались на внешней политике страны, значительно ослабляя ее сопротивление нацистской Германии. Особенно болезненными были демократические преобразования.

В декларации от 13 октября 1943 г. помимо объявления Италией войны Германии провозглашалось, что в правительство Бадольо будут включены все политические партии, заявившие о согласии сотрудничать с ним. Но переговоры с либеральной, христианско-демократической партией и партией действия потерпели неудачу. Сложилось два блока: с одной стороны, Бадольо и лагерь короля, поддерживаемые объединенными нациями, с другой, — Комитет национального освобождения, требовавший немедленной ликвидации монархии и образования нового демократического правительства из представителей всех антифашистских партий. В начале 1944 г. эта борьба обострилась, развернулась дискуссия по вопросу о монархии.

Советское правительство, заинтересованное в активизации освобождения Италии, считало, что выход из создавшегося положения — прекращение распрей и объединение национальных сил страны для борьбы за ее освобождение. С целью будирования процесса было решено пойти навстречу неоднократным просьбам правительства Бадольо об установлении непосредственных официальных отношений с Италией.

Решение Москвы вызвало недовольство Вашингтона и Лондона, и они попытались не просто сорвать намечавшееся сближение двух государств, а скомпрометировать СССР в глазах итальянского народа.

Дело в том, что на Московской конференции 22 октября 1943 г. СССР поставил вопрос о передаче ему для усиления борьбы с гитлеровской Германией в качестве трофея части итальянских судов, перешедших к союзникам после капитуляции Италии¹⁰.

Этот вопрос был урегулирован на конференции в Тегеране: запрашиваемые итальянские военные и торговые суда до конца января 1944 г. намечалось передать СССР. Но Объединенный англо-американский штаб рекомендовал своим правительствам в данный момент не отдавать суда, а использовать их в проводившихся операциях. 23 января 1944 г. соответствующий меморандум был передан И.В. Сталину¹¹. Одновременно союзники предложили Москве конфиденциально обратиться к маршалу Бадольо с просьбой отправить намеченные к пе-

редаче СССР суда в порты союзников для передачи советским экипажам. А лучше, чтобы не подвергать суда опасности, — передать СССР взаимы один британский линкор, один американский легкий крейсер, несколько подводных лодок, миноносцев и торговых судов, а когда позволят обстоятельства, — отдать СССР итальянские суда¹².

Переговоры по данному вопросу не афишировались, руководство США и Великобритании не упоминало о своих аналогичных претензиях к Италии, и до определенного времени итальянцы не знали, какая судьба уготована их флоту. Они были убеждены, что на Италию, как совоюющую сторону, не могут распространяться требования о контрибуции и компенсации ущерба стран антигитлеровской коалиции. Но 3 марта 1944 г. Рузвельт заявил о претензиях СССР на итальянские суда.

Это вызвало болезненную реакцию в Италии. Скандал, казалось, был неизбежен. Но 4 марта 1944 г. представитель СССР в Союзной контрольной комиссии А.Е. Богомолов сообщил Бадольо о принципиальном согласии Москвы установить непосредственные отношения с его правительством. Значение грядущего дипломатического признания оказалось важнее для престижа страны, чем угроза потери части флота. Оно преподносилось МИД Италии как большой успех политики восстановления отношений со всеми странами. Претензиям СССР на итальянский флот нашли достойное объяснение, и даже появились сообщения, что заявление Рузвельта направлено на подрыв советско-итальянского сближения. Более того, Бадольо пытался использовать этот факт, чтобы войти в ряды союзников. На следующий день он обратился к Богомолову с предложением заключить с СССР соглашение о передаче СССР части итальянского флота¹³.

Страсти улеглись после выступления Рузвельта на пресс-конференции 10 марта, когда президент пояснил, что его неправильно поняли — он имел в виду претензии СССР на равное число судов союзников.

11 марта последовало заявление Москвы об официальном признании итальянского правительства и установлении с ним непосредственных отношений. Однако в соответствующей ноте оговаривалось, что советский представитель не будет иметь ранга посла и вручение верительных грамот не состоится¹⁴. 14 марта кабинет Бономи, выразив глубокую благодарность Москве, не совсем точно объявил о восстановлении *дипломатических* отношений с СССР и решении приступить к обмену дипломатическими представителями.

Узнав об этом, англичане и американцы решили оказать прямое давление на Москву, чтобы предотвратить «преждевременное» признание правительства Италии. 13—14 марта послы Ве-

ликобритании и США в Москве выразили заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому «обеспокоенность» слухами о намерении СССР установить дипломатические отношения с правительством Бадольо. Они заявили, что этот шаг не вполне соответствует условиям перемирия с Италией.

Вышинский объяснил, что речь идет не о дипломатических, а о «непосредственных» отношениях, поскольку Москва, в отличие от союзников, не имеет прямого контакта с итальянским правительством¹⁵.

Советский Союз не собирался идти на уступки в вопросе об установлении фактических отношений с Римом. Тогда Лондон и Вашингтон через своих послов попытались убедить Вышинского назначить на пост представителя при правительстве И. Бономи «младшего чиновника, выполняющего свои функции и пределах рамок союзного контрольного механизма». Все попытки давления были отвергнуты, и представителем СССР при правительстве Италии был назначен М.А. Костылев в ранге посланника¹⁶.

Убедившись, что Москва не пойдет на компромисс, 15 марта 1944 г. председатель Союзной комиссии по Италии направил Бадольо меморандум, в котором указывалось, что итальянское правительство не имеет права вступать в соглашения с иностранными державами, даже союзными, без согласия верховного главнокомандующего. Бадольо был возмущен и ответил, что никакое правительство не может долгое время оставаться у власти при подобных ограничениях¹⁷. Итальянским представителем при правительстве СССР был назначен посланник в Кабуле — опытный дипломат П. Кварони.

Между тем, дипломатическая акция СССР не получила полной поддержки у итальянской общественности, вызвав опасения, что признание Москвой кабинета Бадольо может привести к стабилизации его власти в ущерб позициям левых сил Италии. По настоянию СССР органам печати коммунистической партии Италии пришлось разъяснить своим читателям, что признание правительства Бадольо укрепит позиции и левых сил, так как, устанавливая непосредственные отношения с кабинетом Бадольо, СССР будет содействовать ускорению его демократизации. Кроме того, 30 марта 1944 г. в газете «Известия» в редакционной статье под названием «Итальянский вопрос» подчеркивалось, что важным условием для объединения национальных сил Италии в борьбе за ее освобождение является создание коалиционного демократического правительства.

Эти акции имели положительные последствия. На проходившем 30—31 марта 1944 г. Национальном совете КПИ было принято решение не настаивать на немедленной отставке короля и войти в правительство Бадольо еще до освобождения Рима.

8 апреля Консультативный совет по вопросам Италии после дискуссии одобрил шаги СССР и потребовал, чтобы любое новое правительство Италии приняло на себя все обязательства по отношению к союзникам, взятые правительством Бадольо. А 12 апреля король Виктор Эммануил III подписал акт об отречении и передаче власти сыну Умберто после освобождения Рима. 21 апреля 1944 г. Бадольо сформировал новое правительство с участием антифашистских партий. В докладе Совету министров 24 апреля он благодарил СССР за жест дружбы, который был сделан в чрезвычайно трудный для Италии момент¹⁸.

П. Кварони по прибытии в Москву передал Сталину послание премьер-министра с благодарностью за поддержку «в деле обретения Италией своей автономии и суверенитета»¹⁹.

12 мая началось наступление англо-американских войск на итальянском фронте, и 4 июня они вошли в Рим. Принц Умберто был провозглашен наместником короля. Бадольо, подавший в отставку, получил предложение сформировать правительство, включающее представителя Комитета национального освобождения, но не смог этого сделать. Новое коалиционное правительство из представителей всех антифашистских партий сформировал И. Бономи. Оно подтвердило условия перемирия, после чего кабинет был одобрен правительствами СССР, США и Великобритании.

Правительство Бономи сразу выступило за изменения этих условий, считая их кабальными, несправедливыми и препятствующими признанию страны. А поскольку министры думали, что этого можно добиться только в случае участия Италии в вооруженной борьбе против Германии, было решено учредить регулярные части для этой цели. Но Англия и США позволили Италии выставить одно механизированное соединение, но и ему не дали возможности принять участие в сражениях.

Тогда кабинет Бономи использовал хорошо зарекомендовавший себя путь воздействия на «слабое звено» среди трех держав. Было решено создать противовес в лице СССР путем повышения роли Италии в борьбе с Германией и вновь поставить вопрос о пересмотре условий перемирия.

11 июля Кварони передал в НКВД предложение Италии организовать из итальянских военнопленных волонтеров на территории СССР несколько подразделений для участия в войне на советско-германском фронте. А 18 июля — официальную просьбу Рима содействовать облегчению условий перемирия и выработать для Италии новый статус, учитывая, что она признана совместно воюющей стороной, а также помочь увеличению ее военного участия в войне против Германии и дать возможность итальянским военнотружущим воевать на советско-германской фронте.

Настойчивость Рима имела некоторые плоды: в августе 1944 г. участие Италии в вооруженной борьбе против Германии разрешили расширить.

Теперь стоял вопрос об установлении дипломатических отношений. Союзники первые заговорили об этом открыто.

26 сентября 1944 г. Черчилль и Рузвельт сделали заявление о постепенной передаче власти на освобожденных территориях итальянской администрации, а также о присвоении британскому Высокому Комиссару в Италии титула посла (представитель США в Риме уже имел этот ранг). Итальянскому правительству предлагалось назначить своих представителей в Лондон и Вашингтон.

20 октября Вашингтон известил Москву о намерении правительства США и других американских государств возобновить «полные дипломатические отношения» с Италией. Послом США в Риме назначался Александр Кэрк. Официальное сообщение намечалось сделать 26 октября 1944 г.

А через четыре дня — 24 октября 1944 г. американскому поверенному в делах в Москве Дж. Ф. Кеннану была направлена нота с подтверждением решения Кремля о возобновлении дипломатических отношений с Италией и назначении послом в Риме М.А. Костылева.

Надо отметить, что английское правительство, формально выступившее с инициативой дипломатического признания Италии, в последний момент изменило свои намерения и сообщило А.Я. Вышинскому 25 октября, что ограничится вступлением в «непосредственные отношения» с итальянским правительством, хотя и присвоит своему представителю в Италии ранг посла и предложит Риму назначить своего посла в Лондон. Сообщение об этом оно собиралось сделать тоже 26 октября, но убедительно просило Москву и Вашингтон не акцентировать внимание на «незначительной разнице» между формальными отношениями с Италией СССР и США, с одной стороны, и Англией, с другой. Высокому Комиссару Великобритании в Италии сэру В.Н. Чарльзу присваивался личный ранг посла, и выражалось согласие принять в Лондоне в качестве итальянского представителя графа Н. Карандини²⁰.

25 октября 1944 г. советский посол М.А. Костылев сделал заявление И. Бономи о решении советского правительства «установить полные дипломатические отношения с Италией». 2 ноября министерство иностранных дел Италии дало положительный ответ на запрос о назначении М.А. Костылева в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Италии.

После некоторых размышлений — не направить ли в СССР дипломата высокого ранга или известного политического деятеля,

чтобы привести в соответствие уровень дипломатических представителей во всех трех великих державах, послом Италии в Москве был назначен все же П. Кварони²¹.

Дипломатическое признание СССР итальянского правительства стало первым шагом в полосе дипломатических признаний Италии, а к концу 1944 г. она имела дипломатические отношения более чем с 20 государствами.

¹ См.: *Хормач, И.А.* Отношения между Советским государством и Италией, 1917—1924 гг. — М., 1993; *Остоя-Овсяный, И.Д.* К истории установления дипломатических отношений между СССР и Италией // Ленинская дипломатия мира и сотрудничества: (установление дипломатических отношений между СССР и капиталистическими странами, 1924—1925 гг.). — М., 1965; *Petracchi, G.* La Russia rivoluzionaria nella politica italiana: Le relazioni italo-sovietici, 1917—1925. — Roma; Bari, 1982; и др.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1957. — Т. 1. — С. 144. — Далее: Переписка ...; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. — М., 1946. — Т. 1. — С. 403—405.

³ Переписка ... — Т. 1. — С. 148—150, 394.

⁴ Там же. — С. 144.

⁵ Там же. — С. 153, 154, 160, 162; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. — Т. 1. — С. 352, 353.

⁶ Documenti diplomatici Italiani. Ser. X. — Roma, 1992. — Vol. 1. — P. 18—26. — Далее: DDI.

⁷ Ibid. — P. 62; Переписка ... — Т. 1. — С. 170, 353.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 098. — Оп. 28. — Д. 110. — Л. 4—9.

⁹ Там же. — Л. 12, 20; Д. 720. — Л. 2—3.

¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: сб. документов. — М., 1984. — Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). — С. 126—127, 264.

¹¹ Переписка... — Т. 1. — С. 188, 189.

¹² Там же. — С. 191, 192, 198, 206.

¹³ АВП РФ. — Ф. 098. — Оп. 27. — Д. 11. — Л. 8.

¹⁴ DDI. Ser. X. — Vol. 1. — P. 138—139, 142—143, 188, 193; СССР—Италия. Страницы истории, 1917—1984: документы и материалы. — М., 1985. — С. 70.

¹⁵ АВП РФ. — Ф. 098. — Оп. 27. — Д. 2. — Л. 18, 28—31.

¹⁶ Там же. — Л. 39—40, 44—45.

¹⁷ *Серова, О.В.* Италия и антигитлеровская коалиция, 1943—1945. — М., 1975. — С. 171.

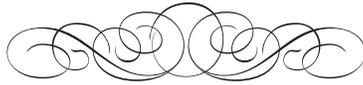
¹⁸ См.: *Хормач, И.А.* СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе, вторая половина 40-х — первая половина 60-х гг. — М., 2005. — С. 28—30.

¹⁹ АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 6. — Д. 474. — Л. 11.

²⁰ Там же. — Ф. 098. — Оп. 27. — Д. 2. — Л. 76, 83—87.

²¹ *Хормач, И.А.* СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе, вторая половина 40-х — первая половина 60-х гг. — С. 44—46.

Культурные СВЯЗИ

Италия в жизни русской творческой элиты (от Московской Руси к Советской России)

Италия в жизни творческих людей России всегда занимала особое место. Средневековая формула — «Москва — третий Рим» — на долгие времена определила вектор развития отечественной культуры, и многие ее мастера часто и подолгу бывали в Италии, порой, оставаясь в ней навсегда — Ф.М. Матвеев, О.А. Кипренский, С.Ф. Шедрин. Как отмечал, например, Б.Л. Пастернак, Италия «кристаллизовала для меня то, чем мы бессознательно дышим с колыбели. <...> Италия не только в Италии. Италия — и в наших корнях. Вот взгляните: Боровицкая башня. Кто построил эту русейшую башню? Итальянский зодчий Солари! А вот <...> Беклемишевская башня. Кто создал ее? Итальянский зодчий Руффо! <...> Да что там толковать! “Грановитая Палата”, которую во всех “Борисах Годуновых” и прочих оперных спектаклях на древнерусские темы воспроизводят на сценах всего мира, как “русский стиль”, — кто создал, кто декорировал этот московский шедевр? Те же итальянцы: Солари и Руффо, в 1490 году! Для меня, — заключал Пастернак, — Италия и Россия связаны знаком равенства...»¹.

Установившийся со времен Московской Руси творческий диалог с Италией уже не прерывался никогда. В библиотеках русской элиты — Н.П. Румянцева, А.С. Норова, В.А. Десницкого — хранилось немало итальянских книг, в частности, таких известных типографов, как Альда Мануция и Джамбаттиста Бодони, издававших произведения Данте Алигьери, Франческо Петрарки, Торквато Тассо, Леонардо да Винчи, которые в России служили образцом религиозно-философской мысли, изящной словесности, графического искусства и печатного дела². Большое влияние на русскую культуру оказали и мастера, приехавшие на работу в Россию. Например, только во второй половине XVIII столетия в Петербурге и Москве работали актеры, музыканты и балетмейстеры Д. Анджолини, Ф. Беккари, Дж. Канциани, А. Ринальди, Дж. Сакко, Дж. Соломони, познакомившие россиян с итальянской оперой, комедией дель арте, балетом, живописью и возглавившие труппы Петровского Большого театра, петербургского театра, крепостных театров Н.П. Шереметева и Н.Б. Юсупова. Они подготовили целую плеяду

русских сценических деятелей, поставили несколько десятков спектаклей, в том числе при участии выдающегося итальянского художника и декоратора П. Гонзага. В XIX в. традицию привнесения итальянской культуры на русскую почву продолжили Ф. Бернанделли, А. Бруни, П. Леньяни, К. Розати, Ф. и М. Тальони, А. Феррарис, мастерство которых способствовало расцвету национального исполнительского искусства в России. Например, в петербургской хореографической школе Э. Чеккетти учились Т.П. Карсавина, В.Ф. Нижинский, С. Лифарь, М.М. Фокин, получившие затем мировую известность благодаря Русским сезонам за границей и Русскому балету С.П. Дягилева.

Италия наряду с Францией, Германией, Англией сыграла важную роль в формировании слоя русских европейцев, ощущавших единство духовных корней России и Европы и стремившихся объединить их в общее культурное пространство. Н.В. Гоголь, написавший в Риме поэму «Мертвые души», по меткому замечанию Е.Н. Трубецкого, среди России «почти не увидел России» и «найти Россию он мог только за границей. В известном лирическом месте I тома “Мертвых душ” он говорил: “Русь, Русь, вижу тебя; из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу”»³. Подобное состояние пережил и Ф.И. Шаляпин, вспоминая о своих выступлениях начала XX в. в миланской опере: «Работа была для меня наслаждением... С таким бережным отношением к артисту я встречался впервые»⁴. Это помогло раскрыться его таланту во всей полноте и, как говорил А.В. Амфитеатров, «великую победу одержало русское искусство “Борисом Годуновым”. Успех был огромный, неслыханный в чинной и сдержанной “Skala”. Итальянцы ходили в антрактах восторженные и ошалелые и — что удивительно — поняли дух и значение Бориса. <...> Федор был превосходен»⁵. Шаляпин в Италии прославил Россию, а Италия прославила Шаляпина, который после миланского триумфа приобрел всемирную известность⁶. Быть может, именно этим объясняется тонко подмеченная М. Цветаевой «тяга Руси — из Руси вон», но именно творческой Руси, представители которой подобно герою очерка А.И. Эртеля «Addio» говорили: «Буду искать на чужбине счастья и воли. <...> Заменю соседей моих, преуспевающих в хищении чужого и в расхищении своего добра, светлыми образами “мировой” поэзии... Обойду галереи Дрездена и Рима. Осмотрю Венецию, побываю в Лувре. Буду бродить по развалинам Помпеи... И когда сердце мое закаменеет, когда лишь один чистый и холодный идеал красоты получит к нему доступ, — с гордостью скажу, что я одолел мою скорбь и погибавшую душу мою сохранил на чужбине»⁷.

Не удивительно поэтому, что Италия в XVIII—XX вв. словно магнит притягивала к себе россиян, стремившихся приобщиться к западноевропейской культуре, к творчеству великих мастеров. В значительной мере это были «обеспеченные италофилы, для которых Апеннины стали местом свободного выбора»⁸. Они привнесли в итальянскую жизнь свой яркий национальный колорит, воплотившийся в «русской теме» итальянской культуры. Так, в 1809 г. в Венеции С. Вигано был поставлен историко-героический спектакль «Стрельцы», а спустя сто лет А.В. Амфитеатров, посетив римский театр, с удивлением отмечал: «Сколько русской музыки стали в Италии играть!»⁹. Однако начало было положено в XVIII в., когда на Апеннинах стали формироваться русские колонии, состоявшие преимущественно из стажеров петербургской Академии художеств и отечественной знати, любившей и почитавшей искусство: Воронцовых, Голицыных, Гальберг, Глинки, Щедриных. Широкую известность приобрела римская вилла княгини З.А. Волконской, под сводами которой собиралась творческая элита Европы — К.П. Брюллов, Н.В. Гоголь, А.А. Иванов, В. Камуччини, В. Скотт, Б. Торвальдсен и другие.

Одним из первых в Италии обосновался художник Ф.М. Матвеев, приехавший в Рим в 1779 г. Он стал родоначальником русской пейзажной школы, в которой, однако, поначалу не было ни одного русского пейзажа, все виды Рима, Неаполя и прочих итальянских мест. Прожив в Италии до конца своих дней, Матвеев, однако, связи с Россией не терял, более того, в начале XIX в. получил звание русского академика ландшафтной живописи, а с 1810 г. вместе с другим живописцем — О.А. Кипренским — официально стал наставником молодых русских художников, специально направлявшихся Петербургской академией художеств в Рим. Связь между Италией и Россией тогда поддерживал русский посланник в Неаполе (1795—1801) и Риме (1817—1827) А.Я. Италинский, являвшийся тонким знатоком античного искусства, собирателем древностей, автором работ по археологии, почетным членом Российской Академии художеств. Во многом благодаря его стараниям в 1819 г. император Александр I назначил Матвееву за заслуги перед отечеством и русской культурой ежегодную пенсию в 500 талеров, которая выплачивалась художнику вплоть до его смерти в 1826 г.

Дело Ф.М. Матвеева продолжили Карл Брюллов, итальянский период творчества которого длился с 1822 по 1835 г., и Орест Кипренский, в 1828 г. окончательно осевший в Риме, принявший католичество и женившийся на итальянке. Там же в Риме, а затем и в Неаполе поселился другой русский художник — Сильвестр

Щедрин. В 1818 г. он, как золотой медалист, был направлен Петербургской академией художеств на стажировку в Италию, после завершения которой им было принято решение остаться за границей навсегда. «В этих летах сидеть дома, — объяснял он, — да еще ландшафтному живописцу, — это лучшее время моей жизни, что я нахожусь в чужих краях между хорошими художниками всех наций... А в Петербурге что бы я был? Рисовальный учитель, таскался бы из дома в дом и остался бы навсегда в одном положении, нисколько не подвигаясь вперед»¹⁰. В Италии Щедрин приобрел большую популярность, отмеченную даже особым королевским указом, удостоившим его звания почетного профессора Неаполитанского королевского института изящных искусств. Именно таким людям, как Щедрин, Матвеев или, например, академик исторической живописи С.В. Бакалович, в 1883 г. осевший в Риме, Западная Европа давала возможность максимально развить свой творческий потенциал, который в России в полной мере мог бы быть невостребованным, а то и вовсе загубленным, если его направленность не вписывалась в рамки православной государственности и культуры.

Русские европейцы одним фактом своего существования «на два дома» показывали, что философия и экономика таланта и мастерства — это философия и экономика независимого творчества свободных людей, которым необходимо в прямом смысле слова безграничное культурное пространство. «Италия, отчизна вдохновенья!» — восклицал Д. Веневитинов¹¹. «Под небом Италии вы рождены, мои серебристые песни!» — говорил М.А. Волошин, отмечавший: «"В Италию!" громко звенело в ушах, / "В Италию!" — птицы мне пели, / "В Италию" — тихо шуршали кругом / Мохнатые старые ели», поскольку именно там он открыл в себе поэта, почувствовал вкус к творчеству, «получил возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно — с высоты азийских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей»¹². Италия стала частью биографии многих отечественных деятелей науки и культуры: В.И. Иванова, С.В. Рахманинова, А.Н. Скрябина, И.С. Тургенева. Годами изучал итальянские архивы и библиотеки профессор Е.Ф. Шмурло, занимавший пост ученого корреспондента Императорской Академии наук в Риме и опубликовавший ряд ценных документов по истории русско-итальянских отношений. Неоднократно посещал Италию Д.С. Мережковский (вместе с З.Н. Гиппиус), из-под пера которого на рубеже XIX—XX вв. вышли «Итальянские новеллы» и роман «Леонардо да Винчи».

В этот период в России широкое распространение получила практика временного отъезда за рубеж — для работы, учебы, лече-

ния или отдыха, о чем, например, газета «Русское слово» сообщила 25 мая 1908 г.: «Никогда не наблюдалось такой массовой тяги за границу, как теперь. Столичные обыватели даже в годы тревожных, которые не так давно пережила Москва, не бежали за границу в таком огромном количестве. Канцелярия генерал-губернатора, выдающая заграничные паспорта, осаждается тысячами лиц», узнавших, «что за границу ездить значительно дешевле, чем на наши отечественные курорты». И хотя русскому человеку многое за рубежом казалось странным и даже диким, он быстро осваивался в европейском мире, привыкал к его нормам и порядкам. Так, Н.А. Гольцева, вспоминая свою поездку в Венецию, где она со спутницами случайно встретила профессора М.М. Ковалевского, рассказывала, как однажды они «отправились на взморье — на остров Лидо — главное купальное место для всех живущих в Венеции» и с удивлением обнаружили, что «купание было совместное <...> и мы чувствовали себя не совсем ловко в такой обстановке», однако Ковалевский легко отнесся к тому, «что совместное купание в Венеции считалось за самое обыкновенное явление. “Я никогда не купалась при таких условиях и никогда не стану”, сказала я. — “Ну, тогда я пойду один!” — ответил он и ушел. <...> Мы, провинциалы, не привыкшие к этим заграничным удовольствиям и сильно возмущенные всем виденным, не дождалась Ковалевского, уехали домой»¹³.

Большую роль в изучении Италии, ее нравов и быта, сыграли экскурсионные поездки россиян, вошедшие в культурно-просветительную практику рубежа XIX—XX вв. во многом благодаря деятельности профессора И.М. Гревса, знатока итальянской культуры, руководителя Дантовского семинара, разработавшего экскурсионный метод изучения истории, который получил широкую популярность у учащейся молодежи. Как отмечал, например, литератор В.А. Десницкий, «много скиталось по Европе россияне... Появились русские студенты в таких городах, где их раньше никогда не бывало», например, «в Неаполе: на Вомеро образовалась целая колония русских студентов, более сотни»¹⁴. А газета «Русские ведомости» сообщала, что в этой «неаполитанской русской колонии, увеличивающейся ежегодно... <...> образовано в последнее время беспартийное “Общество русских в Неаполе”. При обществе имеется библиотека и кабинет для чтения»¹⁵. Неаполитанская жизнь многим напоминала русскую действительность, о чем не без иронии писал в 1912 г. Г.А. Лопатин: «В Неаполь приехал вчера затемно... Начался грабеж: перевозчики, носильщики, указчики... Наконец я рявкнул: “Зовите карабинеров или гвардию, такие-сякие! Не дам ни копейки больше. Я и так плачу вдвое против тарифов”. Тогда разбойники кротко:

“К чему тут полиция? Дайте, что пожелает, Ваша честь”. <...> Знаете, по сообщенным мне ценам я ожидал чего-то очень жалкого. Но действительность превзошла все мои ожидания. Это — Хитров рынок... Сдаются собственно *углы*, хотя уступают и по 4 угла в одни руки. За всякими “надобностями” выходят на улицу и в публичные бесплатные учреждения...”¹⁶. Тем не менее красота Италии затмевала все неудобства: «Какое богатство, какая культура», — отмечал, например, писатель Е.А. Ляцкий после посещения Неаполя, Помпеи, Рима, отдельно поясняя, что в Ватикане ему «особенно умилительно было видеть в его библиотеке автографы Лютера и Кальвина»¹⁷.

Столица Италии являлась безусловно основным центром паломничества россиян. В Риме, у скульптора А. Ривальти учился Л.А. Бернштам, а у художника Бампами осваивал мастерство Л.М. Браиловский. В 1908 г. в Рим приехал художественный критик П.П. Муратов, который вместе со своими друзьями — писателем Б.К. Зайцевым и живописцем Н.П. Ульяновым посетил также Флоренцию. Италия, ее природа, зодчество, искусство ошеломили Муратова. Он превратился в страстного почитателя и знатока итальянской истории и культуры, что нашло отражение в его двухтомной книге «Образы Италии», опубликованной в 1911—1912 гг. московским издательством «Научное слово». «Образы Италии» приобрели большую популярность и впоследствии неоднократно переиздавались, поскольку многие русские путешественники брали ее с собой, изучая Италию «по Муратову», по его рассказам и описаниями. Вернувшись в Россию примерно через год, П.П. Муратов занял пост хранителя итальянской живописи Отдела изящных искусств и классических древностей московского Румянцевского музея, что дало ему возможность полнее и глубже познать творчество итальянских мастеров. В ноябре 1911 г. он вновь посетил Италию, где в 1912 г. подготовил к изданию книгу «Новеллы итальянского Возрождения, собранные и переведенные П. Муратовым», которая дала основание говорить о том, что его духовной родиной является не столько Россия, сколько Италия. Подтверждением этих слов стало активное участие Муратова в работе «Studio Italiano», организованной в 1918 г. в Москве переводчиком и издателем О. Кампа, а затем, пять лет спустя, и эмиграция в Италию по приглашению Э. Ло Гатто.

В Риме существовало несколько русских учреждений культуры, а также Общество поощрения молодых художников, спонсировавшее поездки в Италию многих выходцев из России, в частности, выпускников Петербургской Академии художеств А.Е. Яковлева и В.И. Шухаева. Двухлетнее, 1913—1914 гг., пребывание на Апеннинских оставило яркий след в их творческой биографии, позволило не

только детально изучить древнеримскую живопись, скопировать большое число фресок, но и, например, Шухаеву поработать над росписью православной церкви Николая Мирликийского в Бари. В 1907 г. благодаря поддержке художника-мецената Д. Тринелли приехал на Апеннины скульптор-мордвин С.Д. Эрзя, проживший в Италии восемь лет, в течение которых он участвовал в возведении католического собора в Специи и Дома итальянского рабочего объединения в Милане. В 1914 г. в Риме состоялась выставка художественной инкрустации и эмалей, выполненных княгиней М.К. Тенишевой, которая за свои работы была награждена почетным дипломом итальянского Министерства народного просвещения и избрана почетным членом Римского археологического общества. Неизгладимое впечатление на итальянцев оказали Русские сезоны С.П. Дягилева, труппа которого в 1911 и в 1917 гг. гастролировала в Риме. Наконец, нельзя не сказать и о скульпторе П.П. Трубецком, русском итальянцем, который своим творчеством, памятниками Гарибальди, Данте, Пуччини, Л. Толстому, Шаляпину, Александру III связал воедино итальянскую и русскую культуру. За импрессионизмом Трубецкого в Россию пришел футуризм Маринетти, по примеру манифестов которого были созданы русские «Манифесты футуризма» И.М. Зданевича, В.В. Маяковского, К.К. Олимпова, считавших, что «лучшие идеи — это футуристические идеи и социализм»¹⁸.

Новое радикально-авангардное искусство определило один из главных векторов социокультурного развития европейцев XX в., и русско-итальянские связи оказали на него существенное влияние, обусловленное тем, что Италия в начале столетия явилась «привлекательной “ареной борьбы” для российских бунтарей» всех мастей и оттенков¹⁹. Они устраивали в Италии кружки, собрания и съезды, школы рабочих пропагандистов с учителями Лениным и Луначарским, миланскую секцию «Всемирного объединения русских рабочих-эмигрантов» и даже «Русский институт» во главе с меньшевиками. Итальянская полиция вкупе с русскими шпионами едва успевала отслеживать все шаги революционно настроенных россиян, особенно осенью 1909 г., когда в Раккониджи прибыл Николай II, договорившийся с итальянским королем Виктором Эммануилом III о внешнеполитическом сотрудничестве. Как писал живший в Кави ди Лаванья А.В. Амфитеатров, «по случаю царского проезда мы проводим здесь жизнь, окруженную шпионами (поставлены с полною откровенностью — семь штук) и секретным дознанием»²⁰. Все это сохранилось и в последующие годы, что заставило того же Амфитеатрова летом 1913 г. послать в газеты «Avanti» и «Биржевые ведомости» негодующее письмо «по поводу установленной за ним

агентами русской полиции слежки», заявляя, что его «возмущает то, что власть русской полиции доходит до Италии, до этой действительно конституционной и либеральной страны»: «Мы, русские эмигранты, — отмечал он, — к этому, увы, привыкли. За мной следили в Риме, Специи, в Париже и в Кави-Лаванья, о чем я в свое время уже писал, напечатав на столбцах “Avanti” текст телеграммы, с которой я обратился к министру президенту Джолитти, с просьбой защитить меня от русских шпионов»²¹. Но этот «крик души» не был услышан властями, и за Амфитеатровым, издававшим журнал «Красное знамя» и собиравшим в своем доме всех видных оппозиционеров России — Г.А. Лопатина, П.А. Кропоткина, М. Горького, так что, по его словам, «останется только антихристу прийти разделить компанию», постоянно велся контроль²². Сотрудничая с итальянскими журналами «Secolo» и «L'Egoica», Амфитеатров одновременно затевал «целый ряд мелких брошюр на итальянском и французском издавать с целью пакостить Романову дому», так как полагал, во-первых, что «без опоры на Европу всяческая восточная революция, в том числе и наша — швах», а во-вторых, потому, что «не интересуется Европа Россией иначе как жандармом — хоть ты плюнь!»²³. Твердая республиканская позиция Амфитеатрова снижала ему популярность и среди итальянского населения, решившего даже выбрать его от Феццано в синдики, который представлял бы их интересы при ведении государственных дел.

Другим центром притяжения русских людей в Италии был М. Горький, живший на Капри в 1906—1913 гг. В апреле 1908 г. он сообщал Е.П. Пешковой: «...Сейчас здесь — Елпатьевский, Гусев, Измайлов, Трейшер, Винниченко. А у меня живет Богданов с женой, да еще пара людей, да художница Боткина — дочь знаменитого Сергея Петровича. На днях жду Базарова и Степанова — придут они, — явится Ленин и — недели на две затянется длинный разговорщик на темы чрезвычайно сложные и “мудрые”. К сему прибавь — Луначарского»²⁴. От того времени осталось немало фотографий, в том числе знаменитые снимки 1908 г.: Ленин сидит за шахматным столом и тщательно продумывает свои ходы, в том числе, видимо, и политические, поскольку большинство посетителей Горького так или иначе были связаны с русским освободительным движением: и сотрудник «Знания» Д.Я. Айзман, живший в 1906—1909 гг. в Кави ди Лаванья, и член ЦК партии эсеров В.М. Чернов, купивший дом в Аляссио, и писатель П.А. Ширяев, поселившийся во Флоренции, и многие другие. Горький на Капри стал вести «Хронику заграничной жизни», включавшую все значимые события, происходившие за пределами России и опубликовав-

шуюся в петербургском журнале «Современник». Его редактором был А.В. Амфитеатров, который тогда не уступал в популярности Горькому главным образом благодаря острым фельетонам, что называется, на злобу дня, но и его этюды на темы античного Рима, оформившиеся затем в роман о Нероне «Зверь из бездны», вызывали неподдельный интерес. Свои «Письма из Италии» в 1909—1910 г. отправлял на родину и А.В. Луначарский: в газету «Киевская мысль», в журнал «Театр и искусство», на страницах которых будущий советский нарком просвещения делился впечатлениями от итальянской культуры и от деятельности русских за рубежом, в частности, труппы Дягилева, чисто по-большевистски названного им ««развлекателем» позолоченной толпы»²⁵.

Пребывание в Италии, где, по словам Горького, «тепло и благодатно», «хорошая погода и прекрасное настроение», позволявшее «глядеть на окружающих с восторгом», создавало среди русских эмигрантов атмосферу дружбы и взаимопонимания, в которой, как писал А.В. Амфитеатров, чувствуешь «себя человеком по образу и подобию божию»²⁶. Не удивительно поэтому, что именно на Капри были восстановлены отношения между М. Горьким и Ф. Шаляпиным, о чем фотографировавший их обоих Ю.А. Желябужский вспоминал: «Вечерами художники часто рисовали шаржи. Помню, Бродский сделал их очень много и по совету Алексея Максимовича устроил на террасе дома выставку карикатур. Там было много удачных, мне запомнились шаржи, посвященные Шаляпину. Один из них изображал его примирение с Алексеем Максимовичем после разлада их дружбы из-за “коленипреклонения Шаляпина перед царем”»²⁷. А сам Горький писал в 1910 г.: «Живу я — интересно... <...> Все больше и больше люблю Италию — страну великих людей, прекрасных сказок, страшных легенд, землю праздничную, благодатную, добрую к людям, люблю ее с тоской, с завистью... ..думал о родных Кологривах, Арзамасах, о Пошехонье и других городах несчастной, ленивой, шаткой родины. <...> Мне полезно побыть здесь, мне надо многому учиться, и я понемножку учусь. У меня более трех тысяч книг, я читаю восемь газет, все журналы и не чувствую себя оторванным от родины. Около меня — хорошие люди, мое уважение к человеку не падает, а растет, принимая все более ясные формы»²⁸.

Помимо общения с русской диаспорой Горький с удовольствием погрузился в жизнь местного населения, выражавшего ему чувства искреннего признания. Итальянская пресса часто сообщала о писателе и не раз публиковала его произведения, например, в журнале «Весна» («Primavera»). Для Горького, привыкшего в России к строгости поведения, особенно к людям посторонним, это каза-

лось удивительным. Ответом на их теплый прием стало обращение Горького «К итальянцам», его слова о том, что «мы... не знаем как, чем благодарить за такое милое, трогательное до слез внимание! Хорош здесь народ!»²⁹. А когда в декабре 1908 г. на юге Италии произошло землетрясение, от которого пострадало 23 города, то Горький тут же отправился на место трагедии, где уже помогал справиться с катастрофой Балтийский отряд Русского военноморского флота. Моряки и гардемарины военных судов эскадры адмирала Литвинова — «Слава», «Адмирал Макаров» и других — одними из первых начали спасать уцелевших людей, оказывать им медицинскую помощь, перевозить в Неаполь, им удалось даже сбечь кассу сицилийского Banca Italia в сумме 20 миллионов франков золотом и банкнотами³⁰. Горький сочинил воззвание о помощи пострадавшим, организовал сбор пожертвований, в том числе и в России, а через месяц написал очерк «Землетрясение в Калабрии и Сицилии», ставший впоследствии основой одноименной книги (в соавторстве со швейцарским ученым В. Мейером), весь доход от продажи которой также пошел в пользу жертв стихийного бедствия. В этой работе, вышедшей в Петербурге в издательстве «Знание» в 1909 г., акцентировалось внимание на присущих итальянцам чувствах солидарности и собственного достоинства, а также мужества, которые помогли им выстоять в беде, но в то же время говорилось и о подвиге русских моряков, их самоотверженной деятельности по спасению людей там, где «было опаснее всего, куда никто не решался идти», а «они шли и спокойно делали свое дело»³¹.

Еще одним важным направлением итальянской деятельности Горького была работа по созданию Музея-библиотеки русского освободительного движения путем повсеместного сбора «изданий, документов и вещей, относящихся к истории борьбы за освобождение России на протяжении всего XIX в. и по сей день»³². В письме к И.П. Ладыжникову от 11 (24) сентября 1912 г. он подчеркивал, что мы «имеем возможность на первых же порах получить, с ничтожной затратой денег, ценные архивы частных лиц и партий. <...> ... Можно достать следственные производства и обвинительные акты по политическим делам. Очень важна реакционная литература, тайные циркуляры губернаторов, доклады губернаторов и сенаторов, ревизующих губернии и учреждения»³³. О том же спустя два месяца Горький говорил и Л.Н. Андрееву: «Но вот что, Леонид: хорошая компания затеяла доброе и нужное дело — организовать музей по истории борьбы России за освобождение... В России такое дело — частью — выполняет Академия наук, но целиком, широко поставить его — невозможно, при наших политических общест-

венно-партийных условиях. — Решили делать дело — пока — за границей. <...> Я очень прошу тебя — помоги, дай денег! А если есть какие-либо документы, письма, книги — давай и это»³⁴. Тогда же Горьким было написано воззвание от лица Комиссии по устройству Музея-библиотеки русского освободительного движения, в котором подчеркивалось, что «К<омисс>ия полагает чрезвычайно важным собрание всех материалов о жизни и деятельности русских общественных деятелей за границей, как-то: писателей, ученых, художников...»³⁵. Это воззвание, положенное затем в основу проекта устава «Исторического музея русского освободительного движения», было принято на «Съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии», который собрался в Риме 27—30 марта 1913 г. И хотя сам музей ввиду начавшейся через год Первой мировой войны так и не был создан, работа М. Горького по сбору документов об оппозиционной деятельности, в том числе заграничной, являлась важным шагом на пути изучения истории гражданского сопротивления русского народа.

После амнистии «по литературным делам» в связи с 300-летием Дома Романовых Горький вернулся в Россию, но прожить долго на родине не смог и осенью 1921 г. снова уехал за границу, поселившись в 1924 г. в Сорренто. Однако это была уже совсем другая эмиграция, о которой князь Ф. Юсупов вспоминал: «В Риме, как и везде, положение большей части наших соотечественников было тяжелейшее. <...> Надо было создавать в других городах комитеты по сбору пожертвований с дальнейшей отправкой в центр, в Рим» и «я отправился по итальянским городам, где надеялся на добрый прием. Таким он и был, особенно в Катанье. Тамошние жители не забыли еще самоотверженность русских моряков во время землетрясения, разрушившего Мессину в 1908 году. В Рим мы вернулись с победой. Тотчас же образовался и начал работу центральный комитет помощи»³⁶. Активно помогал русским и Горький, в результате чего, по воспоминаниям В.Ф. Ходасевича, «целые семьи жили на его счет гораздо привольнее, чем жил он сам», начиная с «некоторых эмигрантских писателей» и заканчивая «титулованными эмигрантами»³⁷. Вместе с тем, пользуясь материальной поддержкой буревестника революции, постреволюционная эмиграция не считала его своим духовным представителем, даже А.В. Амфитеатров, так же, как и Горький, в 1921 г. бежавший из Советской России, разошелся с ним во взглядах, увидев в его позиции «политическую двусмысленность».

Отношение к эмигранту Горькому ярче всего проявилось в ходе борьбы за Нобелевскую премию, которая началась в 1923 г. Тогда зарубежная Россия предложила выдвинуть в лауреаты кого-либо из

«обломков великой русской литературы», осевших за границей — Бунина, Мережковского, Куприна, Бальмонта. Горького среди предложенных русским зарубежьем имен не было, однако за него совершенно неожиданно вступился шведский посланник в Париже, обосновывавший свою позицию тем, что пролетарский писатель обязательно поделится премией со всеми своими именитыми соотечественниками. Но они решительно воспротивились подобной кандидатуре. В письме норвежскому ученому О. Броку, обладавшему правом обращения в Нобелевский комитет, академик М.И. Ростовцев говорил: «Вы знаете, каково отношение к Горькому среди честных русских людей. Не смуть позора славословия Ленина и че-ка запоздалой критикой из-за рубежа. От Горького, конечно, ни один настоящий русский писатель не возьмет ни копейки. <...> Горькому Нобелевская премия не нужна. Он вывез достаточно денег и драгоценностей из России. К тому же премия Горькому была бы открытым признанием торжества большевизма. Лучше уж тогда дать премию “мира” — Ленину, казнившему официально ½ миллиона лучших российских людей, чему Горький открыто сочувствовал. Но дать премию Бунину, Куприну и Мережковскому за их литературные достижения, насквозь пропитанные идеей мира, было бы и справедливо, и целесообразно»³⁸. В итоге первым русским Нобелевским лауреатом по литературе в 1933 г. стал И.А. Бунин.

Горький в ситуации противоборства белой и красной России оказался между двух огней, и даже шпики, ходившие в эмиграции за ним по пятам, делились на европейских, «боявшихся, что он сделает революцию, и советских, следивших, как бы он не сделал контрреволюции»³⁹. Русские изгнанники, униженные и обобранные большевиками, стремившиеся использовать свое пребывание на Апеннинах для творческого и профессионального роста, были всецело на стороне первых. Они считали Горького агентом красной Москвы, которая грезила мировой революцией, в 1919 г. организовала итальянскую секцию Коминтерна (III Интернационала), в 1921 г. участвовала в создании Итальянской коммунистической партии, а в 1924 г. добилась установления дипломатических отношений между СССР и Италией. Неприятие Горького со стороны зарубежной России, называвшей его «Смердяковым русской революции»⁴⁰, усиливалось еще и тем, что он на вилле в Сорренто продолжал принимать советских граждан и не порывал связей с коммунистической диктатурой. В феврале 1925 г. она направила к нему Е.П. Пешкову с важной миссией примирения эмиграции с советской властью, возвращения ее представителей на родину и в первую очередь Горького, который являлся знаковой фигурой для

большевиков. Но он не спешил возвращаться в Москву несмотря даже на то, что политическая ситуация в Европе к этому времени резко изменилась.

В Италии установился фашизм, и Муссолини, пришедший в 1922 г. к власти, начал преследование коммунистов, сторонников Третьего Интернационала, от которых СССР требовал «признания не на словах, а на деле того, что цивилизованное человечество вступило в революционную эпоху, что все капиталистические страны идут навстречу величайшим потрясениям и открытой классово-войне и что задача революционных представителей пролетариата состоит в том, чтобы для этой неотвратимой и близящейся войны подготовить идейное вооружение и организационные пункты опоры»⁴¹. Это коминтерновское стремление создать в Италии революционную ситуацию фашизм, поставивший интересы национальной солидарности превыше всех прочих, решительно пресек, и положение революционного писателя Горького на итальянской земле становилось более чем двусмысленным. Зато белая эмиграция в определенной своей части увидела в фашизме спасение от угрозы большевизации Европы, а в Муссолини — своего защитника, поддерживавшего ее в борьбе за выживание и самосохранение. Даже установление в 1924 г. дипломатических отношений между Италией и СССР, а в 1933 г. подписание Муссолини с советской властью «Пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете» не изменило отношения русских националистов к итальянскому диктатору. Как вспоминала, например, В.Ф. Даувальдер, «моей первой встрече с Италией помог Бенито Муссолини. Как часто потом я благодарно вспоминала его имя — Бенито, — придавая ему полное его значение: Благословенный! Ежегодно каждое лето он предоставлял школы с организованным питанием для детей русских эмигрантов» и «меня присоединили к этой группе <...> скаутской организации “Юный доброволец” под руководством полковника Виссариона Андреевича Богуславского»⁴². Подобные чувства одно время испытывал и Д.С. Мережковский, встречавшийся с Муссолини и писавший ему письма на темы «русского вопроса» и борьбы с коммунизмом.

Горький отечественному национализму, равно как и европейскому фашизму, был чужд и враждебен, но и при этом покидать Апеннины он не торопился, полагая, что «пока можно тянуть — жить за границей, а средства для жизни получать из России»⁴³. Тянул Горький долго. В 1926 г. появилось «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», в котором от лица советских людей говорилось:

Горько
 думать им
 о Горьком-эмигранте.
 Оправдайтесь,
 гряньте!
 Я знаю —
 Вас ценит
 и власть,
 и партия,
 Вам дали б всё —
 от любви
 до квартир.
 Прозаики
 сели
 пред Вами
 на парте б:
 — Учи!
 Верти! ⁴⁴

В 1928 г. советское руководство решило торжественно отметить 60-летие Горького, справедливо полагая, что на свой юбилей он обязательно приедет из Италии в Москву. В СССР был создан «Юбилейный комитет М. Горького» в составе «тт. Ганецкого, Луначарского, Скворцова-Степанова, Халатова», который 13 января 1928 г. единогласно постановил: «Празднование юбилея М. Горького приурочить к дате юбилея 29/III-1928 г. (День рождения писателя). Чествование М. Горького признать целесообразным провести в ближайшие дни по его приезду в СССР (приезд назначен на начало мая месяца)»⁴⁵. Горький на родину прибыл, юбилей отметил и... отбыл к себе в Сорренто. В итоге, окончательное возвращение пролетарского писателя затянулось на целых пять лет, и только в 1933 г., за три года до смерти, он с семьей навсегда переехал в СССР.

Италия оказывала поддержку многим представителям русского зарубежья. Так, в 1923 г. секретарем Института Восточной Европы в Риме Э. Ло Гатто на Римские чтения были приглашены Б.П. Вышеславцев, Б.К. Зайцев, П.П. Муратов, М.А. Осоргин, А.И. Чупров и некоторые другие деятели отечественной науки и культуры, выступившие с докладами о России. Знаковым из них было выступление Е.Ф. Шмурло, названное «Москва — третий Рим». Прожив в Италии с перерывами более двух десятков лет, профессор Шмурло немало сделал для изучения и развития российско-итальянских связей, в том числе и путем создания в Италии Русской

академической группы, отстаивавшей интересы соотечественников за рубежом. Участвовавшие в Римских чтениях русские докладчики получили хорошие гонорары, а некоторые, как, например, П.П. Муратов, еще и стипендии для изучения итальянской культуры. В 1924 г. в Италию приехал Ю.П. Анненков, туда же прибыл и Вячеслав Иванов, издавший «Римские сонеты» и говоривший: «Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть»⁴⁶. Б.К. Зайцев отмечал: «В Италии Москва подзавесилась. Читали мы в Риме лекции, гуляли по Капитолию, собирали камушки на пляже Кави — и голубой воздух страны, вся неизбывная ее прелесть вдруг отодвинули родное: положили первый пусть спиритуальный, но рубеж. Он еще был неясен. И охвачен такой радугою итальянской, такой радостью красоты, природы, странствия, что не очень глаз всматривался. Сердце жило настоящим — как в Италии ведь всегда: счастьем того, что **живешь**»⁴⁷. Вместе с тем, оно опиралось на ощущение вечности римской истории, на понимание того, что хотя «все меняется в вечном городе, но и все живо, пока жив народ, пока дуновение некое идет из него. Рим знал эпохи полного паралича, знал строительство, знал перестройки», но «Рим и сейчас живой, как жил два тысячелетия назад. Наш “третий Рим”... каковы судьбы его? Если верить, что это “роковой” город, как верить, что и народ, его создавший, народ не случайный, что-то вкладывающий в мир первостепенное, то Москве не сгинуть ни от каких варваров»⁴⁸. Историко-культурные параллели двух мировых центров придавали русским эмигрантам уверенность в том, что рано или поздно Россия воскреснет, возродится, вернется на общеевропейский путь развития.

Подобный взгляд рождал, с одной стороны, стремление как можно полнее «выявить для других прекрасную, величественную душу России»⁴⁹, а с другой стороны, всесторонне раскрыть духовную красоту Италии, что в наибольшей степени удавалось осуществить художникам кисти и слова — Л.М. Браиловскому, основавшему при Конгрегации восточных церквей в Ватикане Музей истории древнерусской архитектуры, А.Е. Яковлеву, выполнившему серию картин на тему неаполитанского быта, которые в 1928 г. были представлены на выставке в галерее Ренессанс, П.П. Муратову, издавшему в 1924 г. третий том «Образов Италии», а в 1929 г. — книгу об итальянском художнике Беато Анджелико. В 1932 г. во Флоренцию для чтения лекций о Леонардо да Винчи приехал Д.С. Мережковский с З.Н. Гиппиус. Успех выступлений Мережковского способствовал приглашению русской четы в Рим, где в 1934—1936 гг. писатель подготовил книгу о Данте, изданную на итальянском языке в Болонье в 1938 г. Одновременно Мереж-

ковский работал над созданием двух киносценариев «Леонардо да Винчи» и «Жизнь Данте». Итальянское творчество Мережковского стало возможным благодаря поддержке Муссолини, на которого русский мыслитель возлагал большие надежды по освобождению Советской России от большевизма и создания русского национального государства, о чем он рассказал в статье «Встречи с Муссолини», помещенной парижским журналом «Иллюстрированная Россия» в восьмом номере за 1937 г. Надежды эти не оправдались, однако мечта о величественной России, о райской стране-сказке продолжала питать русскую эмиграцию еще долгие годы.

Художественным выражением этой мечты стала работа русских деятелей культуры в римском оперном театре и миланской La Scala, где Н.А. Бенуа оформлял постановки «Бориса Годунова» и «Хованщины», Б.Г. Романов ставил «Петрушку», «Шехерезаду» и «Жарптицу», а О.И. Преображенская учила основам русской балетной школы. В 1934 г. в Риме открылась Национальная академия танца Я. Русской, танцовщицы из России, заменившей свою простую фамилию Е. Борисенко на громкий псевдоним «Я. Русская». Тема родины стала главной и в творчестве живописца А.В. Исупова. Его русские пейзажи, почти ежегодно экспонировавшиеся на художественных выставках в Риме, Милане, Бергамо, Триесте, Турине и других городах, дополнили затем собрания Национальной галереи современного искусства в Риме, Галереи Уффици во Флоренции, Миланской и Неаполитанской галерей современной искусства, а также частных коллекций. Немало в Италии осело работ и других русских художников: П.В. Безродного, А.Н. Волкова-Муромцева, Б.В. Зуева. М.А. Осоргин, написавший предисловие к альбому гравюр «Италия» живописца В.Д. Фалилеева, тонко подметил характерную черту русского творчества за рубежом, заключающуюся в необъяснимом стремлении «сблизить природу Италии, где он был гостем, с природой русской, ему исключительно знакомой и близкой», сделать картину «милее, приятнее и ближе всякому, кто имеет две родины: родину духа оседлого, с облачными и дождливыми далями — Россию и родину духа блуждающего — Италию, где в вечности Рима и в глубокой думе Флоренции, в этом чужом, — свое и родное найдет — если захочет — пытливый дух русского непоседы...»⁵⁰.

Блуждания русского духа на итальянской земле нередко приводили эмигрантов к католичеству. Еще в начале XIX в. большое впечатление на соотечественников произвел отказ от православия З.А. Волконской, у которой затем оказалось немало сторонников и последователей. Так, В.С. Соловьев, издавший в 1889 г. в Париже книгу «Россия и Вселенская Церковь» («La Russie et l'Eglise Univer-

selle»), заявил о необходимости «христианского универсализма» — наднационального вселенского христианского объединения во главе с Папой Римским, позволяющего сохранить христианскую цивилизацию и успешно противостоять восточной экспансии. Схожего мнения придерживался и адвокат Ф.Н. Плевако, который в 1904 г. специально посетил Папу Римского для обсуждения вопросов единства христианского мира. О важности совместного противостояния «монгольству», то есть варварству, в годы большевистской революции писал Р.В. Иванов-Разумник, вспомнивший мрачный прогноз Владимира Соловьева о том, что без союза с Западом христианская Россия погибнет, и тогда будут «желтым детям на забаву даны клочки твоих знамен»⁵¹. В результате в Риме сформировалась Русская католическая церковь восточного обряда, Успенский русский женский католический монастырь восточного устава и русская католическая община, которые вместе с папским Восточным институтом стремились к преодолению церковного раскола и интеграции христианских культур. К ним примыкали те представители зарубежной России, кто не связывал воедино понятия веры и национальности, например, православный священник о. Веригин, ставший настоятелем римской церкви Святого Лаврентия, режиссер Чабров, служивший в одном из беднейших приходов на Корсике, Вячеслав Иванов, который никогда не переставал считать себя и считаться русским деятелем культуры, хотя и перешел в католичество, стал профессором новых языков и литературы университетского Колледжио Борромео в Павии, а затем и Восточного института Ватикана. Наконец, не мешало католичество ощущать себя частью России и русских католиков по рождению — Е.Ф. Шмурло или А.Н. Бенуа, который говорил в изгнании: «Я сейчас чувствую себя несравненно более русским (без привкуса национализма), нежели прежде»⁵².

В общем, эмиграция не только расширяла возможности духовных исканий творческой элиты России, но и способствовала формированию экстерриториального русского мира, впитывавшего в себя многочисленные культуры различных стран и народов. Человек русского мира помимо своей врожденной национальной культуры становился одновременно частью другой благоприобретенной культуры, придававшей его жизни и творчеству многогранный и полифоничный характер. В Италии закончили свои дни многие творческие деятели России: А.В. Амфитеатров, Е.А. Баратынский, Л.М. Браиловский, К.П. Брюллов, Вяч. Иванов, О.А. Кипренский, С.Ф. Щедрин. Только на одном венецианском острове — Сен-Микеле — находятся могилы Волковых-Муромцевых, Волкон-

ских, Стравинских, Трубецких. Там же на Сен-Микеле похоронен С.П. Дягилев, на надгробном памятнике которому выбиты его слова: «Венеция — постоянная вдохновительница наших успокоений». О могиле Дягилева потом в своих «Венецианских строфах» напишет Иосиф Бродский⁵³, не подозревая даже о том, что и сам он будет похоронен вблизи нее. Жизненный путь русских деятелей культуры соединил воедино Рим третий с Римом первым, а творчество навсегда вписало их образы в мировой контекст, но лишь потому, что, говоря словами П.Н. Милюкова, они «принесли туда ярко и сильно выраженную народную душу», душу России⁵⁴.

¹ Анненков, Ю.П. Дневник моих встреч. — М., 2001. — С. 393.

² См.: Степанова, Е.В. Итальянское искусство книги в собрании НИО редких книг Российской государственной библиотеки // Медиатека и мир. — 2011. — № 4. — С. 14—25.

³ Трубецкой, Е.Н. Гоголь и Россия // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. — Брянск, 1999. — [Вып. 1]. — С. 262, 263.

⁴ Шалапин, Ф. Страницы из моей жизни. — Пермь, 1961. — С. 135, 141.

⁵ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. — М., 1988. — С. 137. — (Литературное наследство; т. 95). — Далее: Горький и русская журналистика.

⁶ Победа «Бориса Годунова» // Речь. — 1909. — № 12.

⁷ Цветаева, М. Герой труда: записки о Валерии Брюсове // Наше наследие. — 1988. — № 5. — С. 67; Эртель, А.И. Записки Степняка. — М., 1989. — С. 461.

⁸ Талалай, М. Русский Милан // Русская Мысль. — 1998. — № 4209. — С. 10.

⁹ Русская Валькирия // День. — 1913. — № 4; Горький и русская журналистика. — С. 425.

¹⁰ Кара-Мурза, А.А. Знаменитые русские о Неаполе. — М., 2002. — С. 61.

¹¹ Веневитинов, Дмитрий. Италия // Московский вестник. — 1827. — № 8.

¹² Волошин, М. Путь Каина. — М., 1991. — С. 15.

¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Ф. 77. — Карт. 23. — Ед. хр. 1. — Л. 65.

¹⁴ Десницкий, В.А. Статьи и исследования. — Л., 1979. — С. 451.

¹⁵ Русские ведомости. — 1910. — 6 (19) февр. (№ 29).

¹⁶ Горький и русская журналистика. — С. 877.

¹⁷ Там же. — С. 505.

¹⁸ Пунин, Н.Н. Дневник царскосела // Наше наследие. — 1998. — № 47. — С. 80.

¹⁹ Талалай, М. Русский Милан. — С. 10.

²⁰ Горький и русская журналистика. — С. 168.

²¹ Биржевые ведомости. — 1913. — 31 июля (№ 13677). Веч. вып.

²² Горький и русская журналистика. — С. 193.

²³ Там же. — С. 114, 196.

²⁴ Там же. — С. 92.

²⁵ Балет: энциклопедия. — М., 1981. — С. 324.

²⁶ Горький и русская журналистика. — С. 103, 91, 159.

- ²⁷ *Бродский, И.А.* Исаак Израилевич Бродский. — М., 1973. — С. 116.
- ²⁸ Горький и русская журналистика. — С. 176, 1009—1010.
- ²⁹ Там же. — С. 222.
- ³⁰ Русское слово. — 1908. — 19 дек., пятница.
- ³¹ *Горький, М., Мейер, В.* Землетрясения в Калабрии и Сицилии, 15/28 декабря 1908 г. — СПб., 1909. — С. 38.
- ³² Горький и русская журналистика. — С. 504.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. — С. 538.
- ³⁵ Там же. — С. 535, 536.
- ³⁶ *Юсупов, Ф.* Мемуары = Mémoires: в 2 кн. До изгнания. 1887—1919. В изгнании. — М., 1998. — С. 265, 266.
- ³⁷ *Ходасевич, В.* Некрополь: воспоминания, стихотворения. — М., 2011. — С. 361.
- ³⁸ Цит. по: *Бонгард-Левин, Г.М.* Из «Русской мысли». — СПб., 2002. — С. 199, 200.
- ³⁹ *Ходасевич, В.* Некрополь. — С. 613.
- ⁴⁰ См., например: *Чуриков, Е.Н.* Смердяков Русской революции: (роль Горького в Русской революции). — София, 1921.
- ⁴¹ *Троцкий, Л.Д.* Терроризм и коммунизм. — СПб., 2010. — С. 211.
- ⁴² *Дауальдер, В.Ф.* Жизнь — любовь. — Ростов н/Д, 1993. — С. 125, 126.
- ⁴³ *Ходасевич, В.* Некрополь. — С. 358, 359, 629.
- ⁴⁴ *Маяковский, В.В.* Полн. собр. соч. — М., 1958. — Т. 7. — С. 210.
- ⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 2306. — Оп. 69. — Д. 1700. — Л. 6.
- ⁴⁶ Цит. по: *Бонгард-Левин, Г.М.* Из «Русской мысли». — С. 124, 133.
- ⁴⁷ Возрождение. — 1932. — 14 янв. (№ 2417).
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Слова Р.Н. Браиловской. Цит. по: *Северюхин, Д.Я., Лейкинд, О.Л.* Художники русской эмиграции (1917—1941): биограф. словарь. — СПб., 1994. — С. 103.
- ⁵⁰ *Фалилеев, В.[Д.]*. Италия: гравюры на линолиуме. — М.; Пг., 1923. — С. 14, 15.
- ⁵¹ *Иванов-Разумник, Р.В.* Испытание в грозе и буре. — *Александр Блок.* Скифы. Двенадцать. — Берлин, [1920]. — С. 30.
- ⁵² *Бенуа, А.Н.* Мои воспоминания: в 5 кн. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1990. — [Т. 2]: Кн. 4, 5. — С. 584.
- ⁵³ *Бродский, И.А.* Избранное. — М., 2011. — С. 477.
- ⁵⁴ *Милоков, П.* Будучи всемирным, Федор Шаляпин остался русским // Эмиграция. — 1994. — № 6. — С. 3.

С.М. Шамин

Италия в курантах второй половины XVII столетия

Куранты — обзоры европейской прессы, которые с середины XVII столетия готовили для царя и бояр в Посольском приказе. Они составлялись 1—2 раза в неделю и зачитывались думными дьяками на заседаниях Боярской думы. В условиях отсутствия постоянных дипломатических представительств за рубежом, ознакомление с курантами было для российского правительства единственной возможностью наблюдать за развитием политических событий в западных странах, а не узнавать о них постфактум. Немецкая и голландская пресса, являвшаяся для курантов основным источником информации, представляла полный спектр важнейших политических новостей Европы. В куранты отбирались лишь наиболее важные новости международной жизни. Это делает куранты уникальным источником для изучения политического кругозора членов российского правительства. Хотя куранты составлялись для нужд дипломатии, регулярное знакомство с публикациями иностранной прессы формировало у царя и членов Боярской думы представление о повседневной жизни европейцев. Они выступали проводником информации о европейских нравах, обычаях и культуре в широком понимании этого слова¹.

Основная часть курантов сосредоточена в фонде 155 Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Здесь же содержатся вестовые материалы Посольского приказа за первую половину XVII в. Публикацию документов фонда осуществляет Институт русского языка РАН. К настоящему времени полностью изданы тексты до 1670 г. включительно². Куранты за последующий, более чем тридцатилетний период составляют обширный комплекс в несколько тысяч листов столбцового делопроизводства³. К сожалению, они лишь эпизодически привлекали внимание историков, занимающихся внешней политикой России XVII столетия.

«Итальянские» известия включались в куранты регулярно. Некоторые из них уже введены в научный оборот, однако их комплексного анализа не проводилось. В данной статье планируется представить обзор известий курантов об Италии, оценить уровень их изученности и перспективы исследования источника.

Наиболее востребованы составителями курантов среди «итальянских» материалов были новости о внешней политике Венеции. Этот интерес определялся наличием общего соседа — Османской империи. Именно войнам Венеции с Османской империей обычно уделяют внимание ученые. Впервые этот источник использовала Е.И. Кобзарева, которая анализировала куранты в рамках обобщающего исследования, посвященного известиям о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Наиболее подробно она рассматривала куранты 1660-х и 1690-х годов. На эти годы приходится Кандийская война (1645—1669) и война государств Священной лиги против Османской империи (1683—1699), в которых итальянские государства принимали активное участие. Кобзарева установила, что сотрудники Посольского приказа проявляли к этим событиям устойчивый интерес⁴.

Позднее изучение известий курантов о Кандийской войне продолжила шведская исследовательница Ингрид Майер, принимавшая участие в издании курантов 1660—1670 гг. Она не только зафиксировала сам факт особого интереса московского правительства к событиям Кандийской войны, но и показала, что статьи о ней попадали в куранты через немецкие и голландские газеты в основном в их венецианской трактовке, а доля корреспонденций из Константинополя была крайне незначительной⁵. Подробно статьи о Кандийской войне проанализированы нами в специальном исследовании, которое позволило установить, что новости о боевых действиях между венецианской армией и войсками турецкого султана встречаются в каждой второй сводке курантов. Это давало возможность русскому правительству отслеживать в развитии все основные военные и дипломатические события. С известиями о Кандийской войне в Москве знакомились, в среднем, через 51 день после отправки этих новостей из Венеции⁶.

С точки зрения истории культуры, особенный интерес представляет тот факт, что в немецкой и голландской прессе многие публикации о войнах с Османской империей несли идею единства христианского мира перед лицом исламской экспансии. Как пример можно привести сообщение из Венеции от 5 октября 1660 г., где восставшие против турецкого владычества греки и нападающие на турок в Черном море казаки представляли как союзники французов, флорентийцев, мальтийцев, папы Римского и, конечно же, самих венецианцев в борьбе против осман⁷. Подобные идеи находили отклик и у русских публицистов. Особенно популярны они стали к концу XVII в. К примеру, Андрей Лызлов пропагандировал идею общности всех христиан в «Скифской истории»⁸.

Во второй половине XVII в. борьба с османской экспансией в Восточной Европе стала одной из основных внешнеполитических задач России. К концу столетия Россия вошла в антиосманскую Священную лигу европейских государств. Новости об участии венецианской армии в войне Священной лиги против Османской империи рассматривал американский исследователь Даниэль Кларк Уо. Значительное внимание он уделил материалам курантов, отразивших кампанию 1687 г. в Морее (в ходе которой — во время осады Афин — венецианскими войсками был взорван Парфенон), сравнил различные известия современников об этом событии. Уо не ставил перед собой задачу комплексно изучить известия курантов о войне 1683—1699 гг., а остановился на самых ярких фактах⁹. Комплексное исследование темы начато автором этих строк совместно с греческим исследователем Иоаннисом Каррасом. К настоящему моменту установлено, что не только вести из Венеции, но и сведения о действиях венецианской армии на территории Османской империи добирались до Москвы через немецкую и голландскую прессу значительно быстрее, чем напрямую, через страны юга и юго-востока Европы¹⁰. Таким образом, мы видим, что сообщения курантов о войнах Венеции с Османской империей опубликованы и изучены только для 1660-х годов, а исследование турецко-венецианской войны 1684—1699 гг. лишь начато.

В мирное время интерес составителей курантов к Венеции был существенно меньшим, чем в периоды турецких войн, однако вовсе он не исчезал никогда. Так, в период правления царя Федора Алексеевича (1676—1682) в куранты ежегодно попадало по несколько «венецианских» новостей. Среди них сообщения о смене дожа в Венеции, состоянии венецианской армии и флота, дипломатических контактах Венеции со Священной Римской империей, Римом, Францией, Испанией, Польшей. В Москве отметили обострение отношений между Венецией и Францией в 1679 г., когда республика, опасаясь французов, укрепляла флот, а также улучшение венециано-французских отношений в 1682 г. Встречаются и новости неполитического характера — введение ограничений на ношение отдельных видов одежды, описание церемонии венчания венецианского дожа с Адриатическим морем¹¹.

Другая группа «итальянских» известий курантов связана с деятельностью пап Римских. Интерес Посольского приказа к папам определялся уже тем, что в Европе организацией антиосманских коалиций традиционно занимались римские первосвященники¹². Кроме того, в куранты включено множество сообщений о папах, которые не связаны с антиосманской политикой Ватикана. Трудно назвать какую-либо сторону деятельности пап, которая не привлекала внимание россий-

ской политической элиты. Приведем лишь несколько примеров, которые показывают, сколь разнообразна была тематика сообщений о папах. Так, статья из курантов 1671 г. сообщала об отказе папы Климента X канонизировать католиков, казненных после раскрытия в Англии «Порохового заговора» (1605), поскольку они «кажнены за воровство, а не за христианскую веру»¹³. Корреспонденция из Парижа от 12 декабря 1685 г., которую на заседании Боярской думы зачитывали 3 января 1686 г., сообщала, что в благодарность за борьбу с гугенотами папа Иннокентий XI собирается поставить памятник Людовику XIV¹⁴. В одной из статей 1690 г. говорилось о том, что папа Александр VIII запретил приезжающим в Рим духовным лицам ходить иначе, чем в черном платье¹⁵. Не осталось без внимания желание папы Иннокентия XII собрать в 1693 г. «великий собор» католического духовенства¹⁶. Неоднократно появлялись и пророчества о папах. К примеру, в 1689 г. пришла весть, что «некоторая благочестивая инокиня» предрекла папе смерть «в августе месяце»¹⁷. Данное сообщение, судя по всему, стало распространяться после смерти папы Иннокентия XI (12 августа 1689 г.).

В 1676, 1677 гг. писали об экономических реформах папы Иннокентия XI. В первом случае речь шла только о сокращении повседневных расходов¹⁸. В более поздней корреспонденции сообщалось, что папа уменьшил доходы монастырям¹⁹. Проблема ограничения расходов была общей как для католической Церкви, так и для православной, и решалась она сходным образом. В 1671 г. встречаем перевод описания обряда омовения ног, при котором папа омывал ноги нищим или своим подчиненным, подражая при этом смирению Христа, омывшего во время Тайной вечери ноги апостолам. Текст сообщения гласил: «Из Рима марта в 28 день. Прошлой недели папа со многими кардиналы и с князи пошел в костел святого Петра и там по обычаю 12 человек ноги омывал и потом их у стола своего кормил и сам им у того стола служил и службу исполнял, а после того давал им милостыню золотыми и серебряными деньгами, того ради что спать не мог две ночи. А как милостыню роздал, и тогда учал спать благополучно»²⁰. В православии этот обряд был известен издревле, исполнялся он в Великий Четверг Страстной седмицы. В Константинополе в IX—XII вв. в конце вечерней службы патриарх омывал ноги троим иподиаконам, троим диаконам, троим пресвитерам, двоим митрополитам и одному архиепископу²¹. В России XVII в. обряд омовения ног мог совершаться не только в Великий Четверг, но и вне богослужения, что, к примеру, делал патриарх Никон²². Известие о том, что папа Римский омывал ноги нищим, не имело политического значения, зато ярко демонстрировало близость двух ветвей христианства — католицизма и православия. Этот набор корреспонденций

показывает, что русское правительство интересовалось самыми разными сторонами деятельности пап Римских. Сообщения о папах в курантах могут быть темой специального исследования.

Если новости о борьбе итальянских государств против Османской империи, деятельности пап Римских и венецианской политике были для курантов «сквозной темой» на всем протяжении их существования, то другие политические события итальянской жизни попадали на страницы курантов лишь время от времени. Попыток наблюдать за развитием событий в Посольском приказе не делали. К примеру, в курантах за 11 июля 1679 г. появилось сообщение о том, что Палермо, Трепано и Мессина из-за тяжелых налогов изменили испанскому королю, однако сведений о том, как эти события развивались, больше в курантах не появилось²³.

Встречаются в курантах и сообщения, которые не связаны с международной политикой. Материалы этой группы были редкими, но, как правило, яркими и запоминающимися. С точки зрения отношения российской политической элиты к католицизму, особенно интересными кажутся сообщения о хранящихся в Италии мощах христианских святых. В августе и сентябре 1672 г. из Рима сообщали об истечении крови от руки святителя Николая²⁴, аналогичное известие попало в куранты в 1679 г.²⁵ Одна из статей 1695 г. рассказывает о том, как в Павии при строительных работах вскрыли гробницу святого Августина. Составитель курантов включил в свой перевод многие подробности. Прочитируем текст, предназначенный для зачитания царю и боярам: «В костеле святого Августина разрывали землю, дабы тамо новой пол зделать, и [при] подъеме нескольких каменьев нашли тело великого церковнаго учителя Августина в мраморной гробнице с подписью и объявлением о том чесном теле, и по открытии той гробницы нашли серебряной гроб, и в том гробу еще другой свинцовой гроб обрели, в котором помянутое тело лежит, и о том в помянутом городе великую радость получили»²⁶. Местом упокоения мощей святого в конце XVII в. в Павии была базилика Сан Пьетро ин Чель д'Оро. Данных о вскрытии мощей в 1695 г. в литературе найти не удалось²⁷. Перевод этого текста представляется особенно интересным потому, что в конце XVII в. в России, с одной стороны, переводились труды святого Августина («Августина учителя книга о видении Христа, или о славе Бога, или же истина небеснаго вождения память обновляется», 1687 г.), а с другой стороны, шли споры о том, насколько благочестиво православным христианам обращаться к авторитету почитаемого католиками богослова²⁸. Представляется, что в России XVII в. официальное отрицание «чужой» святости сопровождалось интересом к ее конкретным проявлениям.

К новостям религиозного характера можно отнести известия об изгнании из Рима евреев²⁹, обнаружении и аресте в Неаполе еретиков, отрицавших бессмертие души³⁰, обвинение в чародействе несторианского епископа Месопотамского, который приехал в Рим для соединения с католической церковью³¹.

Изредка встречаются в курантах ложные сообщения, которые составлялись протестантами в целях идеологической борьбы с Римом. Так, в Посольском приказе неоднократно переводили «Сказание о двух старцах», которое с вариациями вновь и вновь публиковалось в европейской прессе на протяжении XVII—XVIII столетий. Сюжет сочинения прост. В некоем городе (Палермо, Неаполе и т.д.) появлялись два странно одетых старца, говоривших на необычных для этой местности языках. Старцы рассказывали о том, что Бог разгневался на людей за их грехи и скоро наступит конец света. Власти города (светские или церковные) арестовывали пророков и допрашивали их, а потом отправляли в Рим. Допрос выявлял благочестие старцев. Их святость в некоторых редакциях подкреплялась чудесами. К примеру, телега, на которой старцев отправляли в Рим, рассыпалась под ними, спадали оковы, открывались запертые двери. «Новость» о появлении пророков сопровождалась списком их пророчеств, которые чаще всего охватывали ближайшие 10 лет. Бродячие проповедники предсказывали войну, голод, мор, землетрясения, уничтожение огнем частей света и т.д. Содержание пророчеств в разных редакциях частично изменялось. Своим источником они имели тексты Нового Завета. Просвещенный читатель того времени легко угадывал в этих старцах пророков Илию и Еноха, которые должны были прийти в мир обличать антихриста перед концом света. Антихристом же в этом случае выступал папа, преследовавший старцев. Сочинение неоднократно проникало из приказной среды в русскую книжность. Любопытно, что оказавшись вне архива Посольского приказа протестантское антипапское сочинение оказалось востребовано в России в кругу старообрядцев. Оно было «независимым» подтверждением старообрядческой веры в скорый конец света и подталкивала к сопротивлению церковной реформе патриарха Никона³².

По какой-то причине составителей курантов привлекли сведения о жившем в Риме немецком ученом иезуите Кирхере (Athanasius Kircher), занимавшемся математикой, физикой, естественными науками, лингвистикой, древностями, теологией, культурой Китая, египтологией. Один раз, 6 октября 1671 г., в куранты было включено сообщение о присылке к нему из Польши уникальной пергаменной рукописи, которую так и не удалось прочитать³³. Сообщение о его смерти в 1680 г. также попало в куранты³⁴.

Другой тип сообщений — описание различных церемоний. Обычно это приемы посольств в Риме. Так, в 1680 г. в куранты включили обширное описание въезда польского посольства. Позволю себе цитату: «Из Риму сентября в 21 день. В прошлой недели после полудня князь Радивил с преизрядным строитвом из сего города поехал. На пред шли трубачи и сурначи его с оберегательными людьми, с тремя вельблуды и с 12 подводными лошадями, которые все драгими нарядами украшены были. За ними последовали все его дворовые люди в дорожных одеждах, да карета кардинала Видона, в которой он князь Радивил с 4 духовного чину вельможи сидел. А около кареты пеши шли жильцы его и скороходы. После еще шли 15 карет по шти лошадей, в которых сидели дворяне его. Сим подобием учинилось отшествие его до назначенного ему места покоя»³⁵. Данная цитата свидетельствует о том, что в Москве интересовались не только самим фактом приезда польского посольства в Рим, но и ходом церемониального действа.

Из бытовых сообщений особенно интересным представляется описание столкновений в итальянских владениях Испании между представителями местной знати. Конфликт начался с того, что некий герцог Поаянский (имя сильно искажено) завладел винным откупом графа Конверсано (Conversano). Граф попытался вернуть откуп, для чего захватил несколько служителей герцога, охотившихся поблизости от графской земли. Герцог, в свою очередь, приказал схватить служителя графа Конверсано и отрезать ему уши. В ответ брат графа Конверсано с отрядом в 300 человек совершил налет на дом герцога и отрезал ему самому не только уши, но и нос. На этом этапе в конфликт вмешался вице-король Неаполя герцог Петр Антонио де Арагон (Pedro Antonio de Aragon), который отправил конный отряд арестовать графа Конверсано³⁶. С точки зрения международных отношений данное сообщение не имело ни какого значения, и уж тем более оно не затрагивало интересов России. Скорее всего, данная статья послужила развлечением для придворных царя Алексея Михайловича, которые в условиях сильной центральной власти не могли выяснять отношения столь эффектным образом. Другое уголовное сообщение из Неаполя (о том, что трое преступников бежали из заключения, убив сторожа) сопровождалось известием об извержении Везувия³⁷. Все это напоминает публикации раздела «происшествия» современных газет.

Различные природные явления (в первую очередь катастрофические) постоянно привлекали внимание составителей курантов. Интерес к подобным публикациям нельзя объяснить только любопытством. В Средние века и раннее Новое время в природных

катаклизмах видели Божью кару или знамение. Страх вызывало даже безобидное для человека появление в ночном небе кометы. Для предотвращения бедствий служили молебны. Приведем цитату из статьи 1672 г., которая позволяет понять отношение людей того времени к природным явлениям: «Недавно привидели зде на небе комету, которая стояла несколько ночей над Римским замком, где папа живет, а после того и иные многие звезды неизвычайные з долгими хвостами объявлялись, и о том не токмо Италия, и иные христианские королевства тамо лежащие сомневаются, и опасаются от всенародного неприятеля, и того ради указал папа по многим костелам молебствовать»³⁸. Типологически близкие описания комет встречаются и в текстах российского происхождения. Внимание к природным явлениям не было чем-то исключительным. К примеру, за вторую половину 1680 г. «урожайную» на подобные сообщения, из Италии приходили сведения о засухе, землетрясении, необычном холоде, появлении кометы и моровом поветрии.

Возможно, что оценка природных явлений как знамений способствовала тому, что переведенные на русский язык статьи данной тематики попадали в рукописные сборники. Наиболее ранним из обнаруженных в книжной традиции материалов с «вестями» из Европы является сообщение о землетрясении в Италии 1456 г. («Послание Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василию Васильевичу из-за Римья из латыны»). Учитывая, что в середине XV книгопечатание только зарождалось, можно предположить, что перевод был сделан с рукописного летучего листка или письма. Наиболее ранний русский список данного текста датируется 70-ми годами XV в.³⁹ Великий князь Василий Васильевич правил до 1462 г. Это значит, что сообщение появилось в России очень скоро после землетрясения.

Известие 1523 г. о сильной буре в Неаполе в русской рукописной традиции зафиксировано уже в 1520-х годах⁴⁰. В настоящее время И. Майер выявила оригинал для этого сообщения — брошюру на немецком языке в 4 страницы, сохранившуюся в вольфенбюттельской библиотеке. Сообщение о землетрясении в Италии и Греции в 1542 г. также нашли отражение в русской книжности. Известно 5 списков данного сообщения. Майер выявила его немецкий протограф⁴¹. К XVII в. относятся известия об извержении Этны (1668) и землетрясении на Сицилии (1692)⁴². Появление последних сообщений, по всей видимости, связано с курантами, хотя разыскать их оригиналы пока не удалось.

Таким образом, мы видим, что в Москве через куранты получали значительный объем самых разнообразных сведений об Италии, что, наряду с общими политическими интересами на междуна-

родной арене, подталкивало Россию к сближению с итальянскими государствами. Куранты формировали информационный фон, на котором строились отношения между российскими дипломатами и их итальянскими коллегами. Это комплекс известий необходимо учитывать при изучении русско-итальянских дипломатических контактов рассматриваемого периода.

- ¹ *Шамин, С.М.* Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. — М.; СПб., 2011.
- ² Вести-Куранты, 1600—1639 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. — М., 1972; Вести-Куранты, 1642—1644 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. — М., 1976; Вести-Куранты, 1645—1646, 1648 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; под ред. С.И. Коткова. — М., 1980; Вести-Куранты, 1648—1650 гг. / изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; под ред. С.И. Коткова. — М., 1983; Вести-Куранты, 1651—1652 гг., 1654—1656 гг., 1658—1660 гг. / изд. подгот. В.Г. Демьянов; отв. ред. В.П. Вомперский. — М., 1996; Вести-Куранты, 1656 г., 1660—1662 гг., 1664—1670 гг. — М., 2009. — Ч. 1: Русские тексты / изд. подгот. В.Г. Демьянов при участии И.А. Корниловой; [завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин]; под ред. А.М. Молдована и И. Майер.
- ³ Сводные данные о сохранности курантов см.: *Шамин, С.М.* Куранты XVII столетия. — С. 314—321.
- ⁴ *Кобзарева, Е.И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988. — С. 120, 121, 126.
- ⁵ *Майер, И.* Вести-Куранты, 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг. — М., 2008. — Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам. — С. 97—99.
- ⁶ *Шамин, С.М.* Кандийская война в курантах 1660—1670 гг. // Каптеревские чтения, 6. — М., 2008. — С. 75—87.
- ⁷ РГАДА. — Ф. 96. 1660 г. — Ед. хр. 2. — Л. 470, 471.
- ⁸ *Лызлов, А.* Скифская история / подгот. текста, коммент. и аннот. список имен А.П. Богданов; отв. ред. Е.В. Чистякова. — М., 1990. — С. 274—279.
- ⁹ *Waugh, D.C.* News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey* / ed. Ch. Dunning, R. Martin, D. Rowland. — Bloomington, IN: Slavica, 2008. — P. 491—509. Благодарю автора за любезно предоставленную мне копию данной публикации.
- ¹⁰ *Шамин, С.*, при участии *Карраса, И.* Известия «греческой» тематики в курантах 1687 г. // Каптеревские чтения, 8. — М., 2010. — С. 182—195.
- ¹¹ *Шамин, С.М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича: к проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670—1680-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2003. — С. 91—169.
- ¹² Эту политику (с большей или меньшей активностью) последовательно проводили все папы, находившиеся на ватиканском престоле в 1660—1690-х гг.: Александр VII, Климент IX, Климент X, Иннокентий XI,

- Александр VIII, Иннокентий XII. См.: *Его же*. Новости о религиозной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII века // Вестник церковной истории. — 2009. — № 3/4. — С. 227—265.
- ¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 155. — Оп. 1. 1671 г. — Д. 7. — Л. 146, 150 об., 151.
- ¹⁴ Там же. 1686 г. — Д. 7. — Ч. 1, 2. — Л. 30.
- ¹⁵ Там же. 1690 г. — Д. 10. — Ч. 1. — Л. 111.
- ¹⁶ Там же. 1693 г. — Д. 10. — Л. 24.
- ¹⁷ Там же. 1689 г. — Д. 10. — Л. 181.
- ¹⁸ Там же. 1676 г. — Д. 8. — Л. 112.
- ¹⁹ Там же. 1677 г. — Д. 7. — Л. 13.
- ²⁰ Там же. 1671 г. — Д. 7. — Л. 81.
- ²¹ *Желтов, М.С., Лукашевич, А.А., Ткаченко, А.А.* Великий Четверг // Православная энциклопедия. — М., 2004. — Т. VII. — С. 164—166.
- ²² *Макарий, (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. — М., 1996. — Кн. 7. — С. 227; *Богданов, А.П.* Русские патриархи (1589—1700). — М., 1999. — Т. 1. — С. 461.
- ²³ *Шамин, С.М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича. — С. 134.
- ²⁴ РГАДА. — Ф. 155. — Оп. 1. 1672 г. — Д. 6. — Л. 107, 114, 114 об.
- ²⁵ Там же. — Ф. 125. — Оп. 2. — Д. 129. — Л. 1.
- ²⁶ Там же. — Ф. 155. — Оп. 1. 1695 г. — Д. 7. — Ч. 1. — Л. 309.
- ²⁷ *Степанцов, С.В., Фокин, А.Р.* Августин // Православная энциклопедия. — М., 2000. — Т. 1. — С. 95.
- ²⁸ *Сазонова, Л.И.* Карион Истомина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1993. — Вып. 3, ч. 2. — С. 150; *Буланин, Д.М.* «Учиться ли нам полезнее грамматики, риторики... или, и не учая сим хитростем, в простоте Богу угождати... и котораго языка учиться нам, славяном, потребнее и полезнее — латинского или греческого?» // Там же. — СПб., 2004. — Вып. 3, ч. 4. — С. 66.
- ²⁹ РГАДА. — Ф. 155. — Оп. 1. 1676 г. — Д. 8. — Л. 112.
- ³⁰ Там же. 1691 г. — Д. 12. — Ч. 1. — Л. 135.
- ³¹ Там же. 1685 г. — Д. 7. — Л. 525.
- ³² *Шамин, С.М.* «Сказание о двух старцах»: к вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. — 2008. — № 2. — С. 221—248.
- ³³ РГАДА. — Ф. 155. — Оп. 1. 1672 г. — Д. 6. — Л. 118 об.
- ³⁴ Там же. 1680 г. — Д. 4. — Л. 241.
- ³⁵ Там же. — Л. 79.
- ³⁶ Там же. 1671 г. — Д. 7. — Л. 84, 84 об.
- ³⁷ Там же. — Л. 98 об.
- ³⁸ Там же. — Оп. 2. 1671 г. — Д. 6. — Л. 20—20 об.
- ³⁹ *Лурье, Я.С., Турилов, А.А.* Дедеркин Феофил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1988. — Вып. 2, ч. 1. — С. 185, 186.
- ⁴⁰ *Казакова, Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: из истории культурных связей России. — Л., 1980. — С. 163, 164.
- ⁴¹ *Майер, И.* Вести-Куранты ... — С. 53.
- ⁴² *Соболевский, А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — СПб., 1903. — С. 241, 249.

Приложение Куранты, 1692 г.

Задача данного приложения — представить читателю полный объем новостей курантов об Италии за большой промежуток времени. В качестве примера выбраны куранты за январь — сентябрь 1692 г. В них освещена политика папы Иннокентия XII, поддерживавшего борьбу участников Священной лиги в борьбе против Османской империи, а также рассказывается о попытке венецианского флота под командованием Доменико Мочениго отвоевать Кандию у турок.

Кроме традиционных для курантов тем, в 1692 г. значительное внимание уделяется герцогству Савойскому, которое на протяжении большей части XVII столетия находилось вне поля зрения составителей курантов. Особое внимание к региону объясняется тем, что в 1692 г. состоялся поход войск Аугсбургской лиги во главе с герцогом Савойским Виктором Амадеем II из Италии во французскую провинцию Дофинне. Поскольку войны Людовика XIV обычно были завоевательными, то вторжение противника в коренные французские земли вызвало пристальное внимание Посольского приказа.

Сообщения об Италии выявлены в 27 сводках рассматриваемого периода. В 8 сводках (21 февраля, 18 апреля, 9 мая, 20 июня, 3 июля, 11 июля, 25 июля, 28 августа) «итальянских» известий обнаружить не удалось. Возможно, что эти пропуски объясняются плохой сохранностью материалов за конец весны — лето 1692 г. Ряд включенных в них материалов невозможно идентифицировать из-за больших утрат текста.

В публикации приводятся сведения только об итальянских событиях. Иные сообщения опускаются. Пропуски обозначены многоточием в угловых скобках.

Куранты

РГАДА. — Ф. 155. — Оп. 1. 1692 г. — Д. 10. — Ч. 1

3 января

(Л. 2) Из Вены декабря в 6 день.

<...> Из Италии приятие вестей. Пишут нежели прежде сего потому что Фларенция и Мантуя поволели немецких ратных людей принять из кормовых денег.

(Л. 9) Из Венеций ноября в 30 день.

Здесь изготовляют к будущему воинскому походу всякие припасы, понеже миру (Л. 10) с турками не чают, потому что они желают, дабы мирным догово-

рам с цесарем французского посла, которой при салтанском дворе обретається допустить, и что с ними и з французами мир учинить вместе.

Из Турина, ноября в 24 день.

Около города Монтмелиана девять дней великой снег шел, и того ради чают, что французы вскоре принуждены будут от него отступить.

10 января

(Л. 28) Из Венеции декабря в 15 день.

Море у нас так разлилось, что многие места в городе потопило и в запасных и в оружейных домах великой убыток учинило.

17 января

(Л. 40) Из Парижа декабря в 28 день.

Во вторник в 9м часу приехал рыцер де Эренау от господина капитана из обозу, из под Монтмелиана, и подал королю здачу и договорные статьи тое крепости, которые сего месяца подписаны в 22 день. И вышли осадные люди сквозь пролом с ружем з горящими фитилями и пулки во рту держали и з запасом и тремя пушками и провожены они совсем до Пигнерола, а осадных людей было здоровых с 20 человек, раненых 150 человек, болных 200 человек.

(Л. 44) Из Парижа. Губернатор главныя крепости Сафойския Монтмелиана от непрестанного огненнаго метиния из французских табор и от вредительных подкопов французских принужден учинился тое крепость здать французом чрез договор, иже постановился сего месяца в 21м числе, а на другои день вышли осадные люди чрез пролом з барабанным звуком з горящими фитилями и со всем обыкновенным оружием и с тремя пушками, а было их всех числом 220 человек здоровых да 300 человек раненых и болезнующих.

24 января

(Л. 49) Из Вены генваря в 1 день.

<...> Посол сафойской в Вену принят в 70 коретах с правожатыми.

(Л. 52) Из Парижа декабря в 28 день.

Арцух фон Орлеанс писал к арцуху Сафойскому, буде он от соединенных отстанет то Монтмелиан он не разорит и всю ево землю по учиненному миру назад отдадут.

При сем приступе побито наших 70 человек ранено 900 человек, болных 600 человек.

1 января

(Л. 68) Из Монтмелияна декабря в 22 день.

Под сею крепостью потеряли мы болши 2000 человек понеже осадные люди зело мужественно противилис.

(Л. 70) Из французской земли генваря в 8 день.

<...> Папа хочет цесарю на помоч дать 300 000 корун. <...>

8 февраля

(Л. 77) Из Вены ж генваря в 13 день.

(Л. 81) <...> Во 12 день генваря цесарь в полате рыцерской объявил всем чином земли, что хочет 3 воиска в поле держать — 1 в Венгерской земле; 2 в Римском государстве; 3 в Сафои.

(Л. 82) Из Парижа генваря в 11 день.

Из Венеции ведомость получена, что их генералиссимус писал, буде Речь Посполитая крепкую помочь людми и денгами к нему пришлют, он обнадеживает Негропонт или остров Сдио или королевство Кипрское овладать.

Папа цесарю даст 300 000 ефимков к войне напомочь.

14 февраля

(Л. 104) Из Венеции генваря в 19 день.

Капитан генерал zelo трудится и чинит великие припасы к будущему воинскому походу, и нанимает множество греков, и собрал уже 12 000 человек кроме осадных людей. // (Л. 103) Да еще вскоре к нему 4000 человек пришлют и будет у него в собрании 16 000, а в марте еще от иных потентат присылки чают.

(Л. 105) Из Парижа в 22 день генваря.

При здешнем дворе имеют множество мирных мысли. И писал король своею рукою к церским швайцаром, предлагая что он город Монтмелиан взял для того, чтобы тем с арцухом Сафоиским мир приобрести и Швейцарскую землю в покои привести.

28 февраля

(Л. 126) Из Вены февраля 2го, 3го и 5го.

(Л. 127) <...> В Сафоискую землю в прибавку цесарскому воиску указано собрать в Тиролской земле 4000 человек, а чают что над всеми воиски тамо владе // (Л. 128) телем будет фелтьмаршалок Капра.

(Л. 132) Из Франкфурга февраля в 7 день.

В ПиEMONTE хочет арцух Сафоиский великое воиско гишпанцов и своих людей собрать, которыми в начале воинского походу Пигнерол осадить намерен, понеже был он на пути в Конии изменою французом в руки предан.

(Л. 133) Из Мадрита генваря в 24 день.

Здесь трудятся дабы послат миллион денег да 200 000 ефимков в Нидерланды, також де несколько в Меландскую землю и арцуху Сафоискому на помочь.

6 марта

(Л. 146) Из Венеции февраля в 9 день.

Из Лепанто приезжие сказывают, что капитан месеннинин родом измену учиняя турком Карагузу город здал, а владельца нашего именем Дорию и маеора со иными начальники порубил.

В понедельник здесь на берегу Лида названном смотр был воиску и то воиско по первому ветру отошлют в Лепанд.

(Л. 148) Из Рима февраля в 9 день.

Французской граф Ребеникве был у папы на приезде, и наговаривал его, что король ни чего болши не жаает, токмо чтоб ему Италианскую землю в покои привести, и что он Савоискому арцуху такие предложения предлагал, которых невозможно лутче желать, но понеже союзники его будущим счастием ему лстят, и он бы ево поучал дабы он склонился к миру.

(Л. 148) Из аглинской земли тогож месяца и числа.

(Л. 149) Договорные статьи сафоиские со французом паки розрушились.

13 марта

(Л. 163) Из Венеции февраля в 9 день.

Граф Шпарт обещал Речи Посполитой Венецкиской с собою привести 1000 человек пеших ратных людей, а 500 ис тех будет марта в последних числах.

(Л. 165) Из Меланда февраля в 6 день.

Цесарь назначил арцуха сафоиского генералисимом надо всеми воиски во Италии, понеже он все французские предложения откинул и будет завтра все воиска смотреть.

(Л. 166) Из Парижа февраля в 16 день.

<...> Двор здешней за зло воспринимает, что Папа королю Якубусу на желание его о помощи илянцом, которые ради веры землю свою и пожити покинув, во Французскую землю пришли, отвещал, что таких людей за изгнанных почитать невозможно, понеже их товарищи, которые в своей земле остались, волность в вере имеют, однакож даст им он денежное вспоможение, буде они станут служить цесарю против турка.

Из Неополи Деромания февраля в 19 день.

По шету обрелоя в здешнем государстве 150 000 душ но понеже величиною то государство 9000 греческих миль есть, и того ради много впусе лежит.

(Л. 167) Из Парижа февраля в 19 день.

Господин Амелот объявлял шваицаром что король его склонен есть мир или перемирье с Сафоискою землею учинить, в чем бы они посредниками и помощниками были, и взятые города своими людьми осадили, токмо бы лише французские владетели были, которое шваицаром зело благоугодно есть. И говорили буде арцух таких обещаней не воспримет, то они на него 30 000 человек воиска в поле выведут, но о сем впредь подтверждения ожидать.

21 марта

(Л. 176) Из Патраса города из Мореи генваря в 19 день.

Генерал Монцениго великое изготовление чинит, дабы воинский поход во всем надобии отправлен был, тогож для и порченые карабли велел починить. <...>

(Л. 178) Из Риму февраля в 26 день.

Понеже Папа во французскую землю пришедшим ирлянцом денежного вспоможения чинить не хочет, разве что они против турка воевать станут, и того ради французские советники письмо подали в котором они хотят оказать, что союз соединенных, протестантское соединение есть, и римской церкви вредителен и может тем большая часть Еуропы разорена быть. Но на сие Папа паки ответ дал, что сие соединение // (Л. 179) также может протестанским называться, как французское – турским. И учинен у соединенных союз токмо того ради, чтоб от французского нападения свободным быть, которое равно как на католиков, так и на протестантов чинится.

13 апреля

(Л. 195) Из Турина февраля в 13 день.

Арцух наш по пришествии своем из Генуи воинские дела начал. И будет у нас воиска на оборону 8000 человек немец.

25 апреля

(Л. 223) Из Лвова апреля в 4 день.

<...> Ксенз Вота еще в Рим для казны к Папе не поехал, но вскоре имеет ехать, а от Папы будет к цесарю. <...>

(Л. 226) Из Венеции апреля в 1 день.

<...> Папа приказал дать цесарскому величеству на воину против турка 100 000 золотых.

РГАДА. — Ф. 155. — Оп. 1. 1692 г. — Д. 10. — Ч. 2, 3

2 мая

(Л. 3) Из Вены апреля в 8 день.

(Л. 5) <...> Папа Римской цесарю для укрепления Будина и Эшека городов дал 100 000 златых, а впредь он Папа цесаря обнадеживает на воину турецкую казны болши дать. <...>

(Л. 7) Из Венеции марта в 22 день.

Завтрашняго дня здес шляхетной госпоже голова отсечена будет, а слуга ее будет повешен потому, что он по ее велению мужа ее графа убил.

16 мая

(Л. 33) Из Венеции пишут апреля з 19-го числа, что в Кандеиском королевстве в Суде городе измена объявилась, и восемь человек начальных, которые город здать хотели туркам, повешены.

Капитан генерал венецыйской уже имеет 16 000 человек ратных людей в собрании и намерен доброе дело получить против турок, естли (Л. 34) подлинная правда, что в Азии против турецкого салтана бунт всчат.

В неаполи Димолвазии також де измена была и изменники поиманы и казнены.

Воиско наше карабеное венецыйское все в готовности 12 000 человек с которыми генерал капитан после светлого Христова Воскресения ийти хошет на намеренное дело, а куды, то не ведомо. <...>

(Л. 36) <...> Речь Посполитая Венецыйская велели собрать великих гранат и з гарнатчиками послать в Лепанто, с которыми многие охотники поидут. Тут же и князь Любомирский брат гетмана Полского.

(Л. 47) Из Монтмелияна апреля в 3 день.

Понеже король Французской в сеи земле взятые места зело утесняет и разоряет, и потому знатно, что он не чает их содержать и видится, что он нынешнего году оборонительно поступат будет, понеже многие воиска для обеспечения на проезды идут.

23 мая

(Л. 59) Из Вены апреля в 26 день.

(Л. 60) <...> Новой посол Папин сюда приехал, а встречи ему не было потому, что всякого надобя к тому не изготовлено, но вскоре учинено будет.

(Л. 64) <...> Из Венеции пишут, что посла французского Ребенака подаря венецияна золотую чепью отпустили, и он поехал к арцуху Флоренскому.

(Л. 66) Из Турина апреля в 26 день.

Арцух наш восприял от цесаря генер[ал]ство во Италиянской земле и чаем мы что вскоре ведомо будет // (Л. 67) о нападении на Казаль город.

Французских ратных людей множество к нам уходят, и того ради велел арцух Шомберский 4000 человекам платя сделать, и хочет их употреблять в виске.

Король французской хочет Ницу и Монтъмелиян города до основания разорить, и весь Пиемонт жечь, буде сия земля ему доброволно не покорится, и арцух способных предложении не примет.

(Л. 70) Из Генуи апреля в 26 день.

Достоверно сказывают, что соединенных воиска в Пиемонте будет 28 000 пехоты да 13 000 конницы.

30 мая

(Л. 87) Из Венеции апреля 26 де тож пишут.

Из воиска карабль пришел на котором привезены два человека изменников, // (Л. 88) которые Карабузу здали.

Во всю прошлую неделю ратные люди умножились, междо которыми 3000 человек немецких людей, и ежедневно болши ожидаем, и надеемся на будущую неделю 1600 пеших 200 конных ратных людей, да 100 человек гранатчиков, которым запасы воинские и живности в карабли к выезду. А с Петром Доидором провидитором посылают 300 000 червонных золотых.

(Л. 90) Из Парижа апреля в 28 день.

<...> Здесь напечатано аглинское писмо, в котором король якубус всем подданным своим обещает прощение, которые ему покорятся, кроме трех человек, между которыми. <...>

6 (?) июня

(Л. 129) <...> Во Италиянских грамотках объявлено двору нашему, что соединенные тамо в подвижении обретаются, а сказывают, что их в собрании 40 000 обретаются, а намерены воевать в Пиемонте.

(Л. 131) Из Генуи мая в 10 день.

Здесь збирают воиска вновь с 6000 человек для того, что немцы во Италии зело силны становятся.

12 июня

(Л. 145) Из Вены мая в 15 день.

(Л. 147) <...> Из Сафоиской земли пишут, что воиска Сафоиские идут Пигнерол осадить.

(Л. 150) Из Венеции мая в 10 день.

Из воиска нашего пишут апреля в 3 день с подтверждением, что намерено воиско на некое дело и готово стоит и с присылными людьми в прибавку отселе з гнералом пошло.

(Л. 157) Из Меланда мая в 16 день.

Арцух Сафоиской надеется 40 000 человек в поле вывести.

27 июня

(Л. 188) Ис Парижа июня в 4 день.

<...> Никогда вящего свирепства ни над каким городом не учинено, как ныне над Онеилем, между Финалом и Филафранком стоящим Сафоиским городом, понеже как рыцарь Нааллес с катаргами туда пришел, то он у владетеля городского прошал здачи того города. Но как он тому противен учинился то послал господин Ноалес 6000 человек и указал всех рубить, которых тамо обретут. И уви<...>* люди ис того города со многими жители вон ушли. Наши же французские ратные люди вшед в город всех людеи вырубил и, выграбя, все город выжгли. И понеже арцух Савоиское к миру с нами не склонен, и того ради указано все его и гишпаские // (Л. 189) при море лежащие места так ж разорить.

(Л. 193) <...> Кардинал Овард благодарствовал Папе что он королю Якубусу 20 000 скудов послал на роздачу убогим агличаном и ирлянцом во Французской земле обретающимся.

Папа такое же число денег послал королю Полскому на продолжение войны с турком.

17 июля

(Л. 225) В грамотках из Турина пишут, что арцух Савоиское к Пигнаролу приступать хочет.

8 августа

(Л. 251) Ис Турина июля в 5 день.

Ныне держат Пигнерол во облеж[ании] пехотою да 13 000 конницы <...> Арцух наш при том сам <...>

(?) августа

(Л. 267) Из Риму июля в 9 день.

Папа трудится дабы ему воюющим государем благополучные предложения к миру приобрести.

Полской служитель ксенз Фота был у папы на приезде, но по се число еще неведомо, одержит ли он болши 50 000 фламских золотых на продолжение турской войны или нет.

(Л. 276) из Венеции июля в 26 день.

Ожидаем ведомости, что капитан генерал М[о]ццено над турками зделал.

(Л. 278) Из Амстрадама августа в 6 день.

Во италиянских грамотках пишут, что Пигнерол от тамошних соединенных конечно осажден.

5 сентября

(Л. 302) Из Венеции августа в 9 день.

Из Енуя города пишут, что варварские разбойничьи карабли недалеко от Капо острова на море 8 венецйских караблей да 40 тартан с хлебом взяли.

(Л. 303) Из Рима августа в 9 день.

Французы наговаривают Папу zelo дабы он в новой италиянской союз с ними вступил, и тем бы от цесарских податей во Италиянской земле свобо-

* Текст обрывается.

дился, и идет для того намерения из Флоренции сюды французской посол Ребенакве, но мы чаем что Папа того учинить не похочет.

(Л. 304) Из Парижа августа в 11 день.

Мы восприяли ведомость, что арцух Савоиской июля в 30 день городок Гуилестер взял и в него вошел. При том же несколько деревень и церковь сожгли, да местечки Лароше и Святыи Гепин выграбили. И пишут из Брианцова от 5го числа сего месяца, что он по Дуранце реке к Амбруну пошел в намерении тот город осадить. А обретається в нем кроме осадных людеи 4 батальоны под владением маркиза де Ларреа, которои обнадеживает тот город держать хотя он и не крепок есть.

(Л. 305) Из Парижа того ж месяца и числа.

Все грамотки, которые из Делфината приходят, чинят великое смущение, потому что неприятели от часу далее поступают. И уже все их полки через Дуранцу река перешли. И буде их намерения Катинат не пресечет, то могут они скоро ко вратам Лионским притти междо тем ожидаем мы вскоре оттуды ведомости о бою, потому что все воиска в подеме обретаются.

Неприятели одержали от тамошних реформатов множество всякого орудия и воинских припасов и арцух Шомберский указал везде прибавить листы, в которых он их всех к себе привлекает.

(Л. 308) Из Лиона от 5го числа сего месяца пишут, что арцух Шомберский с маркизом Пареллом в Дафину впали и зело изрядно поступают и пристаёт к ним множество людеи.

(Л. 311) Из Рормонта в 16 день августа.

(Л. 312) К нам пишут из Генева города что Сафоиское войско по взятии французского города Гвилестра тамо пленили двух французских полоняников да иных 40 человек начальных людеи 600 человек рядовых салдат кроме двухсот человек ирландских воинов и превеликого обилия кормовых запасов. Далее пошли под Амбрун город и того же города будто вышел тамошни епископ к Сафоискому генералу Пареллу и вручил ему градские ключи с покорением, о чем впред подлинное подтверждение ожидаем. В то же время сафоиское войско пленили и выграбили Колмарь город.

12 сентября

(Л. 325) Из Венеции августа в 19 день.

Из войска нашего пишут, что в Канею высадили из караблеи 10 000 человек ратных людеи потому что в том городе 100 человек, а во всеи тои Канеиской земле насилу осмьсот человек турок обретається.

(Л. 327) Из Турина августа в 3 день.

В разноличных грамотках с подтверждением пишут, что по взятии города Гуилестра архиепископ Амбрунский пришед к маркизу де Пареллу, просил его дабы тому городу повреждения не чинили, понеже они намерены им покоритца. И маркиз ему то обещал с таким договором дабы они ни чего из тамошнего монастыря с собою не брали и потом вскоре ключи того города принесены. И тот город нашим здан. Також де и Колмарс город взят же и выграблен за то, что из него в то время, как договоры было стали чинить, увидя, что к ним помощь пришла, по маркиза де Парелла становишу стреляли, и тем его обезчестили. Иныеж сказывают, что и Гап город взят же, а Ницеда Фила Франк вдруг от 40 галер да 15 гишпанских воинских караблеи морем,

да от 17 000 воиска под владением маркиза де ла Генеса сухим путем осаждены суть.

Из Генфа августа от 8 числа також де о всем о сем подтверждают.

(Л. 328) Из Парижа августа в 15 день.

Сего числа восприяли мы ведомость, что граф фон Шомберг крепость Квейрас осадил, а чинят ему в том вспоможение тамошние протестанты, и идет туда господин Капитанат с воиском, дабы ту крепость выручить.

(Л. 329) Из Парижа августа в 22 день

Из Гренобли получена ведомость что Амбрун город арцуху Савойскому получа благие договоры здался, а нашел он запасу что надолгое время войску его довольно будет, а арцуху Шомберскому у Квейраса не удастся, но однако ж имеет он при себе много реформатов, которые было в католическую веру приведены были.

(Л. 331) От Мейны реки августа от 9 числа.

В разных грамотках пишут что сафоиское войско по взятии Гуиллестра и Амбруна городов под Брианской город подступило, и тот город по многих приступах взятъем взяло, но о сем вперед подтверждения ожидаем.

(Л. 337) Из Венеции августа в 10 день.

Ведомости к нам есть, что воиска наши морские 10 000 человек пристали х Критскому острову под город Канею, чтоб то наше древнее место паки взять, а в нем сказыват сидят турков всего 800 человек, а и на всем том острове толко де их с 8000 человек.

18 сентября

(Л. 364) Из Венеции августа в 18 день.

Кандийские жители комиссара турского и провожатых его турок которые приехали было для собрания дани повесили, их капитану генералу нашему писали, чтоб им помочь додал, а они всю землю Кандиискую под владение Речи Посполитой Венециянской отдадут.

(Л. 367) Воиско наше пошло и стали блиско Кандии. И тот час ис Кандии 6000 человек греков и мужиков кандийских к воиску ншему пристали.

А в Мореи на оборону той земли оставлены 4000 человек ратных людеи.

Капитан генерал Морценаг с 11 000 человек венециянскими ратными людем в Кандию пошел.

В Кандии городе токмо 4000 человек а во всем королевстве 8000 турок обретаются.

(Л. 348) Из соединенных обозу под Амбруном стоящего августа в 26 день.

Сей город здался нам по учиненном мужественном противлении августа в 15 день, однако же взятъе его не так лехко стало, как было чаяли. И убит под ним господин Руэне, да ранены граф де ла Инаско, генерал де ла Торес, да князь Коммерции и преобрели мы сим взятъем способное место на запасы, и возможно будет без опасения вдал поступать. А учинен будет поход под Брианкон город.

(Л. 351) Из Франкфурта августа в 27 день.

Из Швейцарской земли пишут, что из Гренобли и Лиона множество людеи к ним уходят, и что соединенные в Делфинате на жителей с 400 фунтов подаеи наложили и болшую часть из того числа уже собрали.

Из Парижа августа в 27 день.

В воскресенье пригнал к двору здешнему гонец з договорными статьями Амбруна города и учинил при том ведомо, что неприятели учиня тамо учреждение пошли под Греноблю город, и что пред их приходом все по той дороге выжжено и высокие места в предместьях разломаны, дабы им в тех местах стать было невозможно, и что пушечной неприятельской снаряд с великою трудностию в обоз их пришел, и потому знатно, что они не вскоре из той провинции пойдут, но и зи // (Л. 352) мою в ней пойдут. И того ради трудятся дабы сколко возможно войска собрав х Катинату на помощь послать, понеже у него токмо з 9000 человек войска обретается с которыми он при Креспине окопався стоит докамест неприятели подале от него отоидут, понеже ему не длячего у них привозу запасов отнимать, потому что у них и тамо всякого запаса довольно обретается*.

(Л. 353) Из Астрадама августа в 30 день.

Из Парижа пишут, что Амбрун взят договором и осадные из него люди в Греномлю. Провожено с таким договором что их 6 недель против соединенных // (Л. 354) не употребляют. О взятии Гапа города також де не сумневаются, и пошел ныне арцух Сафоиской под Брианкон.

Из Амстрадама августа в 26 день.

В грамотках из Генфа пишут что Брианкон и Квейрас города в Денфинате от Сафоисково взяты суть.

25 сентября

(Л. 372) Из Венецыи августа в 22 день.

Из Корфу прибег каравль в 8 днее в Венецыю. И на том будущие люди сказали, что ведомость к ним пришла, что в Мореи потешные огни были на радость, понеже наши войска Канею взяли, и подлинно о том ожидаем вперед ведомости.

(Л. 373) Из Генфа августа в 27 день.

Цесарской генерал Палфи оставил под Пигнеролом 1500 человек конницы и пошел з достальным войском под Зузу город добывать его. И сказывают, что в нем толко 200 человек осадных людеи обретается, и потому чают его без великого труда взять.

Из французскаго обозу под Преслем стоящего августа в 24 день.

Соединенные указали войску своему взяв Амбрун город всю траву около его обретающуюся покося в тот город весть. И того ради чают, что они тот город укрепить хотят, дабы в нем безопасно сидеть возможно было. Междо тем намерены они с войском своим далее поступать.

Наши разоряют все предместья около города Гренобли, но однакож не чаем чтоб тот город так возможно укрепить, дабы неприятелю его взять было невозможно.

Хотя сказывают, что войска нашего в сей стране с 18 000 обретается, однакож мы не верим, что столкно будет.

Из Парижа сентября в 1 день.

Здесь не чают, что господину Капитанату возможно будет во весь сей воинской поход арцуху Савоискому противитись, и того ради возможно будет

* Далее в рукописи следует большой рассказ о том, какие меры принимают французы для укрепления своих городов. Непосредственного отношения к действиям савойских войск этот рассказ не имеет.

ему не токмо что без опасения // (Л. 374) до середины Дауфины, но и до самых врат Лионских дойти, буде токмо он захочет.

5 полков конницы, которые было из Фландерской земли к Катинату посланы, поворочены паки назад и потому знатно, что розглашение о посылке туды помощи ложно есть, хотя из Дауфины гонцы пригоняют дабы наскоро туды помощь послать объявляя, что велики страх есть дабы ту землицу весьма не разорили.

Здес же желают лутче дабы неприятель в Провенцу нежели к Гренобле городу обратился, понеже в том городе зедло много запаса обретается.

В 22 день прошлого месяца принесли жители Гапа города ключи города своего арцуху Савоискому, и тот город ему здали в 25 ж день. Прошали савоицы з Гренобли города податей, но владетел того города в том им откачал.

Все деревни и крепости окрест лежащие откупаются от неприятелей дабы их не жгли, но понеже крепость Таллард того учинить не восхотела, и того ради неприятели ее выграбя сожгли.

Генерал Палфи обретается еще з 10 000 войском между Зузаю и Пигнеролом в намерении из них которой нибудь добывать. И понеже о Зузе более опасаются, и того ради послал господин Катинат от 9000 войска своего с которым он у Монтгеневы стоит туда 3 полка, потому // (Л. 375) что при дворе лутчее желают дабы Дауфина выграблена была, нежели из сих городов которой взят был, понеже буде то учинится, возможно будет всегда в Французскую землю впадение чинить.

(Л. 376) Из Парижа сентября в 5 день.

В грамотках из Гренобли от 29-го числа пишут, что арцух Савоиской еще на высоте Калионской стоит и со всех мест подати выбирает. И уже зело много денег одержал. Междо тем опасаются, дабы он несколько войска своего чрез Дуранцу реку для впадения в Правенцу не послал, понеже он чрез ту реку мост делать велел.

Произведения итальянских писателей в книжных собраниях русского дворянства второй половины XVIII — первой четверти XIX в.

Во второй половине XVIII в. в России возрастает интерес к Италии, чему способствует укрепление дипломатических и культурных связей. Появление в 1780-е годы постоянных русских представителей в Неаполе, Пьемонте, Генуе, Венеции, Тоскане расширило возможности взаимных контактов. Все больше русских людей отправлялись уже в настоящее, а не литературное путешествие по Италии, все больше книг итальянских авторов пополняли русские частные коллекции. В русских журналах XVIII — начала XIX в. публиковались очерки, статьи, сообщения об Италии. Так, в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» в 1798 г. помещались «Письма из Италии» Шарля Дюпати. Впервые отрывок из книги Ш. Дюпати (письмо LVII) был опубликован в 1796 г. в петербургском журнале «Муза»¹. «Письма об Италии» вышли в Париже в 1788 г. и затем неоднократно переиздавались. В конце XVIII — начале XIX вв. они составляли обязательную принадлежность почти каждой частной библиотеки².

В «Санкт-Петербургском журнале», издававшемся в 1798 г. большим поклонником итальянской культуры, просветителем И.П. Пниным, в феврале, марте, апреле, июне, августе и сентябре печатался ряд глав из труда Пьетро Верри «Размышления о политической экономии»³. Опубликованные автором в 1771 г., «Размышления» содержали основания науки политической экономии до выхода в свет произведений Адама Смита. Книга была семь раз переиздана в течение двух лет. Переводчик И.И. Мартынов опубликовал те главы, которые могли интересовать читателей в России: о вывозе хлеба, о внешней торговле, об экономической свободе внутри страны. Полный перевод «Размышлений о политической экономии» Пьетро Верри был осуществлен Александром Ивановичем Померанцевым в 1810 г.⁴

Особое внимание российских читателей привлекали произведения итальянских философов, политиков и юристов. Прежде всего, речь идет о работах Чезаре Беккариа⁵ «О преступлениях и наказаниях» и Гаэтано Филанджери⁶ «Наука законодательства».

Трактат Чезаре Беккария дважды издавался на русском языке. Влияние «Преступления и наказания» Беккарии при составлении «Наказа» Екатериной II изучалось еще исследователями XIX в. А.Ф. Кистяковским, С.Я. Беликовым, Н.Д. Чечулиным, С.И. Зарудным⁷. Так, в «Наказе» рассматривались проблемы, посвященные преступлению, следствию, суду и наказанию и практически не разработанные в праве того времени. В «Наказе» была сформулирована презумпция невиновности, также неизвестная русскому праву⁸.

В библиотеках Санкт-Петербурга хранятся несколько экземпляров книги Беккарии на итальянском языке и французское издание в переводе А. Морелле 1786 г. Так, современный итальянский исследователь, профессор Франко Вентури, приводит письмо графа С.Р. Воронцова от 9 июля 1767 г., из которого следует, что в России имелся и итальянский текст книги: историк Г.Ф. Миллер, приехавший в то время в Петербург из Москвы, рассказывал Воронцову о своих впечатлениях от чтения как итальянского оригинала, так и французского перевода⁹. Возможно, и Екатерина II пользовалась итальянским изданием книги Беккарии. Известно, что на подлинной рукописи «Наказа» есть надпись императрицы о том, что при написании знаменитой главы X она пользовалась переводом, сделанным для нее Г.В. Козицким¹⁰.

В последней четверти XVIII в. существовали и рукописные переводы трактата Ч. Беккарии. В этой связи следует упомянуть неизданный перевод книги, сделанный с французского языка известным историком и публицистом князем М.М. Щербатовым¹¹. Историк по-настоящему интересовался итальянской культурой, особенно ее политической и юридической мыслью. Вопросы юриспруденции занимали приоритетное место в его трудах. В статье «Размышлении о смертной казни» (1788) есть много общего с идеями Беккарии, однако некоторым его возражениям нельзя отказать в логичности.

Известен еще один рукописный перевод, выполненный в начале XIX в. для дипломата и государственного деятеля Александра Романовича Воронцова: «Перевод Сочинений маркиза Беккарии «О преступлениях и наказаниях», творение маркиза Беккарии, перевод с французского»¹². П.Н. Берков отмечает большую выразительность этого перевода по сравнению с другими, может быть, более точными переводами¹³.

В 1803 г. имел успех печатный перевод «Рассуждений о преступлениях и наказаниях» Беккарии, предпринятый Д.И. Языковым¹⁴. В журнале «Северный вестник» за 1804 г. была напечатана рецензия (скорее всего, издателя журнала И.И. Мартынова), в которой высказывалось пожелание, чтобы это произведение «почаще на-

ходило в руках наших законоискусников». Книга быстро разошлась. Вскоре было подготовлено второе ее издание, по каким-то причинам, однако, не осуществленное. В 1806 г. появился второй русский печатный перевод — А. Хрушова¹⁵.

Появление в начале XIX в. двух печатных переводов книги Беккарии не прошло незамеченным для русского прогрессивного общества. Известный русский историк литературы, критик, цензор, академик Петербургской Академии наук А.В. Никитенко вспоминал, что в 1815—1817 гг. не только дворяне, но и мещане, в частности маленького Острогжска, имели в своих личных библиотеках серьезные книги, в том числе и Беккарии, читали их и вели о прочитанном споры¹⁶. Серьезное внимание уделяли трактату Беккарии декабристы. Экземпляры книги Беккарии имелись в библиотеках Н.М. Муравьева, Н.И. Тургенева, Ф.П. Шаховского, Г.С. Батенькова. С этим произведением были знакомы П.И. Пестель, А.В. Поджио, Н.И. Комаров. Член Общества соединенных славян Ю.К. Люблинский прочел его отчасти по-итальянски. Одним из подтверждений интереса декабристов к трактату может служить включение статьи о Беккарии в «Энциклопедический словарь», подготовленный декабристами В.И. Штейнгейлем, В.К. Кюхельбекером и другими деятелями тайных обществ в 1823—1825 гг. и напечатанный в типографии С. Селивановского¹⁷. Трактат «О преступлениях и наказаниях» входил в состав библиотеки графа Ф.П. Толстого¹⁸.

Интерес к трактату «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккарии послужил поводом для перевода на русский язык книги итальянского юриста Джачинто Драгонетти «Трактат о доблестях и наградах», сделанный молодым литератором Ф.Г. Кариным в 1769 г.¹⁹

В состав библиотеки А.Н. Радищева входило много книг политического и философского содержания, в том числе и несколько произведений итальянских мыслителей, о чем мы узнаем из реестра, предоставленного сыном писателя Н.А. Радищевым председателю Комиссии для составления законов П.В. Завадовскому после смерти отца. Среди них: «О доблестях и наградах» Д. Драгонетти на французском языке (Париж, 1768), «Политическая экономия» Пьетро Верри во французском переводе Ш. Миньяра (Ch. Mignard), сделанном с седьмого издания 1773 г. (Париж, 1799)²⁰, «Об управлении Тосканой во времена Леопольда II» Франческо Марии Джанни²¹ на немецком языке в переводе немецкого экономиста Августа Фридриха Вильгельма Кроме 1795—1797 гг.; трактаты о смертной казни итальянских философов Паоло Вергани²² и Камилло Чамарелли²³, переведенные на французский язык адвокатом Кузеном в 1782 и 1789 гг., «Наука законодательства» Гаэтано Филанджери²⁴.

Выход в свет французского перевода нашумевшей книги «Наука законодательства» Гаэтано Филанджери сразу заметили в Санкт-Петербурге. В 90-х годах XVIII в. эта книга становится «настойной» при дворе цесаревича Александра Павловича. Идеи неаполитанского философа были привиты наследнику престола его наставником — швейцарским юристом Фредериком Сезаром де Лагарпом (1754—1838). В личной библиотеке Лагарпа находился экземпляр «Науки законодательства» во французском переводе Ж.А.Г. Галлуа (Париж, 1786—1791)²⁵. Вокруг наследника образовался оппозиционный кружок единомышленников. В ближайшие планы «молодых друзей» входило заниматься подготовкой умов к предстоящим преобразованиям путем распространения полезных знаний. Одной из первых полезных книг («livres utiles») должно было стать именно сочинение Филанджери. Организация работы по подготовке переводов была поручена Александру Федосеевичу Бестужеву²⁶.

Это произошло после того, как в 1797 г. Бестужев преподнес Александру рукопись своего трактата под названием «Опыт воспитания относительно благородного юношества», в котором говорилось о воспитании, как главном средстве изменения существующего положения в России. Имя Филанджери в трактате не упоминалось, но, как впервые установил Ф. Вентури, трактат являлся свободным переложением 4-й книги «Науки законодательства», посвященной вопросам воспитания, в частности, всеобщего публичного образования²⁷.

Когда в 1803 г. в Петербурге книга А.Ф. Бестужева «Опыт воспитания относительно благородного юношества»²⁸ увидела свет, он уже не скрывал, что составлял ее «по расположению знаменитого законоискусника Филанджери, писавшего о науке законодательства». К сожалению, полный перевод 7-ми томов сочинения до нас не дошел и напечатан не был.

В 1804 г. Василий Васильевич Попугаев, видный член «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», поднес императору Александру I рукопись своего перевода «Творений» Филанджери, который так и не увидел свет. Известно, что в 1809 г. закончил работу над переводом книги Филанджери петербургский сановник, сенатор, близкий кругу М.М. Сперанского, — Матвей Петрович Штер (1776/1777—1847). Это был выборочный перевод с французского издания тех глав книги Филанджери, которые были созвучны взглядам М.П. Штера. Переводчик озаглавил свой труд «Книга Законов» с пояснением в скобках: «взята почти вся из сочинения Филанджери». Однако в свет перевод М.П. Штера не вышел. Таким образом, ни один русский перевод Филанджери не был опубликован ни в павловское, ни в александровское царствование, нет его и по сей день²⁹.

Обращение к идейному наследию Ч. Беккария, Г. Филанджери, П. Верри становилось традицией, которая сохранялась в России и в последующие годы, содействуя формированию поколения декабристов. Как показали материалы следствия по делу декабристов, труды итальянских юристов, и, в первую очередь, Филанджери, имели фундаментальное значение для формирования идейных позиций радикальной русской молодежи³⁰.

Так, П.И. Пестель советовал вступающим в тайное общество читать произведения итальянских мыслителей наряду с трудами Гельвеция и Адама Смита³¹. В показаниях Следственной комиссии декабрист Н.П. Репин³² указывал на Филанджери, как на одного из авторов, повлиявших на становление его мировоззрения: «Авторы, в коих почерпнул первыя Политическия идеи, хотя еще и весьма не совершенныя, суть: Монтескю; Филанжиери, Дестю де-Трасси, Адам-Смит и Сей»³³.

«Наука законодательства» Филанджери во французском переводе входила в состав библиотек Н.М. Муравьева, П.И. Пестеля, Ф.П. Шаховского, А.П. Ермолова, П.Я. Чаадаева. В библиотеке Московского университета сохранился экземпляр 7-томного парижского издания «Науки законодательства», который с карандашом в руках читал Н.М. Муравьев³⁴. Пристальное внимание Н.М. Муравьев уделяет демографическому вопросу, праву, собственности, искусству и ремеслу в составе экономики, налогообложению.

Еще одна личность, чьи произведения входят в состав частных библиотек исследуемого периода, — Никколо Макиавелли. Труды Никколо Макиавелли присутствовали еще в библиотеке князя Дмитрия Михайловича Голицына, члена Верховного Тайного Совета. Многотомные сочинения Макиавелли (парижские издания 1823—1824 гг.) входили в состав библиотек декабристов Н.М. Муравьева и А.З. Муравьева.

В библиотеке братьев Тургеневых, хранящейся в Отделе редких книг Научной библиотеки МГУ, имеются два тома «Философской и политической истории мореплавания, торговли и колоний древних на Черном море» В.А. Формалеони (на итальянском языке)³⁵. В библиотеке П.Я. Чаадаева находился трактат Пеллегрини Росси «Об уголовном праве» на французском языке³⁶.

Эпоха Просвещения принесла из Италии не только юридические и философские идеи, но и сатирические комедии Карло Гольдони (1707—1793), которые также появились в библиотеках русского дворянства. В России его пьесы переводились наряду с пьесами Мольера. Так, в одном из конволютов рукописной библиотеки Воронцовых находится перевод «Слуги двух господ» Гольдони³⁷. В самом конце XVIII в. в Россию пришел Данте Алигьери.

В 1798 г., в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» был помещен отрывок «Мир осуждения» — прозаический перевод 28-й песни «Чистилища». Неизвестный переводчик сообщал, что переводимый им на русский язык отрывок принадлежит Данте, которого он называл «одним из первых и славнейших стихотворцев 13 века»³⁸. Экземпляр флорентийского издания «Божественной комедии» Данте 1481 г. с гравюрами Баччо Бальдини по рисункам Сандро Боттичелли принадлежал ранее А.С. Норову и ныне находится в Музее книги Российской государственной библиотеки³⁹.

Широко был представлен раздел итальянских книг в библиотеке князя Н.Б. Юсупова в усадьбе «Архангельское» — 701 том. Просвещенному вельможе была близка по духу итальянская культура и литература. Углублению интереса Н.Б. Юсупова к древнеримской и итальянской культуре во многом способствовала его дипломатическая служба. В 1783—1788 гг. он занимал должность российского посланника в Турине при короле Викторе Амадее III и выполнял дипломатические поручения Екатерины II при неаполитанском дворе, в Венеции и Ватикане. Вероятно, именно в это время в его библиотеке появляются книги на итальянском языке. Страницы этих книг хранят следы чтения, пометы, некоторые испещрены пометками в тексте. Многие издания итальянских драматургов — прижизненные, такие как сочинения О. Диодати, Ж. Жерардини, А. Руби, а также 28-томное издание Карло Гольдони. Комедии Гольдони представлены также сочинениями в 4-х томах⁴⁰. В Архангельском находится собрание сочинений в 5-ти томах друга Гольдони — итальянского драматурга и актера-любителя, маркиза Франческо Альбергати-Капачелли (1728—1804)⁴¹.

В книжном собрании Н.Б. Юсупова присутствуют почти все итальянские писатели позднего Возрождения. Самым ранним в коллекции является издание «Итальянский театр», вышедшее в 1723 г.⁴² Среди антологий — два экземпляра издания в 8-ми томах «Итальянский античный театр», напечатанных в Лондоне в 1786—1788 гг.⁴³ В это издание входят избранные пьесы авторов эпохи Возрождения: Джованни Триссино, Джованни Ручеллаи, Бернардо Биббиены, Лодовико Ариосто, Луиджи Аламанти, Лодовико Мартелли, Никколо Макиавелли, Лодовико Дольче и других.

Среди уникальных изданий — два тома поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», напечатанных в Парме в 1794 г.⁴⁴ Вообще, судя по старым каталогам, в книжном собрании Н.Б. Юсупова поэма «Освобожденный Иерусалим» была представлена 12 различными изданиями на итальянском языке и в переводах на французский⁴⁵. В настоящее время в Отделе редких книг музея-усадьбы «Архангель-

ское» хранится четыре издания: два на итальянском языке и два на французском⁴⁶. Кроме «Освобожденного Иерусалима» в книжном собрании Юсуповых находятся еще несколько произведений Т. Тассо: пастораль «Аминта», эпическая поэма «Семь дней сотворения мира» и трагедия «Торрис Мондо»⁴⁷. В собрании имелись отдельные отрывки из произведений Джузеппе Сарти и Доменико Чимарозы, Никколо Пиччини и Бальгазаре Галуппи, Луиджи Керубини и Никколо Цингарелли, Джованни Паизиелло и Марко да Гальяно, либретто опер поэта и драматурга Пьетро Метастазео⁴⁸.

В собрании находятся и некоторые издания юсуповского знакомого — крупнейшего автора классицистической трагедии Витторио Алифьери (1749—1803): шеститомник его трагедий⁴⁹.

Судя по сохранившимся записям рукописного каталога 1800 г., в библиотеке Н.Б. Юсупова в Архангельском ранее присутствовали произведения итальянского драматурга Карло Гоцци⁵⁰. До наших дней в составе книжного собрания дошли сочинения других итальянских комедиографов — Джованни Фаджиуоли (1660—1742) и Пьетро Кьяри (1711—1785)⁵¹.

В Отделе редких книг Архангельского находятся также и труды о развитии театра в Италии, напечатанные на итальянском языке во второй половине XVIII в. Это 3-томное издание «Истории музыки», «Революция музыкального театра» в 2-х томах и «Указатель театральных спектаклей за весь год с весны 1794 года до карнавала в 1795 году»⁵².

В рукописном каталоге библиотеки графа Александра Сергеевича Строганова, составленном Карлом Вейером в 1807 г., значатся «Неистовый Роланд» Лодовико Ариосто и «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо с иллюстрациями Кошена и Гравело в разделе «Ouvrages remarquables par les gravures = [Сочинения, замечательные прекрасными гравюрами]»⁵³.

Преобладание в каталоге библиотеки графа С.Р. Воронцова 1809 г. среди 27 изданий XVI в. итальянских, в частности венецианских, изданий было связано с пребыванием Семена Романовича в Венеции в 1783—1784 гг. Его коллекция включала в себя Библию на «тосканском наречии», сборник морского права, труды по медицине (4), трактаты по искусству и музыке (3), исторические сочинения (5), работы по географии и описание путешествий (5), произведения Боккаччо и Аретино⁵⁴.

Произведения итальянских писателей появляются и в библиотеках провинциального дворянства. Примечателен факт, что в библиотеке Федора Никифоровича Грамотина в родовой усадьбе Матвеевское Кинешемского уезда Костромской губернии в 90-е годы XVIII в. находился экземпляр поэмы «Неистовый Роланд»

Л. Ариосто на русском языке (М.: в вольной Типографии М. Пономарева, 1791—1793. Кн. 1—3) и трактат промасонски настроенного итальянского философа Л.А. Караччоли «Глас разума», также переведенный на русский язык (М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786)⁵⁵.

Достаточно полно представлены сочинения писателей и поэтов Италии в книжном собрании Михалковых из села Петровского Ярославской губернии, поступившего в Библиотеку Академии наук. Здесь находятся произведения Боккаччо, Ариосто, Данте. Имеются два издания сочинения итальянского просветителя Альгаротти на итальянском и французском языках⁵⁶.

Произведения Торквато Тассо и Лодовико Ариосто были в библиотеке Р.М. Цебрикова, отца декабриста.

Сочинения итальянских писателей входили в состав богатейшего книжного собрания Хлебниковых — Полторацких из усадьбы Авчурино Калужской губернии и в библиотеку Петра Яковлевича Чаадаева.

В составе книжного собрания А.С. Норова, поступившего в Румянцевский музей в 1863 г., находилась богатейшая коллекция альдин⁵⁷ — нескольких сот томов изданий Альда Мануция. (В настоящее время хранятся в Музее книги Российской государственной библиотеки.)⁵⁸

Журнал «Вестник Европы» в первые десятилетия XIX в. знакомил русского читателя с итальянской литературой времен Возрождения. Так, в августовском номере журнала за 1817 г. дается восторженная характеристика великих поэтов, живописцев, скульпторов и ученых Италии: «...Петрарка был также певцом вольности, независимости Италиянской. <...> Отечество лучше самой Лауры служило ему вдохновением. <...> Сияющий, разнообразный... Ариост, кажется нам, играет с жизнью: веселость его легкая и кроткая... Микель-Анджело, Рафаэль, Перголез, Галилей... слейте вашу славу со славою поетов! Художники, ученые и философы! вы все подобно поетам, сыны того же солнца, которое... пробуждает воображение, сосредоточивает мысли, вдыхает смелость и терпение...»⁵⁹.

В отделе «изящной словесности» был помещен перевод с итальянского, выполненный, очевидно, К.Н. Батюшковым: «Письмо Бернардо Тасса к Порции о воспитании детей» с указанием на то, что автор письма — отец знаменитого поэта Торквато Тассо. В последующих номерах журнала вниманию читателя были предложены отрывок из второй песни «Освобожденного Иерусалима» — «Олинд и Софрония» в прозаическом переводе, а также фрагмент из XXIII и XXIV песен «Исступленного Орlando» Ариосто⁶⁰. Петрарка, Тассо, Ариосто были любимыми поэтами К.Н. Батюшкова. Батюшков прекрасно знал итальянский язык, который он изучал с 1801 г. и который был для него синонимом поэзии. Поэзия итальянского Воз-

рождения оказала глубокое влияние на представление Батюшкова об искусстве⁶¹. В письме Н.И. Гнедичу от 29 ноября 1811 г. он пишет, что накануне «перевел... листа три из Ариоста», которого «еще никто не переведил стихами». 5 декабря 1811 г. Батюшков в письме к другу продолжает восхищаться знаменитым итальянским поэтом: «я сию минуту читал Ариоста, дышал чистым воздухом Флоренции, наслаждался музыкальными звуками авзонийского языка, и говорил с тенями Данта, Тасса и сладостного Петрарка, из уст котораго: что слово — то блаженство!»⁶². Среди переводов поэта — произведения Боккаччо⁶³. Батюшков очень гордился тем, что сделал историко-литературное открытие, обнаружив в знаменитой поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» выражения и стихи Петрарки⁶⁴.

Переводы были не только переложением стихов итальянских поэтов, нередко в них отражались политические убеждения их авторов. Так, П.А. Катенин⁶⁵, вступивший в 1817 г. в тайную декабристскую организацию «Союз спасения», в том же году перевел один из наиболее драматических эпизодов «Ада» из «Божественной комедии» — рассказ Уголино. Через десять лет, после поражения восстания декабристов, Катенин перевел три первые песни «Ада». Вышли они, как и первый его перевод, только в 1834 г. Переводы Катенина были высоко оценены А.С. Пушкиным⁶⁶. О переводе на русский язык «Божественной комедии» А.С. Пушкин просил также С.П. Шевырева, написавшего диссертацию «Дант и его век: исследование о Божественной комедии», которая печаталась в 1833—1834 гг. в ученых записках Московского университета⁶⁷.

В периодической печати первой четверти XIX в. тема Италии и итальянской литературы по-прежнему заполняла страницы некоторых журналов, серьезное понимание монографической и периодической литературы, выходившей в то время в Италии, было характерно для «Отечественных записок». Библиотеки продолжали пополняться сочинениями итальянских поэтов и писателей. Таким образом, в России интерес к Италии и итальянской культуре носил устойчивый характер.

¹ Шарль Дюпати (Charles Dupaty; наст. имя Шарль Маргерит Жан Батист Мерсье — Charles Marguerite Jean Baptiste Mercier) (1746—1788) — французский юрист и писатель. Первая публикация Ш. Дюпати в России: *Dupaty*. [Отрывок из кн. «Lettres sur l'Italie par Mr. Dupaty» / пер. А.И. Леванды] // Муза. — 1796. — Ч. 3. — С. 199—205. См. также: *Рутенбург, В.И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века) // *Россия и Италия: из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений*. — М.: Наука, 1968. — С. 11, 12; *Ланно-Данилевский, К.Ю.* К исто-

рии русских переводов «Писем об Италии в 1785 г.» Ш.М. Дюпати // XVIII век. — СПб., 2004. — Сб. 23. — С. 255—272.

- ² Избранные письма из «Lettres sur l'Italie par du Paty» были опубликованы в переводе сестер А.Л. и Н.Л. Магницких: Приятное и полезное препровождение времени. — 1798. — Ч. 17. — С. 193—206, 273—288, 305—309, 312—318; Ч. 20. — С. 325—328, 337—347; в переводе княжны Е.В. Шербатовой: Там же. — Ч. 18. — С. 257—262; Ч. 19. — С. 343—347, 353, 354, 359—361; в переводе М.А. Боске: Там же. — Ч. 18. — С. 289—291; Ч. 19. — С. 340—343, 347—351, 355—359, 340—362.

В России полный перевод книги был осуществлен знатоком древних и новых языков И.И. Мартыновым: *Дюпати, Ш.М.* Путешествие г. Дю Пати в Италию в 1785 году / пер. с фр. Ивана [Ивановича] Мартынова. — СПб.: Имп. тип., 1800—1801. — Ч. 1. — [2], 252 с.; Ч. 2. — [2], 280, 8 с. (2-е изд.: М.: В тип. С. Селивановского, 1809. — Ч. 1—2; 3-е изд., испр. и доп.: М.: [В тип. С. Селивановского], 1817. — Ч. 1—2).

См. также: *Космолинская, Г.А.* Русские читатели Гаэтано Филанджери // Век Просвещения. — М., 2006. — Т. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. — С. 295.

- ³ Пьетро Верри (Pietro Verri) (1728—1797) — граф, экономист, один из крупнейших представителей ломбардского Просвещения. См.: *Verri, P.* Meditazioni sulla economia politica. — Geneva: Presso I. Gravier, nella stamperia di A. Seionico, 1771. — 166 p. См. также: *Вентури, Франко.* Итало-русские отношения с 1750 до 1825 г. // Россия и Италия: из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. — М.: Наука, 1968. — С. 38.

- ⁴ *Верри, Пьетро.* Политическая экономия или О государственном хозяйстве. Творение графа де Верри члена Булонскаго ученаго общества. Переведено с Французскаго, а на Французский с Итальянскаго, с седьмаго издания. — СПб.: В Морской Тип., 1810. — [4], 360 с. В конце посвящения: «От Н. Советника Померанцова». См.: *Рутенбург, В.И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века). — С. 39; *Космолинская, Г.А.* Русские читатели Гаэтано Филанджери ...

- ⁵ Чезаре Беккария (Cezare Beccaria) (1738—1794) — итальянский просветитель, юрист, общественный деятель и публицист. Демократические идеи Беккарии о необходимости соразмерности наказания и преступления сыграла важную роль в формировании буржуазного уголовного права. См.: *Beccaria, C.* Dei delitti delle pene. — [Livorno: s.n.], 1764. — 104 p.

- ⁶ Гаэтано Филанджери (Gaetano Filangieri) (1752—1788) — итальянский юрист и философ, сторонник политики просвещенного абсолютизма в Неаполитанском королевстве. См.: *Filangieri, G.* La scienza della legislazione ... — Napoli: nella stamperia Raimondiana (IS), Raimondi, 1780—1787. — Т. 1—7.

- ⁷ *Берков, П.Н.* Книга Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России // Россия и Италия: из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. — М.: Наука, 1968. — С. 61; *Городисский, А. (Кистяковский, А.Ф.).* Влияние Беккарии на русское уголовное право // Журнал министерства юстиции. — 1864. — № 9. — С. 459—470; *Зарудный С.И.* Беккария о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X-ю Наказа Екатерины II и с современными русскими законами: материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства С. Зарудного. — СПб.: [тип. Второго Отд-ния С.Е.И.В. канцелярии], 1879. — [6], II, XXIV, 196 с.; *Беликов, С.Я.* Беккария и значение его в науке уголовного права // Журнал министерства юстиции. — 1863. — № 7. —

- С. 69—108; *Его же*. Значение Беккарии в науке и в истории русского уголовного законодательства // *Беккария, [П.], маркиз*. О преступлениях и наказаниях. — [Харьков], 1889. — С. 157—232; *Екатерина II*. «Наказ» императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. [и с предисл.] Н.Д. Чечулина. [С прил.]. — СПб.: [тип. Акад. наук], 1907. — [II], III, CLIV, 175 с.; *Чечулин, Н.Д.* Предпоследнее слово об источниках «Наказа». — Казань: тип. Харитоновна, [1913]. — 4 с. — Отт. из Сборника статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова, Казань, 1913.
- ⁸ *Каменский, А.Б.* Екатерина II // Романовы. Исторические портреты, 1762—1917. — М., 1997. — С. 62, 63.
- ⁹ *Берков, П.Н.* Книга Цезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России. — С. 64.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. — С. 64, 67.
- ¹² Архив С.-Петерб. ин-та истории. — Ф. 36 (Воронцовых). — Оп. 1. — № 725. — Л. 3. Цит. по: Россия и Италия: из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. — М.: Наука, 1968. — С. 14.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Беккариа, Ч.* Рассуждение о преступлениях и наказаниях / переведено с итальянского на французский Андреем Мореллетом, а с онаго на российский Дмитрием Языковым. С присовокуплением примечаний Дилерота и Переписки сочинителя с Мореллетом. — СПб.: при Губ. правл., 1803. — XLIV, 268 с. — Перед загл.: Бекария.
- ¹⁵ *Беккариа, Ч.* О преступлениях и наказаниях / перевел с франц. Александр Хрущов. — СПб.: тип. И. Глазунова, 1806. — 200 с. См. также: *Берков, П.Н.* Книга Цезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России. — С. 66, 67.
- ¹⁶ Там же. — С. 68.
- ¹⁷ Энциклопедический словарь, [издаваемый С. Селивановским]. — М.: [В тип. С. Селивановского], 1823—1825. — Ч. 2. — С. 38, 39. См. также: *Семевский, В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. — СПб., 1909. — С. 678.
- ¹⁸ Отдел рукописей Государственного Русского музея. — Ф. 4. Ф.П. Толстого. — Д. 32. — Л. 8.
- ¹⁹ *Драгонетти, Джачинто*. Рассуждение о добродетелях и награждениях, служащее последованием рассуждению о преступлениях и наказаниях, переведено с французского языка. — СПб.: при Морском шляхетском кадетском корпусе, 1769. — [8], 94 с. — В конце предисл. переводчик: Федор Карин. См. также: *Демин, А.О., Костин, А.А.* Книги из библиотеки А.Н. Радищева // А.Н. Радишев: русское и европейское Просвещение. — СПб., 2003. — С. 68. Джачинто Драгонетти (Giacinto Dragonetti) (1738—1818) — итальянский юрист. Книга Джачинто Драгонетти «О доблестях и наградах», написанная в продолжение трактата Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях», вышла первым изданием в Неаполе в 1767 г.: *Dragonetti, G.* Trattato delle virtù e de'premj. — Napoli, 1767. В 1768 г. была переведена на французский язык Жаном Клодом Пенжероном (1730—1795): [*Dragonetti, G.*] Traité des Vertus et des Récompenses / pour servir de suite du Traité des Délits et des Peines. Traduit de l'Italien par M. Pingeron. — Paris: Panckoucke, 1768.
- ²⁰ *Verri, P.* Économie politique ...: Traduit de l'Italien sur la septième édition. — Paris: Ches Ducauroy, 1799.
- ²¹ Франческо Мария Джанни (Francesco Maria Gianni; 1728—1801) — итальянский экономист и общественный деятель. Член правительства и

- один из руководителей реформ в Тоскане во времена правления герцога Тосканского Леопольда II (1765—1790). Книга «Об управлении Тосканой во времена Леопольда II», в которой Ф.М. Джанни апологетически выражает свое отношение к реформам, вышла в 1790 г., когда он вынужден был бежать из Тосканы после прихода к власти Фердинанда III (*Gianni, F.M. Governo della Toscana sotto il regno di sua maestà il Re Leopoldo II. — Firenze, 1790*). Перевел на немецкий язык в 1795—1797 гг. известный экономист А.Ф.В. Кроме (1753—1833): *Gianni, F.M. Die Staatsverwaltung von Toskana unter des Regierung seiner Königlichen Majetät Leopold II / Aus dem Italiänischen übersetzt und mit Anmerkungen versehen von dr. August Friedrich Wilhelm Crome. — Leipzig: Voss und Compagnie, 1795—1797. — Bd. 1—3*.
- ²² Паоло Вергани (Paolo Vergani) (ок. 1753 — ок. 1820) — итальянский литератор и философ.
Vergani, Paolo. Della pena di morte. — Milano: Nella Regia Ducal corte, per Giuseppe Richino Malatesta stapatore ... 1777. Фр. пер.: Idem. Traité de la peine de mort, traduit de l'Italien sur la seconde édition qui parüt à Milan en 1780. — Paris; Rouen; Dieppe, 1782. См. также: Демин, А.О., Костин, А.А. Книги из библиотеки А.Н. Радищева. — С. 69.
- ²³ *Ciamarelli, C. Traité philosophique et politique de la peine de mort ...: Pour servir de suite et de supplément au traite des Délits et des peines du marquis de Beccaria. Traduit de l'italien, et dédié aux États Généraux. — Mantoue; [s.n.], 1789. — Par M. Cousen. См. также: Демин, А.О., Костин, А.А. Книги из библиотеки А.Н. Радищева. — С. 69.*
- ²⁴ *Filangieri, G. La science de la législation par M. le chevalier Gaetano Filangieri, ouvrage, traduit de l'Italien par J.-Ant. Gauvain Gallois, d'après l'édition de Naple de 1784. — Paris, 1786—1791. — Т. 1—2. См. также: Демин, А.О., Костин, А.А. Книги из библиотеки А.Н. Радищева. — С. 58.*
- ²⁵ Этот экземпляр был недавно обнаружен в составе Эрмитажного собрания Российской национальной библиотеки (XI.XII/6.244). То же издание имелось в сгоревшей в 1812 г. библиотеке известного библиофила Д.П. Бутурлина. См.: *Космолинская, Г.А. Русские читатели Гаэтано Филанджери ... — С. 303, 304. См. также примеч. 24.*
- ²⁶ Александр Федосеевич (Феодосьевич) Бестужев (1761—1810) — русский просветитель и общественный деятель, отец писателя-декабриста Александра Александровича Бестужева-Марлинского (1797—1837).
- ²⁷ См.: *Космолинская, Г.А. Русские читатели Гаэтано Филанджери... — С. 304—306.*
- ²⁸ *Бестужев, А.Ф. Опыт воспитания относительно благородного юношества, начертанный по расположению знаменитого италианского законоискусника Филанджери, писавшего о науке законодательства, дополненный краткими разсуждениями и нужными примечаниями к предмету воспитания касающимися. — СПб.: тип. Шнора, 1803. — 160, [1] с.*
- ²⁹ *Космолинская, Г.А. Русские читатели Гаэтано Филанджери ... — С. 308—314.*
- ³⁰ *Семевский, В.И. Политические и общественные идеи декабристов. — СПб., 1909.*
- ³¹ *Нечкина, М.В. Движение декабристов. — М., 1955. — Т. 1. — С. 115.*
- ³² Николай Петрович Репин (1796—1831) — штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка, член Северного общества.
- ³³ Восстание декабристов. — М., 1926. — Т. 2. — С. 36.
- ³⁴ *Filangieri, G. La science de la législation. — 2 ed. rev. et corr. — Paris: Du fart, [1798—1799]. — Vol. 1—7. Рукописный каталог библиотеки Научной биб-*

- лиотеки МГУ. Мур. 10 ЕО 21; инв. 2937—2943; *Космолинская, Г.А.* Русские читатели Гаэтано Филанджери ... — С. 314—323.
- ³⁵ *Formaleoni, V.A.* Storia filosofica e politica della navigazione, del commercio e delle colonie degli antichi nel Mar Nero. — Venezia: Nella tipografia dell'autore, 1788—1789. — Vol. 1—2.
Викентий Формалеони (Vencenzio Antonio Formaleoni) (1752—1797) — итальянский путешественник.
- ³⁶ *Rossi, Pellegrino.* Traité de droit pénal, par m. P. Possi. — Paris: A. Sautelet et cie, 1829. — Vol. 1—3.
Пелегрино Луиджи Одоардо Росси (Pellegrino Luigi Edoardo Rossi) (1787—1848) — итальянский государственный деятель, дипломат, экономист, публицист, криминалист.
- ³⁷ *Рутенбург, В.И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века). — С. 16.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Великанова, Е.[М.].* «Флоренция, ты ирис нежный...» // Книжные сокровища мира: из фондов Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. — М., 1989. — [Вып.] 1. — С. 47.
- ⁴⁰ *Goldoni, C.* Delle commedie. — Torino, 1772—1777. — Т. 1—28; *Idem.* Scelta della Commedie di C. Goldoni. — Lipsia, 1781. — Т. 1—4. См.: *Дозорова, Н.И.* Итальянская драматургия в Отделе редких книг музея-усадьбы «Архангельское» // Красногорье: историко-краеведческий альманах. — М., 2007. — № 11. — С. 31, 34.
- ⁴¹ *Capacelli, Fr.Al., marchese.* Il nuovo teatro comico del Marchese Fr.Al. Capacelli. — Venezia, 1774. — Т. 1—4. См.: *Дозорова, Н.И.* Итальянская драматургия ... — С. 31, 34.
- ⁴² Teatro Italiano u sia Scelta di tragedie Per uso della scena. — Verona, 1723. См.: *Дозорова, Н.И.* Итальянская драматургия ... — С. 29, 34.
- ⁴³ Teatro Italiano antico. — Londra, 1786—1789. — Т. 1—8. См.: *Дозорова, Н.И.* Итальянская драматургия ... — С. 29, 34.
- ⁴⁴ *Tasso, T.* La Gerusalemme Liberata. — Parma: Tipi Bodoniani, 1794. — Т. 1—2. См.: *Дозорова, Н.И.* Произведения Торквато Тассо в Отделе редких книг музея-усадьбы «Архангельское» // Красногорье: историко-краеведческий альманах. — М., 2004. — № 8. — С. 50.
- ⁴⁵ *Ее же.* Итальянская драматургия ... — С. 31.
- ⁴⁶ *Ее же.* Произведения Торквато Тассо ... — С. 49.
- ⁴⁷ Там же. — С. 56.
- ⁴⁸ *Боленко, К.Г., Кручинина, Л.В.* Книжное собрание усадьбы Архангельское // Личный архив К.Г. Боленко. — Рукопись. — С. 8, 9, 13; *Дружинина, Е.В.* Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском: (из истории редких книг, посвященных театру) // Там же. — Рукопись. — С. 4. Рукописи представлены К.Г. Боленко.
- ⁴⁹ *Vittorio, Alf.* Tragedie. — Parigi, 1806. — Т. 1—6. См.: *Дозорова, Н.И.* Итальянская драма драматургия ... — С. 32, 34.
- ⁵⁰ Карло Гоцци (1720—1806) — итальянский драматург. Сказки (фьябы) для театра с мотивами фольклора и использованием некоторых черт комедии дель арте: «Любовь к трем апельсинам» (1761), «Король-олень» (1762), «Турандот» (1762) и др.; трагикомедии в манере испанской комедии «плаща и шпаги»; «Бесполезные мемуары» (1797) о театральной жизни Венеции.
- ⁵¹ *Fagioli, G.* Commedie di Gio Batisto Fagioli ... — Venezia, 1753. — Т. 1—7; *Chiari, P.* Commedie in versi dell'Abate Pietro Chiari Bresciano poeta di S.A. Seren-

- sima il Sig. Duca di Modena ... — Venezia, 1756—1762. — Т. 1—6, 9, 10; *Idem*. Nuova Raccolta Lsc di commedie in versi dell'abate Pietro Chiari ... — Venezia: Pasinelli, 1763—1764. — Т. 1—2. См.: *Дозорова, Н.И.* Итальянская драматургия ... — № 11. — С. 32.
- ⁵² *Martini, G. de'* *Minori* Conventuali F. Giamb. Mart. Storia della Musica. — Bologna, 1757—1781. — Т. 1—3; *Arteaga, Stefano*. Le Revoluzioni del Teatro musicale italiano... opera. — Venezia, 1785. — Т. 1—2; Indice de'teatrali spettacoli di tutto l'anno dolla primavera 1794 a tutto il carnevale 1795. — Milano, s.a. См.: *Дозорова, Н.И.* Итальянская драматургия ... — № 11. — С. 33, 34.
- ⁵³ «[136] Orlando furioso, fig. de Moreau. Voyez Poètes»; «[143] Jerusalem de'livrée, fig. de Cochin et Gravelot. v. Poetes». См.: *Сомов, В.А.* «Кабинет для чтения графа Строганова» (иностранный фонд) // Век Просвещения. — М., 2006. — Т. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. — С. 245, 258, 259.
- ⁵⁴ *Полевицкова, Е.В.* Библиофильство в семье Воронцовых: Роман Илларионович Воронцов и его сыновья // Там же. — С. 365.
- ⁵⁵ *Мартынов, И.Ф.* Книжные собрания в русской провинции конца XVIII — начала XIX вв.: (по материалам книговедческого обследования библиотек, музеев и архивов Костромы в 1980 г.) // Книготорговое и библиотечное дело в России XVIII — первой половине XIX века. — Л., 1981. — С. 131, 133.
- ⁵⁶ *Беляева, И.М.* Библиотека Михалковых как частная коллекция в фонде иностранных изданий Библиотеки Академии наук СССР // Книга в России XVIII — середины XIX века: из истории Библиотеки Академии наук. — Л., 1989. — С. 115.
- ⁵⁷ *Альдины* — название книг (ок. 1100), изданных в 1495—1597 гг. в Венеции итальянским издателем и типографом, ученым-гуманистом (ок. 1450—1515) Мануцием Альдом Старшим, его сыном Паоло и внуком Альдом Младшим. Издательская марка — дельфин, обвивающий якорь.
- ⁵⁸ *Великанова, Е.[М.]*. «Флоренция, ты ирис нежный...». — С. 44.
- ⁵⁹ *Сталь, Л.Ж.* Слава и блаженство Италии из г-жи Сталь // Вестник Европы. — 1817. — Ч. XCIV, август, № 15—16. — С. 201, 202 (Отд. 1).
- ⁶⁰ *Рутенбург, В.И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века). — С. 17, 18.
- ⁶¹ *Семенко, И.М.* Батюшков и его «Опыты» // *Батюшков, К.Н.* Опыты в стихах и прозе. — М.: Наука, 1977. — С. 471.
- ⁶² Константин Николаевич Батюшков в письмах к Ник.Ив. Гнедичу, [1811—1812 гг.] / сообщил П.А. Ефремов // Русская старина. — 1883. — Т. XXXVIII, май. — С. 337, 339, 343, 346.
- ⁶³ Джованни Боккаччо (1313—1375) — итальянский писатель, представитель Раннего Возрождения. В 1816—1817 гг. К.Н. Батюшков перевел повесть «Гризельда» из «Декамерона» Джованни Боккаччо (последняя новелла десятого дня), впервые опубликованную в «Опытах стихах и прозе» (1817).
- ⁶⁴ *Семенко, И.М.* Батюшков и его «Опыты» — С. 439.
- ⁶⁵ Павел Александрович Катенин (1792—1853) — русский поэт, переводчик, критик, театральный деятель, почетный член Петербургской Академии наук.
- ⁶⁶ *Рутенбург, В.И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века). — С. 18.
- ⁶⁷ Там же. — С. 18. Степан Петрович Шевырев (1806—1864) — русский критик, историк литературы, поэт, академик Петербургской Академии наук (1847).

Л.А. Маркина

Сюжеты из русской истории в творчестве «российского итальянца» М.И. Скотти

Уроки истории хотим мы слышать,
голос народов и владык должен греметь
из глубины минувшего.

Н.А. Полевой

16 октября 2004 г. московское антикварное объединение Магnum Арс проводило аукционную распродажу «Русской и западноевропейской живописи прошлых веков». Среди 160 лотов самую высокую предварительную оценку (65—70 тысяч долларов) на этих торгах получило полотно «с редким сюжетом» — «Подвиг Ивана Сусанина» (1851) кисти Михаила Скотти¹. На картине изображен народный герой, молитвенно сложивший троеперстие. Польский лях заносит над ним кинжал. Трагический динамизм сцены, выразительные образы и мастерство исполнения справедливо привлекли внимание коллекционеров и дилеров антиквариата. Имя же живописца и его творчество известно лишь узкому кругу искусствоведов. В дореволюционной литературе существует единственный биографический очерк о М. Скотти, написанный его другом скульптором Н.А. Рамазановым². Однако до сих пор художник так и не удостоился специального исследования. В настоящее время автор статьи готовит издание первой монографии о творчестве М. Скотти³. Эта публикация впервые вводит в научный оборот сюжеты из русской истории, созданные живописцем в середине XIX в.

Итальянец по национальности Михаил Скотти (1814—1861) по праву принадлежит российской художественной культуре. Он родился в Петербурге, окончил Императорскую Академию художеств (ИАХ), преподавал в Московском училище живописи и ваяния (МУЖВ). Среди его известных учеников были московские живописцы В.В. Пукирев, автор картины «Неравный брак» (1862), и Н.В. Неврев, работа которого «Торг. Сцена из крепостного быта. Из недавнего прошлого» (обе — в Государственной Третьяковской галерее (ГТГ)) помещалась на страницах советского учебника истории.

Предки живописцев Скотти (Scotti), связанных с Россией, происходили из Северной Италии. В местечке Лайно, близ озера Комо, родился дедушка Михаила Карло Скотти (1747—1823), в 1780-е годы приглашенный в Петербург архитектором Джакомо Кваренги. В России вместе с ним два его сына Доменико и Иоанн дружно трудились над украшением интерьеров во дворцах Петербурга, а также в Странноприимном доме графа Шереметева*, Голицынской больнице, Путевом дворце великой княгини Екатерины Павловны в Твери. Сохранились и станковые работы кисти Доменико Скотти⁴.

Отец М. Скотти в марте 1823 г. он был принят на придворную службу с выплатой жалованья (три тысячи в год) из Кабинета Его императорского Величества. Однако после смерти И. Скотти на запрос С.-Петербургского Губернского правления, «в чьем ведомстве находился бывший итальянский подданный», последовал ответ, что «кабинету сие неизвестно»⁵. По-видимому, Иоанн Скотти приехал в Россию с молодой женой, так как трое его детей (старшая дочь и двое сыновей) родились в Петербурге. Все они были крещены в церкви «Святой Екатерины великомученицы и девы». Сохранилась выписка из «Книги о крещении» этой католической церкви: «Тысяча восемьсот четырнадцатого года октября двадцатого дня я, иезуитского ордена священник Игнатий Петробони, окрестил младенца именем Михайла Ангела Петра Карла, родившегося в семнадцатый день сего же месяца, сына г-на Иоанна Крестителя Скотти и г-жи Алоизии Тарди, законных супругов»⁶.

Детство «ангела Мишеньки» (так любовно называли его родные и друзья), прошло в счастливой, полной достатка и радости обстановке. И. Скотти успешно сотрудничал с лучшими архитекторами эпохи: К.И. Росси, Ж. Тома де Томоном, А.Н. Ворониным. Благодаря протекции друзей-итальянцев, он постоянно получал выгодные заказы по оформлению интерьеров императорских дворцов. Дом декоратора был гостеприимным и хлебосольным, что называется, «полная чаша». Веселый и легкий по характеру, Скотти-старший не был склонен к накопительству. Свободная творческая обстановка, царившая в семействе, повлияла на формирование характера маленького Микель Анжело. Даже строгое воспитание, полученное позднее в школе Доминиканцев (при католической церкви на Невском проспекте), не могло серьезно изменить его жизнерадостный нрав.

* Ныне Московский городской научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского.

Однако счастливая пора детства и отрочества быстро миновала. В 1830 г. скончался отец художника. На семейном совете было решено не возвращаться в Италию, а оставаться в России. Сохранилось прошение вдовы живописца, в котором Алоизия Тарди разъясняла, что «муж ея принимал на подданство России присягу один, а она с детьми таковой присяги еще не принимала, но ныне имеет желание принять таковую присягу»⁷. Разрешение было получено 22 декабря 1831 г.⁸ Таким образом, Михаил Скотти осознанно принял российское подданство. Вся последующая жизнь и творчество мастера свидетельствуют, что он оставался верным гражданином и подлинным патриотом России.

После внезапной кончины матери для будущего живописца наступили тяжелые времена. Много лет спустя он вспоминал: «Лишившись родителей на 14-м году от роду, я жил, да еще воспитывал себя с братом. Можете вообразить, как мне было трудно (оставшись совершенно ни в чем) жить и обучаться своему искусству. И сколько я трудился и перенес...»⁹.

В начале 1830-х годов М. Скотти был определен в класс исторического живописца профессора ИАХ А. Егорова. «Я хорошо помню молодого Мишеньку, — писал К. Ухтомский Н. Рамазанову, — с которым жил¹⁰ стена о стену; помню рассказы его о впечатлениях, выносимых из театра, о Жорже де Жермини, об игре Каратыгина и Брянского; он особенно увлекательно передавал сцены из Жизни игрока¹¹, которые бойкой кистью рисовал акварелью»¹². Любопытный юноша перечитал всю обширную домашнюю библиотеку Ухтомских. Как вспоминал Константин, он особенно восхищался такими историческими произведениями, как «Стрельцы»¹³ и «Юрий Милославский»¹⁴.

Роман М.Н. Загоскина обозначил новое направление в отечественной исторической беллетристике. Писатель напоминал, что на Руси издавна были в чести благородство и достоинство, доброе имя и фамильная гордость, верное слово и самоотверженность. Особенно если речь заходила о свободе и независимости родины. Читатели, в том числе и молодой художник М. Скотти, получали высокий нравственный урок. После казни декабристов, в условиях ужесточения политического режима и в атмосфере всеобщей подозрительности и страха, в российском обществе получила широкое распространение историческая проза «нравственного» направления. Правление императора Николая I, «развратившего людей» (Л.Н. Толстой), когда процветала всеобщая слезка, расширилась агентурная сеть III Отделения, когда сам А. Пушкин был под тайным надзором, — все это заставляло мыслящих современ-

ников находить поучительные примеры в событиях русской истории. «Люди искали уроков для настоящего в прошедшем, — писал Н.А. Полевой, — горевали о былом и хотели воспоминаниями о неизбежной мести пороку, награде добродетели, рассказами о доброте и величии предков учить современное поколение, казавшееся им ничтожным против того идеала, который находили они в прошедшем»¹⁵. Исторические романы и повести, отличавшиеся достоверностью, увлекательным сюжетом, живостью изложения, а также высокими нравственными идеалами, во многом способствовали формированию внутреннего мира и художественного познания М. Скотти. Его жадная тяга к знаниям, чтение ночами напролет, увлечение театром выгодно отличали темпераментного юношу от сверстников.

В годы учебы М. Скотти прекрасно усвоил уроки А. Егорова и добился значительных успехов, прежде всего в рисовании. 2 сентября 1831 г. «посторонний ученик Скотти, академик 1 степени за рисунок с натуры награжден серебряной медалью 2 достоинства»¹⁶. В 1832 г. Скотти получил серебряную медаль 1 степени за натуральный рисунок, в 1835 г. за портрет скульптора Н.С. Пименова (ГТГ) — малую серебряную медаль. Увлечение русской историей XVII в. повлияло на выбор сюжета для академической программы. Эскиз картины «Гермоген¹⁷ в плену у поляков» (настоящее местонахождение неизвестно) обещал многое, но само полотно получилось, по воспоминаниям современников, слишком «черным». Однако эскиз следующей работы был замечен строгими профессорами, а также и товарищами по учебе. Так, Аполлон Мокрицкий записал в дневнике от 24 декабря 1835 г. свои впечатления о «третьем» академическом экзамене: «Много было хороших вещей; эскиз Скотти, изображающий Минина и граждан московских, приносящих свои имущества на жертву Отечеству»¹⁸. Историческое полотно «Патриотизм нижегородских граждан в 1612 году», демонстрировавшееся на академической выставке 1836 г., удостоилось малой золотой медали. Однако дальнейшая судьба произведения нам неизвестна. Важно подчеркнуть, что уже в стенах академии М. Скотти обратился к теме из российской истории, которая станет в дальнейшем одной из главных в его творчестве.

В 1835 г. М. Скотти был удостоен звания «свободного (неклассного) художника»¹⁹. В 1838 г. художник на средства богача И.Д. Шепелева вместе с семейством его родственника И.П. Кутайсова отправился в Италию. Оказавшись на исторической родине, художник был захвачен жизнью простых людей. В этот период творчества он целиком отдавался работе над так называемым

«итальянским жанром». В качестве примера, можно назвать ряд произведений: «Три неаполитанца» (ок. 1839, ГРМ), «Гадание» (1841, частное собрание), «Итальянская сцена (Букет для мадонны)» (1841, частное собрание).

Пройдя стажировку в Италии (1838—1843), М. Скотти обрел профессиональный опыт. В ноябре 1845 г. Советом ИАХ было определено «возвести М. Скотти в звание академика по известным Совету трудам его по исторической и акварельной живописи»²⁰. Удостоившись заслуженного признания в академической среде, он начал поиски новых тем и сюжетов, достойных зрелого мастера. Вскоре художнику поступило предложение, расширявшее сферу его деятельности. В 1848 г. М. Скотти сблизился с И.Г. Сеньявиным²¹, одним из видных организаторов МУЖВ, который предложил художнику заняться преподаванием. В штате училища как раз образовалась вакансия, так как в отставку подал исторический живописец Ф.С. Завьялов²², не «прижившийся» в училище. М.И. Скотти принял решение перебраться в Москву. С этих пор с древней столицей будет связан достаточно длительный период его творчества.

10 февраля 1849 г. приказом по гражданскому ведомству М.И. Скотти был назначен главным преподавателем МУЖВ, однако он приступил к своим обязанностям только осенью²³. 16 сентября он начал преподавать, при этом художнику было вменено в обязанность совмещать должность преподавателя и инспектора. По рекомендации М. Скотти, в подготовительный класс МУЖВ был принят его добрый знакомый, хороший педагог и чрезвычайно порядочный человек Е.Я. Васильев²⁴. Оба мастера попали совершенно в другую художественную обстановку, отличавшуюся от обстановки, царившей в Петербургской академии художеств. В московском училище меньше внимания уделялось обнаженной натуре и работе над эскизами, чем в академии. Считалось, что желающие получить полное художественное образование должны поступать в ИАХ. В начале 1840-х годов наибольшее влияние в Совете МУЖВ приобрели славянофилы А.С. Хомяков и С.П. Шевырев. Их взгляды во многом влияли на эстетику современного художественного процесса в училище. Здесь были забыты академические заветы классицизма, когда природные недостатки натурщиков необходимо было исправлять в рисунке и облагораживать. Напротив, в МУЖВ приветствовалась особая тщательность изображения природы. В ней самой, даже подчас несовершенной, виделись поиски прекрасного. М.И. Скотти были близки эти идеи. Так, он советовал своим воспитанникам «в летнее время писать с

натуры воздух, деревья, строения, виды и пр. для познания окочличностей»²⁵. М.И. Скотти был одним из тех, кто поддержал идею организации в стенах МУЖВ выставки и лотереи работ молодых художников. По отзывам современников, Скотти-педагог обладал «даром передавать свои познания, за свой легкий и добрый нрав был любим всеми учениками»²⁶.

Оказавшись в стенах училища, М. Скотти вновь обратился к сюжетам из российской истории Смутного времени. В 1850 г. он закончил большое полотно «Князь Пожарский и Минин» (Нижегородский художественный музей). Главными персонажами произведения являются нижегородский посадский человек Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский, которые возглавили борьбу с интервентами, захватившими русские земли. Впервые в отечественной истории князь, потомок Рюрика, и купец, земской староста, отбросив сословные предрассудки, стали рука об руку готовить ополчение к битве с врагом. Москвичи под командованием князя Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина подняли восстание, в ответ на которое поляки подожгли город, а сами укрылись в Кремле. Композиция картины разделена стягом знамени по диагонали. Справа на фоне башен Нижегородского Кремля представлен Д. Пожарский, в кольчуге, шлеме, с мечом в руке. Его образ соответствует описанию современника: «честный муж, кому за обычно ратное дело... и который во измене не явился». Слева — К. Минин, с надеждой смотрящий на князя и указующий на колокольню и соборы Московского Кремля. Тем самым, он призывает полководца начать штурм.

В следующем 1851 г. М. Скотти продолжил работу над этой тематикой и написал еще три произведения одного размера (67 × 67) и одного формата (тондо). Возможно, они исполнялись по заказу и составили своеобразный триптих. В отделе графики ГТГ в альбоме художника мы обнаружили подготовительные рисунки, на которых имеется надпись: «Въ домъ бывшем Лобкова на Покровке в Москвь»²⁷. Все они посвящены героическим личностям русского освободительного движения: Ивану Сусанину, Дионисию Радонежскому и Авраамию Палицыну.

Самым известным из этих персонажей был и остается Иван Сусанин. Как повествует предание, в марте 1613 г. один из польско-литовских отрядов, изгнанных из Москвы, прорвался в Костромской уезд и искал проводника, чтобы попасть в село Домнино — вотчину Романовых. Там находились избранный на престол (21 февраля) царь Михаил Федорович и его мать, инокиня Марфа. Интервенты ворвались в избу вотчинного старосты села Деревень-

ки Ивана Сусанина. Однако он намеренно завел вражеский отряд в непроходимые места, за что и был убит. Погиб и весь польский отряд. Михаил Федорович, предупрежденный зятем Сусанина Богданом Сабининым, укрылся в Костроме в Ипатьевском монастыре. Позднее, в подписанной царем обельной грамоте говорилось, что Богдан Сабинин «за службу и за кровь и за терпение тестя его Ивана Сусанина» получает в вечное пользование землю²⁸.

Из-за недостатка документальных сведений историки и литераторы, включавшие в свои сочинения сказания о подвиге Сусанина, расходились в изображении подробностей²⁹. Не вдаваясь в полемику «сусанинского вопроса»³⁰, попробуем определить, как трактовался этот образ в период начала 1850-х годов и какими источниками мог пользоваться М. Скотти. Вряд ли художник непосредственно обращался к юридическим документам — грамоте XVII в. или Указу императрицы Екатерины II от 1767 г., подтвердившем права и привилегии потомков костромского крестьянина. В них подвиг Ивана Сусанина был частью истории возведения Романовых на престол, а сам герой утверждал идею народной любви и преданности царствующему дому.

Более доступным для М. Скотти мог быть справочно-исторический материал³¹. Наиболее же вероятным, на наш взгляд, было обращение живописца к литературе (поэзия и драматургия) и опере. Это — «народная опера с хорами» «Иван Сусанин» Катерино Кавоса по либретто А.А. Шаховского (1815), возобновленная в 1851 г., одноименная дума К.Ф. Рылеева (1822), опера М.И. Глинки «Жизнь за царя», премьера которой состоялась в 1836 г. на сцене Петербургского Большого театра. В 1841 г. была создана драма Н.А. Полевого «Костромские леса». Поистине Иван Сусанин стал «любимым предметом для деятелей искусства всех жанров» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 32. С. 120). Здесь важно подчеркнуть не только патриотическую составляющую этих произведений, но и сочувственное изображение простого человека, оказавшегося на пересечении жизненно важных для судеб России исторических событий.

Формальным поводом к обращению М. Скотти к этому сюжету могло быть открытие в 1851 г. в Костроме памятника Михаилу Романову и Сусанину. Монумент был сооружен по проекту В.И. Демут-Малиновского³². Высеченный на цоколе текст гласил: «Ивану Сусанину, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившему, благодарное потомство». На высоком пьедестале застыл юный царь, увенчанный шапкой Мономаха, а внизу — фигура молящегося Сусанина; рядом было помещено несколько слов о нем и воспроизведен текст обельной грамоты 1619 г.

На рисунках из альбома М.И. Скотти, посвященных Ивану Сусанину, четко прослеживается изменение замысла художника. От первого эскиза, где Сусанин представлен в окружении нескольких человек, к более лаконичной двухфигурной композиции. М. Скотти пишет два контрастных образа — праведный старец с православным крестом на груди и польский лях-убийца. В одном из первых вариантов Иван Сусанин — жертва. Подняты вверх глаза, сцеплены руки. В окончательном произведении, он, умирая, непреклонен, исполнен внутренней борьбы и преодоления понятного человеческого страха. Очевидно, что эта работа имеет литературно-драматическую подоснову. Поэтической иллюстрацией к ней могут служить строки из думы К.Ф. Рыльева:

«Злодей! — закричали враги, закипев, —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

Продолжением темы нравственной проповеди в русской истории служит обращение живописца к другим героическим личностям Смутного времени. Игумен Троицкого монастыря Дионисий Радонежский (ок. 1570 — 1633) прославился как пламенный агитатор и организатор движения народного сопротивления. Он сочинял «грамоты поучительные», которые «писцы борзые и добродушные» переписывали, а затем «во все города их посылал». Около 16 месяцев (1608—1610) две с половиной тысячи защитников Троицкого монастыря сопротивлялись двадцатитысячному войску Лжедмитрия II и польского воеводы Яна Сапеги. К концу осады, по свидетельствам летописи, оставалось только двести человек, способных носить оружие, но монастырь выстоял. При освобождении Москвы 27 ноября 1612 г. Дионисию выпала честь совершить молебен на Лобном месте перед вступившим в столицу русским войском. На картине кисти М. Скотти мы видим игумена Дионисия за столом в окружении бумаг. С большим почтением послушник принимает из рук владыки одну из грамот. При сравнении первоначального рисунка (ГТГ) и законченного полотна (Сергиево-Посадский музей-заповедник) можно отметить, как меняется жест Дионисия. Из благославляющего он превращается в назидательный. А послушник, получив в руки топорик, тем самым становится ратником.

Наряду с Дионисием Радонежским большую роль в подготовке борьбы с захватчиками играл келарь (помощник игумена) Троицкого монастыря, известный писатель своего времени Авраамий Палицын (? — ум. 1626). Он ездил к князю Пожарскому и убеждал его двинуться на освобождение Москвы. Казна и продовольственные запасы Троицкого монастыря были полностью предоставлены на нужды народного ополчения. Именно отсюда, от монастырских стен, уходили ополченцы на Москву, каждый получая благословение игумена. Авраамию Палицыну было доверено торжественно провозгласить народу на Красной площади об избрании нового царя — Михаила Романова. Император Александр I в Манифесте, объявлявшем начало Отечественной войны 1812 г., назвал имя келаря Авраамия Палицына в одном ряду с Мининым и Пожарским как пример самоотверженного служения Родине. К сожалению, сохранился только подготовительный рисунок к произведению. Было ли полотно закончено и каким оно стало в окончательном варианте, до сих пор пока остается неизвестным. На рисунке художник изобразил Авраамия в келье, также за письменным столом, в молитвенном благоговении обращенного к Всевышнему. За спиной Авраамия — едва намечена фигура ратника с письмами в руках.

Подводя итог анализу произведений на сюжеты из русской истории кисти М. Скотти, следует отметить, что он тяготел не столько к исторической точности происшедшего события, сколько к его образному решению. Работы М. Скотти не иллюстрации учебника истории, это — литературно-театральное воплощение происходивших событий. Мастер выбирает небольшого размера холсты, сосредоточивает свое внимание на лицах персонажей. Применяет своеобразный, говоря языком кино, «крупный план». У Скотти чувствуется голос солиста, а не хор, который будет звучать позднее в работах художников-передвижников. В творчестве М. Скотти сказались его любовь и увлечение театром, а также непосредственное влияние брата-актера. В расстановке фигур на полотнах «прочитываются» сценические мизансцены, в трактовке типажей — разработанные амплуа образов (герой, мудрец, праведник). В лицах мы обнаруживаем скорее сходство не с исторически достоверными изображениями (где их взять?), а с академическими натурщиками.

Проблема героя — одна из важнейших в русской исторической живописи. При этом герой мог восприниматься двояко: как главное действующее лицо в произведении и как положительный образ, воплощение героизма или иных нравственных качеств³³.

У представителей академического направления в искусстве, как правило, и то, и другое совпадало. Главный действующий персонаж картины служил «примером добродетели». В эпоху романтизма герои стали эмоционально богаче рассудочных героев классицизма. Красота их человеческих чувств становится нравственной силой, способной противостоять внешней опасности, злу, року, стихии. Вслед за достижениями К. Брюллова и Ф. Бруни младшее поколение исторических живописцев, к которым относятся и М. Скотти, берет на вооружение достижения этих мастеров — эмоциональную насыщенность сюжета, патетическую трактовку чувств и душевного смятения героев. Такой подход мы обнаруживаем в его серии, посвященной событиям 1612 г., и который отвечал творческим интересам мастера, итальянца по национальности и русского патриота.

- ¹ Буткевич, Д. Торги в Третьяковской галерее: в Конференц-зале крупнейшего столичного музея пройдет аукцион «Живопись прошлых веков» // Независимая газета. — 2004. — 15 окт.
- ² Рамазанов, Н.А. Михаил Иванович Скотти // Русский вестник. — 1868. — Т. LXXV, № 8. — С. 422.
- ³ Маркина, Л.А. «Старался я усовершенствовать себя...»: живописец Михаил Скотти: новые материалы // Наше наследие. — 2011. — № 97. — С. 25—33.
- ⁴ В ГТГ находятся две подписных работы Д. Скотти — «Портрет неизвестного (Автопортрет?)» (1805) и «Святой Себастьян» (1810). В Государственном Русском музее (ГРМ) хранится выразительный портрет некоего Ренаделли (биографические данные отсутствуют), исполненный Доменико в 1820 г.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 789. — Оп. 1. — Ч. II. — Ед. хр. 1533. — Л. 1 об.
- ⁶ Там же. — Ед. хр. 1971. — Л. 38.
- ⁷ Там же. — Ед. хр. 1533. — Л. 2.
- ⁸ «Означенную вдову бывшего итальянского подданного живописца Ивана Скотти с вышеизложенными детьми привести в присутствие сего правления на подданство России к присяге и по приводе к таковой присяге, выдать для избрания рода жизни (Там же. — Л. 2 об.).
- ⁹ Письмо М.И. Скотти П.И. Кривцову, Рим, 22 августа 1840 // Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации. — Оп. 525. Российское посольство в Риме. — Ед. хр. 531. — Л. 93. Любезно указано А.А. Погодиной.
- ¹⁰ В графическом альбоме художника (ГТГ) сохранилась акварель «В мастерской художника» (1836) работы К. Ухомского, которая, по нашему мнению, представляет мастерскую Михаила Скотти. Среди молодых людей, одетых в академические мундиры, самый высокий и черноволосый — М. Скотти. Впервые этот лист опубликован Н.Л. Приймак в книге «Дневник художника А.Н. Мокрицкого» (М., 1975. Илл. 27). Однако автор

не высказала никаких предположений о принадлежности изображенного ателье какому-либо мастеру.

- ¹¹ Пьеса французского драматурга Виктора Дюканжа (1783—1833) «Тридцать лет, или Жизнь игрока» (1827) с большим успехом шла на русской сцене. В этой мелодраме играли П.С. Мочалов и В.А. Каратыгин. Главный герой пьесы — красавец игрок Жорж Жермани.
- ¹² Письмо архитектора К.А. Ухтомского Н.А. Рамазанову // Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. — Ф. 457. — Ед. хр. 17. — Л. 167.
- ¹³ Книга «Стрельцы» писателя Константина Петровича Масальского (1802—1861) увидела свет в Петербурге в 1832 г.
- ¹⁴ Роман М.Н. Загоскина (1789—1852) «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» был издан в 1829 г. Получил высокую оценку А.С. Пушкина и писателей-современников.
- ¹⁵ *Полевой, Н.А.* История русского народа: в 6 т. — Изд. 2-е. — М., 1830. — Т. 1. — С. XVI, XXIII.
- ¹⁶ Выписки из протоколов ИАХ (Отдел рукописей (ОР) ГТГ. — Ф. 4. — Ед. хр. 35. — Л. 1).
- ¹⁷ Гермоген (ок. 1530 — 1612), патриарх Московский и Всея Руси (1606). В период Смутного времени сыграл большую роль в сплочении русского народа против захватчиков. Укрывшиеся в Кремле поляки заключили Гермогена под стражу в Чудовом монастыре, где он мученически скончался от голода и жажды.
- ¹⁸ *Мокрицкий, А.Н.* Дневник художника А.Н. Мокрицкого. — М., 1975. — С. 60.
- ¹⁹ Выписки из протоколов ИАХ (ОР ГТГ. — Ф. 4. — Ед. хр. 35. — Л. 1).
- ²⁰ Выписки из протоколов ИАХ (Там же).
- ²¹ Иван Григорьевич Сенявин (1801—1851) — тайный советник, товарищ министра внутренних дел. В бытность свою московским гражданским губернатором (1840—1845) избран членом Совета и почетным членом Московского Художественного общества (МХО). В этих должностях он оставался и после того, как оставил пост московского губернатора. Последние годы жил в Петербурге, однако оставался членом совета МХО до самой смерти (покончил жизнь самоубийством).
- ²² Федор Семенович Завьялов (1810—1856) — русский исторический живописец и портретист. Поступил в Санкт-Петербургскую академию художеств в 1821 г., где его наставником по части живописи был А. Егоров. В 1833 г. получил малую золотую медаль за картину «Гектор упрекает Париса в бездействии» и звание некласного художника. Получив в 1836 г. большую медаль за картину «Самсон разрушает храм филистимлян», отправлен в Италию, где пробыл до 1843 г. За привезенные оттуда картины «Аббадана» и «Сошествие Христа в ад» признан академиком (1844). В том же году назначен инспектором и преподавателем в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Здесь он служил до сентября 1848 г. принося немалую пользу этому заведению и способствуя образованию молодых талантов (Личное дело преподавателя Завьялова Федора Семеновича // Российский государственный архив литературы и искусства. (РГАЛИ) — Ф. 680. — Оп. 1. — Ед. хр. 38). За картину «Положение во гроб» (находится в домовой

церкви Академии художеств) признан в 1853 г. профессором. В 1855 г. занимал место преподавателя академии, но всего лишь около полугода. Не обладая находчивостью и большой фантазией, был отличным рисовальщиком и неплохим колористом. Из его произведений можно указать на стенную живопись в Святых Сениях Кремлевского дворца в Москве, в Гатчинском соборе, в церкви лейбегерского полка и в Исаакиевском соборе, а также на образ святого Александра Невского на внешней стене часовни на Николаевском мосту в Санкт-Петербурге.

²³ РГАЛИ. — Ф. Личное дело М.И. Скотти (1848—1856).

²⁴ Егор Яковлевич Васильев (1815—1861) — русский живописец, академик ИАХ, профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Е.Я. Васильев принял горячее участие в судьбе В.Г. Перова. Когда в 1855 г. молодой художник лишился крова, преподаватель поселил его на своей квартире при училище. Как вспоминал В. Перов, «учитель наш Егор Яковлевич Васильев был человек исключительный. Высокой честности, ангельской доброты и кротости, всеми любимый и всеми уважаемый, он, поистине, был человек не от мира сего».

²⁵ *Дмитриева, Н.А.* Московское училище живописи, ваяния и зодчества. — М., 1951. — С. 37.

²⁶ О большом успехе этой выставки М.И. Скотти сообщал в письме к М.П. Погодину от 21 сентября 1851. (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Ф. 231. — Д. 30. — Ед. хр. 27).

²⁷ Алексей Иванович Лобков (1813—1868) — член Совета и казначей (1846—1850), благотворитель; обладая большими материальными средствами, жертвовал значительные капиталы на богоугодные и благотворительные заведения. Основал на свой счет в Москве приют. Питал особую любовь к русской археологии, один из близких людей М.П. Погодина. Пользовался особым расположением митрополита Филарета, с которым находился в переписке по богословским вопросам. Дом Лобкова часто посещали ученые и писатели, ценившие археологические знания хозяина и его любовь к русской истории и литературе.

²⁸ В «Грамоте, пожалованной Царем Михаилом Феодоровичем 30 ноября 7128 (1619) г. крестьянину Богдану Сабину с потомством его» так изложен подвиг Ивана Сусанина: «Изыскали польские и литовские люди, и пытали великими непомерными пытками, а пытали, где в те поры великий государь Михаил Феодорович, веда про нас, терпя непомерные пытки, про нас не сказал, и за то польскими и литовскими людьми был замучен до смерти» (*Самарянов, В.А.* Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Рязань, 1884. — С. 98).

²⁹ Сомнения посеяла статья Н.И. Костомарова «Иван Сусанин» (1862). В ней историк отрицал, что костромской крестьянин вообще отдал жизнь за царя.

³⁰ История «сусанинского вопроса» подробно изложена: *Велижев, М., Лавринович, М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Новой литературное образование. — 2003. — № 63. — С. 186—204; *Живов, В.М.* Иван Сусанин и Петр Великий. О константах и переменных в составе исторических персонажей // Там же. — 1999. — № 38. — С. 51—65; *Киселева, Л.Н.* Становле-

ние русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. — М., 1997. — [Вып.] 2. — С. 279—303; Зонтиков, Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность // Вопросы истории. — 1994. — № 11. — С. 23—51; Буганов, В.И. Вопреки фактам // Там же. — 1975. — № 3. — С. 203. В настоящее время существуют три основные версии: 1) Сусанин погиб от рук польских и литовских людей; 2) домнинский староста пострадал от разбойников; 3) подвиг Ивана Сусанина — легенда.

³¹ Васьков, И.К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы, сочиненное полковником Иваном Васьковым. — М., 1792; Мальгин, Т.С. Зерцало российских государей ... — СПб., 1794; Щекатов, А. Словарь географический Российского государства ... — 3-е изд. — М., — 1804. — Т. 3: К—М; Глинка, С.Н. Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкою: в 14 ч. — Изд. 2-е. — М., 1819. — Ч. 6; Бантыш-Каменский, Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли ... составленный Дмитр. Бантыш-Каменским: в 5 ч. — М., 1836. — Ч. 5; учебники Е.К. Константинова и И.К. Кайданова: Константинов, Е.К. Учебная книга истории Государства Российского ... — СПб., 1820. — Ч. 2; Кайданов, И.К. Краткое начертание российской истории ... — СПб., 1834.

³² Путешествуя в 1834 г. по России, Николай I дал разрешение на сооружение в Костроме монумента — «во свидетельство, что благородные потомки видели в бессмертном подвиге Сусанина — спасении жизни новоизбранного русской землей царя через пожертвование своей жизни — спасение православной веры и русского царства от чужеземного господства и порабощения».

³³ Верещагина, А.Г. Историческая картина в русском искусстве. Шестидесятые годы XIX века. — М., 1990. — С. 82.

С.А. Козлов

«Родной дом нашей души»: восприятие Италии русскими людьми в XIX — начале XX в.

Многообразные связи между Россией и Италией уже не раз привлекали внимание ученых, писателей, поэтов и художников обеих стран. Прежде всего, следует отметить деятели отечественной науки и культуры начала XX в.: П.П. Муратов, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, Ю.В. Готье, И.М. Гревс и другие внесли огромный вклад не только в научное изучение далекой страны, но и в приобщение наших соотечественников к удивительному миру уникальной итальянской культуры. Некоторые из них входили в состав «Русского общества для духовного и экономического сближения России и Италии» (работавшее в Петрограде до революционных событий 1917 г.), а затем общества «Институт итальянской культуры», действовавшего в Советской России в суровые годы Гражданской войны и послевоенной разрухи с 1918 по 1923 г.¹

В наши дни эту славную традицию продолжили Н.В. Синицына², Н.П. Комолова³, М.Г. Талалай⁴, И.Н. Бочаров и Ю.П. Глушак⁵, В.Я. Гросул⁶, М.С. Стефко⁷ и другие ученые. Обращает на себя внимание исключительно продуктивная многолетняя работа международного научного семинара «От Рима к Третьему Риму», который начал свою работу в 1980 г. по инициативе профессоров Римского университета «Ла Сапиенца» П. Каталано и П. Синискалько. В настоящее время семинар, на котором, среди других вопросов, поднимаются и ключевые проблемы русско-итальянских культурных связей, продолжает свою жизнь (в России его организует и проводит Институт российской истории РАН, в Италии — Римский университет «Ла Сапиенца»)⁸. Отметим также доклады, сделанные в последние годы по данной теме в ходе ежегодных заседаний «круглого стола» «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (Москва, Институт российской истории РАН; руководитель А.В. Голубев), а также на научной конференции Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ) «Образы Италии в русской усадебной культуре», организованной в конце 2011 г., и на Международной научной конференции «Образы Италии в Рос-

сии — Петербурге — Пушкинском Доме», проведенной 16—18 февраля 2012 г. в Санкт-Петербурге⁹.

Что же касается итальянских исследований, то среди них следует, в первую очередь, отметить содержательные работы Этторе Ло Гатто¹⁰; фундаментальные научные труды выдающегося слависта, философа, переводчика и литературоведа Витторио Страды¹¹ (во многом благодаря которому западное общество лучше узнало русскую культуру), Р. Ризалити¹², Р. Джулиани¹³ и др. Большую научно-просветительскую работу проводят и другие члены Ассоциации Итальянской Славистики, включая ее президента профессора итальянского университета г. Пиза Стефано Гардзонио, награжденного Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 9 марта 2007 г. медалью Пушкина.

Рассмотрим ключевые особенности восприятия русскими людьми «образов Италии» в XIX — начале XX в., используя как конкретно-исторический, так и социокультурный подходы и уделив при этом главное внимание оценкам наших соотечественников (как правило, лично посетивших эту страну) особенностей национального характера, быта и нравов жителей Итальянского полуострова. Возможно, это позволит лучше понять не только историю итальянской нации, но и некоторые черты нашего собственного менталитета...

Можно условно выделить пять различных «образов» этой страны, возникающих на страницах русской прессы XIX — начала XX в.¹⁴

Образ первый. «Счастливая природа»

Самое первое, на что обращали внимание россияне, прибывшие в Италию, — это удивительная красота природных ландшафтов.

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?¹⁵

Эти строки Евгения Баратынского (1800, Тамбовская губ. — 1844, Неаполь), воспевшего Италию и в других своих стихах, вполне объяснимы: поэт с детства любил далекую южную страну (благодаря воспитывавшему его «дядьке» — итальянцу Боргезе).

Мечтал посетить Апеннины, оказавшись «под миртами Италии прекрасной», и А.С. Пушкин, но ему так и не суждено было

туда приехать. Однако итальянские мотивы (включая и природные красоты) заняли в его творчестве видное место: так, Черное море оживило в душе великого русского поэта щемящую тоску об «Италии златой»... Всего же в пушкинских произведениях журналист-международник А.М. Букалов (с 1991 г. возглавляющий отделение ИТАР—ТАСС в Италии и Ватикане) обнаружил около 100 «итальянских вкраплений»¹⁶.

Поэт, писатель, литературный критик и литературовед С.П. Шевырев, ставший первым российским ученым-итальянистом, подвел итог своему жизненному опыту пребывания в этой стране в стихотворении «К Италии» (1859), где отмечал:

Пошли тебе господь свой дар — свободу —
И за твою счастливую природу,
И за твои лазурны небеса,
За песен дар, за звонки голоса,
За чудеса небесных вдохновений,
Что навевал тебе искусства гений...¹⁷

Именно благодаря буйству Света и Цвета итальянская природа зачастую вызывала у многих россиян загадочное чувство близости к Божественному началу. Потоки света, льющиеся с лучезарных небес; жизнеутверждающая цветовая палитра полей, гор, озер и морских волн буквально преображали человеческие сердца, исцеляя как телесные, так и душевные недуги. «Какое блаженство стремиться к Италии, удаляться от холодных ветров... от ленивой природы Севера!» — писала в 1829 г. княгиня З.А. Волконская¹⁸, которую А.С. Пушкин назвал «царицей муз и красоты»¹⁹ и чья римская вилла стала местом общения многих деятелей европейской культуры. Описывая свои первые впечатления от этой страны, она отмечала: «Счастлив тот край, где цветы составляют непрерывную цепь от весны до весны. ...природа сама есть первый наставник грации в сей пластической земле»²⁰.

Для известного ученого И.В. Цветаева (создателя и первого директора Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете), путешествовавшего по Италии в 1875 и 1880 гг., — это «чудная страна», «удивительный край, на который природа истощила едва ли не все свои дары»²¹.

Однако для многих россиян восхищение итальянской природой становилось стимулом для более глубоких размышлений о взаимосвязи Природы и Человека. Интересны наблюдения известного историка-медиевиста И.М. Гревса, который так описывал свои

впечатления о первой встрече с Италией осенью и зимой 1890—1891 г.: «Мягкому влиянию здорового климата своей родины так же, как спокойной прелести ее природы... обязаны жители Тосканы простой веселостью своего нрава, своим ровным характером, милым складом ума, живым и тонким чувством прекрасного, любовью к поэзии, легко возбудимым, но всегда трезвым воображением — неиссякаемой жизненностью»²².

Вместе с тем, и И.М. Гревс, и другие россияне не раз отмечали поразительный контраст между богатством природы и бедностью большинства итальянского населения.

Живописная стихия удивительных по разнообразию и красоте итальянских пейзажей рождала у русских людей множество эмоциональных состояний: от умиротворенного ощущения небывалой полноты жизненного бытия до настоящей бури эмоций и переживаний.

«Что за воздух! Кажется, как потянешь носом, то по крайней мере 700 ангелов влетают в носовые ноздри. Удивительная весна! Пляжу, не наляжусь. Розы устлали теперь весь Рим», — писал Н.В. Гоголь (именно в «Вечном городе» создавший великий русский роман «Мертвые души») своей бывшей ученице М. Балабиной весной 1838 г.²³

«Капри — кусок крошечный, но вкусный, — отмечал в начале XX в. А.М. Горький. — Вообще здесь сразу, в один день, столько видишь красивого, что пьянеешь, балдеешь и ничего не можешь делать. Все смотришь и улыбаешься... Неаполитанский залив — и особенно Капри — красивее и глубже любви и женщин. В любви узнаешь все сразу — здесь едва ли можно узнать все...»²⁴

Схожие выводы, но уже по отношению к «Вечному городу», мы видим у другого мастера русского словесности: «Рим удивительный город, — писал И.С. Тургенев, — до некоторой степени он может все заменить: общество, счастье, даже любовь»²⁵.

А Осип Манделъштам, уже в 1914 г., так воспел связь природных стихий и «Вечного города»:

Природа — тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи²⁶.

В современной научной литературе все чаще используется понятие «вдохновляющие ресурсы»²⁷. Италия (особенно область Тоскана) по праву может считаться в этом отношении лидером всей природы огромной Европы; увидев эти места, начинаешь пони-

мать, почему же именно ее природные красоты вызывали такое восхищение россиян.

В наши дни завораживающая сила итальянской природы, привлекающая к себе миллионы туристов, нашла яркое отражение в самых разных жанрах национальной культуры и искусства: в работах признанного мастера цветной пейзажной фотографии Франко Фонтана²⁸, в ювелирных изделиях семейства Сантагостино из Валенцы, в «жизнерадостной» многоцветной ручной мебели Карло Рампацци²⁹, в шедеврах итальянских модельеров³⁰ и виноделов³¹, в особом очаровании изделий из муранского стекла...³² Мощь и красота природных стихий Апеннин, искусно воплощенная в мире материальном, — по-прежнему, как и сотни лет назад, стимулы к созиданию и вдохновению для любой незаурядной творческой личности; одни из главных чудес не только «благословенной» Италии, но и всей нашей планеты...

Образ второй. «Мозаики» итальянской ментальности

Огромное место в свидетельствах россиян об Италии занимают описания нравов и обычаев местного населения. Прежде всего, многим бросались в глаза удивительное жизнелюбие и общительность итальянского «простонародья». В работе «Римские праздники: (письмо из Рима)» (1831) С.П. Шевырев отмечал: «В праздниках развиваются жизнь и характер народа на высшей их степени; эта истина очевиднее в Италии, где жизнь настоящая заменяется богатым прошедшим, где всякое наслаждение есть воспоминание»³³. По его мнению, «ни в одном народе европейском эстетическое воспитание не развито в такой степени, как в народе италийском, и преимущественно римском»³⁴. С.П. Шевырев приводит многочисленные доказательства для подтверждения этого вывода: и «живописность» одежды «италианского селянина», и народную живопись и др. «Посмотрите на образа в селах, живописуемые простолюдинами! Как в них правилен рисунок! — восхищенно писал он. — ...Всюду вы найдете благотворные следы искусства, сообщающего... приличие и красоту обыкновенным формам народной жизни»³⁵.

Вместе с тем, он полагал, что итальянцы — плохие ремесленники, но замечательные мастера-художники: «В Риме портные дурны, сапожники еще хуже, столяры никуда не годятся. Но зато все художественные изделия превосходны»³⁶. Наиболее же ярко художественная натура итальянцев, по мнению С.П. Шевырева, воплотилась в народных праздниках.

Интереснейшие письма из Италии (изданные в 1843 г. вместе с путевыми заметками о Германии и Швейцарии) оставил исключительно одаренный человек — издатель, редактор, журналист, публицист, беллетрист, филолог, переводчик Н.И. Греч. Особенно его привлекло искусство уличных певцов. Н.И. Греч отмечал: «Песни народные, исполняемые безыскусственно, но с душою и чувством, приятны и трогательны. ...А наши народные песни? Золото самородное»³⁷.

Но не только красоты привлекали внимание россиян. Тяжелое впечатление произвел на Н.И. Греча существующий в Риме отдельный еврейский квартал, шесть тысяч обитателей которого, «коснеющих в суеверии и невежестве... томятся там, как парии»³⁸. Автор призвал папские власти: «...если уж их (евреев) терпите, то не лишайте прав человечества»³⁹.

Описывая Венецию, Н.И. Греч весьма критически отзывался о местных дворянах, «обедневших до крайности», которые, обладая огромными культурными ценностями, полученными от предков, «за бесценок» продавали редкие произведения искусства. Так, на глазах у Греча всего за 140 франков одним из потомков венецианского дожа (должность выборного главы Венецианской республики с VIII по XVIII в.) была продана фарфоровая ваза, «пожалованная предку его в XV в. китайским императором, у которого он был послом Республики Венецианской»⁴⁰.

Высоко оценил автор жительниц Рима: «Женщины здесь прекрасные, даже в самом низком звании: у них правильные черты лица, глаза пламенные, выразительные. Бюсты удивительные»⁴¹.

Из всех итальянских провинций особенно поразила Н.И. Греча благополучная Тоскана: «Не только нет нищих, но не видать и черни. Все одеты и обуты чисто, порядочно, с какою-то приятною для глаз роскошью. Несказанно усладительно зрелище этого всеобщего благоустройства, довольства, счастья и в домах, и на лицах жителей...»⁴².

В целом же, «простота обращения», по его мнению, выгодно отличала итальянцев от французов и англичан — народов, подверженных диктату общественного мнения. В итоге Н.И. Греч пришел к любопытному выводу о том, что в Италии «нет ничего или очень мало посредственного. Человек здесь или самый добрый, кроткий... или отъявленный мошенник и злодей. Здесь нет тех стереотипных экземпляров ленивой честности, которая составляет балласт других народов»⁴³.

Врожденное чувство прекрасного обнаружил в итальянском народном характере Н.В. Гоголь. «Это первый народ в мире, который одарен до такой степени эстетическим чувством, невольным чувством понимать то, что понимается только пылкою природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейский ум

не набросил своей узды», — отмечал он в апреле 1838 г.⁴⁴ Показателен и следующий вывод великого писателя: «...Вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить» (из письма А.С. Данилевскому в апреле 1837 г.)⁴⁵.

Среди сегодняшних знатоков Гоголя в Италии выделяются, прежде всего, славист Рита Джулиани и поэт, переводчик Алессандро Романо, ставшие вместе с выдающимся российским литературоведом Юрием Манном одними из первых лауреатов международной Премии Н.В. Гоголя в Италии, учрежденной в 2009 г. Фондом Бориса Ельцина и Культурной ассоциацией «Премия имени Н.В. Гоголя в Италии» по случаю 200-летия со дня рождения классика русской литературы.

Многие наблюдения россиян относительно национального характера итальянцев удивительным образом «перекликаются» с замечаниями французского писателя Стендаля (Анри Мари Бейля), который не только провел в этой стране треть жизни, но и обрел именно в ней свою «идеальную родину». Особенно ярко он описал местные нравы, уделив большое место «искусству охотиться за счастьем в Италии» — удивительному жизнелюбию и естественному поведению жителей: «...все дело в том, что существует *различие состояний*, но нет *различия нравов*. Все итальянцы говорят об одном и том же, каждый по своему разумению — вот одна из самых поразительных черт моральной жизни этой страны»⁴⁶.

Немало точных психологических наблюдений за повседневным итальянским бытом содержится в путевых заметках И.В. Цветаева. Прежде всего, он отмечает удивительные общительность и дружелюбие местных жителей: «Нужно быть в Италии, нужно видеть итальянский народ и пожить среди него, чтобы убедиться, как скоро завязываются там знакомства, как быстро дается... имя “друга”, amico, как легко здесь умеют находить средства общего развлечения люди, бывшие до того чужими...»⁴⁷

И.В. Цветаев подчеркивал, что, несмотря на пробелы образования и отсутствие эрудиции, «интеллигентный класс самых глухих местностей Италии» отличается «дорогим качеством» — «горячей любовью к своим родным местам и почтительным отношением... к их отдаленному прошлому», что проявляется и в помощи при археологических раскопках, и в «радушном содействии отечественным и иностранным путешественникам, являющимся к ним с научными целями»⁴⁸.

Князь С.М. Волконский особо отмечал «преlestный уличный юмор Италии»: «никогда не унывает, никогда творчество его не прекращается»⁴⁹.

В лирико-романтическом цикле новелл «Сказки об Италии» (впервые опубликованы в 1911—1913 гг.) А.М. Горький в яркой

поэтической форме раскрыл благородную душу итальянского народа. Простые люди труда — рабочие, рыбаки и крестьяне, показанные в борьбе с суровыми условиями жизни, были воспеты им как выразители прекрасных духовных начал. Если большинство современников Горького видело в жителях Апеннин начала XX в. лишь далеких потомков представителей давно выродившейся великой нации, то писатель, напротив, подчеркивал красоту, силу и нравственную зрелость итальянского национального характера. «Сказки об Италии», завоевавшие любовь многих читателей, издавались в Италии, Германии, Франции и СССР.

Отметим и другие аспекты «итальянского периода» жизни Горького. В 1909 г., после разрушительного землетрясения в Калабрии и Сицилии, он организовал сбор средств пострадавшим, чем снискал горячие симпатии итальянцев, многие из которых и поныне считают его личность (как известно, весьма противоречивую) воплощением широты «русского духа». Во время своего пребывания на Капри Горький спас средневековый картезианский монастырь Чертозу от сноса: по его предложению, там были созданы библиотека и школа⁵⁰. Не случайно именно в Чертозе и вручается теперь российско-итальянская литературная премия его имени, учрежденная в 2008 г.

Быту и нравам итальянского народа посвятила значительную часть своей интереснейшей книги «Жизнь европейских народов» (СПб., 1881. Т. 1: Жители Юга) детская писательница, педагог и мемуаристка Е.Н. Водовозова. Сокращенный вариант этой работы — «Как люди на белом свете живут. Итальянцы» — выдержал в конце XIX — начале XX в. пять изданий!

По мнению Е.Н. Водовозовой (творчество которой еще не стало объектом внимания современных российских историков и культурологов), «поэтическая душа» итальянцев наиболее ярко проявляется в их «шумных праздниках», «любви к церковным процессиям и театральным представлениям», а также в национальных обычаях. Она подробно характеризует нравы и характер современных жителей «Вечного города»: «Римляне всех классов общества общительны, любезны, словоохотливы и в высшей степени вежливы. ... безграмотный простолюдин так же вежлив, как настоящий аристократ»⁵¹. Отмечает она и необычайный местный патриотизм: «Уроженец Рима, кто бы он ни был — пастух или дворянин, чрезвычайно гордится тем, что он истинный римлянин. И это естественно: он родился и живет в городе, где все говорит о всемирном величии и славе... Вот почему многое в жизни и нравах римского простолюдина напоминает обычаи древних римлян»⁵².

Интересно, что к такому же выводу более чем за полстолетия до Водовозовой пришел и Стендаль⁵³.

В целом, писательница дает весьма критическую оценку характера римлян. По ее мнению, «римлянин — человек с насмешливым умом: он не выносит никаких замечаний, крайне самолюбив и раздражителен... при малейшем оскорблении не прочь пустить в ход свой нож, но в то же время необыкновенно учтив и вежлив, рыцарски услужлив, благодарен за каждое ласковое слово»⁵⁴.

Ярко охарактеризовала Е.Н. Водовозова особенности характера жителей и других итальянских городов. Про неаполитанцев из «простонародья» она писала: «Лица детей... говорят об уме, сметке и остроумии, но от постоянных лишений и нищенской жизни у большинства из них рано потухает этот чудный взгляд, и лицо принимает какое-то истомленное выражение»⁵⁵.

Подробно описав «ужасный труд» сицилийских земледельцев, она отмечает: «Сицилианцы — народ в высшей степени живой, страстный и, как говорят про них остальные итальянцы, отличаются тщеславием греков и хвастливостью испанцев»⁵⁶. Здесь развита вера в злых духов. Вместе с тем, именно сицилийцы отличаются наиболее сильной среди итальянцев «страстью к сочинительству», а также «рыцарским духом»: «Даже безграмотный сицилианец прекрасно знает имена различных рыцарей... тот, кто умеет читать, покупает роман из времен рыцарства»⁵⁷.

В среде итальянской аристократии Е.Н. Водовозова выделяет такие черты, как чрезвычайную патриархальность домашних обычаев, надменность, «нравственную неразвитость», лень и «узость интересов»: «между собою высшее итальянское общество говорит... по-французски», но наметилась тенденция «ко всему английскому». Как с иронией писала она, «молодые аристократы более всего мечтают о том, чтобы жениться на американке с миллионом и таким образом позолотить свой герб»⁵⁸.

Бросилось в глаза автору и чрезвычайно угнетенное положение итальянских женщин: так, «ни одна женщина в среднем и высшем классах общества, без крайней нужды не решается выйти на улицу без провожатого: на такую смотрят с презрением»⁵⁹. По ее мнению, «в Италии особенно бросается в глаза отделение полов друг от друга: мужчины сами по себе, женщины тоже; женщины ходят в гости к женщинам, мужчины к мужчинам»⁶⁰. Исключение составляет лишь «простонародье», поскольку в этой среде «работник на каждом шагу невольно сталкивается с работницей»⁶¹.

В целом же, выводы Е.Н. Водовозовой об итальянцах, несмотря на критику, были вполне позитивны. По ее оценкам, «итальянцы

отличаются человеколюбием, живостью, находчивостью и умом», а их внешний вид — «интеллигентный и симпатичный»⁶². Поражает в рядовом итальянце и «прирожденное чувство красоты, чутье прекрасного»: «Артистическое чувство в крови итальянца, особенно неаполитанец — природный артист»⁶³.

Отмечала она и отрицательные свойства: неряшливость («последствие бедности»), «страсть к лотереям», суеверность: так, «все обращаются с молитвою к душам обезглавленных людей», которых считают своими покровителями⁶⁴.

Почему же именно *итальянский* национальный менталитет оказался столь близок русским людям, побывавшим в Италии? Пожалуй, ответ кроется в таких качествах, как органичность мировосприятия, неиссякаемый оптимизм, вера в светлые гуманистические свойства человеческой души. «Естественная простота, страстная непосредственность... создают особый оттенок, примешивающийся здесь ко всем действиям человека...» — отмечал еще Стендаль⁶⁵.

Большинству современных итальянцев удалось, несмотря на бурно идущие процессы глобализации (унифицирующей национальной культурное наследие народов⁶⁶), каким-то чудом *сохранить* в своей душе эти качества, «квинтэссенцию» которых сформулировал знаменитый миланский ресторатор Джанкарло Кальчолари, описавший, как найти выход из жизненного тупика: «Воспитывая в себе страсть к жизни. ...Надо понять, что планета наша функционирует... лишь вопреки тем, кто призывает к забвению искусства, идеалов Возрождения во имя обветшалых идолов индустриальной революции. Не забывать поэта в себе, не предавать в себе любознательного ребенка. В этом залог самостоятельности личности. Интеллектуальный поиск — альтернатива конформистскому болоту, смерти индивидуума и общества в целом»⁶⁷.

Страсть к Жизни, к Творчеству, отрицание безликой «массовой культуры» и «глянца» — вот то, чему и поныне учит нас Италия, щедро одаривая при этом чувством свободы и душевного равновесия...

Образ третий. «Царство Культуры»

Россиян искренне восхищали и древние памятники итальянской культуры, прежде всего, шедевры городской архитектуры и «артефакты» искусства. Наши соотечественники оставили множество интереснейших наблюдений об итальянской культуре. Остановимся на некоторых из них.

Подробно описав историю Рима и его древние архитектурные памятники, Н.И. Греч обратил особое внимание на их общечеловеческую (в современном понимании — общецивилизационную) значимость как для всей мировой культуры, так и для отдельных народов и человеческой личности: при взгляде на «эти исполинские громады» у него возникли вопросы: «Что в них для нас привлекательного? Их древность? Но пирамиды египетские... древнее их. Огромность? Есть строения огромнее. Изящество? Есть изящнее. Что же такое? — вопрошает беллетрист — и сам же дает ответ: — Это вещественные памятники народа, великого духом и гением детей своих. ...Произведениями ума и воображения своего питал он ум и воображение всех последовавших просвещенных народов, и всех превратил в одно семейство, в братьев... Если где камни красноречивы, то в Риме и в Греции»⁶⁸.

И еще один важный социокультурный вывод сделал как для себя, так и для своих будущих читателей Н.И. Греч, описывая свои римские впечатления. Он отметил, что при первом посещении «мест исторических» проявляется следующая особенность восприятия: «...изумляешься тому, что места, громкие, славные и бессмертные в Истории, занимают в существе такое тесное пространство, но это изумление мало помалу исчезает, уступая чувству благоговения к великим подвигам, совершенным на тесном поприще»⁶⁹. Особенно сильно это чувство поразило Н.И. Греча при посещении знаменитых римских склепов-катакомб («колумбариев»). Он писал: «Гробницы людей великих и знаменитых возбуждают в нас невольный трепет благоговения. С таким невыразимым чувством смотрел я на остатки гробниц Августа, Сципионов и других героев Истории. Иное, не столь сильное, но едва ли не более умиленное чувство производили во мне могилы и памятники людей скромных и безвестных в свое время... И они были люди! И они жили, чувствовали, мыслили, надеялись, страшились!»⁷⁰.

Яркие впечатления вызывали у россиян и встречи с другими итальянскими городами, включая Равенну. В сокровищницу мировой поэзии вошли поразительные стихи Михаила Кузмина, посвященные этому городу:

Меж сосен сонная Равенна,
О, черный, золоченый сон!
Ты и блаженна, и нетленна,
Как византийский небосклон⁷¹.

Однако более всего внимание россиян привлекали Рим, Венеция и Флоренция. Невозможно привести здесь хотя бы малую часть этих оценок⁷², поэтому ограничимся лишь одним (впрочем, весьма нестандартным). Внук декабриста, один из выдающихся деятелей русской культуры князь С.М. Волконский писал: «Вспоминаю, что моя мать однажды спросила одного крестьянина, бывшего матроса, у нас в деревне, в Павловке, — какой из всех городов в кругосветном его плавании понравился ему больше всего. “Венеция, — сказал он, — потому что там зимой тепло, вместо улиц там каналы с мраморными дворцами, и народ всю ночь поет”». Какое красивое и в сжатости своей полное определение: и климат, и искусство, и человек», — восхищенно заключил Волконский⁷³ (больше всех итальянских городов любивший, однако, Флоренцию и оставивший об этом городе замечательные лирические воспоминания⁷⁴).

На восприятие культуры Италии налагали отпечаток и «сословный статус» россиян, и особенности характера⁷⁵, и индивидуальные устремления, и превратности личной судьбы⁷⁶. Так, художник и архитектор В.М. Васнецов, творчество которого было во многом ориентировано на художественное постижение русской Истории, в середине 1880-х годов увидел в Венеции «волшебное заснувшее царство»⁷⁷.

По мнению многих россиян, именно близость к уникальным шедеврам искусства воспитала у итальянцев эстетическое чувство, и, прежде всего, способность ценить прекрасное в любых его проявлениях. «Итальянец трудится часы для одного светлого впечатления... от врожденной любви к изящному, — отмечал С.П. Шевырев. — ... это показывает доброту сердца, это сильное доказательство в пользу характера итальянского»⁷⁸. В России же, по его мнению, все обстоит иначе, и главная причина — в том, что «русский мужик — раб, а раб не знает наслаждения изящным. Изящное внушается душою свободной»⁷⁹. Поскольку у русского крестьянина «все минутно, все под секирой насилия», он и не может наслаждаться природой и искусством.

Учтем, что написаны были эти строки еще в эпоху крепостничества, однако, и в пореформенный период положение крестьянина в нашей стране мало изменилось к лучшему. «Появился культ денег, исчезли лояльность, солидарность, осмысленное отношение к делу... — отмечает современный исследователь Л.Е. Бушканец. — Человек неожиданно оказался в ситуации крайней нестабильности: потеря чувства семьи, дома привела к росту изоляции, утрате доверия, ценностных привязанностей, ослаблению взаимодействия частной и общественной жизни»⁸⁰. Эти, казалось бы, чересчур категоричные выводы подтверждаются материалами второй половины XIX в.⁸¹ Не случайно, по мнению академика Н.М. Дру-

жина, главным итогом первого пореформенного двадцатилетия в развитии русской деревни стало ее приобщение к новой, капиталистической формации⁸², — приобщение, сопровождаемое как утратами, так и обретениями⁸³.

Возвращаясь же к Италии, отметим, что ее восприятие в качестве «Царства Культуры» (термин, предложенный исследователем Н.Т. Энеевой) к началу XX в. выходит в русской интеллектуальной среде⁸⁴ на передний план. Как вспоминал впоследствии Б.К. Зайцев, «мы любили свет, красоту, поэзию и простоту этой страны, ее великую и благодатную роль в культуре. ...Через Италию шло благословение творчества»⁸⁵.

Образ четвертый. «Священная почва», или «духовная родина»

Христианские святые Италии столетиями влекли к себе россиян, поток которых во второй половине XIX — начале XX в. заметно возрос. До октябрьских событий 1917 г. г. Бари («Бар-град», как его называли русские летописи уже с XI в.), в котором хранятся мощи Святителя Николая Мирликийского, издавна особо почитаемого на Руси⁸⁶, уступал по значению для православных паломников лишь Иерусалиму.

Как отмечает историк М.Г. Талалай, живущий в Италии с 1992 г., «русское паломничество приобретает государственную окраску в 1880-х годах, с созданием Императорского Православного Палестинского Общества, взявшего на себя официальную опеку и соответствующий контроль над пилигримами»⁸⁷. Именно к этому времени и относится массовое организованное паломничество россиян в Италию, — причем большинство богомольцев, плывших морем из Одессы в Палестину, на обратном пути посещали Бари⁸⁸ и Рим.

М.Г. Талалай приводит и такое любопытное свидетельство о настроениях паломников из России, оставленное Волошиной (Сабашниковой): «В середине Великого поста перед Пасхой [1908 г.] я пошла в русскую церковь и, к своему удивлению, увидела, что она полна крестьян и крестьянок в национальных одеждах — со всех концов России. Они приехали из Палестины, были в Бари — поклониться мощам Св. Николая, теперь приехали в Рим ко гробу Апостола Петра и других Святых. Я ходила с ними по Вечному Городу. Они шагали по римским улицам так же уверенно, как в своей деревне...»⁸⁹.

Итак, перед нами возникает величественный и многоликий образ Рима — великого города⁹⁰, который к началу XX в. занимает все большее место в сознании русских паломников и путешественников⁹¹.

Известный русский философ «серебряного века» («рыцарь русской философии», по признанию современников), православный мыслитель В.Ф. Эрн в начале XX столетия создает «Письма о христианском Риме» — яркий литературный памятник о своем впечатлении от «Вечного города» сквозь призму его древней истории. Это, бесспорно, самое интересное из свидетельств об Италии, вышедшее из-под пера людей, почитающих ее «священную землю».

Сочинение В.Ф. Эрна (вновь переизданное в России лишь в начале 1990-х годов в популярном среди интеллигенции журнале «Наше наследие»⁹²) продолжило давнюю традицию отношения к Риму как к сакральному, святому месту. Приведем лишь несколько свидетельств. «Нет лучшей участи, как умереть в Риме; целой верстой здесь человек ближе к Богу» (письмо Н.В. Гоголя к П.А. Плетневу)⁹³. А писатель Борис Зайцев, чье творчество лишь в эпоху горбачевской «перестройки» возвратилось на Родину, так писал о благотворно-лечебном воздействии Рима на больного И.С. Тургенева: «Вечность входила в него, меняла, лечила»⁹⁴.

Как отмечает В.Ф. Эрн, «в Риме семь городов — Рим архаический, Рим республиканский, Рим императорский, Рим средневековый, Рим ренессанса, Рим барокко и Рим современный — *вросли друг в друга* и образовали целое необычайной, единственной в мире сложности»⁹⁵. Отсюда — и психологическая трудность путешественников, с огромным трудом сводящих воедино свои «синтетические» впечатления.

Вначале, — признает автор, — «не все нравится в Риме»: раздражает и «нечленораздельная» римская речь, и отсутствие «высокой интеллектуальности, редкой приветливости и душевной легкости тосканцев»⁹⁶. Но, прорвавшись через этот первый пласт впечатлений от современного города, через какое-то время открываешь «истинные сокровища»: «Рим сокровенный», таинственный Рим прошлого. Именно здесь перед нами возникают «пласты» огромной культурно-исторической ценности: один за другим встают «пышный, несколько холодный Рим высокого Возрождения; загадочный и столь же привлекательный Рим самого раннего Ренессанса с иконною живописью, с великолепными мозаиками и с чудесными кюстро (*монастырскими двориками*)... Рим стариннейших в мире христианских церквей; Рим обширнейших катакомб; наконец — Рим античный»⁹⁷. Как отмечает В.Ф. Эрн, «здесь уже почва становится священной», ибо «каждый камень, каждая оставшаяся плита, на которые вы натываетесь — расширяют ваш кругозор, научают тому, что нельзя найти ни в каких книгах»⁹⁸. Главное же, что привлекает русского человека, — это «Рим христианский», охва-

тывающий почти 16 столетий, и именно его изучение «делается и долгом православного, и самым высоким и привлекательным времяпрепровождением в Риме»⁹⁹.

При этом, как подчеркивал автор, «для того, чтобы судить о христианском Риме, русские находятся в особо благоприятном положении»¹⁰⁰. С чем это было связано? С одной стороны, на русских людей не давили романские «идолопоклонные» традиции, что позволяло им «с полной свободой произвести отделение доброго от злого, вечного от преходящего, правды от лжи»¹⁰¹. С другой же стороны, русским были чужды протестантские идеи, поэтому они могли в полной мере оценить все величие христианского периода в истории «Вечного города»¹⁰².

Свидетельства В.Ф. Эрна о христианском Риме принадлежат к числу последних в этом жанре: с началом Первой мировой войны поток русских паломников надолго пресекся.

Лишь в последние годы ситуация кардинально изменилась, причем в пользу другого города: резко возросло количество русских паломников, приезжающих в Бари к мощам Святителя Николая. 1 марта 2009 г., в Прощеное воскресенье, состоялась церемония передачи России комплекса «Подворье Русской Православной Церкви в Бари», построенного на пожертвования наших соотечественников для многочисленных русских паломников. Президент Италии Д. Наполитано вручил Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву символические золотые ключи от утраченной нашей страной в 1930-е годы обители.

Сейчас в этом городе даже указатели и выпущенная местной мэрией карта окрестностей — на русском языке! В дни празднования памяти Святителя Николая — 22 мая и 19 декабря — сюда прибывают тысячи православных людей (в основном, русские) из многих стран мира.

Именно Италия стала для большинства посетивших ее за последние два столетия россиян своего рода «лакмусовой бумагой»: на ее фоне — прекрасном, но одновременно и тревожном, вызывающем катарсис (обновление духа), — почти у каждого из них проявились и положительные, и отрицательные свойства, коренящиеся в характере, воспитании, национальном менталитете в целом... У многих на передний план выходит чувство прекрасного, *возвышающее и одухотворяющее* человеческую личность.

Порою именно по этой причине (несовпадение внутренних ориентиров свободной личности и авторитарной власти) поездки в Италию оказывались в дальнейшем невозможными. Осип Мандельштам 18 января 1937 г. написал, находясь уже в воронежской

ссылке, стихотворение «Не сравнивай, живущий не сравним», в котором есть такие строки:

Где больше неба мне — там я бродить готов —
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим — яснеющим в Тоскане¹⁰³.

После этого он сказал жене: «Теперь, по крайней мере, понятно, почему я не могу ехать в Италию»¹⁰⁴.

Как метко подметил известный историк Н.Я. Эйдельман, «“итальянские секреты”, способность в течение нескольких веков порождать гениев при любом режиме — все это одна из точек притяжения России к Апеннинам...»¹⁰⁵.

Для подавляющего большинства россиян, побывавших в Италии, время, проведенное там, стало временем радости и душевного покоя, а иногда — и счастья. Все это привлекало на Апеннины людей, влюбленных в итальянскую природу и культуру. «Когда я увидел второй раз Рим, мне показалось, что будто я увидел свою родину» (из письма Н.В. Гоголя 1838 г.)¹⁰⁶. Писатель М.А. Осоргин, проживший в Италии около 10 лет (с 1906 по 1916 г.), посвятил своему пребыванию в ней книгу с характерным названием «Там, где был счастлив» (1928)¹⁰⁷. Близкую Осоргину по духу книгу («Италия», 1923) написал и Б.К. Зайцев, подолгу живший в Италии перед Первой мировой войной и считавший эту страну своей второй духовной родиной¹⁰⁸.

Эту позицию разделял и князь С.М. Волконский, для которого особую значимость приобрела такая итальянская особенность, как «неувядающая юность прошлого»: неразрывная связь «осужденной на смерть повседневности» с «глубоким, богатым прошлым», которое «тут же, около вас... вокруг вас живет, глядит неумирающим оком красоты...»¹⁰⁹.

Пожалуй, лучше всех сказал об Италии как «духовной Родине» один из ярких представителей «серебряного века» П.П. Муратов — прозаик, историк, искусствовед и издатель, автор прославившей его работы «Образы Италии» — и поныне лучшей русской книги об итальянском искусстве: «Увидеть снова Италию — для скольких не сбылось и не сбудется это желание! Для скольких, однако, запечатлелись в образах Италии все образы божества, природы и человека. Итальянское путешествие должно быть одним из решительных духовных опытов»¹¹⁰. Человек, однажды посетивший эту страну, «уже дома, в «эпически-нищих или буднично-благоприятных землях»,

«иначе радуется, иначе грустит и иначе любит»¹¹¹. Италия, по мнению Муратова, это отнюдь не «книга воспоминаний», а, напротив, — «родной дом нашей души, живая страница нашей жизни, биение сердца, взволнованного великим и малым... и в этом ничто не может сравниться с ней»¹¹².

Образ пятый. Россия!..

Для многих русских путешественников, посещавших Италию, новые впечатления стали мощным живительным импульсом для углубленных размышлений о своей Отчизне. Поводом к этому, чаще всего, были невольно возникавшие у них сравнения различных сторон итальянской жизни с отечественным культурно-хозяйственным бытом. И.В. Цветаев писал: «Необыкновенной сдержанностью и приличием тона отличаются здесь и кофейни... ни пьяных, ни безобразного галденья и ругательств, без чего не обходится, к нашему стыду, ни один русский провинциальный базар и без чего немыслимы наши мрачные и грязные трактиры, харчевни и питейные дома...»¹¹³. Слушая «горячие речи» итальянских педагогов о необходимости развития просвещения, он подчеркнул, что «одинаковое горе и одинаковые нужды и здесь, и там ставят ребром одни и те же вопросы: “что делать? где искать средства для лучшего будущего?”»¹¹⁴.

Подобные вопросы задавали и российские ученые-аграрники, сравнивая различные стороны сельского хозяйства России и Италии в начале XX в. Особый научный интерес вызывает статья И.А. Олейника 1908 г., посвященная сравнительно-историческому анализу условий общественно-агрономической деятельности в России и Италии¹¹⁵, — одно из наиболее содержательных исследований подобного рода в отечественной экономической печати. Автор отмечал, что в России общественная агрономия была создана земскими учреждениями «под влиянием более прогрессивной части местных деятелей», и в результате отношение к самой необходимости аграрных новаций в земских собраниях постоянно менялось в зависимости от «перемены состава гласных»¹¹⁶. Все это заметно осложняло работу русских агрономов на местах: зачастую им приходилось рассчитывать «в наших медвежьих углах, при бедности интеллигентными силами» исключительно на себя¹¹⁷. В Италии же, напротив, кафедры общественной агрономии были созданы «широкой местной инициативой», что а priori предполагало «известную культурность общества, известную степень политической

свободы и привычки к самостоятельности», и в итоге благотворно повлияло на развитие местной агрономической организации¹¹⁸.

Интересен и проведенный И.А. Олейником сравнительный анализ тех объективных условий, в которых агроному начала XX столетия приходилось вести хозяйственно-просветительную, культуртреггерскую деятельность в России и Италии. Как отмечал автор, «более свободный политический строй» в Италии позволял отчасти нивелировать и «сглаживать» «классовую рознь» в крестьянской среде. В России же крестьянство «китайской стеной отгораживалось от всех более культурных слоев населения», нередко относясь к земскому агроному как к «барину», агенту «попечительной власти»¹¹⁹.

Большое значение для успешной агрономической деятельности имела грамотность сельского населения, которая в Италии (особенно в северных и центральных провинциях) была, по-видимому, выше, нежели в Центральной России.

Богатейшая природа Италии давала населению исключительное разнообразие ценных сельскохозяйственных культур: пшеницы, винограда, маиса, люцерны и др. Спрос на агрономическую помощь был весьма широк. Напротив, — ограниченный выбор сельскохозяйственных культур в России (особенно в «северных губерниях») значительно ограничивал сферу воздействия агронома и уменьшал продуктивность деятельности последнего¹²⁰.

Отметим и условия работы агрономов на местах. Район деятельности итальянского агронома, как правило, был небольшим, что заметно облегчало его близкие хозяйственные контакты с земледельцами. В России же ситуация была прямо противоположной: так, в Московской губ. в начале XX в. на каждого из 13 уездных агрономов в среднем приходилась площадь в 2250 кв. верст, что составляло около 79% площади всей Пармской провинции в Италии (3238 кв. км)¹²¹.

Наконец, в России сельскохозяйственные беседы и чтения, организованные агрономами для крестьян, как правило, сопровождались препятствиями со стороны местной администрации; в Италии же «конференции» (сельскохозяйственные беседы в крестьянских селениях) проходили свободно¹²².

Эти различия между Россией и Италией во многом усугублялись недалекновидной политикой самодержавия. Как отмечает В.Я. Гросул, к началу XX в. власть «утратила преобразовательскую инициативу, уступив ее обществу», что проявилось, в частности, в том, что она сохраняла «многие пережитки прошлого феодального устройства», в отличие от общества, которое «в большинстве своем стремилось к экономической инициативе без искусственных препятствий...»¹²³.

О прогрессивном аграрном опыте Италии писали в начале XX в. и другие авторы¹²⁴. Особое внимание при этом уделялось итальянской сельскохозяйственной кооперации и коллективной аренде, страхованию, а также большим успехам жителей Апеннинского полуострова в области сельскохозяйственного образования и необходимости творческого использования этого опыта в России¹²⁵. Отметим и работу о знаменитом итальянском сельскохозяйственном журнале «Coltivatore» («Земледелец»), который был основан в 1855 г.¹²⁶ Примечательно, что история этого популярнейшего издания являлась для автора отнюдь не самоцелью, а попыткой подтолкнуть думающего российского читателя к «интересным параллелям» — сравнению с молодой отечественной сельскохозяйственной журналистикой¹²⁷.

Интересны также наблюдения писателя и философа В.В. Розанова, путешествовавшего по Италии весной 1901 г. Он так описывал свои впечатления от музеев Ватикана: «...какое это было искусство, и чудный узорный ум, и характер — уже вовсе не наш! И все — не наше! И боги, и наряды, и жизнь, и человек! Историк не может без волнения это видеть»¹²⁸.

Прежде всего, бросался в глаза острый недостаток в России энергичных, предприимчивых людей. «Чувствуя за границей свою родину особенно сильно, — писал В.В. Розанов, — я много раз, смотря на живых, ловких и неусыпных итальянцев, вспоминал с печалью родные фигуры, сонливые, ленивые, ругающиеся и с неодолимым вкусом к алкоголю. Там виноградное вино, здесь — водка»¹²⁹. «Второй месяц живя в Италии, — вспоминал он в очерке “Солнце и виноград”, — я не видел ни одного пьяного человека и ни одной пьяной сцены на улице. ...насколько это сообщает улице и вообще всей жизни приятный, мягкий и вежливый колорит»¹³⁰. Проводя сравнение с Россией, Розанов с горечью писал о том, что «пьянство, как национальный порок, прямо отнимает у народа историю»¹³¹.

Сравнивая национальные характеры русских и итальянцев, В.В. Розанов особо выделял «подвижность, легкость, и светящийся во всяком итальянце ум»: «даже у нищих и у мальчишек, даже у слепых и калек, стоящих на углу улицы с протянутой рукою, я не видел такого апатичного, застывшего, тупого во взгляде лица, каких так много у нас на севере»¹³². По его мнению, на это во многом повлияли и природа, и национальный характер.

Сходные идеи высказывал и граф П.Д. Бутурлин (родившийся в Италии), который в 1895 г. писал:

Родился я, мой друг, на родине сонета,
А не в отечестве таинственных былин,
И серебристый звон веселых мандолин
Мне пел про радости, не про печали света¹³³.

Вызывают также интерес выводы философа Н.А. Бердяева, который в своей статье «Чувство Италии» (1915) отмечал: «Русский характер и родствен, и глубоко противоположен итальянскому.. Но любим мы у итальянцев то, что непохоже на нас, что нас дополняет. Мы любим в итальянцах дар переживания радости жизни, которого мы, русские, почти лишены. Мы — тяжелые, всегда ощущающие бремя жизни и мировую ответственность, любим легкость итальянцев. Мы — люди севера, любим близость итальянцев к солнцу. Так тяжела была наша история, что мы почти не знаем свободной игры творческих сил человека. И нас пленяет в итальянском народе этот избыток свободных творческих сил»¹³⁴. Именно поэтому, по мнению Бердяева, «Италия должна стать вечным элементом русской души»: «Италией мы лечим раны нашей души, истерзанной вечной русской ответственностью за судьбу мира, за всех и за вся»¹³⁵.

Как бы продолжая эту тему, другой выдающийся деятель русской культуры начала XX в., В.В. Розанов, в очерке «Помпеи» (1901) обратил внимание на «летнюю психологию, воздушную, доверчивую», присущую жилищам погибших обитателей Помпей, подчеркнув при этом, что «и душа их тоже была более летняя, чем наша»¹³⁶.

Позже, уже в 1910 г., писатель отмечал, что во время трех своих путешествий по Италии, Швейцарии и Германии он был «более всего поражен и, наконец, растроган разлитую повсюду деликатностью»¹³⁷. По его мнению, «настроение заграницы совсем другое, чем в России. ...Нет нашей ужасной северной угрюмости, сплетенной из печали, тоски, более всего сплетенной из скуки и вечных русских неудач, наконец, из злости и раздражения. Все это, — с горечью заключает он, — перелилось в форму вечного и повсюдного в России “раздражения на соседа”... И злорадство по поводу “неудачи”...»¹³⁸. Особенно раздражала Розанова типичная для России грубость, которая, по его меткому замечанию, «понижает интенсивность работы в стране». В странах же Западной и Южной Европы, включая Италию, по его свидетельству, существует «единение и братство в мелочах», то есть «вежливость», без которой «ничего не возможно, не возможна культура»¹³⁹.

В 1924 г. А.М. Горький, обожавший итальянские празднества, писал Владиславу Ходасевичу из Сорренто (где он жил с 1924 по 1932 г.):

«Тут, знаете, сезон праздников, — чуть ли не ежедневно фейерверки, процессии, музыка и “ликование народа”. А у нас? думаю я. И — извините — до слез, до ярости завидно, и больно, и тошно...»¹⁴⁰.

Позже поэт Б.А. Чичибабин, чьи «опальные» стихотворения широко распространялись с конца 1950-х годов в рукописях, в стихотворении «Рим без тебя» с горечью признавался:

Тяжка наша участь: нам если не свой, то злодей,
а что у нас плохо, то все чужаки насолили, —
А в Риме веселом, как всмотришься в лица людей,
никто и не помнит, что некогда был Муссолини¹⁴¹.

Однако не все россияне были столь категоричны: так, И.М. Гревс писал, что итальянец напоминает ему «симпатичного простого человека», во многом даже *похожего* на русского, «особенно южно-русского простолюдина», в том числе добродушием и готовностью оказать услугу¹⁴².

Вызывает интерес и свидетельство такой уникальной творческой личности, как К.Д. Бальмонт, который в своем очерке «Гении охраняющие» отмечал: «Кто скажет Данте, Леонардо, Рафаэль, Микеланджело, на того глянет не только золото и лазурь итальянской мечты, но и вся красота человеческого достоинства, вся гражданская мощь этой страны, чье имя так нежно»¹⁴³.

Художник М.А. Врубель, анализируя свои впечатления от первой поездки в Италию, писал: «Передумал и перенаблюдал массу и... сделал такие широкие выводы... Крылья — это родная почва и жизнь... Здесь можно только учиться... Ах, сколько у нас красоты на Руси... И знаешь, что стоит во главе этой красоты — форма, которая создана природой вовек... потому что она — носительница души...»¹⁴⁴.

Случались и курьезы, возникавшие на почве несовпадения духовно-нравственных канонов православной культуры с традициями католичества. Так, М.Г. Талалай приводит рассказ об одной монашенке, посетившей Италию в начале XX в.: «...ей особенно хотелось увидеть Тиберию Августа, правившего во времена Тиберия, и она одна пробралась в Ватиканский музей. “И что же, милочка, — с ужасом говорила она, с каждым словом втягивая в себя воздух, — что ж ты думаешь, ведь он стоит там совсем голый!”»¹⁴⁵.

Таким образом, россияне привлекали самые разные проявления итальянской жизни, которые они *творчески переосмысливали* применительно к отечественным условиям. С.П. Шевырев в 1830 г. писал: «Надо в воспитании нашем непременно обратить внимание на куклы, чтобы вместо кормилиц, мужиков и проч. прода-

вать куклы великих мужей, костюмы всех народов: тогу римскую... шлемы, оружия древние. ...Так всю историю Римскую и Русскую можно бы представить куклами. Пусть малютки... импровизируют сцены исторические. Это особенно должно быть заведено в России, где мешаются понятия о всех народах... потому не худо бы детей заранее приучать к этому лабиринту. ...великая была б услуга эстетическому воспитанию в России»¹⁴⁶.

Продолжил эту тему и князь С.М. Волконский, отмечавший: «Трудно передать впечатление итальянского сада тому, кто не видал, а в особенности нашему среднему русскому человеку он не понятен. Не понятен потому, что не отвечает потребностям его, или отвечает таким потребностям, которые в нем спят. Ведь этот сад есть как бы дом, продолжающийся вне дома, это архитектура, распространяющаяся в природу. У нас же наоборот: ...природа распространяется на архитектуру, природа входит в дом»¹⁴⁷. Все это приводило его к грустным мыслям: «Как бедны мы красотой! Ведь всякая красота есть... роскошь как известный преизбыток... в пространстве или во времени развивающийся. У нас в России бедность и в том и в другом. Слышал, есть где-то в Смоленской губернии выселок, называется Пустые Вторники. Переселенцы пришли на указанное место и ничего там не нашли. Был вторник — это было время; место было пусто — таково было пространство»¹⁴⁸. «Мало у нас красоты, потому что мало преизбытка, и вряд ли когда будет, не к тому идет, — заключал он в суровом для России 1924 г., — а сейчас, когда все “на учете”, какой же может быть преизбыток, какая красота?..»¹⁴⁹.

Для большинства россиян, посетивших Италию в XIX — начале XX в., восприятие этой страны происходило сквозь призму *православных* культурных ценностей. Однако это отнюдь не означало категорического неприятия и отторжения иной, незнакомой для них культурно-религиозной традиции. Так, С.П. Шевырев подчеркивал: «Надо бы русских воспитывать в духе терпимости ко всему иноземному и в жаркой любви к отечественному. Кто соединит терпимость к чужому с любовью к своему — тот истинно русский»¹⁵⁰. Поэтому необходимо свести воедино патриотизм, истину, добродетель и изящество, причем последнее перенять именно у итальянцев¹⁵¹.

Только так, по мнению С.П. Шевырева, русские смогут соединить в своем национальном характере «глубокомыслие немцев без темноты, вкус изящный итальянцев без поверхностного их взгляда, политику французов без вредных ее крайностей, и житейскую промышленность англичан и, обогатившись чужим опытом, явimsя достойными европейцами»¹⁵².

«Русские вечно замыкаются. Ищут себя в себе. Знают ли они, что можно себя найти, отражаясь в чужих глазах?» — задает вопрос итальянский прозаик, переводчик и радиожурналист Марио Корти в своей книге «Дрейф»¹⁵³. Отметим, что это единственный пока автор, кто написал художественное произведение по-русски, имея родным другой язык¹⁵⁴.

Если слегка изменить формулировку этого вопроса: «Знают ли русские, что можно найти *себя* (здесь и далее выделено мною. — С.К.), впустив в свое сердце энергетику *другой страны*?» — то прошедшие перед нами ярким калейдоскопом образы Италии, рожденные в душах наших соотечественников в XIX — начале XX в., бесспорно, дают на него *положительный* ответ¹⁵⁵.

Не случайно Н.Я. Эйдельман в самом конце очерков о своей месячной поездке по Италии, вышедших уже после его смерти, в 1990 г., сделал такой вывод: «Мы едем *оттуда сюда*, куда меньше открыв нового для себя в Италии, чем — в родной стране»¹⁵⁶. Отмеченная историком тенденция имела место как в дореволюционном нашем Отечестве¹⁵⁷, так и в «советскую эпоху» (включая свидетельства оказавшихся за пределами Родины деятелей отечественной культуры¹⁵⁸, — правда, за редкими исключениями¹⁵⁹); проявляется она и в нынешней, теперь уже «постсоветской» России...¹⁶⁰

В заключение приведем свидетельства людей, пожалуй, наиболее чутко уловивших роль Италии как для русской культуры, так и для всей мировой цивилизации.

«Красота — это загадка, и итальянцы ее разгадали, — отмечал в 2009 г. режиссер Ю.П. Любимов (в 2003 г. удостоенный звания Великого офицера ордена “Звезда итальянской солидарности”, а в 2011 г. ставший лауреатом “Премии Н.В. Гоголя в Италии”), — эти люди умеют красиво созидать... Любовь к Италии жила в сердцах многих наших великих мастеров»¹⁶¹.

«В Италии наложились друг на друга предельное совершенство природы и культуры, — в свою очередь, подчеркнул социолог и переводчик Борис Дубин. — Их соединение и одновременно отдаленность тягот, которые всегда были в России, — вот, пожалуй, секрет притягательности Италии»¹⁶².

«В Италии чувствуешь себя совладельцем окружающего ландшафта, городского пейзажа и от этого впадаешь в вечность, как впадают в детство, — отмечает один из лучших современных переводчиков с итальянского Геннадий Киселев. — ...Здесь внутреннее

зрение и жажда открытий обостряются настолько, что начинаешь прозревать внутрь себя, внутрь окружающего, в том числе и твоей собственной страны»¹⁶³. Не случайно известный историк культуры русской эмиграции В.В. Вейдле отмечал, что сама традиция русских путешествий в Италию — это «залог европейского бытия России»¹⁶⁴.

«Ощущение ее вечной жизненной стихии — вот то, что составляет истинный смысл итальянского путешествия, — пронизательно делал вывод П.П. Муратов, — человек, “духовной родиной” которого не случайно стала Италия эпохи Возрождения. — ...Мы возвращаемся из Италии с новым мироощущением слиянности начал и концов... неразрывности личного и всемирного, правды вечного круговорота вещей, более древней правды, чем скудная идея прогресса...»¹⁶⁵.

С этими словами удивительно «перекликаются» чудесные лирические строки Осипа Мандельштама:

Да будет в старости печаль моя светла:
Я в Риме родился, и он ко мне вернулся;
Мне осень добрая волчицею была
И — месяц Цезаря — мне август улыбнулся¹⁶⁶.

Подведем итоги.

Италия прочно вошла не только в «душу и сердце», но и в «коллективное бессознательное» (К.Г. Юнг) русских людей (в основном, представителей дворянской интеллигенции) с рубежа XVIII—XIX вв. Вплоть до начала Первой мировой войны, нарушившей весь ход отечественной истории, ее многоликие образы занимали достойное место в русской культуре. Это, действительно, уникальный исторический и социокультурный феномен, заслуживающий дальнейшего осмысления.

В наше динамичное и противоречивое время, когда, по меткому замечанию известного театроведа и телеведущего В.Я. Вульфа, «массовая культура вытеснила все и вся», обращение к многочисленным свидетельствам российских путешественников и паломников, посетивших Италию в XIX — начале XX в., позволяет лучше понять неразрывную связь Прошлого и Настоящего, удивительное многообразие Природы и Общества, а также в полной мере оценить как уникальность и неповторимость этой прекрасной страны, так и самобытные черты нашей Родины.

¹ Подробнее см.: *Комолова, Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. — М., 2005. — С. 90—99.

- ² *Синицына, Н.В.* Образ «Рима» и идея «Рима» в русском национальном сознании XV—XVI вв. // Россия и Италия. — М., 1993. — С. 20—38; *Ее же.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции, XV—XVI вв. — М., 1998; *Ее же.* Максим Грек. — М., 2008; и др.
- ³ *Комолова, Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века...; *Ее же.* Моя Италия (взгляд российского историка, 1959—1996 гг.). — М., 2007; и др.
- ⁴ *Талалай, М.Г.* Русская православная церковь в Италии с начала XIX века до 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2002; *Его же.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. — СПб., 2011; *Его же.* Да упокоит тебя чужая земля...: российский некрополь в Южном Тироле. — М., 2012; и др.
- ⁵ *Бочаров, И.Н., Глушакова, Ю.П.* Салон З.А. Волконской как окно в Европу для Пушкина и его друзей // Россия и Италия. — М., 2000. — Вып. 4: Встреча культур. — С. 340—341; *Их же.* Кипренский. — М., 2001; и др.
- ⁶ *Гросул, В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века. — М., 2008.
- ⁷ *Стефко, М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2010; и др.
- ⁸ См.: *Яковенко, С.Г.* Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» // Россия и Италия. — М., 2000. — Вып. 4: Встреча культур. — С. 340—341.
- ⁹ Программу конференции см.: Международная научная конференция «Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме». URL: www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=rw5Ur5LZQXE%3d&tabid=36
- ¹⁰ *Lo Gatto, E.* Russi in Italia. Dal secolo XVII ad oggi. — Roma, 1971; и др. См. о нем: *Кириллова, М.* Лекции итальянского литературоведа о русской литературе // Вопросы литературы. — 1957. — № 4; *Ло Гатто, Э.* Мои встречи с Россией. — М., 1992.
- ¹¹ *Страда, В.* Итальянские лекции Горького о русской литературе (у истоков «социалистического реализма») // Россия и Италия. — М., 1993. — С. 222—232; *Strada V.* I russi e l'Italia. — Milano, 1995; *Idem.* Euro Russia: letteratura e cultura da Pietro il Grande alla rivoluzione. — Roma, 2005; и др. См. также: Vittorio: междунар. науч. сб., посвящ. 75-летию Витторио Страды / сост. С. Бочаров, А. Парнис. — М., 2005.
- ¹² *Risaliti, R.* Russi a Firenze e Toscana. — Firenze, 1992; и др.
- ¹³ *Джулиани, Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: материалы и исследования / пер. с итал. А. Ямпольской. — М., 2009; и др.
- ¹⁴ В качестве дополнения автором также использованы некоторые материалы, касающиеся частной переписки.
- ¹⁵ *Баратынский, Е.А.* Небо Италии, небо Торквата... // Итальянские мотивы в русской поэзии XIX века: сб. текстов. — М., 2002. — С. 37.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Букалов, А.М.* Пушкинская Италия: записки журналиста. — СПб., 2004. См. также: *Бочаров, И.Н., Глушакова, Ю.П.* Итальянская пушкиниана. — М., 1991.
- ¹⁷ *Шевырев, С.П.* К Италии // Итальянские мотивы в русской поэзии XIX века. — М., 2002. — С. 143.
- ¹⁸ *Волконская, З.А.* Путевые заметки // Северные цветы на 1830 г. — СПб., 1829. — С. 217.

- ¹⁹ См. также: *Теребенина, Р.Е.* Пушкин и З.А. Волконская // Русская литература. — 1975. — № 2. — С. 138—141.
- ²⁰ *Волконская, З.А.* Путевые заметки. — С. 217.
- ²¹ *Цветаев, И.* Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. — М., 1883. — С. I. Разд. паг.
- ²² *Гревс, И.М.* Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890—1891 г.) // Россия и Италия. — М., 1993. — С. 282.
- ²³ Цит. по: *Отрошенко, В.* Гоголиана. URL: www.pereplet.ru:18000/text/korpus-all.html
- ²⁴ Цит. по: *Алякринская, Н.* Как придумали и кому вручили литературную премию им. Горького на острове Капри. URL: www.novayagazeta.ru/arts/44694.html
- ²⁵ Цит. по: *Марков, С.* Иван Сергеевич Тургенев // Путешественник. — 2000. — № 3(23). — С. 17.
- ²⁶ *Мандельштам, О.* Природа — тот же Рим и отразилась в нем... // *Мандельштам, О.* Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. — Тбилиси, 1990. — С. 84.
- ²⁷ Впервые оно было введено в научный оборот на XXIII Международном географическом конгрессе в Москве в 1976 г. и означает комплексное воздействие ландшафта на человека и социум. См. также: *Родман, Б.Б.* Пейзаж России // Вопросы истории естествознания и техники. — 1993. — № 3. — С. 63—65.
- ²⁸ См.: *Франко Фонтана* и его «Геометрия». URL: www.stocktricks.ru/foto/franko-fontana-i-ego-geometriya/
- ²⁹ См. о нем: *Карло Рампацци:* «Моя мебель всегда ярких цветов» // SALON-Interior. — М., 2007. — № 4. — С. 166—168.
- ³⁰ Так, один из самых известных кутюрье-стилистов мира Джанни Версаче (командор ордена «За заслуги перед Итальянской Республикой» 1986 г.) в одном из последних в своей жизни интервью признавался: «Я по происхождению южанин. Из области Калабрия, где властвуют особые нравы. Мы любим в нашей самой бедной части Италии, чтобы всего было много и все было бы красиво». — Цит. по: *Ильинский, М.* Что еще надо, чтобы тебя убили? // Известия. — 1997. 17 июля. — С. 6. На такое восприятие жизни большой отпечаток наложила именно местная природа. См. также о жизни и творчестве Д. Версаче: URL:www.versace.com (официальный сайт Д. Версаче); *Кастель, М.* Миф Версаче: Биография / пер. с итал. А. Борисовой. — СПб., 2008.
- ³¹ Здесь обращают на себя внимание, прежде всего, уникальные достижения специалистов *Тосканы*. Подробнее см.: URL: www.castelloromitorio.com; www.canonicacerreto.it; www.casaledelmare.it
- ³² См. также: История венецианского муранского стекла. URL: www.murano-club.biz/page_4.html
- ³³ *Шевырев, С.П.* Итальянские впечатления. — СПб., 2006. — С. 446.
- ³⁴ Там же. — С. 448.
- ³⁵ Там же. — С. 450.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Греч, Н.* Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. — СПб., 1843. — Т. 3. — С. 5, 6.
- ³⁸ Там же. — С. 22.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. — С. 272.

- ⁴¹ Там же. — С. 187.
- ⁴² Там же. — С. 194.
- ⁴³ Там же. — С. 186, 187.
- ⁴⁴ Цит. по: *Белоногова, В.Ю.* Итальянские «встречи» Гоголя с эмигрантом Горьким. URL: www.gogol.ru/gogol/stati/italyanskie_vstrechi_gogolya_s/
- ⁴⁵ Цит. по: Гоголь в Италии. URL: www.gogol.lit-info.ru/gogol/mesta/italiya.htm
- ⁴⁶ *Стендаль.* Рим, Неаполь и Флоренция. — М., 2005. — С. 435.
- ⁴⁷ *Цветаев, И.* Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. — С. 35. Разд. паг.
- ⁴⁸ Там же. — С. 47.
- ⁴⁹ *Волконский С.М.* Странствия // *Волконский С.М., кн. Мои воспоминания:* в 2 т. — М., 1992. — Т. 1: Лавры. Странствия. — С. 198.
- ⁵⁰ См.: *Алякринская, Н.* Как придумали и кому вручили литературную премию ...
- ⁵¹ *Водовозова, Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Итальянцы. — 5-е изд. — М., 1919. — С. 35. — Далее: *Водовозова Е.Н.* Итальянцы.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Стендаль.* Рим., Неаполь и Флоренция. — С. 414.
- ⁵⁴ *Водовозова, Е.Н.* Итальянцы. — С. 35, 36.
- ⁵⁵ Там же. — С. 52.
- ⁵⁶ Там же. — С. 76.
- ⁵⁷ Там же. — С. 77.
- ⁵⁸ Там же. — С. 82.
- ⁵⁹ Там же. — С. 147.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. — С. 136.
- ⁶³ Там же. — С. 138.
- ⁶⁴ См.: Там же. — С. 142—144.
- ⁶⁵ *Стендаль.* Рим, Неаполь и Флоренция. — С. 41.
- ⁶⁶ См.: *Наумова, Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? — М., 1999; *Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / под ред. В.Г. Федотовой.* — М., 2002; *Бауман, З.* Глобализация. Последствия для человека и общества: пер. с англ. — М., 2004; *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь: пер. с англ. — М., 2004. Известный канадский антрополог М. Перессини проводит в своих работах идею о том, что национальная самобытность является фикцией (?!), якобы упрощающей социальные реалии и приводящей к отчуждению между отдельными группами современного общества: *Перессини, М.* Две стороны одной медали // *Курьер ЮНЕСКО.* — 1994. — Август. — С. 16—18. Ср.: *Бенхабиб, С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М., 2003. — С. 111 и др.
- ⁶⁷ Эти выводы подтверждаются также историей итальянской Высокой Моды второй половины XX — начала XXI в. (в том числе трагической судьбой Джанни Версаче).
- ⁶⁸ *Греч Н.* Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. — Т. 3. — С. 45, 46.
- ⁶⁹ Там же. — С. 46.
- ⁷⁰ Там же. — С. 84, 85.

- ⁷¹ Кузмин, М. Нездешние вечера. — Пб., 1921. — С. 110. См. также о Равенне: *Августин (Никитин), архимандрит.* «Всех дороже мне Равенна» // Нева. — 2011. — № 8. — С. 217—242.
- ⁷² Подробнее см.: *Кара-Мурза, А.А.* Знаменитые русские о Риме. — М., 2001; *Его же.* Знаменитые русские о Флоренции. — М., 2001; *Его же.* Знаменитые русские о Венеции. — М., 2001.
- ⁷³ *Волконский С.М., кн.* Мои воспоминания: в 2 т. — Т. 1. — С. 368.
- ⁷⁴ См.: Там же. — С. 196—206 и др.
- ⁷⁵ См., напр.: *Ходасевич, В.* Помпейский ужас // Собр. соч.: в 4 т. — М., 1997. — Т. 3. — С. 33—39.
- ⁷⁶ Так, на восприятие Италии Александром Блоком в 1909 г. сильно повлияли трагические события его личной жизни (смерть новорожденного сына Мити и тяжелый семейный конфликт); несмотря на это, он нашел силы для того, чтобы выразить свое восхищение и нежность перед уникальными шедеврами мировой культуры. См. также: *Блок, А.* Равенна // *Блок, А.* Лирика. Театр. — М., 1981. — С. 287, 288.
- ⁷⁷ См.: *Володарский, В.М.* Русские художники в Италии (1880-е годы) // Россия и Италия. — М., 1993. — С. 206.
- ⁷⁸ *Шевырев, С.П.* Итальянские впечатления. — С. 145, 146.
- ⁷⁹ Там же. — С. 146.
- ⁸⁰ *Бушканец, Л.Е.* Чехов — писатель русского Апокалипсиса? // Общественные науки и современность. — 2010. — № 4. — С. 165.
- ⁸¹ См., напр.: *Головин, К.Ф.* Сельская община в литературе и действительности. — СПб., 1887; *Одарченко, К.Ф.* Нравственные и правовые основы русского народного хозяйства. — М., 1897.
- ⁸² *Дружинин, Н.М.* Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг. — М., 1978. — С. 274.
- ⁸³ См.: *Козлов, С.А.* Аграрная рационализация в центрально-нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати) / отв. ред. В.Я. Гросул. — М., 2008; *Корелин, А.П.* Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861—1914 гг.) // Российская история. — 2011. — № 1. — С. 42—51. См. также: *Карагодин, А.В.* Аграрный кризис конца XIX — начала XX вв. и материальное положение русского пореформенного крестьянства в освещении современного западного россиеведения: новые подходы и текущие дискуссии // Индустриализация в России: информ. бюллетень науч. семинара. — М., 2001. — № 12. — С. 65—75; *Миронов, Б.Н.* Мифология о системном кризисе в России после Великих реформ 1860—1870-х годов // Труды Института российской истории [РАН]. — М., 2008. — Вып. 7 / отв. ред. А.Н. Сахаров. — С. 59—73; *Его же.* Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII — начало XX века — М., 2010; *Нефедов, С.А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. — 2011. — № 5. — С. 127—136; *Островский, А.В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Там же. — № 6. — С. 129—144.
- ⁸⁴ Подробнее см. о ней: *Пархоменко, Т.А.* Русский интеллект на рубеже эпох, вторая половина XIX — первая половина XX в. — СПб., 2007.
- ⁸⁵ Цит. по: *Кара-Мурза, А.А.* Борис Константинович Зайцев: «Да не потонет личность человеческая в движениях народных!» // Орловские либералы: люди, события, эпоха / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. — Орел, 2010. — С. 105.

- ⁸⁶ См.: Святитель Николай чудотворец: житие, перенесение мощей, чудеса, слава в России. — М., 2011.
- ⁸⁷ *Талалай, М.* Русское православное паломничество в Италию. URL: www.zarubezhje.narod.ru/italy/pellegrinaggio.htm. Подробнее об истории общества см.: *Лисовой Н.Н.* Императорское православное палестинское общество, XIX—XX—XXI вв. // Отечественная история. — 2007. — № 1. — С. 3—22. См. также: История ИППО. URL: www.ippo.ru/istoriya-ippo/index.html (официальный сайт Императорского Православного Палестинского Общества).
- ⁸⁸ См. также: *Талалай, М.* Русское подворье в Бари // Истина и жизнь. — 2005. — № 5. — С. 28—32.
- ⁸⁹ Цит. по: *Его же.* Русское православное паломничество в Италию.
- ⁹⁰ Из последних работ, посвященных его огромному историческому и социокультурному наследию, выделим монографию известного итальянского историка, писателя и журналиста Коррадо Ауджиаса. См.: *Ауджиас, К.* Секреты Рима / пер. с итал. Н.Л. Богданова. — М., 2011.
- ⁹¹ Истоки этой тенденции были заложены еще в XIX в.: как отмечает М.В. Нащокина, «Рим, этот великий и Вечный город, в русской культуре XIX столетия занимает уникальное, в своем роде единственное место — он все, и колыбель, и школа, и духовная вершина, и зримая линия культурного горизонта»: *Нащокина, М.* Италия — «больше, чем счастье и радость» // Наше наследие. — 2011. — № 97. — С. 6.
- ⁹² *Эрн, В.Ф.* Письма о христианском Риме / предисл., подгот. текста и коммент. В. Кейдана // Там же. — 1991. — № 2 (20). — С. 116—135.
- ⁹³ См. также развитие этой темы известным современным поэтом: *Кушнер, А.С.* Нет лучшей участи, как в Риме умереть... URL: www.kushner.poet-premium.ru/vosmidesyatye.html
- ⁹⁴ Цит. по: *Кара-Мурза, А.А.* Иван Сергеевич Тургенев: «Я всегда был “постепеновцем”, либералом старого покроя...» // Орловские либералы: люди, события, эпоха. — Орел, 2010. — С. 28.
- ⁹⁵ *Эрн, В.Ф.* Письма о христианском Риме. — С. 119.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же. — С. 120.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же. — С. 121.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² См. также: *Раевский, С.* Хвала Святому Франциску // Сонет серебряного века: русский сонет конца XIX — начала XX вв. — М., 1990. — С. 617; *Его же.* Хвалы Святого Франциска // Там же. — С. 617—618; Три Рима / авт.-сост. Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. — М., 2001. Этой теме уже в наши дни посвящена популярная среди православных христиан России песня иеромонаха Романа (Матюшина). См.: *Роман (Матюшин), иеромонах.* Ликует Рим в языческом весельи... URL: www.pesni.voskres.ru/songs/roman24.htm
- ¹⁰³ Цит. по: *Эйдельман, Н.Я.* Оттуда. — М., 1990. — С. 11.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Цит. по: *Зеньковский, В. Н.В.* Гоголь. URL: www.feb-web.ru/feb/gogol/critics/gzd/gzd-189-htm

- ¹⁰⁷ См.: *Осоргин, М.* Там, где был счастлив // Литература русского зарубежья: антология: в 6 т. — М., 1990. — Т. 1, кн. 1. См. также: *Комолова, Н.П.* «Там, где был счастлив»: Михаил Осоргин в Италии // *Комолова, Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века. Времена и судьбы. — М., 2005. — С. 289—298.
- ¹⁰⁸ Подробнее см.: *Ее же.* Италия в судьбе и творчестве Бориса Зайцева. — М., 1998.
- ¹⁰⁹ *Волконский, С.М.*, кн. Мои воспоминания: в 2 т. — Т. 1. — С. 196.
- ¹¹⁰ *Муратов, П.П.* Образы Италии. — М., 1999. — С. 562.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ *Цветаев, И.* Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. — С. 165.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Олейник, И.* Общественная агрономия в Италии и в России // Вестник сельского хозяйства. — М., 1908. — № 1. — С. 6—8; — № 2. — С. 17—19; № 4. — С. 8—11. — Далее: ВСХ.
- ¹¹⁶ Там же. — № 1. — С. 8.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. — С. 8.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же. — № 2. — С. 17.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ *Гросул, В.Я.* Русское общество XVIII—XIX веков: Традиции и новации. — М., 2003. — С. 497. См. также: Там же. — С. 496.
- ¹²⁴ См., напр.: *Дорман, И.* Из деятельности итальянских агрономов // ВСХ. 1909. — № 37. — С. 4—6; № 38. — С. 6—7.
- ¹²⁵ *Шнейдер, В.* Распространение низшего сельскохозяйственного образования посредством учебных заведений и внешкольным путем в Германии, во Франции, в Италии, в Бельгии и в России. — СПб., 1911. — С. 46—73; *Щенотьев, А.* Сельскохозяйственное образование в Италии. — Тифлис, 1915; и др.
- ¹²⁶ *Гриненко И.* Как ведется самый популярный сельскохозяйственный журнал в Италии // Земледельческая газета. — СПб., 1913. — 30 нояб. (№ 8). — С. 246—248.
- ¹²⁷ Там же. — С. 248.
- ¹²⁸ *Розанов, В.В.* Итальянские впечатления // *Розанов, В.В.* Иная земля, иное небо... — М., 1994. — С. 141.
- ¹²⁹ Там же. — С. 177.
- ¹³⁰ Там же. — С. 176.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. — С. 198.
- ¹³³ *Бутурлин, П.Д.* Родился я, мой друг, на родине сонета... // Сонет серебряного века: русский сонет конца XIX — начала XX вв. — М., 1990. — С. 78.
- ¹³⁴ Цит. по: *Мудров, А.* Италия. URL: www.proza.ru/2011/10/28/1292
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ *Розанов, В.В.* Помпеи // *Розанов, В.В.* Иная земля, иное небо... — М., 1994. — С. 201.
- ¹³⁷ *Его же.* О деликатности и прочих мелочах // Там же. — С. 632 (Прил.).

- ¹³⁸ Там же. — С. 633 (Прил.).
- ¹³⁹ Там же. — С. 636 (Прил.).
- ¹⁴⁰ Цит. по: *Ходасевич, В.* Воспоминания о Горьком. URL: www.gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/about/hodasevich-vospominaniya/hodasevich-vospominaniya.htm
- ¹⁴¹ *Чичибабин, Б.* Стихи // Звезда. — СПб., 1991. — № 2. — С. 35. Цитируется стихотворение «Рим без тебя».
- ¹⁴² *Гревс, И.М.* Моя первая встреча с Италией ... — С. 292.
- ¹⁴³ *Бальмонт, К.Д.* Гении охраняющие // *Бальмонт, К.Д.* Где мой дом: стихотворения, худож. проза, ст., очерки, письма / [сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. — М., 1992. — С. 244.
- ¹⁴⁴ Цит. по: *Володарский, В.М.* Русские художники в Италии (1880-е годы). — С. 220.
- ¹⁴⁵ Цит. по: *Талалай, М.* Русское православное паломничество в Италию.
- ¹⁴⁶ *Шевырев, С.П.* Итальянские впечатления. — С. 169.
- ¹⁴⁷ *Волконский, С.М., кн.* Мои воспоминания в 2 т. — Т. 1. — С. 200. Этот вывод подтверждается и другими источниками. См., напр.: *Салтыков-Шедрин, М.Е.* Пошехонская старина. — М., 1984. — С. 27, 28. Как отмечал писатель, даже русские помещики «не о красоте, не о комфорте и даже не о просторе... думали, а о том, чтоб иметь теплый угол и в нем достаточную степень сытости»: Там же. Вместе с тем, не следует и преуменьшать значимость национального природного-культурного наследия. См. также: *Нащокина, М.В.* Русские сады, XVIII — первая половина XIX века. — М., 2007; *Разумовская, А.Г.* Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2010. Разд. IV.I: Образы итальянских садов в контексте исканий модернистов.
- ¹⁴⁸ *Волконский, С.М., кн.* Мои воспоминания: в 2 т. — Т. 1. — С. 200.
- ¹⁴⁹ Там же. К сожалению, нужно признать, что и для современной России характерно то же явление, которое французский филолог-русист Жорж Нива, относящийся к нашей стране с любовью и уважением («В словесность русскую влюбленный, он с гор слетает, окрыленный» (Б.Ш. Окуджава); см. также: *Нива, Ж.* Возвращение в Европу: статьи о русской литературе / пер. Е.Э. Ляминой; предисл. и послесл. А.Н. Архангельского. — М., 1999; *Его же.* Подарок Георгия Георгиевича: жить русским языком // Знамя. — 2009. — № 2. — С. 120—137), назвал «поэтикой недовершенности»: и общества, и архитектуры, и всей отечественной культуры. Как с грустью отмечал в ходе своих регулярных (с 1992 г.) путешествий по России французский ученый, здесь повсюду «возникает такое чувство, что это лишь временное пристанище». Подробнее см.: *Niva, G.* Regards sur la Russie de l'an VI. — Paris: Edition de Fallois: L'Age d'Homme, 1998.
- ¹⁵⁰ *Шевырев, С.П.* Итальянские впечатления. — С. 182.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ *Корти, М.* Дрейф // *Корти, М.* Дрейф. — М., 2002. — С. 40.
- ¹⁵⁴ См. также: *Его же.* Другие итальянцы: врачи на службе России. — СПб., 2010. (Первое исследование о жизни и работе врачей-итальянцев в России начиная с XV в.); URL: www.mario-corti.com
- ¹⁵⁵ Вспомним здесь и мудрое замечание выдающегося российского историка XX в. Н.М. Дружинина, который писал: «Нужно учиться не только у собственного народа, вдумываясь в исторические особенности его жизни, тру-

- довых навыков, национального характера, надо систематически и внимательно изучать исторический опыт других народов, улавливать сходные и отличительные черты в их развитии, чтобы легче ориентироваться и в международном положении, и в росте собственного народа»: *Дружинин, Н.М.* Воспоминания и мысли историка. — 2-е изд., доп. — М., 1979. — С. 85—86.
- ¹⁵⁶ *Эйдельман, Н.Я.* Оттуда. — С. 47.
- ¹⁵⁷ См. также содержательную работу М.В. Нащокиной о значении Италии для русской культуры XIX в.: *Нащокина, М.* Италия — «больше, чем счастье и радость». — С. 6—23.
- ¹⁵⁸ Так, К.Д. Бальмонт в одном из своих писем супругам Амфитеатровым (от 4 июня 1937 г.) с грустью признавался: «Представляю себе красивую, изогнутую Геную и, чудится, четко слышу звуки моих сонетов к Пушкину, и после каждого сонета русские и итальянские восклицания» (*Бальмонт, К.Д.* Письма // *Бальмонт, К.Д.* Где мой дом. — М., 1992. — С. 414). Подробнее об особенностях уникального образного мировосприятия поэта см.: *Его же.* Поэзия как волшебство. — М., 1915. — С. 57—72.
- ¹⁵⁹ См., напр.: *Бродский, И.* Fondamenta degli incurabili = [Набережная неизлечимых] / пер. с англ. Д. Дашевского // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 179—205.
- ¹⁶⁰ *Вайль, П.* Гений места. — М., 2006; *Сенявская, Е.* Этот сон удивительно зримо повторяется, словно в бреду ... // *Сенявская, Е.* У вечной реки. — М., 1996. — С. 33; *Кекова, С.* На семи холмах // Новый мир. — 2001. — № 3; *Быков, Д.* Побег в идеальные области // Дружба народов. — 2011. — № 8; *Курбатов, В.* Венеция весной // Там же; *Манн, Ю.* Страна, в которую все время хочется возвращаться // Там же; *Машевский, А.* Из цикла «Рим» // Звезда. — 2011. — № 11; и др.
- ¹⁶¹ Цит. по: Первая Общественная Премия «Золотой мост». URL: www.press-relizy.ru/archive/culture/12894.html. См. также материалы конференции, на которой Ю.П. Любимов сделал содержательный доклад о своем многолетнем опыте творческой работы в этой стране: Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: междунар. науч. конф., 18—19 нояб. 2004 г. / сост., науч. ред. М.Г. Талалай. — М., 2006. — (Библиотека-фонд «Русское зарубежье». Материалы и исследования).
- ¹⁶² Цит. по: *Алякринская, Н.* Как придумали и кому вручили литературную премию ...
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Цит. по: *Шевелев, И.* Roma amore. URL: www.ewshevelev.narod.ru/genkat/718.htm
- ¹⁶⁵ *Муратов, П.П.* Образы Италии. — С. 563.
- ¹⁶⁶ *Мандельштам, О.* С веселым ржанием пасутся табуны... // *Мандельштам, О.* Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. — Тбилиси, 1990. — С. 96.

И.В. Поткина

Неосуществленный проект копий римских катакомб в Музее изящных искусств имени Александра III

31 мая 1912 г. в Москве торжественно открылся Музей изящных искусств имени императора Александра III. Этому знаменательному событию в истории первопрестольной и старейшего университета России предшествовал долгий период неустанных работ по строительству здания и составлению художественных коллекций не одного десятка лиц разных званий и сословий, которых собрал вокруг себя профессор-подвижник Иван Владимирович Цветаев. Что касается разработки общей концепции музея, то она тоже растянулась на десятилетия и была связана с именами выдающихся деятелей российской культуры.

Идея его создания принадлежала писательнице и замечательной певице, обладательнице редкого голоса княгине Зинаиде Александровне Волконской (1789—1862). Это была выдающаяся женщина, чей ум высоко ценили современники. Достаточно привести строфы А.С. Пушкина из стихотворения, написанного в 1827 г., чтобы понять, как воспринимали окружающие З.А. Волконскую, и какой она навсегда осталась в памяти потомков:

Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений¹.

З.А. Волконская при участии литературного критика и поэта С.П. Шевырева, который являлся домашним учителем ее сына в 1829—1832 гг., разработала проект «Эстетического музея при Московском университете». Произведение двух известных авторов, чьи имена олицетворяли собою эпоху, было опубликовано в 1831 г. историком и публицистом М.Н. Погодиным в литературно-

общественном журнале Н.И. Надеждина «Телескоп»². Как писал профессор Московского университета И.В. Цветаев, для реализации новаторского плана в те годы не нашлось ни денег, ни людей, способных на жертвование ради высокого искусства³. Однако замечательная идея З.А. Волконской не умерла, в 1840—1860-е годы необходимость создания в Москве галереи античной скульптуры отстаивали такие преподаватели университета, как Ф.И. Буслаев, П.М. Леонтьев и К.К. Герц⁴. Тем не менее, проект З.А. Волконской получил второе рождение лишь спустя несколько десятилетий. Но самое главное, ее замысел нашел в лице И.В. Цветаева своего последовательного и бескорыстного приверженца.

О личности И.В. Цветаева (1847—1913) сейчас известно многое и многим, однако некоторые детали его творческого пути уместно еще раз вспомнить в данной статье. Получив образование в Санкт-Петербургском университете (по классическому отделению историко-филологического факультета), на рубеже 1880—1890-х годов он стал признанным специалистом в области античной истории, эпиграфики и искусства. Сначала И.В. Цветаев работал хранителем учебного Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета, чья коллекция гипсовых слепков с античных статуй пополнялась за счет частных пожертвований. В 1889 г. он возглавил кафедру теории и истории изящных искусств. В первой половине 1890-х годов И.В. Цветаев был занят изданием многотомного Учебного атласа ваяния⁵. Именно эта работа подвела его к мысли создания самостоятельного музея. Как сказал в 1913 г. директор Музея профессор В.К. Мальмберг, второй период жизни И.В. Цветаева «доставил ему неуывдаемую славу человека, деятельность которого вышла за пределы университетского преподавания»⁶.

Во многом благодаря неустанной подвижнической работе И.В. Цветаева задуманный еще З.А. Волконской проект просветительского учреждения был блестяще воплощен в жизнь. Музей изящных искусств имени Александра III создавался, главным образом, за счет личных денежных средств российских меценатов, но, к чести сказать, и при участии верховной и муниципальной власти. Как писал И.В. Цветаев, частные пожертвования поступили «от лиц разных общественных классов, начиная с учителя гимназии и безвестного провинциального врача и кончая членами нашей царствующей семьи»⁷.

Главным меценатом московского музея стал Ю.С. Нечаев-Мальцев (1834—1913). Он получил по наследству от своего дяди по линии матери И.С. Мальцева часть предприятий бывшего Мальцевского заводского округа в центральной части Европейской России. Приобретенные вместе с фамилией, 12 фабрик и заводов

производили фаянс, стекло, хрусталь, бумажную пряжу и пр. Среди этих предприятий самым известным был Гусевский хрустальный завод, чья продукция высоко ценилась за художественное и эстетическое совершенство. Ю.С. Нечаев-Мальцев приобрел репутацию покровителя искусств задолго до строительства Музея изящных искусств⁸. В дар он принес 1,8 млн. руб. В итоге здание, спроектированное выдающимся архитектором русского модерна Р.И. Клейном, обрело гранитный цоколь, строгие торжественные мраморные фасады, белоснежную мраморную колоннаду портика, изумительной гаммы цветов гранитную и мраморную обшивку маршей и стен великолепной парадной лестницы⁹.

Кроме колоссальной суммы Ю.С. Нечаева-Мальцева И.В. Цветаев сумел привлечь денежные средства одной коммерческой фирмы и 29 человек, внесших на строительство Музея в общей сложности около 865 тыс. руб.¹⁰ Эти люди принадлежали к состоятельной части общества, представляли столицы, российскую провинцию, различные сословия и исповедовали разные религии. Крупные пожертвования поступили от предпринимателя из Нижнего Новгорода И.М. Рукавишника на сумму более 94,7 тыс. руб., от московского фабриканта П.Г. Шелапутина — 60 тыс. руб., от княгини и князя З.Н. и Ф.Ф. Юсуповых — более 46,5 тыс. руб. и от А.В. Протасовой — 41,4 тыс. руб. Художник-гравер и коллекционер Н.С. Мосолов учредил неприкосновенный капитал Музея в размере 100 тыс. руб. Одновременно поступали предложения о дарении художественных коллекций и предметов искусства, о своей помощи Музею объявили баронесса К.Л. Леви, А.Г. Подгорецкая, Ф.О. Шехтель, Е.П. Захарьина, Е.Н. Самарина¹¹. Следует отметить, что И.В. Цветаев уже в 1911 г. поставил вопрос о необходимости создания памятных досок, которые бы увековечили имена всех меценатов, дарителей и покровителей созданного его титаническими трудами Музея. В настоящее время установлено только три мемориальных таблицы: Р.И. Клейна, Ю.С. Нечаева-Мальцева и самого И.В. Цветаева. Последний как никто другой, понимая значимость происходящих событий, был уверен в том, что «историк, когда и праха костей дарителей не останется, помянет их теплым и справедливым словом признательности в грядущих поколениях»¹².

В этом списке знаменитых дворянских и купеческих фамилий оказались супруги Иван Андреевич и Ксения Федоровна Колесниковы, чье имя мало что говорит нашим современникам. В дореволюционной России член правления Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о», кандидат коммерции и потомственный почетный гражданин И.А. Колесников был широко известен благода-

ря своей многолетней филантропической деятельности. На его деньги строились православные храмы в отдаленных и глухих уголках Российской империи: на Кавказе, в Сибири, в Финляндии и Прибалтике. В Москве на средства И.А. Колесникова архитектором В.Д. Адамовичем были построены два храма эпохи модерна — церкви в честь Ватопедской иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» и в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы». Замечательный памятник зодчества XVIII в. церковь св. Филиппа митрополита на Мещанской улице не случайно стал объектом его неустанных забот, будучи старостой храма, он давал деньги на ремонт и другие нужды. И.А. Колесников поддерживал также искусство и образование. За свою щедрую благотворительную деятельность он был удостоен трех орденов Российской империи: Св. Анны 3-й степени (1897), Св. Станислава 2-й степени (1899) и Св. Владимира 4-й степени (1902)¹³.

Неудивительно, что дом директора правления Товарищества Никольской мануфактуры всегда был полон гостей. Как заметил И.В. Цветаев, там чаще всего собирались священнослужители и военные люди. И.А. Колесникова характеризует как личность и тот примечательный факт, что к нему на 2-ю Мещанскую регулярно приходили выдающийся русский историк, академик В.О. Ключевский, а также известный филолог и этнограф, действительный член Московского археологического общества, собиратель древних рукописей Е.В. Барсов. Про чету Колесниковых И.В. Цветаев писал, что это были люди «простые, религиозные и сердечной доброты замечательной»¹⁴.

28 апреля 1898 г. был утвержден Комитет по устройству Музея изящных искусств, председателем которого стал великий князь Сергей Александрович. Положение о Комитете определило его статус как учебно-просветительного учреждения при Московском университете. Статья 3 нормативного акта гласила о том, что он «служит центральным образцовым учебным пособием по истории художеств для учащегося юношества и источником развития в населении нашего отечества чувства изящного»¹⁵. Музей задумывался И.В. Цветаевым как российский аналог западноевропейских глиптотек, как собрание копий античной скульптуры и мелкой пластики. По мере строительства и поступления художественных предметов его задачи расширились. Подлинные экспонаты были выставлены в залах уже к открытию музея, они представляли собой коллекцию египтолога В.С. Голенищева и 100 картин итальянской живописи XIV—XV вв. дипломата, русского консула в Триесте М.С. Щекина.

Работа в Комитете сблизила двух совершенно разных людей: бухгалтера по образованию, выпускника Петербургского коммерческого училища И.А. Колесникова и профессора Московского уни-

верситета, первоклассного знатока античности И.В. Цветаева, который стал частым гостем в доме на 2-й Мещанской ул. в Москве. Иван Владимирович высоко оценил деловые качества своего коллеги по музею, про которого писал: «Строитель или точнее созидатель нескольких церквей в разных местах России, в Сибири, на Дону, он имеет и архитектурную сметку, и интерес к строительному делу»¹⁶.

И.А. Колесников был среди первых, кто поддержал идею создания в Москве Музея изящных искусств. Он являлся членом-учредителем Комитета по устройству музея, а затем стал его общественным казначеем. Иван Андреевич решил помочь оборудовать читальный зал при библиотеке, взяв на себя обязательство внести в кассу музея 12 600 руб. Он также дал деньги на приобретение копий с древнехристианских мозаик и архитектурных частей храмов г. Равенны. На эти средства И.В. Цветаев заказал знаменитую мозаику северного люнета «Добрый пастырь» в мавзолее Галлы Пластидии, а также мозаичные портреты императора Юстиниана и его супруги Феодоры из базилики Сан-Витале¹⁷.

В начале октября 1899 г. И.А. Колесников сообщил И.В. Цветаеву весьма радостную весть о том, что его жена, возможно, пожертвует средства на сооружение в Музее копий римских катакомб. Дело в том, что Ксения Федоровна, будучи «женщиной набожной», была потрясена неторопливым рассказом за чаем И.В. Цветаева о подвижнической работе русского художника Ф.П. Реймана над раннехристианскими фресками II—V вв. в подземных галереях Рима. Во время этой беседы, как заметил в своем дневнике И.В. Цветаев, она «была как-то особенно внимательна, вся превратившись в слух». На сооружение копий римских катакомб К.Ф. Колесникова выделила 15 тыс. руб.¹⁸

В записке 1898 г. об учреждении Музея изящных искусств И.В. Цветаев обосновывал необходимость его создания, прежде всего с учебно-воспитательной точки зрения. Он изложил свое видение структуры нового заведения и подробно описал содержание его будущих художественных отделов: скульптуры, архитектуры, живописи и антиквария. Так, по первоначальному замыслу пространная коллекция живописи должна была вместить в себя среди прочего уже готовые картоны кисти Ф.П. Реймана. И.В. Цветаев писал, что в живописном отделе «будет обращено особое внимание на составление собрания особий для изучения этого искусства в его истории, каковы фотографии, рисунки, гравюры, художественные издания различных европейских галерей, отдельные увражи»¹⁹. Этой цели в полной мере отвечали акварели с раннехристианских фресок, выполненные Ф.П. Рейманом. Но уже в 1899 г., когда было получено со-

гласие К.Ф. Колесниковой профинансировать обустройство коридоров римских катакомб в музее, И.В. Цветаев стал искать подходящее для этого место. Таковым, по его мнению, являлся не зал библиотеки с большими окнами, как вначале вместе задумали И.В. Цветаев и Р.И. Клейн, а подвальные помещения, лишенные дневного света.

В своем письме архитектору от 2 октября 1899 г. Иван Владимирович писал: «Так, дорогой мой, изменим план катакомбы и поместим ее под вестибюлем и под центральной частью внешней галереи. Эта часть темная, ни на что не нужная: ее и утилизируем». Он хотел воспроизвести целиком одну капеллу со всей росписью стен и потолка. Чтобы сделать это надлежащим образом, И.В. Цветаев планировал посетить вместе с Р.И. Клейном Рим, и уже на месте все точно вымерить. Одновременно он предполагал выбрать для воспроизведения в музее еще и крипту, «наиболее характерную по живописи и архитектурному устройству». И, наконец, оставшаяся часть, по его мнению, должна была состоять из одного или двух коридоров с нишами по стенам. И.В. Цветаев был убежден, что «Катакомба своей таинственностью, своим полумраком будет привлекать особое внимание»²⁰.

Федор Петрович Рейман (1842—1920) — еще одна примечательная и достойнейшая личность в той блестящей плеяде деятелей, чьи имена были тесно связаны со строительством Музея изящных искусств. Уроженец г. Юрьева и выпускник Петербургской Академии художеств приехал в Рим в начале 1870-х годов. Он поселился в старинном доме на *Via Sistina*, в котором когда-то жил Н.В. Гоголь. С 1888 г. в течение 12 лет художник, отказавшись от собственного творчества, трудился над созданием акварельных картонов, с раннего утра до позднего вечера копируя фрески при тусклом свете керосиновой лампы в невероятно тяжелых условиях. В работе Ф.П. Рейман опирался на метод, разработанный И.В. Цветаевым, при котором применялись фотографии, исполнявшие роль предварительной «прориси». Таким образом достигалась иконографическая точность передачи древних росписей. Как отмечает Т.Ю. Воробьева, еще одним составным элементом копирования стало воспроизведение художником стиля фресковой живописи²¹.

О многочасовом пребывании в подземелье и испытанных при этом ощущениях художник рассказывал репортеру следующим образом: «Сначала жутко, потом привык. Тишина кругом — сказочная, могильная. Чувствуешь себя отрезанным совершенно от внешнего мира. Слух мой в этой, ничем не нарушаемой тишине обострился до чрезвычайности. ... Я слышал, явственно слышал, как ползет паук». Прежде чем приступить к основному делу, Ф.П. Рейман тщательно обследовал катакомбы, а потом уже досконально изучал каждый

кусочек стены, не упуская из виду утраты красочного слоя. По свидетельству современников, его акварели передавали фрески с математической точностью. Однако они не представляли собою сухих протокольных отчетов, а являлись строго художественными произведениями, пленявшими своим колоритом²².

Первоначально работу по копированию, предназначавшуюся для музея, в течение девяти лет финансировал глава Товарищества чайной торговли «Братья К. и С. Поповы» Константин Семенович Попов. Он выплачивал 5 тыс. франков в год и отпускал по временам 750 франков на фотографирование. В 1897 г. в силу щекотливых обстоятельств И.В. Цветаев вынужден был отказаться от услуг оскандалившегося на всю Москву купца, который вдруг решил оставить у себя коллекцию акварелей Ф.П. Реймана. Заботу о финансовой поддержке художника по ходатайству сына вице-адмирала и литератора В.К. Истомина взял на себя князь Ф.Ф. Юсупов-старший, отчислявший в течение трех лет по 2 тыс. руб. в год. 12 марта 1898 г. состоялась единственная аудиенция императора Николай II с устройтелем музея И.В. Цветаевым. На царя произвел достаточно сильное впечатление лаконичный рассказ профессора о поистине героической работе художника Ф.П. Реймана над копированием раннехристианских фресок, медленно погибавших в сырых римских катакомбах. При этом И.В. Цветаев не упустил возможности описать те «страшные условия», в которых приходилось Ф.П. Рейману создавать свои уникальные шедевры: «темнота, сырость и полное одиночество на целые версты кругом, иногда в пять этажей вглубь их». В результате Николай II отдал распоряжение о назначении Федору Петровичу пожизненной пенсии в размере 1200 руб. в год²³.

Соотечественники высоко оценили самоотверженный труд живописца. Автор статьи о первой выставке русских художников в Риме 1906 г. писал: «Когда я любовался мастерски законченными акварелями Реймана, они казались мне прямо чудом... Труд Реймана — труд идейный, высокого, культурного значения. Россия может гордиться его копиями римских фресок. Таких нет нигде, ни в одной стране»²⁴. Акварели русского художника вызвали всеобщее восхищение и потрясли итальянскую столицу: «Ошеломленный Рим в восторге. И вместе чувство какой-то пристыженности. Чего бы кажется, ближе своему итальянцу заняться этим»²⁵. По словам И.В. Цветаева, студия Ф.П. Реймана уже в конце XIX в. превратилась в международный пункт, где сходились «ученые, художники и путешественники всех стран, чтобы, не спускаясь в опасные для здоровья Катакомбы, полюбоваться его прославленными по Риму картонами»²⁶.

В общей сложности Ф.П. Рейман создал 130 картонов, которые запечатлели фрески из катакомб Домициллы, Присциллы, Сан-Каллисто, Претестато, святых Петра и Марцеллина, Тразона и Сатурнина, росписи стен и потолков в доме Паммахия под церковью святых Иоанна и Павла, а также цеметерия Majus. Полностью художник скопировал кубикуллу «La Velatio» в катакомбах Присциллы, в которой представлен знаменитый образ Оранты с покрывалом на голове, а также крипту овец в катакомбах св. Каллиста, где в глухой арке в стене в окружении овец изображен Добрый пастырь, несущий на плечах агнца²⁷. И.В. Цветаев в одном из писем к Р.И. Клейну следующим образом отзывался о необходимости воспроизведения росписей «La Velatio»: «Плафон этот один из лучших по сохранности живописи. Он Рейманом снят целиком, конечно, в уменьшенном размере — и его можно будет воспроизвести во всех подробностях»²⁸.

В денежном выражении дар Музею супругов Колесниковых оценивался суммой 34,6 тыс. руб. Однако идея воспроизведения коридоров римских катакомб с криптами, которую первоначально так лелеял И.В. Цветаев, в итоге не была осуществлена. И отклонил ее не кто иной, как сам Иван Владимирович. Надо думать, что это было непростое решение. В письме Ю.С. Нечаеву-Мальцеву, датированном 6 октября 1904 г., И.В. Цветаев писал: «Вот какое сомнение начинает меня мучить. Хватит ли у нас технических сил исполнить достойным образом образец Римской Христианской катакомбы? Достаточно ли всмотрелся Р.И. (архитектор Роман Иванович Клейн. — *И.П.*)? Хватит ли его на такое серьезное специально научное дело?»²⁹. Говоря иначе, И.В. Цветаев не был уверен в безупречной чистоте исполнения чрезвычайно сложного и смелого проекта, к чему его обязывали и духовное величие, и непреходящая художественная ценность подлинных римских катакомб. В итоге деньги Колесниковых пошли на обустройство зала наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича (ныне зал № 26 — Европейское искусство средних веков). В нем первоначально и экспонировались некоторые картоны Ф.П. Реймана.

В настоящее время уникальные акварели, созданные более века тому назад, находятся на постоянном хранении в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В 2000 г. 117 первоклассных по исполнению картонов Ф.П. Реймана впервые спустя почти столетие были представлены публике на выставке «Под сводами римских катакомб». Это знаменательное событие в культурной жизни столицы, судя по прессе тех лет, нашло отклик среди любителей искусства и оставило сильное впечатление. Благодаря Ф.П. Рейману в Москве на пороге XXI в. специалисты

и широкая общественность проявили интерес к истории раннего христианства и римских катакомб. Искусствоведы отмечают, что его акварели «дают возможность работать с максимальным удобством, всматриваясь и вживаясь в образы, созданные раннехристианскими мастерами». Более того, они позволяют «очень точно воссоздать легкую, эскизную удивительно свободную манеру фрескистов, трюдившихся в катакомбах»³⁰.

В свою очередь журналисты, писавшие о выставке, вторили специалистам и сходились в одном: картоны русского художника «не просто красивы, но скрупулезно точны с научной точки зрения: переданы все цветовые оттенки, особенности авторских мазков, трещины и осыпи штукатурки». При этом подчеркивалась их возрастающая ценность, поскольку в настоящее время сохранность зафиксированных Ф.П. Рейманом фресок значительно ухудшилась, а некоторые и вовсе исчезли³¹. Так, Третий Рим протянул руку помощи в сохранении культурного исторического наследия Риму Первому.

¹ Пушкин, А.С. Княгине З.А. Волконской // Пушкин, А.С. Стихотворения. Поэмы. Сказки. — М.: Худож. лит., 1977. — С. 254, 255. — (Библиотека всемирной литературы. Сер. 2; т. 39 (103)).

² См.: Цветаев, И.В. Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. — [М.], 1912. — С. 5.

³ Там же. — С. 7.

⁴ Цветаев, И.В. Устройство Музея античного искусства при императорском Московском университете: речь, произнесенная на 1-м Съезде рус. художников и любителей художеств в Москве 24 апр. 1894 г. проф. И. Цветаевым. — М., 1894. — С. 3—6; *Его же*. Музей изящных искусств ... — С. 5; И.В. Цветаев создает музей / сост. и коммент. А.А. Демская, Л.М. Смирнова. — М.: Галарт, 1995. — С. 57—64.

⁵ См.: Каган, Ю.М. И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность: [ученый, основатель Музея изящных искусств в Москве]. — М.: Наука, 1987. — С. 63—73, 74—79.

⁶ Отчет о соединенном заседании высочайше учрежденного Комитета по устройству Музея изящных Искусств имени Императора Александра III и Совета Императорского Московского университета, посвященном памяти И.В. Цветаева и Ю.С. Нечаева-Мальцова, 15 декабря 1913 г. — М., 1914. — С. 28.

⁷ Цветаев, И.В. Устройство Музея античного искусства при императорском Московском университете. — С. 7—9.

⁸ См.: Гавлин, М.Б. Из истории российского предпринимательства: династия Мальцевых. — [М.: ИНИОН], 1997; Макушев, А.А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII — начале XX века: индустриальное наследие. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 2006. — С. 337—352.

⁹ Отчет о соединенном заседании... посвященном памяти И.В. Цветаева и Ю.С. Нечаева-Мальцева. — С. 14, 15.

- ¹⁰ См.: *Поткина, И.В.* Создатели и меценаты Музея изящных искусств имени Александра III // Индустриальное наследие: сб. материалов II Междунар. науч. конф., г. Гусь-Хрустальный, 26—27 июня 2006 г. — Саранск, 2006. — С. 45—57.
- ¹¹ И.В. Цветаев создает музей. — С. 105, 107; *Цветаев, И.В.* Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета музея 27 ноября 1899. — М., 1899. — С. 9—11; Архив Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ). — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 465. — Л. 3.
- ¹² И.В. Цветаев — Ю.С. Нечаеву-Мальцеву, 27 февраля 1907 г. // И.В. Цветаев создает музей. — М., 1995. — С. 270.
- ¹³ *Поткина, И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797—1917. — М.: Главное архивное управление г. Москвы, 2004. — С. 296—298.
- ¹⁴ Архив ГМИИ им. А.С. Пушкина. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 18. — Л. 343.
- ¹⁵ Положение о комитете для устройства при Московском университете Музея изящных искусств имени императора Александра III и заведования им: проект. — М., 1896. — С. 1.
- ¹⁶ Архив ГМИИ им. А.С. Пушкина. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 18. — Л. 202.
- ¹⁷ Там же. — Оп. 1. — Кн. 7. — Д. 5070а. — Л. 88; Кн. 8. — Д. 5104. — Л. 136—139.
- ¹⁸ Там же. — Оп. 2. — Д. 18. — Л. 342—343; И.В. Цветаев создает музей. — С. 145, 232.
- ¹⁹ И.В. Цветаев создает музей. — С. 67.
- ²⁰ Там же. — С. 145.
- ²¹ См.: *Воробьева, Т.Ю.* И.В. Цветаев и Ф.П. Рейман: из истории копирования римских катакомб // Искусство христианского мира. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. — Вып. 10. — С. 527.
- ²² *Н. Б.—Б.* Живописец катакомб // Огонек: иллюстрированное обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств. — 1906. — № 10. — С. 75. — Прил. к «Биржевым ведомостям».
- ²³ Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1900 года — М., 1900. — С. 231; *Цветаев, И.В.* Речь, произнесенная в годичном заседании Комитета музея 27 ноября 1899. — С. 4, 7; Архив ГМИИ им. А.С. Пушкина. — Ф. 6. — Оп. 2. — Д. 18. — Л. 38—40; Центральный исторический музей г. Москвы. — Ф. 418. — Оп. 226. — Д. 35. — Т. 1. — Л. 261; И.В. Цветаев создает музей. — С. 89.
- ²⁴ *Н. Б.—Б.* Живописец катакомб. — С. 75.
- ²⁵ Там же. — С. 76.
- ²⁶ И.В. Цветаев создает музей. — С. 89.
- ²⁷ *Логинова, Ю.* Хранитель катакомб: выставка с ГМИИ им. А.С. Пушкина // Культура. — 2000. — 17—23 февр. (№ 6 (7214)). — С. 7.
- ²⁸ И.В. Цветаев создает музей. — С. 145.
- ²⁹ Там же. — С. 231, 232.
- ³⁰ *Воробьева, Т.Ю.* И.В. Цветаев и Ф.П. Рейман. — С. 527. См. также: *Тучков, И.И.* Память и забвение: раннехристианские фрески в акварелях Федора Реймана // Русская мысль. — 2000. — № 43.
- ³¹ *Торчинский, О.* Из тьмы времен // МП: Музыкальная правда. — 2000. — 10 марта (№ 8 (253)). — С. 11; *Логинова, Ю.* Хранитель катакомб. — С. 7; *Козлова, М.* В Пушкинском музее витает дух раннехристианского Рима // НГ-Религии. — 2000. — 7 марта (№ 5 (52)). — С. 8.

Е.Н. Савинова

Князь С.С. Абамелек-Лазарев и его вилла в Риме

В самом центре Рима на возвышенности между Ватиканом и древним холмом Джаниколо расположена великолепная «Вилла Абамелек». В ее названии увековечено имя последнего владельца — одного из самых богатых людей своего времени, известного российского промышленника, ученого, коллекционера и мецената, князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева (1857—1916).

По отцовской линии Семен Семенович принадлежал к знатной фамилии Абамелек, восходившей к ветви рода Багратиони: Давид, сын и наследник правителя Картли-Кахетинского царства Георгия XII, женился на Елене, дочери священника Симеона Абамелека. Грузинские князья Семен и Абель Абамелеки, имевшие также и армянские корни, в 1797 г. приняли подданство России и обосновались в Петербурге. И сами Абамелеки, и их потомки отважно сражались на поле брани и верно служили российским государям.

Впоследствии их фамилия стала олицетворением не только военного геройства, безусловной честности и преданности, но и богатства: они владели большими поместьями в Бессарабии, Калужской, Московской, Петербургской, Подольской, Тульской и Ярославской губерниях. Заботясь о неделимости родительских вотчин, они предпочитали жениться на своих дальних родственницах. Отец Семена Семеновича выбрал себе в супруги кузину — Елизавету Христофоровну Лазареву, происходившую из богатого и влиятельного семейства.

В 1720-е годы в Астрахань переселился богатый род Лазарианц, еще ранее изгнанный шахом Аббасом I из Армении в Персию, а позже из-за начавшихся там гонений армян вынужденный покинуть обжитые места под Исфасганом. Глава рода Лазарь Назарович Лазарев вел успешную торговлю со странами Востока и так преуспел, что спустя десять лет перебрался на жительство в Москву. В Богородском уезде он купил небольшую ткацкую фабрику и наладил производство шелковых тканей, причем таких изысканных, что его фирма стала поставлять их исключительно для Высочайшего Двора. В 1776 г. Екатерина II пожаловала Лазареву за усердное служение престолу потомственное дворянство.

Старший сын Лазарева — Иван унаследовал предпринимательский талант родителя, однако полем своей деятельности он избрал столичный Петербург. С 1764 г. Иван Лазаревич значился придворным ювелиром. В 1772 г. он заслужил особую милость Екатерины II при следующих обстоятельствах. Фаворит императрицы граф Григорий Орлов мечтал сделать государыне необычный подарок. Иван Лазаревич знал, что муж его тетки Григорий Сафрас хранит в Амстердамском банке уникальный бриллиант весом в 194,75 карата, ранее принадлежавший правителю Персии Надир-шаху. Как уж удалось Лазареву уговорить родственника расстаться с алмазом, доподлинно неизвестно, но только графу Григорию Григорьевичу камень был продан, считай даром, — за 400 тыс. флоринов. Подаренный в день именин императрице Екатерине Алексеевне бриллиант, названный ею «Орлов», был позже вмонтирован в ее скипетр. (Скипетр, символ державной власти российских монархов, ныне хранится в Алмазном фонде Московского Кремля.)

С начала 1780-х годов Иван Лазаревич по договору с казной занимался перевозкой медной разменной монеты из уральских государственных монетных дворов в Москву и Петербург. В 1786 г. он был членом правления Государственного заемного банка. Уже в 1770-е годы стал арендовать и приобретать в Пермской губернии медеплавильные, чугунно- и железоделательные заводы, соляные промыслы, угольные шахты и к концу жизни управлял целой промышленной империей.

Ворочая большими капиталами, Иван Лазаревич подчас действовал весьма искусно, добиваясь милостей власть имущих. К примеру, в 1785 г. он по случаю купил у наследников графа Орлова полуразрушенный дворец в Ропше, в котором убили императора Петра III. Он вложил в реставрацию и перестройку имения не менее 300 тыс. руб., превратив его в роскошный дворцово-парковый ансамбль. Когда же вступивший на престол Павел I пожелал приобрести Ропшу в память о покойном родителе, Иван Лазаревич с готовностью отдал ее государю, запросив лишь 500 тыс. руб. ассигнациями.

Этот блестящий вельможа был женат, имел двух дочерей и обожаемого им сына Артемия, штабс-ротмистра лейб-гвардии гусарского полка. Но в 1791 г. двадцатитрехлетний наследник погиб геройской смертью в одном из сражений русско-турецкой войны, куда отправился как адъютант князя Потемкина. С этого момента жизнь потеряла для Ивана Лазаревича всякий смысл. Он стал отходить от дел, составил завещание, где поручил управление всем движимым и недвижимым имуществом брату Екиму. Он также по-

желал, чтобы на проценты от его капитала в Москве было выстроено учебное заведение для армянских детей. Когда же в 1801 г. Иван Лазаревич умер, верный долгу Еким не стал ждать получения доходов с оборота денег, а пожертвовал свой собственный московский дом для устройства Института восточных языков для соплеменников, вложив в его обустройство еще 300 тыс. руб. Еким Лазаревич стал первым попечителем нового высшего учебного заведения в России, слава которого с годами только возрастала.

После кончины Екима Лазаревича его имущество, оцененное в 9 млн. руб., было разделено между его тремя сыновьями. Среди них лишь Христофор Екимович занимался управлением пермским имением. Старший брат Иван от дел устранился, а после его кончины в 1858 г. Христофор Екимович стал единоличным владельцем предприятий, уплатив другому брату — Лазарю, 530 тыс. руб. серебром за отказ от его доли.

Дочь Христофора Екимовича — Елизавета, в 1852 г. вышла замуж за Семена Давыдовича Абамелека, офицера лейб-гвардии гусарского полка. В 1873 г. она оказалась единоличной собственницей всех предприятий в Пермской губернии, выкупив права у других наследников. С 1862 г. управление семейными предприятиями осуществлял Семен Давыдович, который к тому времени вышел в отставку в чине генерал-майора. Он ежегодно посещал заводы Чермозского округа, вел обстоятельную переписку с главноуправляющим имения, контролировал деятельность предприятий. Из-за пресечения мужской линии династии Лазаревых высочайше утвержденным 16 января 1873 г. мнением Государственного Совета князю Абамелеку было разрешено принять фамилию покойного тестя и именоваться князем Абамелек-Лазаревым.

Единственный сын Абамелек-Лазаревых — Семен, родился в 1857 г. Он «мечтал об ученой карьере в области искусств»¹ и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1881 г. С 1878 г. отец стал привлекать наследника к управлению заводами. Он ездил в Чермозский горнозаводской округ, но его пребывание там было кратковременным². Семен Семенович увлеченно изучал историю и искусство стран Средиземноморья и Востока, постигал древние языки.

Еще в студенческие годы он опубликовал свое исследование по истории Фессалии IV в.³ В 1881 г. князь за свой счет организовал поездку по Малой Азии, Греции и Египту. Его спутниками в путешествии были профессор истории искусств Санкт-Петербургского университета Адриан Викторович Прахов и художник Василий

Дмитриевич Поленов. «Конец 1881 и начало 1882 я провел на Востоке в тех важных странах, где зажглась заря всего великого в мировой истории», — писал Абамелек-Лазарев, признаваясь, что целью поездки было посещение древней Пальмиры. «...Я заранее решил, во что бы то ни стало побывать в Пальмире. Меня влекло туда общераспространенное представление о Пальмире как о месте таинственном и волшебном-прекрасном. “Северная Пальмира”. Это несколько претенциозное название нашего туманного Петербурга волновало мое воображение»⁴.

При посещении Пальмиры Абамелек-Лазарев обнаружил неизвестный науке археологический памятник — мраморную плиту с надписями на греческом и арамейском языках, в которых излагался Таможенный тариф 137 г., и стал первым его исследователем⁵. За это открытие Академия наук Франции в 1884 г. признала князя своим адъюнктом⁶.

В 1885 г. Абамелек-Лазарев совершил путешествие в Тунис и Алжир. Как и три года назад, он побывал в Италии. В своих экспедициях князь вел дневниковые записи. В них Италия предстает как «райская страна», где нельзя передать словами прелесть «дивных пейзажей» и очарование сохранившихся памятников древности⁷. Князь неоднократно бывал в Риме. Его многолетняя переписка с библиотекарем Collegio Romano⁸ — профессором Оттавио Грампини свидетельствует, что Абамелек-Лазарев часто приезжал в «вечный город», работал в библиотеке этой главной школы иезуитов, брал у Грампини какие-то уроки⁹.

Вероятно, в одну из этих поездок Абамелек-Лазарев поднялся на холм Джаниколо, чтобы взглянуть на город с его высоты. Он видел вдалеке поля с остатками древних храмов, частично поросшие дикими маками. К крестьянским наделам вплотную подступали дома, укрытые в зелени пальм, душистых акаций и эвкалиптов. Вблизи возвышались крыши зданий на Ватиканском холме и величественный купол собора Святого Петра. На фоне виноградников живописно смотрелась вилла, в то время принадлежавшая наследниками барона Беттино Риказоли. Это впечатление, по всей вероятности, сохранилось в памяти князя на долгие годы.

В 1882 г., когда молодой исследователь возвратился в Россию, он обнаружил, что постаревший отец его болен. Пока Семен Семенович путешествовал, на генерал-майоре в отставке лежала тяжелая ответственность за благоденствие семейства и управление пермским имением.

Всю осень 1882 г. и зиму 1883 г. Семен Семенович провел на Урале, где активно занимался изучением хозяйства в Чермозском

горнозаводском округе. Современник писал: «Князь начал изучать дело и изучил его именно так, как должен изучить хороший хозяин. Не будучи техником, благодаря широкому образованию и громадному уму и памяти, князь весьма быстро изучил дела настолько, что всякий вопрос решался им вполне сознательно»¹⁰.

В 1888 г. Семен Давыдович умер, и с этого времени его сын считал основным своим занятием главное руководство по управлению своими имениями и имениями своей матери. В дальнейшем он находился на гражданской и придворной службе, будучи шталмейстером Высочайшего Двора (1905), почетным попечителем Лазаревского института и членом Горного совета (с 1895). Однако его служебная деятельность ограничивалась редким участием в придворных церемониях и членством в некоторых комиссиях. От получения жалования по службе он отказался.

Всестороннее исследование хозяйственного комплекса Абамелек-Лазаревых, проведенное историком А.С. Грузиновым, свидетельствует, что князь ежегодно, а иногда и дважды в год, посещал Чермозский горнозаводской округ и знал досконально положение на каждом заводе или копи. Он лично осматривал лесные угодья, ревизовал денежные суммы местных контор, посещал больницы предприятий. Служащие и инженеры вспоминали о нем как о человеке «цветущего здоровья», высоком и красивом, обладавшем прекрасными манерами аристократа, отличавшемся «холодной манерой общения», но без высокомерия. Беспорядок в делах, хищения и невежество доверенных лиц его возмущали, но не пугали. Он пошел непроторенным путем, и в истории российского предпринимательства его опыт можно считать уникальным: князь принялся терпеливо создавать команду профессиональных менеджеров, радеющих об интересах хозяина.

Абамелек-Лазарев считал свое имение «громдным капиталом, т.е. орудием создания новых капиталов путем трудов и бережливости». Несмотря на многомиллионное состояние, он считал неприемлемым для хозяйственника тратить деньги без твердой необходимости. Все его усилия были направлены на эффективное использование имеющихся ресурсов, без ввязывания в неоправданно рискованные предприятия. В результате деятельности С.С. Абамелек-Лазарева к первой половине 1910-х годов хозяйство было очищено от долгов, произведена масштабная реконструкция и расширена его структура. Владелец Чермозского округа превратился в одного из богатейших людей России. Крупнейший помещик, имевший в собственности более 900 тысяч десятин земли, что было равнозначно территории среднего европейского государства. Хозя-

ин медеплавильных заводов, каменноугольных копей, солеварен, золотых и платиновых приисков. Стоимость имущества Абамелек-Лазарева по приблизительным оценкам превысила 40 млн. руб.¹¹

Отдавая все свое время фамильному делу, князь Абамелек-Лазарев к сорока годам еще не обзавелся семьей. Его браку в 1897 г. предшествовали весьма необычные обстоятельства. В январе в Петербурге была объявлена помолвка корнета лейб-гвардии гусарского полка графа Василия Алексеевича Олсуфьева и Марии Павловны Демидовой, княжны Сан-Дonato. Заметим, что жених приходился любимой сестре князя Абамелек-Лазарева — Елизавете Семеновне (в замужестве Олсуфьевой), родственником по мужу.

Мария Павловна родилась в 1877 г. в Италии на вилле Пратолино, в пригороде Флоренции, в семье Павла Павловича Демидова, действительного статского советника, дипломата, владельца Нижне-Тагильского горного округа. Княжеским титулом Павел Павлович был обязан дяде, Анатолию Николаевичу, который постоянно живя за границей, приобрел виллу Сан-Дonato, а когда в 1870 г. умер, оставил все свое состояние племяннику.

Мария совершенно не говорила по-русски. В России ее опекала бабушка Аврора Карловна, урожденная Шернваль, в прошлом — признанная петербургская красавица. В это время она уже постоянно проживала на своей мызе Хакасальми в пригороде Гельсингфорса, но ради устройства судьбы Марии прибыла в северную столицу. В Петербурге княжна Сан-Дonato брала уроки музыки у композитора М.А. Балакирева и обучалась танцу у бывшей балерины Императорского театра.

Каким образом произошло знакомство русской итальянки и князя Абамелека — неизвестно, но ее помолвка с Олсуфьевым строилась, а уже в апреле того же года они обвенчались в Успенской церкви в Гельсингфорсе, укрывшись затем от любопытных глаз в усадьбе Авроры Карловны. Спустя три недели новобрачные выехали в Италию. Они поселились на вилле Пратолино, которая была получена Марией Павловной от матери в приданое.

С той поры примерно шесть месяцев в году князь жил в Италии, а остальное время проводил на родине, продолжая управлять своей промышленной империей. Мария Павловна в это время оставалась в Италии, так и не полюбив непонятной для нее России. Она обожала Пратолино, этот изумительный дворец Медичи, и не мечтала о другом доме.

Однако мужу хотелось иметь собственное родовое гнездо. В 1907 г. он узнал, что вилла у подножия холма Джаниколо, восхитившая его в первый приезд в Рим, выставлена на продажу

наследниками барона Риказоли, и приобрел ее. По русским понятиям, покупка обошлась князю недорого — всего 120 тыс. лир, или 50 тыс. руб., но более 400 тыс. руб. он вложил в реставрацию и обустройство зданий, в перепланировку парка, в приобретение предметов искусства для декорирования интерьеров.

По указанию владельца, известный итальянский архитектор Винченцо Моральди, перестраивавший виллу, покупал для ее залов антикварные живопись, гобелены, античный мрамор и мозаики. Уголки сада украшали древнеримские скульптуры, архаические амфоры, многочисленные бассейны, изысканные фонтаны и ванны из белого мрамора времен Римской империи.

На вилле князь окружал себя истинными предметами искусства. Во «Дворце муз» — так именовался театральный павильон — устраивались широко известные в Риме музыкальные вечера или танцевальные спектакли, в которых блистала княгиня Мария Павловна. Особенный успех имели ее хореографические этюды в духе античности. В греческом хитоне, кожаных сандалиях, с цветами в роскошных волосах, она выступала в роли богини Флоры. Такой ее изобразил Ямбо¹² на одной из акварелей, украшавших кабинет хозяина.

Детей у четы Абаમેлек не было, но князь считал себя счастливым в браке. Он безмерно любил жену и потакал ее прихотям. Она же купалась в неге и роскоши, далекая от повседневных забот. Князь умер внезапно от сердечного приступа в сентябре 1916 г. в Кисловодске и был похоронен в Санкт-Петербурге. После смерти мужа Мария Павловна получила виллу Абаમેлек в пожизненное пользование, однако, по завещанию покойного мужа, после ее кончины вилла должна была перейти в собственность Императорской Академии Художеств. Князь Абаમેлек-Лазарев мечтал, чтобы в ней был создан бесплатный пансион для живописцев и скульпторов. В случае если Академия Художеств откажется от его дара, по его воле, виллу должна была унаследовать Академия Наук для организации в ней научного института имени Абамелека-Лазарева. Однако князь никак не мог и предположить, что его завещание вступит в противоречие с итальянскими законами.

После кончины супруга Мария Павловна проживала на вилле Пратолино, временами приезжая в Рим, чтобы принимать на вилле высоких гостей. В 1917 г. Народный комиссариат иностранных дел Советской России предпринял первые шаги к тому, чтобы получить виллу в пользование «до смерти гражданки Демидовой», мотивируя свои притязания тем, что княгиня своим правом владения фактически не пользуется. Поскольку Академия Художеств в 1927 г. была преобразована в Ленинградский высший художествен-

но-технический институт, представители советской стороны добились от Демидовой устного согласия на досрочную передачу виллы институту. Однако их настойчивость привела к тому, что Мария Павловна свое решение изменила и обратилась в Королевский Римский суд о признании себя единственной наследницей виллы «Абамелек».

Судебные тяжбы продолжались до 1937 г., когда дело решилось в пользу княгини. В 1944 г. вилла была занята англо-американским командованием. 26 мая 1946 г. вилла «Абамелек» была экспроприрована декретом короля Умберто II «для публичного пользования». Монарх правил чуть больше месяца: 12 июня итогами всенародного референдума в Италии было введено республиканское правление.

Советское правительство немедленно начало вести переговоры с МИД Итальянской республики о том, чтобы войти во владение виллой Абамелек-Лазаревой. В результате была достигнута договоренность о выплате владелице — вдове князя С.С. Абамелек-Лазарева 178 801 лиры в качестве компенсации стоимости виллы. Декретом временного главы Итальянской республики 27 февраля 1947 г. виллу передали в собственность СССР. Однако денег за свое имущество вдова так и не получила, что явилось причиной судебных тяжб между Министерством Иностранных дел СССР и Демидовой, а после ее смерти в 1955 г. — с ее наследником, югославским принцем Павлом Карагеоргиевичем.

Сегодня вилла «Абамелек» является резиденцией посла Российской Федерации в Италии. Выполняя волю князя С.С. Абамелек-Лазарева, правительство России предоставило один из исторических павильонов виллы — «Домик Гарибальди» — питомцам российской Академии Художеств.

¹ *Базияни, А.П.* Над архивом Лазаревых: очерки. — М., 1982. — С. 148.

² Подробно система управления горнозаводским хозяйством князем С.С. Абамелек-Лазаревым рассмотрена в книге А.С. Грузинова «Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX — начале XX в.» (М., 2009).

³ *Абамелек-Лазарев, С.С.* Ферейские тираны. — СПб., 1880.

⁴ *Его же.* Пальмира: археол. исследование князя С. Абамелек-Лазарева, д. чл. Имп. Рус. археол. о-ва. — СПб., 1884. — С. 2.

⁵ Результаты экспедиции были изложены С.С. Абамелеком-Лазаревым в упомянутой выше книге «Пальмира», где также нашли место объяснения греческого и арамейского текстов.

⁶ В 1900 г. востоковед-семитолог П.К. Коковцев высказал мысль о целесообразности приобретения пальмирской плиты для России. Через год турецкий султан Абдул Хамид II подарил камень, вес которого составлял 15 т,

императору Николаю II. Отправленный в Санкт-Петербург, памятник был задержан на таможене и помещен под арест из-за недостатка средств на оплату таможенной пошлины и дорожных расходов. В 1904 г. деньги были выплачены Николаем II из расходов Кабинета Его Императорского Величества, и Пальмирский тариф был передан в Эрмитаж. Впоследствии С.С. Абамелек-Лазарев сделал точную копию археологического памятника и поместил ее в своем доме № 22 на Миллионной улице в Петербурге.

⁷ Российский государственный архив древних актов. — Ф. 1252. — Оп. 1. — Д. 553, 559.

⁸ Collegio Romano (ныне — Папский Григорианский университет) был основан в 1551 г. Игнатием Лойолой и на протяжении веков являлся крупнейшим учебным заведением Ордена иезуитов, дававшим широкое образование в сфере гуманитарных наук и христианского учения.

⁹ Переписка между С.С. Абамелек-Лазаревым и О. Грампини относится к 1883—1889 гг. См. подробнее: *Ипполитова, Г.А., Гасперович, В.* Владельцы «Виллы Абамелек». — СПб., 2005. — С. 48, 49.

¹⁰ Цит. по: *Грузинов, А.С.* Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX — начале XX в. — М., 2009. — С. 45.

¹¹ Там же. — С. 318.

¹² Ямбо — псевдоним Энрико Новелли (1876—1943), итальянского писателя, драматурга и иллюстратора.

Т.Ю. Юденкова

Итальянский период жизни М.П. и А.С. Боткиных

Некоторое время назад был обнаружен архив младшей дочери Павла Михайловича Третьякова Марии Павловны (1875—1952) и ее мужа Александра Сергеевича Боткина (1866—1936) — сына известного врача-клинициста Сергея Петровича Боткина. Последние годы жизни супруги провели в эмиграции в Италии, покинув Россию после революции. Сведения о младшей дочери основателя Третьяковской галереи были крайне скудны. Даже дата ее венчания называлась предположительно; среди специалистов не было точно известно, где и в каком году она скончалась¹.

По сравнению с тремя сестрами в изданиях, посвященных П.М. Третьякову², о Марии Павловне сказано менее всего. Старшие дочери Вера Павловна Зилоти и Александра Павловна Боткина оставили воспоминания³, впоследствии были опубликованы мемуары, письма, статьи⁴, в последние годы исследован семейный архив третьей дочери — Любови Павловны Гриценко-Бакст⁵. В 2008 г. вышел в свет номер журнала «Русское искусство», полностью посвященный семье Третьяковых⁶. К сожалению, судьба младшей дочери опять оказалась вне поля зрения специалистов.

Мало сказать, что материалы обнаруженного в Италии архива семьи Боткиных во многом пролили свет на биографию Марии Павловны и ее супруга. Они открыли новые грани в характере младшей дочери Третьякова, образ которой, к сожалению, как-то потерялся на фоне ярких судеб старших сестер.

Как стало известно об архиве Боткиных в Италии

В 2004 г. вышла в свет книга Б.Ф. Егорова «Боткины»⁷. При написании главы, посвященной Александру Сергеевичу Боткину, исследователь использовал материалы монографии, изданной в Италии в 1996 г., предположив, что ее автор владеет семейным архивом семьи Боткиных — Третьяковых. Факты, приведенные в итальянской монографии, значительно расширили представления о жизни

и деятельности Боткина. Но, к сожалению, сведения о Марии Павловне по-прежнему были незначительными.

Борис Федорович Егоров связал нас с итальянскими коллегами, давшими координаты хозяйки архива. Однако только благодаря вмешательству генерального консула России в Генуе Н.К. Тавтумадзе Третьяковской галерее удалось связаться с владелицей архива *Кьярой Заоли*. Как выяснилось, родители Кьяры более 50 лет хранили архив Боткиных и стали владельцами архива совсем не случайно.

Отец Кьяры, *Луциано Заоли*⁸, был знаком с Александром Сергеевичем Боткиным с детства. В 2005 г., когда мне удалось побывать в Сан-Ремо, Луциано был серьезно болен, летом следующего года он скончался. Кое-что синьор Заоли успел рассказать, хотя говорил он мало и честно признавался, если чего-то не помнил. Будучи мальчишкой и живя рядом с Боткиными в предместьях Сан-Ремо на берегу Средиземного моря, он помогал Александру Сергеевичу спускаться на воду маленькую лодочку, на которой супруги Боткины по вечерам любили отправляться на прогулку. Жена Луциано, *Амелия*⁹, не застала Александра Боткина в живых (она приехала в Сан-Ремо после Второй мировой войны), но она дружила с Марией Павловной, которая много ей рассказывала о своем муже. И Амелия пообещала издать книгу об Александре Сергеевиче.

Изданная ею книга *«Александр Сергеевич Боткин — поверенный царя Николая II в научных, политических и военных делах»* вышла в свет на волне интереса к России, спустя 44 года после смерти Марии Павловны¹⁰. Идея монографии состояла в том, чтобы связать жизнь Александра Сергеевича Боткина с жизнью и деятельностью императора Николая II. Ради придания изданию большей популярности Заоли привлекла и другой архив, не имеющий отношения ни к семье Боткиных, ни к императорской фамилии. В книгу закралось множество исторических неточностей, то ли потому, что Амелия не владела русским языком, то ли из соображений конъюнктуры. Несмотря на это, монография ценна тем, что в нее вошли воспоминания Марии Павловны, записанные с ее слов, а также ряд фотографий из архива М.П. Боткиной.

Трагическая гибель дочери в 1947 г. заставила Марию Павловну Боткину написать бумагу (не заверена нотариусом), по которой Луциано Заоли получил право распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом семьи Боткиных в Сан-Ремо. После смерти Боткиной синьор Заоли продал ее дом и на полученные деньги приобрел землю на скалистом берегу у самого моря близ Бордигера недалеко от границы с Францией, а спустя год женился

на Амелии. Таким образом, все имущество семьи Боткиных после смерти Марии Павловны перешло в собственность семьи Заоли: мебель, картины, книги, ценнейший архив. В 1968 г. на дом с гор сошел мощный селевой поток и в одно мгновение он опустел: в море было унесено все, что находилось в комнатах, в том числе и имущество семьи Боткиных, которое занимало отдельное помещение. Помимо мебели и картин в дорогих рамах в доме хранились старинные сундуки, полные бумаг, писем, фотографий и многочисленных платьев Марии Павловны, украшенных полудрагоценными камнями (Кьяра в детстве любила наряжаться в них тайком от матери).

По словам Кьяры, меньшая часть архива находилась в другом, служебном (верхнем), доме и селевой поток его не затронул. Логично предположить, что самые ценные документы Мария Павловна хранила при себе до смерти и потому они хранились отдельно от остальных вещей, которые, по-видимому, постепенно переходили в собственность Лучиано Заоли еще при жизни Боткиной. После смерти мужа Мария Павловна стала особенно нуждаться в средствах, и в этих обстоятельствах помощь синьора Заоли была незаменима. Русские люди, находясь в эмиграции, оказывались в своего рода изоляции, им очень сложно было самостоятельно продавать свое имущество по реальной стоимости. Легко догадаться, что Лучиано Заоли стал для Марии Павловны посредником, который осуществлял ее связь с внешним миром.

После смерти мужа Мария Павловна вела замкнутый образ жизни: общалась избирательно, была молчалива и даже немного жестка. В доме висело расписание, в котором регламентировалось, как «следует жить по часам», и Мария Павловна в течение многих лет строго его придерживалась. Это очень утомляло свободолюбивую дочь *Марианну*, которая, судя по ее письмам, была веселым человеком, обладающим игривым умом и тонким юмором, но ее личная жизнь не сложилась. В конце жизни она страдала нервной болезнью, делала попытки к самоубийству.

Сохранились воспоминания представителей русской колонии в Сан-Ремо, знавших Марию Павловну. Они сообщили, что Боткина долгое время была старостой русской *православной церкви Христа Спасителя*¹¹ в Сан-Ремо, что мать и дочь одевались как монахини во все черное. Но синьор Заоли сказал, что ему об этом ничего не известно, что в одежде Мария Павловна никак не выделялась. Во второй половине 1920-х — 1930-е годы в большом доме Боткиных часто бывали гости, подолгу жили друзья, знакомые, родственники. В последние годы гости приезжали редко.

Лучиано Заоли вспоминал, что гибель единственной дочери сделала Марию Павловну еще более закрытой. Она жила вместе с няней Варварой Алексеевной Парамоновой, которая преданно служила ей с начала 1900-х годов, а возможно и раньше. Надо сказать, что Третьяковы умели общаться с прислугой, работавшей у них десятилетиями. После смерти Боткиной няня прожила еще семь лет в доме синьора Заоли. Похоронена семья Боткиных вместе с няней *в одной могиле-саркофаге на кладбище Фоче в Сан-Ремо*¹². Это захоронение сохранилось.

Рассказ Лучиано и Кьяры Заоли подтвердился письмом Андрея Бакста к Марине Николаевне Гриценко из Парижа от 14 октября 1956 г.: «Марычша... никто не знает настоящей причины, в 48, если не ошибаюсь, году утопилась в Сан Ремо на Passo o Roggio. Тетя Маша... умерла зимой 51—52 года, буквально с горя, сердце сдало; да так оно и лучше, слишком уж она одна мучилась и морально и физически, сделалась маленькой согбенной старушкой со страшными язвами на ногах и прекрасным скорбным лицом, очень Третьяковским... Варенька еще жива, ей за 90 лет, живет у итальянцев... кот[орые] за ней (тетей Машей. — Т.Ю.) хорошо ходили (и помогали им во время войны) и унаследовали дом, что я считаю справедливым; не все с этим согласны, понятно»¹³.

Итальянский архив М.П. и А.С. Боткиных

Знакомство с архивом Боткиных, насчитывающим 2980 единиц хранения, было кратким¹⁴, тем не менее, часть материалов удалось ксерокопировать, а некоторые законспектировать. Самые ранние документы датируются 1822 г. (о вступлении предков Александра Сергеевича Боткина в права наследства), самые поздние — концом 1940-х — началом 1950-х.

Условно архив делится на три блока. Первый связан с официальными документами семьи. Это паспорта, по которым устанавливаются передвижения Боткиных в послереволюционные годы. В паспорте Марии Павловны и ее няни В.А. Парамоновой стоит штамп о въезде в Сибирь в марте 1919 г., следовательно, они выезжали из России через Дальний Восток. По паспортам прослеживаются переезды Боткиных по Европе (Италии, Франции, Швейцарии, Испании) в поисках места жительства. В 1923 г. они еще живут в одной из гостиниц Ниццы, но присматривают земельный участок для покупки и строительства собственного дома. Согласно документам, Боткины обосновались в Сан-Ремо в марте 1927 г.

Во второй половине 1920-х Александр Сергеевич пытался отсудить свое любимое имение в финских Териоках и, видимо, добился решения суда в свою пользу. В 1931 г. Мария Павловна с дочерью посетили уже принадлежавшее им имение в Финляндии.

К первому блоку документов относятся также финансовые бумаги, банковские счета, чеки, ассигнации, доверенности, завещания, визитные карточки отца и братьев Боткиных и многое другое. Отметим особенно важный для семейной летописи документ — свидетельство о венчании Марии Павловны и Александра Сергеевича. Оно состоялось 7 января 1898 г. в Каменоостровской церкви в Санкт-Петербурге.

Второй блок архивных документов связан с научной деятельностью Александра Сергеевича Боткина. К нему следует отнести работы, опубликованные в России до 1917 г., в частности диссертацию и результаты исследований, проведенных в научных экспедициях 1890-х — начала 1900-х годов, а также книгу «Жизнь Вселенной и человека», изданную им на французском языке в Ницце (1927).

Подробно рассматривать эту группу материалов не имеет смысла, поскольку они частично использованы в уже упомянутой монографии Б.Ф. Егорова. Отметим лишь два документа, несомненно, обогатившие представление о научно-исследовательской деятельности Боткина и характеризующие его как разносторонне одаренного исследователя и конструктора.

Один из них — копия послужного списка, в котором отражены все чины, звания и награды Александра Сергеевича с 1890 г., т.е. с момента поступления на службу «по военно-медицинскому ведомству». Он числился помощником начальника гидрографической экспедиции по изучению устьев рек Енисея и Оби и части Карского моря (с 1893 г.), затем был прикомандирован к Главному гидрографическому управлению (с 1895 г.), в дальнейшем стал помощником начальника гидрографической экспедиции Байкальского озера (с 1897 г.).

В 1900 г. на Балтийском заводе Александр Сергеевич демонстрировал императору Николаю II свое изобретение — подводную лодку. В 1904-м показывал царю «различные приспособления и изобретения по походной военно-морской и санитарной части» — от солдатской палатки до «полуавтоматического пулемета Маузера». Изобретения Боткина применялись в армии и на флоте во время Русско-японской войны. В 1904 г. он приступил к постройке на свои средства подводной и полуподводной лодки особого типа, а в 1905-м пожертвовал ее флоту, отправив на Дальний Восток. В 1906 г. в связи с болезнью он подал в отставку.

Второй документ относится к годам эмиграции и характеризует его политические взгляды. Это заявление 1931 г. о выходе из Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству в эмиграции «по причине отсутствия средств для выдачи стипендий русским студентам, которых необходимо готовить для будущей родины». В конце письма он выражает надежду «на падение преступной власти, закабалившей русский народ и растлевающей и разоряющей Россию».

Третий блок архивных материалов посвящен жизни семьи и, прежде всего, самой Марии Павловне, он раскрывает ее мысли о России, но также и ее внутреннее состояние, связанное с пережитыми драматическими событиями. В него входит более 50 писем к мужу, датированных концом 1919 — началом 1920-х годов, когда Александр Сергеевич жил в Лозанне, а Мария Павловна с дочерью Марианной посетились во Фраскати, в Италии.

Супруги Боткины тогда еще надеялись, что прежний режим в России будет восстановлен и им удастся вернуться на родину. Письма Марии Павловны пронизаны болью по поводу происходящего: «Слава Богу! Что живем тут. Что завтра будет, один Бог знает!» В письмах 1920 г. она признается: «...тоска на душе смертная... теперь мне все равно, что бы ни было со мной, то уж не я, да и что за интерес жить, влачить... существование, авось еще хоть немного пригожусь Марианне... а там и на покой... Все вижу перед собой отца своего, маму, нашу престольную Москву, детство и молодость в Куракино и точно разрывается что-то внутри, хоть бы выплакаться...». Она возмущается политической ситуацией: «Я прямо деморализована. Ничего не могу делать, только и думаю о том, что было там в Крыму. Разве не провокация сплошная?! Колчак предан французами, Врангель (неразб.)... Юденич был предан англичанами, Деникин ими поддерживался (неразб.)... Новая фаза начинается, посмотрим, что будет, для истории это нормально вероятно, а для нас?» Порой в ее словах звучит безысходность: «...терять нам больше нечего, все что будет теперь выходить, будет не плюс и не минус, дальше нам некуда идти... то что будет не вернется... теперь будет какое-то новое государство... И чем [больше] Россия будет непохожа на прежнюю, тем лучше, легче на душе, а та останется дорогой покойницей... Зачем было провоцировать Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля... сколько жизней осталось бы, нужных для будущей России! Очевидно, всем выгодно, что они перебиты». В одном из писем Боткина сообщает мужу о вещах, украденных из их имения в Крыму: «От большевиков убереглись вещи, а от своих пропали! Я на них не рассчитывала давно». Далее описываются

болезни, смерти, разводы, которые пережили близкие и знакомые, чьи имена зашифрованы инициалами. Мария Павловна удивляется, когда ее знакомые не говорят о политике, в то время как все ее мысли поглощены судьбой России.

К «семейному» блоку архива относятся также письма к супругам Боткиным, благодаря которым проясняется круг их общения в эмиграции. В числе этих документов — письма старшей сестры Веры Павловны Зилоти, ее мужа Александра Ильича, их детей (они часто приезжали в Сан-Ремо и встречались с Боткиными в Ницце), письма двух средних сестер Александры Павловны Боткиной, Любви Павловны Гриценко, Петра Сергеевича Боткина (родного брата Александра Сергеевича Боткина), его жены Фани, Николая Якунчикова (двоюродного брата по линии матери), который, по словам Марии Павловны, много интересного рассказывал про общество «Красный Крест». В архиве найдены письма родителей Марии Павловны: четыре от отца Павла Михайловича Третьякова, и одно — от матери Веры Николаевны.

Любовь Павловна, родная сестра М.П. Боткиной, с детьми Мариной (от брака с художником Н.Н. Гриценко) и Андреем (от брака с художником Л.С. Бакстом) в 1922 г. приехала из России в Сан-Ремо благодаря ходатайству И.Э. Грабаря и А.В. Луначарского, инициированным Бакстом. Некоторое время Боткины и Любовь Павловна с детьми жили вместе. Затем дети разъехались: Марина вернулась в Москву, Андрей уехал к отцу в Париж. Любовь Павловна скончалась в доме сестры в 1928 г. в Италии.

В архиве имеется целый ряд писем и открыток от неизвестных корреспондентов, зачастую подписанных инициалами. Они рисуют безрадостную картину жизни в эмиграции, полную переживаний о дне сегодняшнем и о прошедшем, страха по поводу неизвестности в будущем. Так, например, поздравление с днем ангела (от Е. Лебедевой из Нью-Йорка) завершается выразительной припиской: «Ни Вы, ни я эти дни больше не празднуем». Но были и добрые вести. Например, письмо из Парижа от неизвестного лица о том, что нашлись Татьяна и Глеб — дети Евгения Сергеевича Боткина (родного брата А.С. Боткина), расстрелянного в 1918 г. вместе с царской семьей; несколько писем самой Татьяны Евгеньевны Мельник-Боткиной, в которых она рассказывает о том, как тяжело жила во Владивостоке, как вышла замуж за молодого офицера и что теперь очень счастлива.

Одно из писем датировано 1925 г.; видимо, в то время Боткины столкнулись с нуждой, т.к. один из близких знакомых Александра Сергеевича Боткина, осваивавший профессию таксиста, предла-

гал и ему заняться этим «ремеслом». В 1920-е годы еще приходят письма из России с откровенными воспоминаниями о прошлом, открытые письма с видами Крыма, с репродукциями картин из Третьяковской галереи. В архиве имеется открытка, подписанная инициалами В.С., с фотопортретом Н.К. Крупской и почтовым штампом Ленинграда, весьма скупого содержания: «Может быть, у Вас нет фото Крупской, жены, а теперь вдовы Ленина. Посылаю Вам. Всего лучшего».

Особую ценность представляет коллекция семейных фотографий, которые позволяют составить впечатление об увлечениях, интересах, твердом характере Марии Павловны (о выносливости дочери говорила еще ее матушка Вера Николаевна Третьякова). Вместе с мужем Боткина участвовала во многих исследовательских экспедициях, была на строительстве транссибирской магистрали. Вот где пригодился ее крутой нрав! На фотографиях Мария Павловна запечатлена среди снегов и льдов (несколько месяцев она провела в маленьком домике научной базы на берегу Байкала). Один из альбомов посвящен совместному кругосветному путешествию Марии Павловны и Александра Сергеевича. Фотографии не датированы, однако по письмам выясняется, что путешествие состоялось в 1900—1901 гг. Есть сведения о том, что Мария Павловна неоднократно подменяла своего мужа при выполнении им миссии курьера Белой армии при правительстве союзников, когда он переправлял оружие воюющим. Конечно, эта информация требует дальнейшего исследования. Несколько альбомов относятся ко второй половине 1900-х — началу 1910-х годов, их датировка определена по возрасту дочери Марианны. Фотографии сохранили для нас сцены спокойной домашней жизни Марии Павловны в Териоках, где она растила свою дочь.

Отдельная группа фотографий представляет большой интерес для изучения жизни семьи Третьяковых: летний пикник на даче с участием В.Н. и М.П. Третьяковых; Любовь Павловна Гриценко и Александра Павловна Боткина за чайным столом в гостях у Николая Константиновича Кашина (директора мануфактуры Третьяковых) в Костроме; Любовь Павловна с мужем художником Н.Н. Гриценко, А.П. Боткина, художник Н.В. Неврев и Николай Константинович Кашин на набережной в Костроме; вид Нижегородской выставки (вид сверху; узнаваемы фигуры родителей Марии Павловны).

«Итальянский» архив поведал не только о том, как сложилась судьба семьи после революции, но и позволил во многом расширить наши представления о семейной жизни Боткиных, в особенности о Марии Павловне, ее жизни и окружении.

- ¹ Место ее смерти не указывалось или указывалось ошибочно — Франция.
- ² О ближайших родственниках П.М. Третьякова см. разд. «Родословие семьи Третьяковых» в изд.: Павел и Сергей Третьяковы. Жизнь. Коллекция. Музей: к 150-летию Третьяковской галереи. — М., 2006. — С. 434—442.
- ³ *Зилоти, В.П.* В доме Третьякова. — М., 1998; *Боткина, А.П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и в искусстве. — М., 1995.
- ⁴ *Зилоти, А.И.* Воспоминания и письма. — Л., 1963. Супругам А.П. и С.С. Боткиным посвящены статьи и даже книги. Из последних изданий назовем: Серебряный век в фотографиях А.П. Боткиной / авт.-сост. Е.С. Хохлова. — М., 1998; *Егоров, Б.Ф.* Боткины. — СПб., 2004. — (Преданья русского семейства); *Верховская, И.* Сергей Боткин. «Их сблизили интересы к искусству» // Русское искусство. — 2008. — № 1. — С. 72—81.
- ⁵ *Теркель, Е.А.* Семейный архив Л.П. Гриценко-Бакст (урожд. Третьяковой) // Вестник архивиста. — 2002. — № 1. — С. 159—194.
- ⁶ Русское искусство. — 2008. — № 1.
- ⁷ *Егоров, Б.Ф.* Боткины.
- ⁸ Лучиано Заоли (18.08.1922, Сан-Ремо — ? .07.2006, Сан-Ремо) — математик, преподаватель.
- ⁹ Амелия Баттистелли Заоли (13.03.1917, Рим — 10.03.2003, Сан-Ремо) — филолог, археолог, преподаватель.
- ¹⁰ *Zaoli, Amelia Battistelli.* Uomini che hanno fatto la storia il Dr. Aleksandr Sergeevic' Botkin: Capitano di Fregata, Addetto Scientifico, Politico e Militare della Zar Nicola II. — Sanremo, 1996.
- ¹¹ См.: *Каццола, П., Моретти, М.* Русские в Сан-Ремо. — Сан-Ремо, 2005. — С. 66. Марина Моретти — филолог, занимающийся историей русской эмиграции в Сан-Ремо, — подтвердила этот факт в устной беседе; соответствующие документы имеются в архиве церкви Христа Спасителя.
- ¹² Автор выражает признательность Марине Моретти, показавшей могилу семьи Боткиных.
- ¹³ Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ). — Ф. 126. — Д. 9. — Л. 4.
- ¹⁴ Дирекция ГТГ дважды командировала автора настоящей статьи в Италию: осенью 2005 г. и летом 2006 г. В первый раз владелица архива К. Заоли выделила для ознакомления с материалами два дня. Во второй раз для предварительного разбора архива и подсчета общего количества документов в Италию (на несколько дней) ездили заведующая отделом живописи второй половины XIX — начала XX в. Г.С. Чурак, старший научный сотрудник ОР ГТГ Е.А. Теркель и автор настоящей статьи.

А.В. Голубев

Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода

В неопубликованных заметках известнейшего карикатуриста Д.С. Моора¹ есть любопытное, хотя и весьма спорное утверждение: «Мир расколот на две половины, капиталистическую и коммунистическую, идеалистическую и материалистическую. Если первой половине свойственна живопись, то второй графика, если первой свойственна пластика, то второй вес и т.д. Они диаметрально противоположны»². Можно спорить, в какой степени живопись свойственна капиталистическому миру, а графика — коммунистическому (и не получается ли тогда, что мир капитализма многоцветен, а в мире социализма преобладают черно-белые тона), но все же важность графики вообще и политической карикатуры в частности признавалась в те годы как очевидная истина. «Революция избрала и фиксировала рисунок, как могучее средство для своих целей... Мы — граждане мировой революции, и ее цели должны быть всегда, неизменно нашими целями. Ежеминутные повороты и тактические ходы революции должна быть ежеминутно отражены в карикатуре. Нет ни больших, ни маленьких тем, потому что все, что делает революция, все ей необходимо», — утверждает Моор³.

Сейчас трудно представить, какое место занимала карикатура в советской повседневности 20—30-х годов. Известны случаи, когда зрители у стендов с новыми карикатурами перекрывали движение в центре Москвы⁴. И в газетах многие читатели прежде всего искали и с удовольствием рассматривали именно карикатуры. Конечно, карикатура вообще и карикатура политическая в частности весьма многообразна; в данной статье речь пойдет исключительно о карикатуре на международную тематику.

Карикатура обладает несомненной ценностью как исторический источник, хотя лишь в самые последние годы в российской историографии появились работы, где она предстает как часть политической или социальной истории⁵, а также истории повседневности⁶.

Изучение советской политической сатиры (карикатуры в том числе), представлявшей собой «своеобразное сочетание политики,

идеологии и собственно популярной литературы»⁷, особенно на протяжении относительно долгого периода, скажем, двух десятилетий, позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ.

Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной. Помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником ее могла служить лишь кинохроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах. По мнению В.А. Токарева, в межвоенный период «подавляющая часть советского общества, особенно сельские жители, обогащала свой багаж визуальных образов о мире и внутрисоюзных событиях исключительно благодаря фотоаппаратам и фотографии». Однако тут же он отмечает, что фотоиллюстрации становятся привычным атрибутом советских периодических изданий лишь со второй половины 1920-х годов⁸. К тому времени политическая карикатура давно уже превратилась в часть привычной повседневности.

Более того, если фотографии количественно несомненно преобладали в визуальном ряду, связанном с внешним миром, можно предположить, что карикатуры были более важны с качественной точки зрения. Обычная фотография (за исключением художественной) представляет собой всего лишь материал для формирования образа. Карикатура же как правило — это уже готовый образ, который легко усваивается и не требует почти никаких усилий для восприятия. Как утверждают психологи, рисунок, тем более карикатура, по сравнению с фотографией быстрее замечается читателями, дольше хранится в памяти. Правда, фотографии обычно вызывают больше доверия.

О том же писал в своих заметках и Моор: «Нужен ли рисунок в газете, нужен ли рисунок в стенгазете? Некоторые же журналисты раз и навсегда держатся того мнения, что нужна только фотография. С точки зрения экономии места в газете рисунок, конечно, нужен. На малом месте с большей четкостью рисунок рассказыва-

ет о том, что потребует строк 120 на 60—80 стр. Попробуйте описать рисунок, не упуская никакой подробности и вы увидите, что займете гораздо больше места, чем занимает его рисунок. С точки зрения верстки, по моему, ни у одного газетного работника не может быть сомнения, что серая полоса без рисунка, без акцента, без графической паузы смотрится тяжело, и надо быть очень изощренным читателем, чтобы охватывать “отвлеченную” верстку. Ведь выделяют же руководящие мысли в статье черным шрифтом, ведь разыгрывают поверхность листа особо четкими заголовками, т.е. серой “отвлеченной поверхностью» сообщают композиционную напряженность, по которой опытный читатель выбирает нужные себе мысли и директивы. Эта же композиционная напряженность поверхности листа требует и определенных черных разделов и черных пауз, которые, конечно, должны явиться не как беспредметные моменты, а подчеркивающие содержание и вносящие новое, т.е. рисунки и фото. (Оговариваюсь, что фото кстати у нас в газетах входят достаточно скверно.)

С точки зрения простоты восприятия и экономии времени рисунок по своим внутренним композиционным качествам охватывается сразу в одну какую-нибудь долю времени, а его детальное рассмотрение может быть, может и не быть — смысл его выясняется быстрее, чем смысл статьи, фельетона, заметки»⁹.

При этом необходимо учитывать возросший интерес масс к событиям международной жизни, столь характерный для 20—30-х годов.

Интерес не только города, но и деревни к внешнему миру можно проиллюстрировать материалами обследований, проводившихся в середине 1920-х годов. В одну из волостей Тверской губернии накануне первой мировой войны поступало за год 31 тыс. экземпляров газет. К 1923 г., когда подписка подорожала, количество газет упало до 2 тыс. экземпляров. Но уже в 1924 г. волость получила почти 25 тыс. экземпляров, в 1925 г. — около 60 тыс., в 1926 г. — больше 100 тыс. В отличие от 1913 г., когда газеты выписывала сельская интеллигенция и зажиточные крестьяне только для себя, в 1920-е годы одна газета читалась, как правило, в 3—4 дворах¹⁰. При этом именно международные известия (в первую очередь связанные с ожиданиями войны) вызывали особый интерес¹¹.

Вся информация о мире, доступная большинству населения, проходила через два своеобразных «фильтра»: во-первых, она, как уже упоминалось, отбиралась, исходя из политических соображений, проходила жесткую цензуру¹². Но был и второй «фильтр», а именно, недостаточная грамотность населения, незнание многих реалий зарубежной жизни, неумение, в конце концов, восприни-

мать достаточно обширный текстовый материал. И вот здесь-то вновь на первый план выступали рисунки, прежде всего карикатуры.

В ноябре 1923 г. стала выходить «Крестьянская газета», которая рассматривалась как «единственный источник света, знания о том, что делается в России и за пределами России» для рядовых крестьян. Была поставлена цель, чтобы газету выписывали не менее 2 млн крестьян-хозяев из 15 млн. И уже на 10 мая 1924 г. тираж «Крестьянской газеты» составлял 220 тыс. экз.¹³

В начале декабря 1923 г. в красноармейских казармах Москвы проходили пробные чтения «Крестьянской газеты». В частности, обсуждались карикатуры, опубликованные в номере, и далее следовал вывод: «Для малограмотного читателя роль иллюстрации, ежели она не головоломная, надо признать исключительной»¹⁴.

Не случайно в ходе одного из обследований летом 1923 г. «некоторые из опрошенных крестьян высказывали пожелание, чтобы в газетах побольше было карикатур». Конечно, были и другие примеры — так, проводивший обследование журналист безуспешно попытался познакомить с образцами политической сатиры некую крестьянку: «Показываю ей “Крокодил”, карикатуры. Смотрит с любопытством, но ни одного рисунка не понимает»¹⁵. Можно предположить, однако, что для этой категории крестьян фотографии в газетах оказались бы еще более сложным для восприятия материалом.

Неудивительно, что любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. Образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. «В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно. Ведь никто не удивляется, когда Ефимов или кто-нибудь другой из карикатуристов ставит Макдональда¹⁶ в самые неожиданные положения, в которых тот в действительности никогда не был. Мы очень хорошо знаем, что это большая правда, чем лучшая фотография Макдональда, потому что этим искусственным положением, неправдоподобным положением карикатуры выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием», — говорил А.В. Луначарский¹⁷.

Оставляя в стороне многие нюансы, карикатура формировала упрощенную картину реальности, в свою очередь, опираясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Видный коминтерновец Ф. Кон во введении к одному из альбомов, изданному в 1931 г., так характеризовал советскую карикатуру: «Часовой, вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»¹⁸.

Еще более высоко оценил роль политической карикатуры известный критик В.П. Полонский: «Среди других видов искусства — только боевое искусство карикатуры сумело лучше других удовлетворить требованиям, какие предъявляла искусству пролетарская революция. Революционный плакат, вписавший едва ли не самую яркую страницу в историю искусства революции — сродни карикатуре. Можно даже сказать, что советская политическая карикатура вышла именно из плаката. Знаменитые окна Роста Маяковского и М. Черемных, плакаты Дени и Моора были карикатурами по своей сатирической установке. Именно Дени и Моор, мастера революционного плаката, когда миновало его время, по окончании гражданское войны продолжали свою работу на страницах газеты. Плакат и карикатура оказались наиболее способными выполнить задания революции. Этим они обязаны самой сущности своего жанра. Карикатура — как и плакат — орудие борьбы. Вне борьбы она превращается в пересмешничество, зубоскальство или дружеский шарж. Чем беспощадней борьба — тем более жестока карикатура. Когда карандашом художника перестает водить боевая задача — пафос карикатуры гаснет, как электролампа, в которой перегорела нить»¹⁹.

По мнению Б. Ефимова, уже к началу 1920-х годов карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе, где, по его словам, карикатуры носили по преимуществу развлекательно-бытовой характер и появлялись главным образом в воскресных, спортивных или юмористических выпусках.

На самом деле все было не совсем так: политическая карикатура как жанр зародилась именно на Западе, притом что в России ее развитие надолго задержалось по причине цензуры. И, конечно, в 20—30-е годы в этом жанре на Западе работали известные мастера, создававшие замечательные карикатуры. Другое дело, что там политическая карикатура представляла собой достаточно элитарный жанр, предназначенный для образованного меньшинства. В Советском же Союзе она превратилась в действительно массовое искусство.

«В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя», — отмечает современный исследователь²⁰.

Необходимо отметить, что термин «политическая карикатура» в СССР межвоенного периода применялся, как правило, к карикатурам на международные темы. Вышедшая в 1930 г. брошюра так определяла задачи советской политической карикатуры: «Существует ходкое суждение о том, что карикатура является всемирной историей в эпиграммах. Это несомненно. Но советская политическая карикатура может к этому присоединить и то, что является отличительным для характеристики рабочей карикатуры, это — обличительный жар, который вскрывает и разит капиталистический мир... Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблачением, где едким смехом уничтожается притязание врага и открывается путь к постижению истинного смысла политического события»²¹.

Не случайно вводные статьи (иногда весьма развернутые) к альбомам карикатур, вышедшим в 1920—1930-е годы, в ряде случаев писали видные политические деятели, такие как А.В. Луначарский или Феликс Кон. Автором предисловий к двум изданиям карикатур Б. Ефимова, опубликованным в 1932 и 1938 гг., был Е.А. Гнедин²². «Если бы можно было развернуть рисунки Ефимова в виде фильма, то перед нами открылось бы чудовищное зрелище кризиса капиталистической системы, лицемерной комедии буржуазной дипломатии, зловещей трагедии подготовки империалистической войны», — писал Гнедин в 1932 г.²³ В предисловии к альбому 1938 г. он особо подчеркивал роль включенных в него рисунков как «политического разоблачения фашистских агрессоров и их пособников» и определял альбом как «своеобразный политический памфлет»²⁴.

Темы карикатур иногда задавались «сверху». В мемуарах Ефимова есть примеры, когда Сталин лично заказывал карикатуры и даже корректировал процесс их создания, внося собственноручную правку в текст и даже рисунок.

Чаще (если речь о журналах) темы будущих рисунков определялись редакционной коллегией. Их обычно предлагали сатирики-«темысты», предложенные темы обсуждались редакцией, и только после этого за дело брался кто-то из карикатуристов. Готовая карикатура обсуждалась вновь и, после необходимой доработки, шла в печать. Этот процесс занимал в среднем две недели²⁵.

Подготовка карикатур для газет происходила гораздо более динамично. «Я ежедневно приходил в редакцию, выбирал из последних международных телеграмм подходящую тему, и, присев за первый попавшийся свободный стол, рисовал карикатуру в текущий номер», — писал Б.Е. Ефимов²⁶.

Конечно, иногда публиковались карикатуры, полученные в готовом виде от карикатуристов, не работающих в данном журнале, или даже от читателей (в «Крокодиле», например, время от времени появлялись подборки читательских карикатур), порой перепечатывались рисунки из иностранных журналов.

Для советской политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня: эпиграфа (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; подписи под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющие надписи на тех или иных элементах рисунка. Не случайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что «любят читать карикатуры»²⁷.

Характерной особенностью политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких «масок»: империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда — с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши); социал-демократ; полицейский.

В подобной роли выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали — подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко²⁸.

Говоря о советской политической карикатуре, как и вообще сатире на международную тему, нельзя не отметить еще один важный нюанс. Сатириков нередко критиковали за «копание в мелочах», требовали поднимать принципиальные вопросы общественной жизни, однако здесь любого автора частушек, фельетонов, карикатур подстерегали различные, иногда весьма существенные неприятные последствия. «Выход был найден. Сатира и юмор взялись за иностранный капитал. Здесь и критика, здесь и мировой масштаб. Да и вся страна жила мировыми проблемами. Слова: Лига наций, Чемберлен, Чичерин, ультиматум и другие — не сходили со страниц газет...» — подчеркивает в своем исследовании советской повседневной жизни 1920—1930-х годов Г.В. Андреевский²⁹. Но и здесь

легко было вызвать неудовольствие соответствующих инстанций, о чем говорит карикатура И.А. Малютина с красноречивым названием «Зачемберленились», опубликованная в «Крокодиле» в январе 1926 г. Речь шла о том, что многие сатирики и карикатуристы занимались только внешнеполитическими сюжетами и не беспокоили «внутреннего врага»³⁰. Это понимали и сами карикатуристы: Б. Ефимов вспоминает, что один из крупнейших карикатуристов написал шарж на самого себя с красноречивой подписью: «Вяжите меня, братцы, я опять Чемберлена нарисовал». А самого Ефимова коллеги Кукрыниксы изобразили скачущим на любимой (деревянной) лошадке с головой все того же злосчастного Чемберлена...³¹

В результате в конце 1926 г. на карикатуре Ю. Ганфа «лекарь Крокодил» предлагал Чемберлену: заходите в следующий номер, сейчас я занят внутренними болезнями...³²

Политическая карикатура публиковалась в газетах, журналах, в том числе специальных (сатирических или юмористических). Расцвет ее приходится на 20-е годы, когда работали наиболее интересные советские карикатуристы, сложившиеся как мастера еще до революции (в основном вокруг журнала «Новый Сатирикон» — Дени, Моор, Черемных и др.), выходило множество сатирических журналов как в столице, так и в провинции, вплоть до уездных городов. Большинство из них, однако, существовали лишь несколько месяцев. Более или менее стабильными оказались (среди столичных) московские журналы «Смехач» (1924—1928) и сменивший его «Чудак» (1928—1930), ленинградские «Бегемот» (1924—1928), «Пушка» (1926—1929) и «Ревизор» (1929—1930). Однако с 1930 г. количество журналов резко сокращается, вновь возникающие существуют лишь несколько месяцев. В Ленинграде с 1930 г. сатирических журналов практически не издавалось; было два или три журнала в республиках, на языках титульных наций, сохранившихся до войны. Особняком стоят специализированные журналы «Лапоть» (1924—1933), предназначенный для крестьян, и «Безбожник» (1923—1941)³³. Политические карикатуры регулярно печатались также в «Правде», «Известиях», «Труде» (в последнем случае, однако, в основном с 1939 г.), выходили в виде альбомов видных карикатуристов. Но, конечно, наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был «Крокодил», который издавался в Москве с 1922 по 2000 г. с периодичностью в среднем 3 раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания — 150 тыс. экз. в 1923 г., 500 тыс. в 1933 г., 275 тыс. в 1939 г. Именно материалы «Крокодила» легли в основу статистических подсчетов, приведенных в данной статье, что позволило про-

следить динамику развития советской карикатуры по ряду параметров в течение всего рассматриваемого периода.

* * *

Внимание советской сатиры к международной тематике то заметно росло, то снижалось. Это было связано со множеством причин, в первую очередь, конечно, с ситуацией внутри страны и с той оценкой международной обстановки, которая давалась политическим руководством.

Так, если посмотреть материалы «Крокодила» с 1922 по 1939 г., окажется, что наибольшее количество карикатур на международную тематику (180 карикатур в 48 номерах) было опубликовано в 1923 г., когда в СССР всерьез ожидали начало мировой революции. На втором месте — 1936 г. (обострение международной ситуации, война в Испании) и 1939 г. (международный кризис, начало второй мировой войны, советско-финская кампания), когда в годовом комплекте из 36 журналов появилось соответственно 145 и 148 карикатур. На третьем месте — 1932 г., канун прихода Гитлера к власти в Германии (131 карикатура в 36 номерах). А меньше всего внимания внешнему миру «Крокодил» уделял в 1927—1928 гг., годах завершения нэпа и начала индустриализации (соответственно 26 и 12 карикатур в 48 номерах журнала за год). Даже знаменитая «военная тревога» 1927 г. не изменила ситуации³⁴.

Какие же страны в большей степени привлекали внимание советских карикатуристов? Первое место, безусловно, принадлежало Германии. Из общего числа примерно 1600 политических карикатур, опубликованных в «Крокодиле», более 550 (свыше 30%) так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты. Великобритания занимает почетное второе место (свыше 300 карикатур, или чуть меньше 20%). На третьем месте Франция (более 250 карикатур, примерно 15%), на четвертом Польша, на пятом и шестом соответственно Япония и США. И только затем идет Италия, которой посвящено около 130 карикатур.

Любопытно, однако, распределение этих карикатур по годам. С 1922 по 1935 г. включительно, т.е. за 14 лет, Италию так или иначе затрагивали лишь примерно 30 карикатур (т.е. в среднем 2 карикатуры в год), в 1936 и 1939 гг. — по 13 карикатур, а в 1937—1938 гг. соответственно 33 и 34 карикатуры. Необходимо, правда, учитывать, что последний раз Италия появляется в карикатурах «Крокодила» в 19 номере за 1939 г., что соответствует началу июля. После начала второй мировой войны Италия (как и Германия) исчезает из поля зрения советской политической карикатуры до июня 1941 г.

Подобная неравномерность объясняется просто — Италия становится популярной среди карикатуристов в связи с гражданской войной в Испании и затем по мере нарастания политического кризиса 1938—1939 гг., приведшего ко второй мировой войне.

За небольшим исключением, в 1922—1935 гг. Италия представляла либо в образе фашиста (со свастикой, с окровавленным ножом и т.п.), либо в образе Муссолини. В одной из карикатур, впрочем, она была изображена в виде акулы — карикатура 1931 г. была посвящена переговорам о морском разоружении³⁵. Итальянский народ был представлен раз или два, причем как правило в виде страдающего от фашизма. Лишь на одной карикатуре 1923 г. итальянский рабочий был изображен с палкой в руках — он дождался, пока итальянские монархисты побьют фашистов...³⁶

Что касается Муссолини, за эти годы он появляется на страницах «Крокодила» свыше 15 раз — в парламенте, в публичном доме, на ходулях, на развалинах Рима... При этом следует отметить, во-первых, его «особые отношения» с папой римским — на одной карикатуре он обнимается с папой, на другой целуется, на третьей — платит ему алименты. И, во-вторых, время от времени, в карикатурах появляются древнеримские мотивы — Муссолини изображается в тоге и в образе Нерона.

Довольно значительное место Муссолини занял в сборнике карикатур Б. Ефимова, вышедшем в 1924 г. Открывала сборник карикатура «Сумасшедший дом “Европа”», впервые опубликованная в «Известиях» в феврале 1923 г. и впоследствии перепечатанная в ряде зарубежных изданий³⁷. Среди персонажей карикатуры — Пуанкаре-«война», разрывающий Версальский договор и рычащий «Р-р-р-р-у-у-р-р-р» (диагноз — буйное помешательство); Пилсудский в роли Наполеона (мания величия); лорд Керзон, рвущийся к нефти (навязчивая идея); Хорти в роли вешателя (садизм) и т.д. Почетное место на карикатуре занимал Муссолини, в тоге римского цезаря, утверждающий «Италия — это Я!!» (мания величия)³⁸. Таким образом, Муссолини оказался в пятерке избранных политических деятелей Европы. Впрочем, портретное сходство персонажа карикатуры с прототипом было весьма условным.

На страницах этого сборника Муссолини появляется еще шесть раз (всего в сборник вошло около 160 карикатур), причем вновь навязчиво воспроизводились античные мотивы. На одной из карикатур, пожалуй, наиболее выразительной, он изображен в роли Цезаря, покоряющего мир³⁹. Комический эффект составлял контраст в облике Муссолини: огромный живот, доспехи римского легионера и одновременно — фрак, манишка, лакированные штиблеты⁴⁰.

На других карикатурах Муссолини предстает в виде статуи Свободы, оратора, игральной карты. В последнем случае изображение Муссолини помещено на верхнюю половину карты — фрак, цилиндр, орденская лента, в то время как нижняя половина карты — разбойник-фашист с ножом, револьвером, увешанный гранатами⁴¹. Карикатура «Замуссоленный парламент» изображает огромного черного паукообразного Муссолини усевшимся на итальянский парламент. Как бы напоминая о карикатуре «Сумасшедший дом “Европа”», Муссолини на сей раз произносит: «Парламент — это я!»⁴².

Наконец, один рисунок посвящен довольно неожиданному сюжету — Муссолини принимает ванну. Речь шла о «холодной» политике Англии и «горячей» политике Франции в отношении Италии — в совокупности, по мысли карикатуриста, это представляло собой вполне комфортную для Муссолини температуру⁴³.

Сюжет с ванной получил развитие через несколько лет в новом сборнике Ефимова. Две «латинские сестры», Муссолини и Бриан⁴⁴, с трудом уместились в ванне, под которой подразумевалось Средиземное море. При этом комический эффект обеспечивал кокетливый чепчик, в котором предстал нарочито брутальный, небритый Муссолини⁴⁵. Впрочем, это единственная в сборнике карикатура, касающаяся Муссолини и Италии в целом. Правда, на нескольких карикатурах появляется новый персонаж, имеющий к Италии косвенное отношение, папа Римский Пий XI⁴⁶.

Необходимо подчеркнуть, что на рисунках Ефимова в эти годы, изображения Муссолини, при всей их карикатурности, не лишены были некоторой значительности. То же самое можно сказать и о рисунке Дм. Мельникова «Перед карнавалом» (1927), на котором Муссолини собирался надеть костюм разбойника, а его жена советовала не делать этого: мол, сразу узнают...⁴⁷

В 1935—1937 гг. в «Крокодиле» появляются карикатуры, связанные с итальянской агрессией в Эфиопии — так, на карикатуре Л.Г. Бродаты с поясняющим названием «Абиссинская проблема» лев, с трогательной задумчивостью, разглядывал антилопу и вслух размышлял — то ли съесть ее, то ли взять под протекторат. На рисунке А. Каневского Италия была изображена в образе питона, душащего свою жертву. Своеобразный итог этой темы подвела карикатура Кукрыниксов «Цена жеста». На ней был изображен памятник Муссолини — дуче в тоге стоит на крыше здания тюрьмы, руки подняты вверх, рядом повешенный абиссинец⁴⁸.

По-прежнему в 1935—1939 гг. Италию олицетворяет в первую очередь Муссолини — в «Крокодиле» он появляется более чем на 40 карикатурах из примерно ста. Время от времени художники оде-

вают его в тогу или ставят на колесницу. На одной из карикатур тевтон Гитлер и римлянин Муссолини куют ось «Берлин — Рим» для колесницы бога войны Марса⁴⁹. И все же античные мотивы в эти годы прослеживаются гораздо слабее. Нет теперь в карикатурах и сюжетов, обыгрывающих отношения Муссолини с Ватиканом. Зато «особые отношения» теперь связывают его с Гитлером.

Муссолини обычно предстает в двух ипостасях — либо в качестве равноправного партнера по агрессии в Испании или подготовке к войне (таких карикатур немало), либо в качестве партнера зависимого, подражающего старшему.

Он вместе с Гитлером принимает парад интервентов в Испании, отправляется грабить Европу с ножом в руке, наступает на лапу британскому льву или забивает ему в хвост ось «Берлин — Рим», топит мирные корабли, едет по трупам, играет бомбами на бильярде и т.д.

На карикатуре А. Каневского «Заклание британского льва Чемберленом» сам Чемберлен представлен в роли Авраама, а Гитлер и Муссолини в образе ангелов протягивают ему ножи⁵⁰.

Наиболее проникновенно «особые отношения» с Гитлером иллюстрирует карикатура А. Каневского «Первые шаги Гоги»⁵¹, на которой жена-Муссолини и муж-Гитлер радуются первым успехам своего румынского малыша⁵².

Но не менее любопытны карикатуры, где Муссолини изображен в качестве младшего партнера. На карикатуре К. Ротова Муссолини рисует себе усы — как у Гитлера. Позднее Муссолини жертвует Австрию Гитлеру «на итало-германскую дружбу». Б. Ефимов изобразил Гитлера в виде строгой воспитательницы, которая ведет «примерных деток» — Муссолини с топором-фасцией, японца с пушкой, а за платье сзади цепляется поляк. Завершает эту тему карикатура 1939 г. художника Ю. Ганфа «Монумент итало-германской дружбы», на которой немец сталкивает Муссолини с колесницы⁵³.

Но самым остроумным изображением итало-германского союза можно признать карикатуру Б. Ефимова «В честь итало-германской дружбы... Реконструкция известной конной статуи Верроккио», на которой Гитлер важно восседает на коне-Муссолини, причем к таким привычным атрибутам дуге, как тяжелый подбородок и пилотка, добавился конский хвост, подобный римской фасции⁵⁴.

Конечно, время от времени Муссолини появляется на страницах «Крокодила» и в качестве самостоятельного персонажа. Так, на карикатуре 1937 г. в очередной раз обыгрывается тема памятника Муссолини — на сей раз он без штанов собирает деньги на войну. На другой карикатуре дуче выступает в роли покровителя мусульман — он отправляет их в рай.

Важно отметить, что, по сравнению с карикатурами 20-х годов, Муссолини, особенно у Ефимова, стереотипен и выглядит откровенно туповатым; никакой значительности ни в фигуре, ни в выражение лица заметить уже невозможно.

Внешнюю политику Муссолини проиллюстрировал Б. Ефимов. На рисунке 1938 г. «Дипломатический флирт Лондон — Рим» оборванный, побитый Муссолини просит: «Подайте на обзаведение». Получив милостыню и обзаведясь новым пистолетом, он требует: «Кошелек или жизнь!»⁵⁵

На других карикатурах этого периода Италия и итальянцы, в частности итальянские военные, изображены в качестве участников интервенции в Испании, причем их боеспособность оценивается весьма и весьма невысоко, либо в качестве агрессоров в европейской политике. На рисунке Кукрыниксов «Дикий кабан» в виде кабана с трупом в пасти изображен фашизм. Подпись поясняет: распространен в Германии, Италии, Португалии⁵⁶.

Тему зависимости от Германии продолжают карикатуры, на которых итальянские фашисты везут из Германии «правильные размеры» итальянского носа и лба (1938), а итальянец везет немца — последняя карикатура (1939) называлась «Ось “Берлин — Рим” в действии»⁵⁷.

Как уже отмечалось, Италию обычно символизировал собой Муссолини. Среди немногих исключений — карикатуры, на которых авторы обыгрывали тему итальянского сапога, обычно драного. Один из таких рисунков был снабжен соответствующим пояснением: «Величественные очертания Апеннинского полуострова. Итальянское королевство. Великая держава — по официальной римской трактовке, присоединившая к своей короне целую эфиопскую империю (по-нашему, Абиссиния). А тень рассказывает: очертания полуострова более всего напоминают собою сапог, и сапог, так сказать, просящий каши, что довольно точно отражает экономическое положение королевства»⁵⁸.

На рисунке Б. Ефимова «Современные римские близнецы» тощая, тяжело дышащая, но симпатичная capitoлийская волчица кормила двух великовозрастных близнецов, чем-то похожих на Муссолини. Один из них именовался «Авантюра в Абиссинии», второй — «Авантюра в Испании»⁵⁹.

Вообще-то capitoлийская волчица появлялась в карикатурах неоднократно, но у нее всегда были небритый тяжелый подбородок и пилотка с кисточкой. Так, в 1936—1937 гг. Б. Ефимов опубликовал два варианта карикатуры «Звери на свободе»⁶⁰. В обоих случаях были изображены волк-Гитлер и волчица-Муссолини, причем обыгрыва-

лась известная строчка Пушкина «С своей волчихою голодной выходит на дорогу волк». На одном из рисунков на ветке сидели довольные Чемберлен и Даладьё⁶¹, а из-за дерева выглядывал дядя Сэм.

Что касается других итальянских политиков, они появлялись в карикатурах крайне редко. Среди исключений — несколько шаржей Гомбарга, на которых был изображен Чиано⁶², и довольно остроумный рисунок Б. Ефимова. На последнем две шкодливые мартышки — Риббенти и Грандентроп — залили чернилами и обгрызли края очередного английского документа в Комитете по вмешательству⁶³.

Сюжеты, связанные с внутренней ситуацией в Италии, многочисленны и в основном обыгрывают нищету итальянцев при Муссолини. Ни итальянский пролетариат (в отличие от германского), ни тем паче итальянские коммунисты, ни вообще итальянский народ на этих карикатурах не представлен. По-видимому, даже советская пропаганда, которая, как и любая пропаганда, нередко выдавала желаемое за действительное, отказывалась видеть в Италии признаки какого-либо революционного движения.

* * *

В своих воспоминаниях Б.Е. Ефимов со знанием дела утверждает: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»⁶⁴.

Но Италии со зрительными образами не слишком повезло. Даже по сравнению с другими западными странами, хотя бы той же фашистской Германией⁶⁵, для советского читателя она представляла в виде бесконечных портретов Муссолини, нередко копирующих друг друга. Лишь изредка появлялись иные образы, например, капитолийская волчица, апеннинский сапог, наконец, безмянные итальянские фашисты. И хотя Муссолини нередко изображался с атрибутами римских императоров, сами по себе богатейшие история и культура Италии оставались вне поля зрения карикатуристов. Но это по крайней мере было оправдано спецификой жанра; гораздо интереснее, что на многочисленных рисунках не появлялись ни итальянский народ, ни дети и женщины Италии, ни итальянские рабочие или революционеры. Даже пейзажи или виды итальянских городов, хотя бы в виде фона, встречались достаточно редко. И эта очевидная обедненность оказалась отличительной особенностью образа Италии в советской карикатуре.

А ведь, как отмечает А.В. Дмитриев, «из-за использования визуального канала воздействия или критически нацеленного на отдельную важную тему символа политическая карикатура становится действенным средством формирования общественного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять...» (ее воздействие довольно заметно до нашего времени. — А.Г.)⁶⁶.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют проиллюстрировать эти положения конкретными примерами. Упоминания о политических карикатурах в мемуарах или дневниках современников встречаются крайне редко; никаких материалов, фиксирующих визуальные образы мира в массовом сознании советского общества в межвоенный период, не существует. Тем не менее, можно предположить, что образы внешнего мира, созданные советской карикатурой 20—30-х годов, во многом определили инокультурные представления значительной части советского общества тех лет — в том числе и специфику образа Италии.

¹ Дмитрий Стахивич Моор (Орлов) (1883—1946) — российский график, заслуженный деятель искусств России (1932). Мастер политического плаката и сатирического рисунка.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). — Ф. 1988. — Оп. 1. — Д. 379. — Л. 42.

³ Там же. — Л. 36, 38.

⁴ См., например: *Абрамский, И.П.* Смех сильных: о художниках журнала «Крокодил». — М., 1977.

⁵ *Голиков, А.Г., Рыбачено, И.С.* Смех — дело серьезное: Россия и мир на рубеже XIX—XX веков в политической карикатуре. — М., 2010; *Их же. ...и Африка нам не нужна?* // Родина. — 2011. — № 1. — С. 97—102; *Голубев, А.В.* Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа. — Варшава, 2003. — Т. 3, № 3 (8). — С. 125—169; *Его же.* «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20—30-х гг. // Проблемы российской истории. — Магнитогорск, 2003. — Вып. 2. — С. 472—498; *Его же.* «Наш ответ Чемберлену»: советская политическая карикатура 1920—1930-х годов // Историк и художник. — 2004. — № 2. — С. 122—139; *Его же.* Образ Европы в советской карикатуре 1920—30-х годов // Труды Института российской истории [РАН]. — М., 2005. — Вып. 5. — С. 273—294; *Его же.* Америка в советской карикатуре 1920—30-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — М., 2006. — Вып. 4. — С. 372—412; *Его же.* Визуальные образы войны в советской карикатуре межвоенного периода // Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия. — Челябинск, 2008. — С. 269—284; *Golubev, A.* The Image of the Eastern Europe in the Soviet Caricature of the 1920s and 1930s (in the Published Material of Krokodil) // Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe. — Warszawa, 2010. — P. 212—233. — (Biblioteka etnografii)

- polskiej; № 59); *Невежин, В.А.* Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (к постановке проблемы) // *Polacy i Rosjanie — przewycięzanie uprzedzeń = Поляки и русские — преодоление предубеждений.* — Łódź, 2006. — С. 301—316; *Рыбаченок, И.* Смеяться вовсе не грешно над тем, что кажется смешно: международные отношения в конце XIX — начале XX века в политической карикатуре // *Родина.* — 2007. — № 10. — С. 59—64; *Рябов, О.* Образ врага в советской политической карикатуре межвоенного периода. Случай Польши // *Polacy i Rosjanie — przewycięzanie uprzedzeń = Поляки и русские — преодоление предубеждений.* — Łódź, 2006. — С. 275—286; *Токарев, В.А.* Польская тема за пределами «Правды»: советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Там же. — С. 287—300; *Его же.* «Польша сгниела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* — М., 2007. — Вып. 4. — С. 216—232; *Филиппова, Т.А.* Аспиды и готтентоты: немцы в русской сатирической журналистике // *Родина.* — 2002. — № 10. — С. 31—37; *Ее же.* «Благословенная страна»: образ турка в журнале «Сатирикон» // Там же. — 2011. — № 1. — С. 103—106; и др.
- ⁶ *Голубев, А.В.* Политическая карикатура 20—30-х гг. как часть советской повседневности // *Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.* — Ростов н/Д, 2009. — С. 349—366; *Орлов, И.Б.* «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // *История России XIX—XX вв.: новые источники понимания.* — М., 2001. — С. 230—236; *Шаттенберг, С.* Техника — политична: о новой советской культуре инженера в 30-е годы // *Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920—30-е годы.* — СПб., 2000. — С. 193—217.
- ⁷ *Орлов, И.Б.* «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. — С. 231.
- ⁸ *Токарев, В.А.* Советский фоторепортаж польской кампании (1939): организация и структура // *Проблемы российской истории.* — Магнитогорск, 2006. — Вып. 7. — С. 553.
- ⁹ РГАЛИ. — Ф. 1988. — Оп. 1. — Д. 379. — Л. 36—37.
- ¹⁰ *Большаков, А.М.* Деревня 1917—1927. — М., 1927. — С. 300.
- ¹¹ Подробнее см.: *Голубев, А.В.* Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // *Отечественная история.* — 2008. — № 1. — С. 36—58.
- ¹² См.: *Его же.* «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Там же. — 2004. — № 4. — С. 32—53.
- ¹³ *Яковлев, Я.А.* Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. — М.; Л., 1925. — С. 113—124.
- ¹⁴ *Шафир, Я.* Газета и деревня. — М.; Л., 1924. — С. 81, 89.
- ¹⁵ Там же. — С. 35, 52.
- ¹⁶ Борис Ефимович Ефимов (1900—2008) — народный художник СССР (1967), действительный член Академии художеств СССР, затем Российской академии художеств (1975), Герой Социалистического Труда (1990). С 1922 г. сотрудничал в газетах «Правда», «Известия», журнале «Крокодил». Лауреат Сталинских и Государственной премий (1950, 1951, 1972). Джеймс Рамсей Макдональд (1866—1937) — один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929—1931 гг. премьер-министр Великобритании. В качестве одной из знаковых фигур междуна-

родной умеренной социал-демократии был любимым персонажем советских карикатуристов.

- ¹⁷ Цит. по: *Дмитриев, А.В.* Социология политического юмора: очерки. — М., 1998. — С. 68, 69.
- ¹⁸ *Ефимов, Б.Е.* Лицо врага. Рисунки Б. Ефимова. — М., 1931. — С. 3.
- ¹⁹ РГАЛИ. — Ф. 1328. — Оп. 4. — Д. 11. — Л. 27. Вячеслав Павлович Полонский (Гусин) (1886—1932) — критик, историк. Автор книг о М.А. Бакунине, литературно-теоретические, исторические статьи (сборники «Уходящая Русь: статьи об интеллигенции, 1920—1924» (М., 1924); «О современной литературе» (М.; Л., 1928)).
- ²⁰ *Дмитриев, А.В.* Социология политического юмора. — С. 69.
- ²¹ *Варшавский, Л.* Наша политическая карикатура. — М., 1930. — С. 8.
- ²² Евгений Александрович Гнедин (1898—1983) в 1922—1930 гг. работал в НКВД (заведующий подотделом торговой политики, старший референт по Германии), затем был заместителем заведующего иностранным отделом «Известий». В 1935—1937 гг. — первый секретарь полпредства в Берлине. В июне 1937 — мае 1939 г. заведовал отделом печати НКВД. В мае 1939 г. был арестован, находился в заключении до 1955 г., впоследствии был реабилитирован. В 1970-е годы получил известность как публицист и правозащитник. В 1932 г. он работал в «Известиях» и предисловие было подписано его собственной фамилией; в 1938 г. он был уже руководящим сотрудником Наркомата иностранных дел и поэтому предисловие подписал псевдонимом.
- ²³ *Ефимов, Б.* Выход будет найден. Политические карикатуры. — М.; Л., 1932. — С. 5.
- ²⁴ *Его же.* Поджигатели войны. Карикатуры Бор. Ефимова. — М., 1938. — С. 3.
- ²⁵ *Его же.* Мне хочется рассказать. — М., 1970. — С. 198.
- ²⁶ *Его же.* Десять десятилетий: о том, что видел, пережил, запомнил. — М., 2000. — С. 99.
- ²⁷ *Его же.* Политические карикатуры, 1924—1934. — М., 1935. — С. 5.
- ²⁸ Характерным примером сатирического изображения иностранных политических деятелей были шаржи Ю.Я. Гомбарга. Юлий Яковлевич Гомбарг (1880—1954) — художник-карикатурист, в 1919—1925 гг. жил в Польше и Нью-Йорке. С 1925 г. сотрудничал в изданиях «Крокодил», «Журналист», «Вечерняя Москва», «Смена», «Известия» и др. В фондах РГАЛИ сохранилась богатая коллекция его рисунков, в частности и шарж на Муссолини. См.: РГАЛИ. — Ф. 2335. — Оп. 1. — Д. 226. — Л. 3.
- ²⁹ *Андреевский, Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20—30-е годы). — М., 2003. — С. 410.
- ³⁰ Крокодил. — 1926. — № 2. — С. 3. Иван Андреевич Малютин (1891—1932) — карикатурист, один из основателей «Окон РОСТА» и «Крокодила».
- ³¹ *Ефимов, Б.Е.* Сорок лет: записки художника-сатирика. — М., 1961. — С. 108.
- ³² Крокодил. — 1926. — № 43. — С. 1.
- ³³ Полный перечень сатирических изданий за эти годы см.: *Стыкалин, С.И., Кременская, И.К.* Советская сатирическая печать, 1917—1963. — М., 1963. — С. 23, 458—466.
- ³⁴ Подсчитано автором по: Крокодил. Изд. с 1922. Ежедек. — М.: Правда. — 1922—1939. Всего за эти годы вышло около 700 номеров журнала, в которых было опубликовано почти 1600 карикатур на международную тематику.

- ³⁵ Крокодил. — 1931. — № 13. — С. 14.
- ³⁶ Там же. — 1923. — № 31. — С. 1000.
- ³⁷ В своих воспоминаниях Б.Е. Ефимов, в частности, воспроизводит в качестве иллюстрации вариант, появившийся в английской газете. См.: *Ефимов, Б.* Сорок лет. — С. 89.
- ³⁸ *Его же.* Карикатуры. — М., 1924. — С. 1.
- ³⁹ Поводом для карикатуры послужила попытка Италии оккупировать греческий остров Корфу в августе 1923 г. Под давлением Англии Италии пришлось отступить и очистить остров.
- ⁴⁰ *Ефимов, Б.* Карикатуры. — С. 14.
- ⁴¹ Там же. — С. 16.
- ⁴² Там же. — С. 94.
- ⁴³ Там же. — С. 17.
- ⁴⁴ Аристид Бриан (1862—1932) — французский государственный деятель, неоднократно в 1909—1931 гг. премьер-министр и министр иностранных дел. Лауреат Нобелевской премии мира (1926).
- ⁴⁵ *Ефимов, Б.Е.* Политические карикатуры. — М., 1931. — С. 57.
- ⁴⁶ Пий XI (в миру Акилле Ратти, 1857—1939) — папа Римский с 1922 г. В своих энцикликах неоднократно осуждал коммунизм, принудительный труд в СССР, гонения на верующих. В феврале 1930 г. призвал к «молитвенному крестовому походу» против СССР, что сразу сделало его одной из главных мишеней советских карикатуристов.
- ⁴⁷ Смехач. — 1927. — № 37. — С. 12. Дмитрий Иванович Мельников (1889—1966) — художник-график, карикатурист, член МОСХ с 1937 г. Работал в журналах «Будильник», «Безбожник», «Красноармеец», «Смехач» и пр. С 1920-х годов сотрудничал в «Крокодиле».
- ⁴⁸ Крокодил. — 1935. — № 20. — С. 4; 1936. — № 30. — С. 4; 1937. — № 20. — С. 1. Лев Григорьевич Бродаты (1889—1954) — карикатурист, график, с 1918 г. работал в «Правде», с 1932 г. в «Крокодиле». Кукрыниксы (псевд. по первым слогам фамилий) — творческий коллектив графиков и живописцев: Михаил Васильевич Куприянов (1903—1991), Порфирий Никитич Крылов (1902—1990), Николай Александрович Соколов (1903—2000). Действительные члены Академия художеств СССР (1947), народные художники СССР (1958), Герои Социалистического Труда (Крылов — с 1972 г., Куприянов, Соколов — с 1973 г.) Лауреаты Ленинской премии (1965), Сталинских (1942, 1947, 1949, 1950, 1951) и Государственной премий СССР (1975).
- ⁴⁹ Крокодил. — 1937. — № 26. — С. 1.
- ⁵⁰ Там же. — 1938. — № 7. — С. 3. Аминадав Моисеевич Каневский (1898—1976) — советский график, карикатурист, иллюстратор. Народный художник СССР, член Академии художеств СССР (1973). С 1936 г. сотрудничал в «Крокодиле».
- ⁵¹ Октавиан Гога (1881—1938) — румынский поэт и политический деятель, председатель правительства Румынии в 1937—1938 гг. С 1935 г. возглавлял фашистскую Национально-христианскую партию (существовала до 1939 г.).
- ⁵² Крокодил. — 1938. — № 2. — С. 10.
- ⁵³ Там же. — 1936. — № 34. — С. 11; 1937. — № 11. — С. 11; *Ефимов, Б.Е.* Фашистские интервенты в Испании. Карикатуры Бор. Ефимова. — [М.],

1937; Крокодил. — 1939. — № 19. — С. 4. Константин Павлович Ротов (1901—1959) — карикатурист, книжный график. С 1924 г. регулярно публикуется в журнале «Крокодил» и газете «Правда». Арестован в 1940 г., отправлен в ссылку, реабилитирован в 1954 г. Юлий Абрамович Ганф (1898—1973) — график, народный художник РСФСР (1964). Работал в газете «Правда» (с 1924 г.), журнале «Крокодил».

⁵⁴ *Ефимов, Б.Е.* Поджигатели войны ... — С. 15.

⁵⁵ Крокодил. — 1938. — № 6. — С. 7.

⁵⁶ Там же. — 1936. — № 35. — С. 5.

⁵⁷ Там же. — 1938. — № 25. — С. 6; 1939. — № 3. — С. 7.

⁵⁸ Там же. — 1936. — № 30. — С. 9.

⁵⁹ *Ефимов, Б.Е.* Поджигатели войны ... — С. 94.

⁶⁰ Известия. — 1937. — 5 марта; *Ефимов, Б.Е.* Поджигатели войны ... — С. 5.

⁶¹ Невилл Чемберлен (1869—1940) — британский политический деятель, консерватор. в 1937—1940 гг. премьер-министр. Эдуард Даладьё (1884—1970) — французский политический деятель, в 1933—1934 (с перерывом) и 1938—1940 гг. премьер-министр.

⁶² Галеаццо Чиано (1903—1944) — министр иностранных дел Италии в 1936—1943 гг. В 1943 г. участвовал в заговоре против Б. Муссолини. Казнен фашистами.

⁶³ *Ефимов, Б.Е.* Поджигатели войны ... — С. 25. Международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании был создан в августе 1936 г. и официально прекратил свою деятельность 20 апреля 1939 г. В именах мартышек были прозрачно «зашифрованы» Риббентроп и Гранди, которые в Комитете по невмешательству соответственно представляли Германию и Италию. Иоахим фон Риббентроп (1893—1946) — посол в Великобритании (1935—1938), министр иностранных дел фашистской Германии в 1938—1945 гг. Казнен в Нюрнберге. Дино Гранди (1895—1988) — итальянский политический деятель, министр иностранных дел в 1929—1932 гг., в 1932—1939 гг. посол в Великобритании.

⁶⁴ *Ефимов, Б.* Сорок лет. — С. 90.

⁶⁵ См., например: *Голубев, А.В.* «Часовой, вооруженный карандашом»: Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922—1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке. — М., 2010. Т. 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. — С. 85—105.

⁶⁶ *Дмитриев, А.В.* Социология политического юмора. — С. 74.

В.А. Невежин

Взаимоотношения с Италией в контексте советской культурной дипломатии (вторая половина 1930-х годов)

Культурная дипломатия — это использование тем или иным государством существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей.

Наиболее благоприятным для активного и успешного продвижения культурной дипломатии как политического проекта является наличие всесторонних политических, дипломатических, экономических отношений между странами. Однако в истории бывали случаи, когда на пути этого проекта встречались почти непреодолимые препятствия.

В данной статье сделана попытка показать, с какой сложной ситуацией пришлось столкнуться советской стороне при решении задач культурной дипломатии в преддверии Второй мировой войны. Этот вопрос в российской историографии практически не изучен, хотя нельзя не согласиться и с выводом искусствоведа И. Голомштока о том, что после дипломатического признания Италией Советского Союза между обеими странами установились в целом хорошие отношения, распространявшиеся и на область культурных связей, «(правда, в основном, односторонних)»¹.

С середины 1930-х годов советско-итальянские отношения прошли три наиболее кризисных периода. Поначалу в целом хорошие, в 1935—1936 гг. они оказались омраченными итальянской агрессией против Абиссинии и итало-абиссинской войной, которая активно осуждалась советской пропагандой, в результате чего в обществе начал создаваться негативный образ фашистского режима Италии и ее правителя Муссолини.

Второй период (1936—1937) отличался тем, что итальянский фашизм фактически начал перерастать за рамки внутреннего режима и постепенно превращался в предмет экспорта и насаждения его в других государствах, в первую очередь, — в Испании, где разразилась гражданская война. На этом этапе Италия и СССР оказались по разные стороны баррикад в борьбе за установление по-

литического влияния в Испании. Муссолини и Гитлер открыто вмешались в испанскую гражданскую войну на стороне мятежного генерала Франко. Сталин же, по мере сил, поддерживал республиканское правительство Испании. В результате советско-итальянские отношения оказались буквально накануне полного разрыва.

Третий период (1938 — август 1939 г.) совпал с острым политическим кризисом в Европе, связанным с усилением агрессивности германского национал-социализма и итальянского фашизма, и непосредственно предшествовал началу Второй мировой войны. Однако на этом этапе Италия, опасаясь быть вовлеченной своим союзником Германией в крупный вооруженный конфликт, пыталась добиться дипломатическими методами невмешательства в него, в частности, путем оживления контактов на различных уровнях с Советским Союзом².

После дипломатического признания СССР Италией (1924) отношение советской политической и интеллектуальной элиты к фашистскому режиму и к Муссолини было неоднозначным. Несмотря на некоторые затруднения, известный писатель М. Горький получил вид на жительство в Италии. В апреле 1924 г. он поселился в Сорренто, где пребывал (с небольшими перерывами) до начала мая 1933 г. Более того, итальянская сторона не препятствовала деятелям культуры из СССР, в первую очередь, писателям, приезжать к нему в гости в Италию³.

Первым полпредом СССР в Риме являлся К.К. Кротовский (Юрнев). Но уже в 1925 г. он был переведен на дипломатическую работу в Иран. Он «провинился» тем, что без согласования с Москвой пригласил Муссолини на дипломатический прием в советское посольство по случаю годовщины Октябрьской революции⁴.

14 августа 1926 г. полпредом СССР в Италии был назначен (в качестве своеобразного «наказания») один из руководителей антисталинской «новой оппозиции» Л.Б. Розенфельд (Каменев), переведенный в 1925 г. из членов в кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП (б) и освобожденный с поста заместителя Председателя СНК СССР.

Каменева связывало давнее знакомство с Муссолини, состоявшееся после поражения Первой русской революции: Каменев находился тогда в эмиграции. Однако политические взгляды обоих разошлись.

Так или иначе, спустя почти два десятилетия после установления личного знакомства Муссолини радушно принимал Каменева как советского полпреда в Риме, во Дворце правительства. Они встретились как давние товарищи и долго беседовали. По окончании продолжительной аудиенции дуче снабдил Л.Б. Каменева специальным пропуском для посещения предприятий, низовых

фашистских партийных и профсоюзных организаций для изучения методов управления страной⁵.

В.П. Потемкин, назначенный в 1932 г. советским полпредом в Италии, «обладал богатой культурной, живым умом». В то же время он явно стремился продемонстрировать свою «политическую благонадежность». Вступив в должность, Потемкин выступил в Риме перед сотрудниками советского посольства «с длинной идеологической речью», в которой охарактеризовал фашизм как «вооруженную диктатуру буржуазии», предназначенную для борьбы против пролетариата и социальной революции. Однако тон его дипломатических сообщений, касавшихся личности Муссолини, был совершенно другим⁶. По некоторым данным, В.П. Потемкина даже критиковали за то, что он поддерживал личные отношения с Муссолини и якобы держал на своем письменном столе фотографию дуче с дружественной надписью⁷. А писатель Б. Пильняк, как утверждал в 1936 г. заместитель заведующего отделом культпросветработы ЦК ВКП (б) А.И. Ангаров, «утаил от советской общественности факт посвящения Муссолини выпущенной итальянским издательством книжки своих рассказов, переведенных на итальянский язык»⁸.

Совершенно иначе реагировал на персону дуче известный русский ученый И.П. Павлов. Павлов, а также Б.М. Завадовский, Б.И. Збарский, Х.С. Коштыянец, А.П. Палладин, Л.С. Штерн и другие представляли СССР на XIV Международном конгрессе физиологов в Риме (29 августа — 4 сентября 1932 г.)⁹. Конгресс открывал Муссолини в амфитеатре древнего порта Остия, раскопки которого велись в тот период. По одной версии, дуче приветствовал ученых на итальянском языке, который не входил в число рабочих языков этого научного форума. И.П. Павлова подобное нарушение общих правил возмутило, и онотреагировал следующим образом: «Вот условный рефлекс на величие»¹⁰. По другой версии, открытие конгресса задерживалось из-за того, что ожидалось присутствие на нем Муссолини. Когда дуче, наконец, появился перед собравшимися, чернорубашечники приветствовали его особым фашистским жестом. И этот момент в притихшей аудитории прозвучала реплика И.П. Павлова: «Условный рефлекс!» Тем самым он «по достоинству» оценил «автоматическую реакцию истуканов, не требующую участия их сознания...»¹¹.

Что касается Сталина, то на встрече с писателями (26 октября 1932 г.) находившийся на пути к абсолютной власти большевистский лидер «сидел насупившись», когда вошедшие в раж литераторы пытались сравнивать его с Муссолини¹².

В начале 1930-х годов в советской пропаганде, в первую очередь, в периодической печати, стали появляться материалы с кри-

тикой итальянского фашистского режима и самого Муссолини. Так, А.М. Горький, начиная с 1928 г. периодически приезжавший в СССР и окончательно покинувший Италию лишь в мае 1933 г., выступил с инициативой создания журнала «За рубежом». В нем публиковались, главным образом, материалы по актуальным международным проблемам. Много места на страницах этого периодического издания отводилось освещению антифашистской теме. Например, писатель Д. Джерманетто представил для публикации в нем свой очерк под характерным названием: «Как живет итальянскому пролетариату при Пие XI, Викторе Эммануиле III и Муссолини единственном»¹³.

2 сентября 1933 г. В.П. Потемкин поставил свою подпись под советско-итальянским договором о дружбе, ненападении и нейтралитете. В отчетном докладе Сталина на XVII съезде ВКП (б) (26 января 1934 г.) была озвучена мысль о том, что фашистский режим в Италии не стал помехой для СССР в установлении наилучших отношений с этой страной¹⁴. А выступая на приеме (банкете) в Большом Кремлевском дворце в честь участников совещания работников железнодорожного транспорта (30 июля 1935 г.) советский лидер, в частности, заявил, что буржуазия выдвинула «своих наиболее умных и способных людей для управления государством», среди которых он называл и Б. Муссолини¹⁵.

Советская сторона стремилась использовать создавшуюся после заключения соглашения от 2 сентября 1933 г. в целом благоприятную ситуацию для поддержания культурных связей с Италией.

28 июня 1934 г. начальник Главного управления кинофотопромышленности (ГУКФ) при СНК СССР Б.З. Шумяцкий и председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) А.Я. Аросев направили в Политбюро ЦК ВКП (б) докладную записку с просьбой разрешить участие во 2-й Международной выставке кинематографического искусства в Венеции, на которую получил приглашение Советский Союз. 20 июля 1934 г. эта просьба была удовлетворена. На киновыставку, открывшуюся 5 августа 1934 г., прибыла советская делегация в составе режиссеров Г.Л. Рошала и В.М. Петрова, оператора Союзкинохроники А.М. Шафрана. На ней демонстрировались художественные фильмы: «Встречный», «Окраина», «Гроза», «Иудушка Головлев», «Марионетки», «Веселые ребята», «Пышка», а также хроникальная лента «Челюскин». Советские кинематографисты удостоились первого приза — международного кубка¹⁶.

Между тем, публиковавшиеся в советской периодической печати отчеты о международных выставках и конгрессах, участие в

которых использовалось для решения насущных задач советской культурной дипломатии, не только отличались восторженными оценками достигнутого в области изобразительного искусства и архитектуры СССР, но и содержали негативные выпады в адрес итальянского фашизма.

К этому времени Муссолини уже осуществлял вмешательство в развитие изобразительного искусства и архитектуры в интересах фашистского режима. С этой целью дуче, в частности, использовал традиционную международную художественную выставку (Венецианское Бьеннале). Начиная с 1924 г. активное участие в ней принимала не только Италия, но и Советский Союз¹⁷. На XIX Венецианском Бьеннале в 1934 г. свои произведения, количество которых превысило 4000, демонстрировали свыше 1400 художников из разных стран мира. Экспонаты советского отдела были подготовлены Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей¹⁸.

Год спустя в советской периодике приводился большой отрывок из критической статьи, помещенной в газете «Матино» (Италия), о работе XIX Международной художественной выставки в Венеции. Итальянский критик, в частности, язвительно замечал: «Какие гигантские дела в области мелиорации, реставрации и строительства, какие чудесные предприятия и еще более чудесные преобразования были совершены в Италии в течение последних десяти лет». В данной связи он задавался вопросом: «Почему же столько трудов, столько отваги, столько технической и политической мудрости не нашли отражения в итальянской живописи?» Далее автор упомянутой статьи констатировал: «Провозглашать до звона в ушах фашистское искусство, а потом ничего не сделать, чтобы отобразить созидательную силу фашизма, которой завидует весь мир, — такое положение глубоко печально и поразительно [...] Я не могу не указать на это, особенно, по сравнению с тем духовным единством, которое вдохновляет русских (читай: советских. — *В.Н.*) художников».

В отчете об участии СССР в Венецианской художественной выставке, помещенном в журнале «Искусство», по этому поводу давался следующий комментарий: «Увы, ламентации (итальянского. — *В.Н.*) критика не помогут оживлению и приближению к жизни итальянских художников, ибо если построение социалистического общества является могучим фактором развития искусства, то фашизм во всех его видах мертвит подлинно живые силы искусства, которые естественно отталкиваются от него»¹⁹.

В этом же отчете, в частности, отмечалось, что в Италии неизменным успехом пользовались произведения живописца и графика А.А. Дейнеки. Пытаясь объяснить причину этого успеха, журнал

«Искусство» писал: «Нам представляется, что итальянцы хвалят Дейнеку именно за те качества, которых у них нет, но которые они стремятся и хотят иметь: за жизнерадостность мироощущения, за веселую крепость его спортсменов, за динамизм его композиций, за неожиданность построений, за четкость выражения[...] Фашистские же художники по вполне понятным причинам не обладают этими качествами, поэтому итальянцы и считают полезным украсить свои галереи именно спортивными картинами Дейнеки»²⁰.

Выступая на Первом съезде писателей СССР (август 1934 г.), А.М. Горький с удовлетворением утверждал: «Нам неплохо удастся работа над объединением всех сил радикальной, антифашистской интеллигенции»²¹. Он призывал к освещению в советской литературе по-настоящему темы сопротивления фашизму. По мнению Горького, богатейший материал для убийственной политической сатиры давали «пакости и мерзости Гитлера и Муссолини»²². Примечательно, что уже в 1935 г. в СССР вышла в свет книга с описанием тех «пакостей и мерзостей», которые сопровождали приход к власти в Германии национал-социалистов в Германии²³. В ней, в частности, встречается следующий пассаж: «Маленький Гитлер лежит сапог великого Дуче, сапог, запятнанный кровью повергнутых в прах тирольцев».

Во второй половине 1935 г. начал назревать итало-абиссинский вооруженный конфликт, который был спровоцирован Муссолини. В связи с этим СССР столкнулся со сложной проблемой выбора официальной позиции по данной проблеме, которая привела к обострению международного положения. Видным дипломатом в тот период являлся Народный комиссар иностранных дел СССР (1930—1939), член ЦК ВКП (б) (1934—1941) М.М. Литвинов. В 1934—1938 гг. он представитель СССР в Лиге Наций. Ленин в свое время в шутку называл Литвинова «самым большим крокодилем» из всех советских дипломатов, намекая на его крепкую хватку²⁴.

Полномочным представителем СССР в Италии в 1934—1939 гг. являлся Б.М. Штейн, который считался «человеком Литвинова», его любимцем. Он был одним из дипломатов, представлявших СССР в Лиге Наций²⁵. Пост советника посольства, временного поверенного в делах Советского Союза в Итальянском Королевстве занимал в 1933—1940 гг. Л.Б. Гельфанд. Министр иностранных дел Италии граф Г. Чиано называл Гельфанда «профессиональной Кассандрой»²⁶.

В преддверии итало-абиссинской войны Сталин был склонен занять нейтральную позицию, стараясь не вмешиваться во все обострявшийся конфликт. 2 сентября 1935 г., находясь на отдыхе в Сочи, он направил телеграмму В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу, в кото-

рой, в частности, отмечал, что «сомнения Наркоминдела» по вопросу о возможности санкций в отношении Италии «проистекают из непонимания международной обстановки». Далее Сталин утверждал: «Конфликт идет не столько между Италией и Абиссинией, сколько между Италией и Францией, с одной стороны, и Англией, с другой. Старой антанты уже нет. Вместо нее складываются две Антанты: антанта Италии и Франции, с одной стороны, и Антанта Англии и Германии, с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР [...] Нам вовсе невыгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой»²⁷.

Однако в условиях начавшейся итало-абиссинской войны СССР, как член Лиги Наций, не мог уклониться от обсуждения ее Советом вопроса о применении санкций в отношении агрессора. отождествление антифашистской идеологии с советской дипломатической линией не всегда соответствовало действительному политическому курсу Кремля. СССР наряду с Великобританией, США, Францией, рядом других стран так и не смог занять твердой позиции в этом вопросе. Советские делегаты в Лиге Наций в октябре 1935 г. заявили о себе как убежденные сторонники экономических и финансовых санкций против Италии. В декабре 1935 г. они сумели извлечь пользу из антиимпериалистической волны, поднявшейся в Лиге Наций в ответ на франко-британские планы, выгодные Италии.

Но это не помешало советской делегации, как члену Совета Лиги Наций, разыграть карту умеренности, когда речь шла об интересах СССР. На всем протяжении итало-абиссинского конфликта 1935—1936 гг. она действовала под прикрытием коллективного решения Лиги Наций, избегая разрыва дипломатических отношений с Римом, и, в конечном счете, признала де-факто аннексию Абиссинии Италией²⁸.

В этот сложный период западная пресса, с одной стороны, изображала представителей СССР в Лиге Наций как убежденных противников фашистской Италии и колониальной авантюры Муссолини в Абиссинии. С другой стороны, они рисковали тем, что могли разочаровать общественное мнение Запада, проводя в Совете Лиги политику компромисса в отношении к Италии и Франции по данному вопросу. М.М. Литвинову было трудно принять «свободу» западной прессы, отличавшейся продажностью и любовью к скандалам, когда эти ее отличительные особенности играли на руку не СССР, а его оппонентам на международной арене, в том числе — Италии²⁹.

В конце декабря 1935 г. британский министр иностранных дел С. Хор и премьер-министр Франции П. Лаваль выработали сек-

ретный план урегулирования итало-абиссинского вооруженного конфликта, который представлял собой попытку умиротворения Италии как агрессивной стороны. Однако текст этого плана просочился в британскую прессу и был отвергнут Советом Лиги Наций. Таким образом, Англия и Франция лишились возможности малой кровью и с пользой для себя разрешить трудную внешнеполитическую проблему. Позиция СССР в данном вопросе практически совпадала с англо-французской. Между тем, фашистское руководство Италии уловило в проекте соглашения Хора — Лавалья возможность достижения компромисса с Лондоном и Парижем, решив предпринять демарш против Советского Союза. Едва ли не основной целью этой пропагандистской акции являлось стремление переключить внимание итальянского общественного мнения с Англии на СССР. В результате советско-итальянская «перебранка через печать достигла опасного накала»³⁰.

В итальянской прессе развернулась антисоветская кампания. Она подогревалась, в частности, выступлениями некоего профессора Онацко. Его доклад в Итальянском Королевском Восточном институте изобилвал прямыми выпадами против СССР. Б.Е. Штейн поспешил выступить с протестом по поводу этого антисоветского выпада. Королевский комиссар Института в комплиментарном духе отреагировал на заявление советского дипломата. Пытаясь разрядить ситуацию, он заявил, обращаясь к Штейну: «Прошу Ваше превосходительство учесть, что в данный момент, без сомнения, имеются элементы, стремящиеся вызвать недоразумения между СССР и Италией, но, к нашему счастью, СССР представлен в Италии Вашим превосходительством, который обладает высокими знаниями как итальянского языка, так и итальянской нации, в связи с чем я убежден, что такого рода попытки названных элементов не будут иметь успеха».

Однако выпады итальянской прессы против СССР не прекращались. Б.Е. Штейну пришлось даже обратиться со специальным письмом к графу Г. Чиано в связи с антисоветскими публикациями русского эмигранта Пастухова. Чиано в присутствии Штейна предложил министру печати и пропаганды Альфиери запретить итальянским газетам помещать на своих страницах публикации, направленные против СССР. Однако антисоветская линия фашистской пропаганды в Италии не была пресечена. Особенно настойчиво придерживался ее журналист Гайда³¹.

Советская культурная пропаганда в преддверии и в период итало-абиссинской войны где косвенно, а где и прямо была нацелена на осуждение фашистского режима Муссолини.

4 октября 1935 г., уже на другой день после начала агрессивных действий Италии против Абиссинии, газета «Известия», являвшаяся советским официозом, поместила отрывки из дневника Л.Н. Толстого, в котором великий русский писатель обличал захватнические действия Италии в ходе ее предыдущей войны против Абиссинии (1895—1896)³². На страницах еженедельника «За рубежом» помещались красочные географические карты, иллюстрировавшие агрессивные действия Италии против Абиссинии, давались острые политические комментарии к ним³³.

8 декабря 1935 г. в столицу Абиссинии Аддис-Абебу прибыли кинооператоры-документалисты Б.Б. Цейтлин и В.С. Ешури, приступившие к съемкам событий на фронте итало-абиссинской войны³⁴. В июле 1936 г. на советский экран вышел смонтированный на основе снятого ими материала документальный фильм «Абиссиния» (производство Московской кинохроники, режиссер И.П. Копалин)³⁵. Одновременно появилась книга, в которой осуждалась агрессия фашистской Италии против Абиссинии³⁶.

17 января 1936 г. Б.Е. Штейн встретился с Муссолини, однако беседа не принесла никаких плодов. Итало-советские отношения становились все более напряженными. Даже несмотря на заверения Муссолини оказать влияние на прессу и сбавить ее антисоветский тон, никаких практических мер в этом направлении не было принято, а газетная полемика с Москвой продолжала обостряться³⁷. В свою очередь, в ответ на мощную антисоветскую кампанию пресса в СССР получила «полную свободу для изложения фактов и своих эмоций по поводу политики фашистской Италии»³⁸. Между Римом и Москвой проходили, то затихая, то разгораясь с новой силой, газетные «бои без правил».

О том, в какой политически «наэлектризованной» ситуации, возникшей в результате активизации антифашистской пропаганды, приходилось существовать простым людям в СССР в период итало-абиссинской войны, свидетельствует драматическая история, изложенная в письме бывшего студента Московского текстильного института В.А. Мирошниченко на имя В.М. Молотова. В период обучения в институте Мирошниченко активно участвовал в студенческой художественной самодеятельности. Он исполнял произведения русских композиторов, а также неаполитанские песни и романсы на итальянском языке («Солнышко мое», «Вернись в Сорренто» и др.), которые «заучил» по граммофонной записи. Однажды в студенческом общежитии, где проживал В.А. Мирошниченко, зашел разговор об итало-абиссинской войне. При этом один из студентов задал ему прямой вопрос: «за кого стоишь, за

Италию или за Абиссинию?». Пытаясь отшутиться, Мирошниченко ответил, что, конечно же, поскольку он — «итальянец» и даже поет на итальянском языке, то «стоит» за Италию. Несколько дней спустя один из студентов, пытаясь свести с В.А. Мирошниченко какие-то «личные счеты», донес на него в НКВД. Из этого доноса следовало, что «Мирошниченко агитирует в пользу итальянского фашизма». 26 апреля 1936 г. незадачливый исполнитель итальянских песен и романсов подвергся аресту. Его осудили «за агитацию в пользу итальянского фашизма» и подвергли высылке из Москвы в Красноярский край³⁹.

В 1936 г. обстановка для продвижения советской культурной пропаганды в Италии была явно неблагоприятной. В создавшихся условиях Б.Е. Штейн пытался, хотя и безуспешно, активизировать деятельность ВОКС в этой стране. Однако итальянское руководство явно не было склонно к развитию культурных связей с СССР. Отвечая на письмо Председателя Комитета по делам высшей школы И.И. Межлаука от 26 августа 1936 г., Б.Е. Штейн констатировал: «Всякая моя попытка получить какие-либо интересующие нас сведения характера официального и даже в области культурной берется немедленно под большое подозрение. Здесь (в Италии. — *В.Н.*) атмосфера все более и более сгущается. Мы находимся как бы в крепости»⁴⁰.

Большие препятствия возникли при попытках организовать демонстрацию советских фильмов в Италии. Еще в мае 1936 г. итальянские зрители имели возможность познакомиться с некоторыми лентами во время работы Международного кинофестиваля в Венеции (май 1936 г.). На нем была представлена картина режиссера Г.А. Александра «Веселые ребята». Ее показывали в кинотеатрах Рима и Милана⁴¹. В докладной записке от 8 августа 1936 г., направленной в ЦК ВКП (б) и СНК СССР, Б.З. Шумяцкий подчеркивал: «Экспорт фильмов не может быть рассматриваем как обыкновенный товарный экспорт, поскольку этим видом экспорта мы преследуем в первую очередь цели культурно-политические...»⁴². В приложении к этой докладной записке была перечислена 31 страна мира, в которых демонстрировались советские фильмы в I-м полугодии 1936 г. Среди них названа и Италия⁴³.

В упоминавшемся письме на имя И.И. Межлаука Б.Е. Штейн отмечал, что ему «с величайшим трудом» удалось добиться разрешения на демонстрацию в Италии советского художественного фильма «Цирк», да и то только для весьма ограниченной аудитории⁴⁴. А в докладной записке руководителя Отдела культурно-просветительской работы ЦК ВКП (б) Е.М. Тамаркина на имя секретаря ЦК А.А. Андреева от 22 июня 1937 г. подчеркива-

лось: «Кинокартинами производства 1936 года охвачено только 20 стран...». Италия в этом списке уже не фигурировала⁴⁵.

Гражданская война в Испании и совершенно противоположные позиции, занятые по отношению ней советским и итальянским руководством, вновь изменили в худшую сторону характер взаимоотношений между Римом и Москвой. События в Испании, где советские добровольцы приняли непосредственное участие в боях против немецких и итальянских союзников Ф. Франко, стали новой отправной точкой для развития негативных тенденций. 25 августа 1936 г. в доверительной беседе с Л.Б. Гельфандом Г. Чиано со всей откровенностью обрисовал некоторые аспекты сложившейся ситуации. Согласно заявлению Чиано, Италия не желала портить отношения с СССР, однако должна была учитывать чисто политические факторы: распространение идей советского строя в пограничных странах. По его мнению, в Европе уже была объявлена война фашизму, а европейские страны разделилась на два враждебных лагеря: фашистский и антифашистский. Во главе антифашистского блока, подчеркивал Г. Чиано в упомянутой беседе с Л.Б. Гельфандом, объективно встал Советский Союз. В свою очередь, итальянское правительство имело намерение бороться до конца за сохранение собственного, фашистского режима. Этот внутривнутриполитический фактор Чиано считал преобладающим в отношениях между Италией и СССР. Итальянская печать стремилась полностью замолчать оказываемую Италией помощь франкистам. В то же время практически все органы прессы Италии под сенсационными заголовками публиковали сообщения о военной поддержке Советским Союзом республиканского правительства Испании. Сотрудники итальянского МИДа всячески подчеркивали несовместимость внешнеполитических концепций Рима и Москвы.

В конце 1936 г. советско-итальянские отношения продолжали ухудшаться. В докладе Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов «О проекте Конституции Союза ССР» (25 ноября 1936 г.) открыто звучали антифашистские нотки: «Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства»⁴⁶.

19 февраля 1937 г. Г. Чиано откровенно заявил в беседе с Б.Е. Штейном, что пока в Испании происходит настоящее сраже-

ние СССР против Италии, не может быть и хороших отношений между обоими государствами⁴⁷. Антисоветская кампания приняла неслыханные размеры и велась практически всеми итальянскими средствами массовой информации.

Член президиума Коминтерна, генеральный секретарь Итальянской Коммунистической партии П. Тольятти писал по этому поводу в мае 1937 г.: «“Фашистские кадры” при открытой в данном случае поддержке со стороны правительства развернули новую кампанию против большевизма, с каковой целью итальянская пресса печатает самую бессмысленную ложь о положении в Советском Союзе, распространяя каждый день самую злостную и глупую клевету...»⁴⁸. Тольятти в данной связи разразился беспощадной критикой материалов итальянской печати, касающихся политики Муссолини. Он не без сарказма писал: «Каждый день фашистская печать полна статей, восхваляющих “победы” и “достижения” режима чернорубашечников, “фашистской империи”, теории и практики фашизма не только в Италии, но и во всем мире. Каждый день в фашистской печати и в речах фашистских вождей возвещается по всему миру, что все враги фашистской власти выловлены и уничтожены, что никогда еще итальянский народ не был так крепко сплочен вокруг Муссолини, как теперь, убедившись в успешности и справедливости его политики и твердо решив до конца поддерживать эту политику»⁴⁹.

Согласно характеристике П. Тольятти, итальянская художественная литература при Муссолини находилась в состоянии «морального разложения». В подтверждение данной мысли он привел следующий тезис: «Фашистская литература — главным образом произведения молодых фашистов, в которых центральными фигурами всегда являются никчемные люди, дегенераты, идиоты, — потрясающим образом отражает это разложение»⁵⁰. В 1937 г. на страницах журнал «Интернациональная литература», печатного органа Союза советских писателей, появились публикации, призванные подтвердить тезис о «моральном разложении» всей итальянской культуры⁵¹.

В том же году вышел в свет солидный, прекрасно иллюстрированный том, в котором излагались впечатления советских участников XIII Международного архитектурного конгресса, проходившего в Риме с 22 по 27 сентября 1935 г.⁵²

С момента установления фашистского режима Муссолини в Италии началось бурное строительство новых архитектурных сооружений и реконструкция старых. Частичной перестройке подверглась итальянская столица. По замыслу Муссолини, Рим должен был поражать своим великолепием: широтой, порядком,

силой, т.е. приобрести те черты, которые он имел в античные времена. Вся эта деятельность сводилась по существу к частичному уничтожению средневековой застройки, высвобождению античных памятников и строительству новых сооружений в «ликторском стиле»: громоздких и неуклюжих «дворцов фашизма», помещений, предназначенных для партийных, молодежных и прочих организаций, которые в конечном счете были призваны увековечить «эру фашизма». Однако она вела к утрате неповторимого облика Рима, в напластованиях архитектуры которого прослеживалась вся его тысячелетняя история. Вокруг древних храмов стали появляться мрачные сооружения с фашистской символикой, античные фундаменты разрушались, старинные здания превращались в обрубки стен, поглощавшихся новой кладкой. Однако когда Д. Боттаи, один из ближайших сподвижников дуче, заметил, что разрушение памятников старины может деморализовать народные массы, Муссолини презрительно отрезал: «Искусство отравило итальянцев»⁵³.

Со всеми «новациями» дуче, произведенными в итальянской архитектуре 1930-х годов, смогли лично ознакомиться и «по достоинству оценить» советские специалисты. В сентябре 1935 г. делегация в составе: К.С. Алабяна (руководитель делегации), академика А.В. Шусева, ректора Академии архитектуры М.В. Крюкова, профессоров В.А. Веснина, С.Е. Чернышева, Н.Д. Колли, Д.Я. Аркина, отправилась на XIII Международный архитектурный конгресс, который состоялся в Риме⁵⁴. Однако в качестве инициатора поездки выступило не итальянское правительство. Официально СССР был приглашен на этот представительный форум Постоянным международным комитетом архитекторов. А всего в Рим для участия в конгрессе прибыло около 600 чел. из 35-ти стран⁵⁵.

В упомянутом выше издании М.В. Крюков, в частности, подчеркивал, что «официальное» итальянское строительство являлось «проводником фашистской политики», а его цель — «политическая агитация и демагогия». Крюков подверг критике перепланировку Рима, предпринятую по решению Муссолини, и, в частности — создание новой улицы (виа дель Имперо). Оно имело показательный характер и свелось, по словам Крюкова, «к сломке зданий, граничащих с форумом, и к проложению на этом участке улицы». Такой же показательный характер, по мнению М.В. Крюкова, имело сооружение жилых домов для «аристократической верхушки рабочих фашистского Института народного строительства» и туберкулезного санатория на окраине Рима. Наконец, «целям политики и агитации», как утверждал ректор Академии архитектуры

СССР, служил так называемый форум Муссолини, где воспитывалась «в духе фашизма буржуазная молодежь»⁵⁶.

Д.Е. Аркин, развивая мысль М.В. Крюкова о несостоятельности итальянской архитектуры при Муссолини, в частности, сосредоточил свое внимание на описании грандиозного комплекса в честь короля Виктора Эммануила, который получил у итальянцев название «Монументо». «Монументо» располагался в самом центре Рима, на пересечении его основных магистралей. Фашистский диктатор, как подчеркивал Д.Е. Аркин, придавал этому грандиозному архитектурному сооружению большое значение. Не случайно «фашизм сделал это сооружение своим “идеологическим” архитектурным центром, поместив на нем свои главные агитационные “святыни”: “алтарь отечества”, “могилу неизвестного солдата” и “памятник павшим за фашизм”». В результате «Монументо» сделался «центром всевозможных официальных церемоний и манифестаций, а находящаяся перед ним и столь же им затененная площадь Венеции — местом фашистских парадов и сборищ». «Так совершилось, — констатировал Д.Е. Аркин, — приобщение самого внешнего, показного и бесстильного произведения архитектурной эклектики XIX века к “ультрасовременной” архитектуре итальянского фашизма».

Аркин писал, что «расчистка античных памятников, освобождение форума и рынка Траяна от загромождавших его позднейших строений должны лишь составить соответственный исторический тон для главного представительного здания фашистской столицы — Ликторского дворца». Советскому архитектору показалась ясной «функция всего замысла»: «архитектурно утвердить» преемственность фашистской Италии и «империи цезарей». Д.Е. Аркин утверждал, что в фашистском Риме имелось три основных достопримечательности: виа дель Имперо, «форум Муссолини» (спортивный комплекс, состоящий из стадионов, бассейнов, кортов и физкультурных площадок), Римский университет. Две последние постройки он отнес к числу основных «показательных» архитектурных произведений фашистского режима⁵⁷.

Собственный обзор общего состояния итальянской архитектуры при Муссолини, опубликованный в упомянутой выше книге, В.А. Веснин начал со следующего основополагающего тезиса: «Государство в Италии строит некоторые крупные сооружения. Фашистский режим хочет запечатлеть в них “новую эру”. Эти сооружения должны создать стиль, выражающий “эпоху фашизма”». Однако, как считал Веснин, этот стиль трудно определить, ибо М. Пьячентини, идейный руководитель итальянской архитектуры, «друг Муссолини», пожалуй, и сам в нем хорошенько не

разобрался. При этом, не без сарказма указывал В.А. Веснин, на первый план выдвигалась приставка «нео»: раз новая эра, то без «нео» просто нельзя. Несомненно, продолжал свою мысль Веснин, в итальянской архитектуре при Муссолини присутствовал и «латинизм», как своеобразное продолжение «великих идей Римской империи». Имеет место и «рационализм» как одно из завоеваний XX в. Однако, по словам советского архитектора, М. Пьячентини и его сподвижники, не отдавая предпочтения ни одному «изму», ловко оперировали ими «в зависимости от обстоятельств, назначения и значения сооружения». И в этом, как считал В.А. Веснин, итальянские архитекторы «достигли многого, больше даже, чем хотели»: они отражали в своих работах сущность фашизма, часто невольно разоблачая истинный его смысл.

Веснин заключал: «Театральность, поза, ложный пафос, декламация, характерные для всей практики фашизма, нашли полное выражение в этой архитектуре[...] Желание фашистского режима создать впечатление силы выражается в архитектуре ложным монументализмом, гипертрофией форм, подчеркиванием тяжести, грузности, а все это роднит эту мощь с понятием бронированного кулака»⁵⁸.

Параллельно с этим на страницах журнала «Интернациональная литература» развернулась заочная полемика с «фашистскими искусствоведами», утверждавшими, что в Италии наступила эра «нового возрождения, достойного эпохи Рафаэля и Микеланджело»⁵⁹. Как утверждал анонимный критик, это «“новое возрождение” принесло только бездарнейшие подражания классической скульптуре и живописи. Мания величия сказалась и здесь: если бюст, то непременно с головой римлянина и со складками римской тоги, если фреска, то на десятки квадратных метров; “грандиозные” композиции со множеством фигур; все “гиганты” с гипертрофированными мускулами, с “сатанинским” выражением лица». Более того, по его мнению, в Италии никакого искусства просто не существовало: «Перспективы для творчества художника при фашистском режиме исключительно не благоприятные. Лучшие представители итальянского искусства эмигрировали за границу. Остались лишь бездарные ремесленники»⁶⁰.

М.В. Крюков в упоминавшейся выше книге отмечал коренное отличие архитектурной мысли СССР и Италии: «По существу, мы наблюдаем здесь (в фашистской Италии. — В.Н.) движение, которое противоположно нашему советскому движению в архитектуре: пять-шесть лет тому назад у нас тоже процветал конструктивизм; затем мы постепенно отошли от упрощенных форм и сейчас внимательно и критически изучаем классику и стремимся к синтезу

искусств — архитектуры, скульптуры, живописи»⁶¹. Действительно, для советских архитекторов 1930-х годов одним из приоритетных направлений являлось научное переосмысление достижений классического искусства. Наследие античности и Ренессанса занимало в данном процессе едва ли не основное место.

В середине 1930-х годов член-корреспондент Академии архитектуры А.Г. Габричевский возглавил работу по изданию классических трактатов по теории архитектуры, написанных представителями итальянского Возрождения⁶². Впечатляет масштаб работы, проделанной Габричевским и его коллегами. Буквально за несколько лет им удалось подготовить и издать фундаментальные труды Филиппо Брунеллески (Брунелеско)⁶³, Леона Баттиста Альберти⁶⁴, Андреа Палладио⁶⁵, Барбаро Даниеле и Джузеппе Сальвиата⁶⁶, Виньола⁶⁷, а также древнеримского архитектора и инженера Витрувия⁶⁸. Были выпущены в свет и другие книги, посвященные творчеству виднейших представителей классической итальянской архитектуры эпохи Ренессанса⁶⁹.

Между тем, политические и дипломатические отношения между СССР и Италией все еще оставляли желать лучшего. 8 сентября 1937 г. заместитель Народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкин сообщал Сталину о содержании своей беседы с послом Италии в СССР А. Россо. В ответ на заявление Россо о том, что, являясь по натуре оптимистом, он сохраняет «уверенность в возможности дружественного сотрудничества Италии и СССР», Потемкин категорически заявил буквально следующее: «Это сотрудничество завершилось в 1933 году заключением советско-итальянского Пакта о дружбе и ненападении. К сожалению, некоторые события жизни международной разделили обе страны, причем Италия оказалась в лагере тех, которые проявляют открытую враждебность к СССР». По мнению В.П. Потемкина, «правильно понятые национальные интересы Италии» были не совместимы с итало-германским сотрудничеством⁷⁰.

6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к «антикоминтерновскому пакту». Таким образом, завершилось создание агрессивного тройственного блока Германии, Японии и Италии. В преддверии подписания германо-итало-японского соглашения Б.Е. Штейн запросил Народный комиссариат иностранных дел СССР по поводу того, будет ли Москва заявлять протест или делать какое-либо официальное заявление по этому поводу. Однако заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков посчитал, что никаких официальных заявлений делать не следует. По мнению Стомонякова, в создавшейся

международной обстановке, в условиях обострения отношений с Италией, заявление протеста по поводу «антикоминтерновского пакта» являлось «нецелесообразным, ибо он, без особой к тому нужды, мог бы послужить лишь толчком для новой кампании против СССР»⁷¹. В то же время в тексте составленного Б.С. Стомоняковым проекта постановления ЦК ВКП (б) по данному вопросу, в частности, содержалась следующая мысль: «Полагаю, что нам следует отозваться на подписание Тройственного соглашения не только опубликованием благоприятных с нашей точки зрения отзывов иностранных газет, но и передовыми статьями в “Правде” и “Известиях”»⁷².

Сталин собственноручно написал следующий текст постановления Политбюро «Об Италии», которое было принято опросом его членов 5 ноября 1937 г.: «Спокойно заявить итал[ьянскому] пра[вительству], что заключение соглашения с Японией (Подчеркнуто карандашом при чтении документа. — *В.Н.*) противоречит Пакту о дружбе между СССР и Италией и является недружелюбным актом против СССР»⁷³. В отредактированном, сталинском варианте постановления ЦК не было ни слова о развертывании в советской печати пропагандистской кампании, как это предлагал Б.С. Стомоняков.

Следует отметить, что тема германо-итальянского военного сближения вообще и немецко-итальянская интервенция в Испании, в частности, являлись во второй половине 1930-х годов одними из наиболее популярных сюжетов советской политической карикатуры⁷⁴. В 1938 г. вышел в свет альбом карикатур Б.Е. Ефимова «Поджигатели войны». В рецензии на это издание Ф. Кандыба, в частности, писал: «Он (Б.Е. Ефимов. — *В.Н.*) зло высмеивает магию величия неудачливого цезаря Муссолини, разоблачает суть победы фашистского оружия над безоружным противником или мирными жителями»⁷⁵.

В разгар гражданской войны в Испании редакция журнала «Знамя» посчитала необходимым опубликовать три дневника, авторами которых являлись итальянские чернорубашечники, которые воевали против республиканцев на испанской земле. В комментариях к этой публикации писатель и публицист И.Г. Эренбург подчеркивал: «Я знал, что фашисты жестоки и тупы, я знал, что это варвары и насильники. Я не знал, до чего они ничтожны»⁷⁶.

В период наибольшего обострения советско-итальянских отношений имел место следующий эпизод, который, как представляется, достаточно красноречиво иллюстрирует характер советской культурной дипломатии.

В 1936 г. в СССР с гастролями побывал итальянский дирижер В. Ферреро. На сцену Большого зала Московской консерватории он выходил, имея на лацкане концертного фрака значок фашистской итальянской партии, что было оставлено без внимания советской прессой⁷⁷. Гастроли В. Ферреро в Москве проходили как раз в тот момент, когда с подачи Сталина развернулась жесткая идеологическая «проработка» композитора Д.Д. Шостаковича, автора оперы «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова»), обвиненного в формализме⁷⁸.

В начале 1938 г. В. Ферреро встретился в советском полпредстве в Риме с Б.Е. Штейном. Содержание состоявшегося во время этой встречи разговора с итальянским дирижером и свои размышления по данному вопросу Штейн изложил в письме, направленном 19 января 1938 г. председателю Комитета по делам искусств (КДИ) при СНК СССР. Как оказалось, В. Ферреро обратился к Б.Е. Штейну с просьбой, исходившей от главного дирижера римской королевской оперы Т. Серафина, который хотел поставить «Катерину Измайлову» Д.Д. Шостаковича. Серафин намеревался достать (через Штейна) партитуру и получить разрешение на постановку этой оперы в Риме. Б.Е. Штейн констатировал в своем письме, направленном председателю КДИ, что не мог дать В. Ферреро определенного ответа, высказав при этом сомнение, захочет ли сам Д.Д. Шостакович, «чтобы была поставлена опера, вызвавшая такую критику». Штейн заканчивал свое письменное обращение к руководству Комитета по делам искусств при СНК СССР как истинный дипломат: «Ввиду того, что Вили Ферреро является одним из немногих представителей итальянских культурных кругов, поддерживающих отношения с полпредством, я бы Вас очень просил, независимо от характера Вашего решения, сообщить мне, что следует ответить Ферреро и, в случае отказа, какую наиболее удобную версию отказа ему дать».

Музыковед Е.С. Власова, которая впервые ввела этот документ в научный оборот, предположила, что, отсылая свое письмо в Москву, Б.Е. Штейн уже знал о снятии с должности председателя Комитета по делам искусств П.М. Керженцева. Она также не исключала вероятности разговоров о возможности постановки упомянутой оперы Д.Д. Шостаковича, которые происходили между Б.Е. Штейном и итальянскими музыкантами и ранее. Е.С. Власова писала: будучи опытным дипломатом и влиятельным чиновником, Штейн «отдавал себе отчет в том, что смена руководства Комитета по делам искусств означала и некую смену курса в управлении культурой». Она устанавливала прямую связь между триумфальной

премьерой Пятой симфонии Д.Д. Шостаковича (21 ноября 1937 г.), получившей широкий резонанс в зарубежной прессе, принятым в начале января 1938 г. высшим советским руководством предложением заведующего отделом партийных органов ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова о снятии П.М. Керженцева с поста начальника КДИ и вышеупомянутым письмом Б.Е. Штейна. По ее словам, Римская опера и ее директор, «авторитетнейший дирижер, блестящий музыкант Т. Серафин, руководивший La Scala и Metropolitan Opera, были крайне заинтересованы первыми возобновить прерванную исполнительскую историю оперы Шостаковича, осуществить ее итальянскую премьеру».

Однако ответ на запрос Б.Е. Штейна был отправлен Комитетом по делам искусств лишь 22 марта 1938 г. Письмо подписал исполнявший обязанности заведующего международным бюро Комитета по делам искусств И.В. Канишевский. По мнению Е.С. Власовой, вышестоящие инстанции не хотели акцентировать внимание на предмете обсуждения: руководство КДИ «переводило диалог на более низкий уровень».

Переписка Б.Е. Штейна и Л.Б. Гельфанда с Комитетом по делам искусств при СНК СССР по вопросу о возможности постановки в Риме оперы Д.Д. Шостаковича «Катерина Измайлова» продолжалась целых девять месяцев! 14 сентября 1938 г., после того, как Л.Б. Гельфанд вновь напомнил о просьбе итальянской стороны, И.В. Канишевский в докладной записке на имя заместителя председателя КДИ Б.М. Храпченко констатировал: «Мы считаем посылку в Италию “Катерины Измайловой”, как произведения, осужденного за формализм, нецелесообразной».

Окончательно вопрос был решен лишь после того, как к его решению подключили автора названного музыкального произведения. В своей записке, направленной 27 сентября 1938 г. в Управление музыкальных учреждений Комитета по делам искусств, Д.Д. Шостакович сообщал следующее. Еще 7 сентября начальник этого управления М.А. Гринберг уведомил его, «что в фашистской Италии» хотят ставить оперу «Леди Макбет Мценского уезда». Свое решение Д.Д. Шостакович сформулировал в упомянутой записке: «Я категорически возражаю против постановки этого произведения и прошу никаких материалов не высылать».

М.А. Гринберг переправил записку с изложением заявления Д.Д. Шостаковича руководству Комитета по делам искусств при СНК СССР. Е.С. Власова считала, что вплоть до начала октября 1938 г. «происходили активные согласования между КДИ и Агитпропом, как, с какой мотивацией ответить итальянцам». Согласно

ее предположению, изложенный Д.Д. Шостаковичем текст на самом деле был сформулирован не им самим, а надиктован кем-то другим. Так или иначе, 17 октября 1938 г. Б.М. Храпченко сообщал в своем письме, адресованном в полпредство СССР в Италии, что Комитет по делам искусств передал просьбу Римского оперного театра о предоставлении ему партитуры «Катерины Измайловой». Д.Д. Шостакович, как подчеркивалось в этом письме, «заявил, что он категорически возражает против постановки этого произведения в фашистской Италии и просил Комитет (по делам искусств. — *В.Н.*) никаких материалов Римскому оперному театру не высылать»⁷⁹.

В подготовленном Иностранной комиссией Союза советских писателей обзоре материалов немецкого антифашистского журнала «Нейе вельтбюне» за 1938 г., в частности, приводился перевод с немецкого языка заметки, озаглавленной «Опасная опера». Сообщалось, что Италия вступила на путь «устранения классиков»: «Итальянские фашисты решили снять с репертуара известную оперу Верди “Аида”. Причина в том, что, по их мнению, в ней можно усмотреть намеки на современные события в Абиссинии. Они опасаются, что смотря оперу [...] современный зритель произвольно вспомнит о горящих селениях в Абиссинии. Исходя из этого, итальянское министерство пропаганды приняло решение признать оперу Верди несвоевременной»⁸⁰. Трудно сказать, насколько объективна была информация, изложенная в приведенной заметке, поскольку отсутствует ссылка на то, какое именно официальное учреждение приняло решение о снятии с репертуара оперы Дж. Верди «Аида».

В данной связи следует напомнить, что в СССР (как и в фашистской Италии) в 1930-е годы осуществлялась цензура по установлению «четких критериев» в оценке текущего музыкального репертуара. Все советские оперные и балетные, равно как и драматические театральные постановки тщательно классифицировались («литировались») Главным комитетом по контролю за зрелищем и репертуаром (Главреперткомом).

При этом литера «А» присваивалась произведениям, наиболее приемлемым «по идеологической установке» и поэтому рекомендуемым для повсеместного исполнения. «По линии классического репертуара» литера «А» давалась тем из них, которые «при наличии высокого формального совершенства в своей социально-политической значимости» не потеряли «значения для советской аудитории».

Литера «Б» присваивалась постановкам, «вполне идеологически приемлемым». Применительно к классическому музыкальному репертуару это означало соответствие следующим критериям Главреперткома: «выдающиеся формальные достоинства» и «крайняя незначительность с точки зрения социальной значимости».

Наконец, литера «В» ориентировала на «неполную идеологическую выдержанность», на «нечеткую расплывчатую идеологическую установку», а в произведениях классического репертуара — вообще, «на спорность и сомнительность»⁸¹.

Согласно Репертуарному указателю Главреперткома 1934 г., были разрешены к постановке в СССР зарубежные оперы 85-ти наименований, из них 33 итальянских. Последние распределялись, согласно классификации Главреперткома, следующим образом⁸²:

Литера «А»

1. Верди Дж. «Аида».
2. Верди Дж. «Отелло».
3. Россини Дж. «Севильский цирюльник».

Литера «Б»

4. Беллини В. «Норма».
5. Беллини В. «Сомнамбула».
6. Беллини В. «Капулетти и Монтекки».
7. Бойто А. «Мефистофель».
8. Бойто А. «Геро и Леандр».
9. Верди Дж. «Дон Карлос».
10. Верди Дж. «Риголетто».
11. Верди Дж. «Травиата».
12. Верди Дж. «Фальстаф».
13. Верди Дж. «Эрнани».
14. Доницетти Г. «Дон Паскуале».
15. Доницетти Г. «Дочь полка».
16. Доницетти Г. «Любовный напиток».
17. Леонкавалло Р. «Паяцы».
18. Масканьи П. «Сельская честь».
19. Паизиелло Д. «Севильский цирюльник».
20. Пуччини Д. «Богема».
21. Пуччини Д. «Тоска».
22. Пуччини Д. «Мадам Баттерфляй».
23. Пуччини Д. «Турандот».
24. Чимароза Д. «Тайный брак».

Литера «В»

25. Верди Дж. «Бал-маскарад».
26. Верди Дж. «Навуходоносор».
27. Верди Дж. «Ломбардцы».
28. Верди Дж. «Макбет».
29. Верди Дж. «Трубадур».
30. Вольф-Феррари Э. «Четыре самодура».
31. Доницетти Г. «Луcreция Борджа».
32. Доницетти Г. «Лючия де Ламермур».
33. Доницетти Г. «Фаворитка».

Приведенный перечень свидетельствует о том, насколько популярной была в СССР в 1930-е годы классическая итальянская опера. При этом «лидирующее» место в советском оперном репертуаре занимали именно произведения Дж. Верди (в том числе — запрещенная якобы к постановке в фашистской Италии «Аида») и Дж. Россини.

Примечательно, что избранные произведения итальянских композиторов-классиков неизменно исполнялись во время праздничных концертов, сопровождавших торжественные приемы (банкеты) в Большом Кремлевском дворце с участием Сталина, которые устраивались для представителей советской элиты. Программы этих праздничных концертов составлялись, исходя из эстетических предпочтений большевистского вождя и его ближайших соратников Комитетом по делам искусств при СНК СССР, и предварительно визировались Председателем СНК В.М. Молотовым либо кем-либо из числа членов Политбюро ЦК ВКП (б)⁸³. Как явствует из сохранившихся программ праздничных кремлевских концертов 23 августа 1937 г., 2 и 17 мая 1938 г., 5 мая 1939 г., 4 ноября 1939 г., 17 июня 1940 г., 22 апреля 1941 г., на них исполнялись произведения Дж. Верди, Дж. Россини, Р. Леонкавалло, Дж. Пуччини⁸⁴.

В 1938—1939 гг. журнал «Интернациональная литература» охотно предоставлял свои страницы французскому публицисту Г. Одицио, автору таких книг, как «Юность Средиземноморья», «Соль моря», «Любовь к Алжиру»⁸⁵. Они были «проникнуты протестом против империалистических притязаний Италии в бассейне Средиземного моря». Поскольку Одицио выступал «на стороне Франции против Италии», редакция «Интернациональной литературы» возвела его «в ранг передового писателя, борца с реакцией и фашизмом»⁸⁶.

В Советском Союзе после прихода к власти в Германии национал-социалистов проживали представители германской интеллигенции,

придерживавшиеся в основном левых взглядов, а также те из них, кто был причислен к разряду «неарийцев» за свое национальное происхождение. Проявлявших симпатию к СССР, настроенных одновременно негативно по отношению к нацистскому режиму представителей немецкой культуры в Москве автоматически рассматривали как антифашистов. Советские пропагандистские ведомства стремились использовать их в своих политических целях, в частности, для решения насущных задач культурной дипломатии. При этом «писатели-антифашисты», привлекавшиеся к решению этих задач, неизбежно сталкивались с реалиями советской политической цензуры. В данной связи несомненный интерес представляет произошедшая в 1938 г., в период наибольшего обострения советско-итальянских отношений, история с художественным произведением немецкого писателя-антифашиста А. Шаррера, романом «Семья Шуман».

Прежде чем принять роман к публикации, руководитель Литературного Агентства и редактор Издательства «Международная книга» К.А. Уманский поручил отредактировать его текст немецкому эмигранту Ф. Лешницеру, члену Коммунистической партии Германии, сотрудничавшему в немецкоязычном издании журнала «Интернациональная литература». В обязанности Ф. Лешницера, как он отмечал в письме от 5 августа 1938 г., направленном в Немецкую комиссию Союза советских писателей, «входила не только стилистическая обработка рукописи, но также всех возможно сомнительных с политической точки зрения формулировок».

При личной встрече с Ф. Лешницером К.А. Уманский процитировал одно из показавшихся ему «крамольным» высказываний, которое в романе А. Шаррера было вложено в уста социал-демократа В. Шумана: «Германия — это не Италия, а также и не Россия». Как подчеркивал Лешницер в упомянутом письме, было «совершенно ясно, что эта фраза в романе Шаррера никоим образом не означает, что Шаррер отождествляет фашистскую Италию с Социалистическим Советским Союзом». Наоборот, по мнению Лешницера, она иллюстрировала то, «как некоторые социал-демократы стремились к тому, чтобы привить своим сторонникам страх перед пролетарской диктатурой, и как они демагогически ставили знак равенства между фашизмом и большевизмом...». Однако К.А. Уманский продолжал настаивать на своем: «Безразлично, какой автор вводит такие высказывания, какому персонажу в романе он ее вкладывает в уста — я, если бы был цензором, запретил бы роман только из-за одного этого высказывания, и поставил бы вопрос об исключении из партии редактора, который пропустил подобное высказывание»⁸⁷.

Примерно в это же время проживавший в Москве член Коммунистической партии Германии писатель-антифашист А. Курелла закончил написание рассказа из жизни итальянской рабочей молодежи, названного им «Преступление Джулио Ноэми». Курелла следующим образом излагал сюжет этого произведения, в котором описывались события из жизни рабочих серных приисков в южной Сицилии: «Группа юных рабочих, воспитанных в духе итальянского фашизма, втягивается, попав на предприятие и в условия самой бесстыдной эксплуатации, в классовую борьбу и подвергает ревизии, или лучше говоря, “перестановке вверх ногами” вдолбленных фашистских понятий о “труде”, “чести”, “нации” и пр. Внешнее действие разворачивается вокруг образа старого рабочего, ранее люмпен-пролетария, агента мафии, а затем батрака, в настоящее время рабочего на серных приисках, Джулио Ноэми, которого по выдвинутому одним из местных фашистских бонз обвинению в убийстве мальчика приговаривают к смерти и казнят. Судебный процесс Джулио Ноэми вызывает сильную бурю, которая охватывает широкие круги, вплоть до верхушек бюрократии в Риме».

По мнению А. Куреллы, «ввиду предполагаемой позиции Италии в европейской войне», тема его рассказа являлась актуальной, поскольку ее раскрытие давало «возможность через итальянский фашизм — который ведь сам называет себя официально фашизмом! — затронуть проблемы, касающиеся фашизма вообще», в частности, — «фашизм и молодежь», «преломление фашистской демагогии в социалистическое мышление у рабочего класса». Летом 1939 г. его рассказ был включен в план на 1940 г. издательств «Укрдержнацменвидав» (Киев) и «Молодая Гвардия» (Москва)⁸⁸.

Однако после подписания пакта Риббентропа — Молотова (23 августа 1939 г.) и договора о дружбе и границе между СССР и Германией, с началом германо-советского сближения, писатели-антифашисты были вынуждены отказаться от обличения как нацистского режима в Германии, так и фашистской диктатуры в Италии, довольствуясь лишь той тематикой, которая представлялась им более «нейтральной»⁸⁹.

Таким образом, во второй половине 1930-х годов осуществлению задач советской культурной дипломатии в Италии как политико-идеологического проекта препятствовали многочисленные помехи объективного и субъективного характера. Главным из них являлось то, что данный период являлся наиболее сложным в истории советско-итальянских отношений. Будучи военным союзником нацистской Германии, фашистская Италия проводила на международной арене такой курс, который не мог не вызывать оза-

боченности советского руководства. Во второй половине 1930-х годов между Советским Союзом и Италией наблюдался резкий спад политических отношений. Культурные связи носили явно односторонний характер: советская сторона стремилась использовать любую возможность, в первую очередь, проводившиеся на итальянской земле международные художественные, архитектурные, кинематографические выставки и фестивали для демонстрации собственных достижений в этих областях. Параллельно советская пропаганда внутри страны давала понять, что культурная жизнь в Италии при Муссолини подчинена политическим задачам, поставленным фашистским режимом, и уже по этой причине вызывала неприятие и волну критических выступлений в средствах массовой информации в СССР. При этом всячески подчеркивалось духовное превосходство советской художественной культуры над фашистской. Начиная с 1935 г. большевистская печать вела непрекращающиеся «газетные войны» против итальянской, которые принимали особенно широкий размах в периоды наибольшего обострения советско-итальянских политических отношений.

Однако несмотря даже на попытки Кремля как-то сгладить идеологические противоречия между большевизмом и итальянским фашизмом, шансы для осуществления задач советской культурной дипломатии в Италии во второй половине 1930-х годов оказались весьма ограниченными. Не будучи обеспеченной благоприятной политической обстановкой, она, в конечном счете, оказалась фактически не действенной.

¹ *Голомисток, И.* Тоталитарное искусство. — М., 1994. — С. 54.

² *Хормач, И.А.* СССР — Италия, 1924—1939 гг. (дипломатические и экономические отношения). — М., 1995. — С. 170.

³ Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП (б)-ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917—1953. — М., 1999. — С. 168, 749, примеч. 51.

⁴ *Максименков, Л.В.* Сумбур вместо музыки: сталинская культурная революция 1936—1938. — М., 1997. — С. 63.

⁵ *Боярчиков, А.И.* Воспоминания А.И. Боярчикова. — М., 2003. — С. 88, 89, 91.

⁶ *Дюллен, С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930—1939 гг. — М., 2009. — С. 75, 162.

⁷ *Канивез, М.В.* Моя жизнь с Раскольниковым // Минувшее. — М., 1992. — Вып. 7. — С. 63.

⁸ Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: документы и комментарии. — М., 2011. — Т. 1: 1925 — июнь 1941 гг. — С. 571—573. — Док. № 125.

- ⁹ Культурная жизнь в СССР, 1928—1941. Хроника. — М., 1976. — С. 305.
- ¹⁰ Между молотом и наковальней. — Т. 1. — С. 153, 166, примеч. 18.
- ¹¹ *Куманев, В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма: исторический опыт 20-х — 30-х годов. — М., 1987. — С. 84.
- ¹² Между молотом и наковальней. — Т. 1. — С. 153.
- ¹³ *Куманев, В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма ... — С. 107.
- ¹⁴ См.: XVII съезд ВКП (б), 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. — М., 1934. — С. 13.
- ¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 82. — Оп. 2. — Д. 508. — Л. 12.
- ¹⁶ Кремлевский кинотеатр, 1928—1953: документы. — М., 2005. — С. 237, 238 (примеч. 2, 3).
- ¹⁷ *Голомиток, И.* Тоталитарное искусство. — С. 54.
- ¹⁸ *Тихонова, К.* Советские художники на XIX Международной художественной выставке в Венеции // Искусство. — 1935. — № 2. — С. 178—183.
- ¹⁹ Там же. — С. 179.
- ²⁰ Там же. — С. 181. Аналогичной по своему содержанию была еще одна критическая статья, в которой разбирались «недостатки» итальянского изобразительного искусства (см.: *Колпинский, Ю.* Фашизм и монументальное искусство // Искусство. — 1934. — № 6).
- ²¹ *Куманев, В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма ... — С. 107.
- ²² Там же. — С. 135.
- ²³ Путь Гитлера к власти. — М., 1935.
- ²⁴ *Дюллен, С.* Сталин и его дипломаты ... — С. 9.
- ²⁵ Там же. — С. 61, 162.
- ²⁶ *Чиано, Г.* Дневник фашиста, 1939—1943. — М., 2010. — С. 94.
- ²⁷ Цит. по: Сталин и Каганович. Переписка, 1931—1936 гг. — М., 2001. — С. 545.
- ²⁸ *Дюллен, С.* Сталин и его дипломаты ... — С. 184.
- ²⁹ Там же. — С. 179—180.
- ³⁰ *Хормач, И.А.* СССР — Италия, 1924—1939 гг. ... — С. 195, 196.
- ³¹ *Шейнис, З.* Судьба дипломата. Штрихи к портрету Бориса Штейна // Архивы раскрывают тайны...: международные вопросы: события и люди. — М., 1991. — С. 298.
- ³² Лев Толстой об итало-абиссинской войне, 1894—1898 гг. // Известия. — 1935. — 4 окт.
- ³³ *Куманев, В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма ... — С. 111.
- ³⁴ Летопись российского кино, 1930—1945. — М., 2007. — С. 363.
- ³⁵ Там же. — С. 416.
- ³⁶ *Сно, Е.* Итало-абиссинская война. — М., 1936.
- ³⁷ *Хормач, И.А.* СССР — Италия, 1924—1939 гг. ... — С. 198.
- ³⁸ Там же. — С. 196.
- ³⁹ Письма во власть, 1928—1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. — М., 2002. — Док. № 184.
- ⁴⁰ Цит. по: *Шейнис, З.* Судьба дипломата. Штрихи к портрету Бориса Штейна. — С. 297.
- ⁴¹ Летопись российского кино, 1930—1945. — С. 403.
- ⁴² Кремлевский кинотеатр, 1928—1953: документы. — М., 2005. — С. 335.

- ⁴³ Там же. — С. 339.
- ⁴⁴ *Шейнис З.* Судьба дипломата. Штрихи к портрету Бориса Штейна. — С. 298.
- ⁴⁵ Кремлевский кинотеатр, 1928—1953. — С. 428.
- ⁴⁶ Правда. — 1935. — 26 нояб.
- ⁴⁷ *Хормач, И.А.* СССР — Италия, 1924—1939 гг. ... — С. 225.
- ⁴⁸ О международном положении. — [М.], 1937. — С. 78.
- ⁴⁹ Там же. — С. 69.
- ⁵⁰ Там же. — С. 73.
- ⁵¹ *Росси, К.* Пиранделло — поэт отчаяния // Интернациональная литература. — 1937. — № 2; *Колтинский, Ю.Д.* Образ человека в искусстве и фашистский «неоклассицизм» // Там же. — № 7; и др.
- ⁵² Архитектурные записки. Рим — Помпеи — Флоренция — Венеция — Виченца — Париж: из материалов советской делегации на XIII Международном архитектурном конгрессе в Риме. — М., 1937.
- ⁵³ *Белюсов, Л.С.* Бенито Муссолини: диктатура и демократия. — М., 1993. — С. 185, 186.
- ⁵⁴ Комсомольская правда. — 1935. — 18 сент.
- ⁵⁵ Архитектурные записки. — С. 13.
- ⁵⁶ *Крюков, М.В.* Римские заметки // Архитектурные записки. — М., 1937. — С. 41—44.
- ⁵⁷ *Аркин, Д.Е.* Из путевых записей // Там же. — С. 102, 104, 105.
- ⁵⁸ *Веснин, В.А.* О современной итальянской архитектуре // Там же. — С. 148, 149.
- ⁵⁹ Очередной блеф // Интернациональная литература. — 1938. — № 12. — С. 257.
- ⁶⁰ Там же. — С. 258.
- ⁶¹ *Крюков, М.В.* Римские заметки. — С. 41.
- ⁶² Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура: документы, письма, воспоминания. — М., 2011. — Кн. 1. — С. 283.
- ⁶³ Филиппо Брунеллеско. Биография и очерк творчества. — М., МСМXXXV [1935].
- ⁶⁴ *Альберти, Леон Баттиста.* Десять книг о зодчестве: в 2 т. — М., МСМXXXV [1935]—МСМXXXVII [1937]. — Т. 1—2.
- ⁶⁵ *Палладио, Андреа.* Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио, в коиx после краткого трактата о пяти ордерах и наставлений наиболее необходимых для строительства, трактуется о частных домах, дорогах, мостах, площадях, ксистах и храмах. — М., МСМXXXVI [1936]. — [Т. 1].
- ⁶⁶ *Барбаро, Даниеле.* Комментарий к Десяти книгам об архитектуре Витрувия. С приложением трактата Джузеппе Сальвиати о способе точного вычерчивания ионийской волюты. — М., МСМXXXVIII [1938].
- ⁶⁷ *Виньола.* Правило пяти ордеров архитектуры. — М., МСМXXXVI [1939].
- ⁶⁸ *Витрувий.* Десять книг об архитектуре: в 2 т. — М., МСМXXXVI [1936]. — [Т. 1].
- ⁶⁹ *Блом, Ганс М.* V Columnae или описание и применение пяти ордеров. — М., МСМXXXVI [1936]; Архитектура Ренессанса в Тоскане, представленная наиболее замечательными церквями, дворцами, виллами и памятниками. По зарисовкам и обмерам членов и сотрудников общества Сан Джорджо во Флоренции А. Видмана, Фр. О. Шульц, П. Генчеля... [и др.]...: в 2 вып. — М., 1936—1938. Вып. 1: Филиппо ди Сер Брунеллеско; Вып. 2: Микелоццо

- ди Бартоломмео. Донато ди Николо ди Берти Барди, прозванный Донателло. Андреа дель Верроккио. Якопо делла Кверча, прозванный Джакомо дела Фонте ди Сиена. Семейство скульпторов делла Роббиа. Андреа ди Ладзаро Кавальканти, прозванный Буджано.
- ⁷⁰ Москва — Рим: политика и дипломатия Кремля, 1920—1939. — М., 2002. — С. 432—434. — Док. № 240.
- ⁷¹ Там же. — С. 436—438. — Док. № 242.
- ⁷² Там же. — С. 437.
- ⁷³ Там же. — С. 438. — Док. № 243.
- ⁷⁴ Подробнее об этом см. статью А.В. Голубева «Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода» в данном сборнике.
- ⁷⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). — Ф. 615. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 59.
- ⁷⁶ Знамя. — 1937. — № 6. — С. 133.
- ⁷⁷ *Власова, Е.С.* 1948 год в советской музыке: документальное исследование. — М., 2010. — С. 184.
- ⁷⁸ Подробнее об этой компании см.: *Максименков, Л.* Сумбур вместо музыки. — С. 72—112; *Власова, Е.С.* 1948 год в советской музыке. — С. 164—180.
- ⁷⁹ *Власова, Е.С.* 1948 год в советской музыке. — С. 184—185.
- ⁸⁰ РГАЛИ. — Ф. 1397. — Оп. 1. — Д. 271. — Л. 19.
- ⁸¹ *Власова, Е.С.* 1948 год в советской музыке. — С. 47.
- ⁸² Составлено по: Там же. — С. 54—62, табл. 1.
- ⁸³ Там же. — С. 404; *Невежин, В.А.* Застолья Иосифа Сталина. — М., 2011. — Кн. 1: Большие кремлевские приемы [1930-х — 1940-х гг.]. — С. 398, примеч. 2.
- ⁸⁴ *Власова, Е.С.* 1948 год в советской музыке. — С. 404; *Невежин, В.А.* Застолья Иосифа Сталина. — Кн. 1. — С. 385, 386, 389, 391, 392, 400 (Прил. № 1).
- ⁸⁵ Интернациональная литература. — 1938. — № 5, 9; 1939. — № 5—6.
- ⁸⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 32. — Л. 108.
- ⁸⁷ РГАЛИ. — Ф. 631. — Оп. 13. — Д. 83. — Л. 100, 101.
- ⁸⁸ Там же. — Оп. 12. — Д. 83. — Л. 9, 13—17.
- ⁸⁹ Подробнее об этом см.: *Невежин, В.А.* Специфика советской культурной дипломатии в условиях сближения СССР и Германии (1939—1941 гг.) // Проблемы российской истории. — М.; Магнитогорск, 2010. — Вып. 10. — С. 206—226.

Сведения об авторах

- Агеева Ольга Гениевна** — доктор исторических наук, Институт российской истории
- Агости Альдо** — профессор, Туринский университет
- Аурова Надежда Николаевна** — кандидат исторических наук, Институт российской истории
- Бертолисси Серджио** — профессор, Неаполитанский университет «Л'Ориентале»
- Голубев Александр Владимирович** — кандидат исторических наук, Институт российской истории
- Каталано Пьеранджело** — ординарный профессор senior Римского университета «Ла Сапиенца», доктор наук *honoris causa* Российской академии наук.
- Козлов Сергей Александрович** — доктор исторических наук, Институт российской истории
- Манискалько Базиле Джован Баттиста** — профессор, университет «Рома Тре»
- Маркина Людмила Алексеевна** — доктор искусствоведения, Государственная Третьяковская галерея
- Невежин Владимир Александрович** — доктор исторических наук, Институт российской истории
- Пархоменко Татьяна Александровна** — доктор исторических наук, начальник отдела культурного взаимо-действия государства, религии и общества Российского института культурологии
- Перхавко Валерий Борисович** — кандидат исторических наук, Отделение историко-филологических наук РАН
- Плюханова Мария Борисовна** — профессор, университет Перуджи
- Поткина Ирина Викторовна** — доктор исторических наук, заместитель директора по международным научным связям Института российской истории
- Савинова Елена Николаевна** — кандидат исторических наук, Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»
- Семенова Анна Владимировна** — доктор исторических наук, Институт российской истории
- Синискалько Паоло** — профессор, Римский университет «Ла Сапиенца»
- Хормач Ирина Александровна** — доктор исторических наук, Институт российской истории
- Шамин Степан Михайлович** — кандидат исторических наук, Институт российской истории
- Юденкова Татьяна Витальевна** — кандидат искусствоведения, ученый секретарь Государственной Третьяковской галереи

Научное издание

«Друг — зеркало для друга...»

Российско-итальянские общественные и культурные связи
X—XX вв.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О.А. Пруцкова
Компьютерная верстка: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 27.12.2013
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 22,8.
Тираж 300 экз. Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

